

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2023. Том 10. № 3

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2023

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 29.09.2023.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:

355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнов В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

- Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ежова Е. Н.** – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каменский М. В.** – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каширина Т. В.** – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);
- Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
- Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Кузьминов П. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
- Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);
- Мехди Хоссейни Тагибад** – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
- Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
- Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Позднышов А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
- Радбиль Т. Б.** – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);
- Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
- Савина В. С.** – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия);
- Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Стариков Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);
- Цихорацкий П.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
- Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
- Чичман Л.** – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапешт, Венгрия);
- Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
- Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
- Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ширяева Т. А.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия);
- Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

Переводчик-редактор

- Марченко Т. В.** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific journal

ISSN 2409-1030

2023. Volume 10. No. 3

Published four times a year

Stavropol
2023

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanities and law research».

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 09.29.2023.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific journal

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaras Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károlyi Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

- Tamila I. Demchenko** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Alexandra M. Drozdova** – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Elena N. Ezhova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mikhail V. Kamenskii** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana V. Kashirina** – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);
- Yurii Yu. Klychnikov** – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
- Irina N. Klyukovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Marina E. Kolesnikova** – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Irina A. Krasnova** – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Petr A. Kuzminov** – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
- Marina V. Laskova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
- Mehdi Hosseini Tagiabad** – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
- Nadezhda V. Miroshnichenko** – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
- Igor V. Mukhachev** – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Eleonora S. Navasardova** – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Alexey N. Pozdnyshov** – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
- Vasilii V. Popov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
- Timur B. Rudbil** – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);
- Anatolii Ya. Ryzhenkov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
- Victoriya S. Savina** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);
- Svetlana V. Serebriakova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);
- Yurii N. Starilov** – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
- Piotr Cichoracki** – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);
- Sergey E. Channov** – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
- László Csicsmann** – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University "Corvinus" (Budapest, Hungary);
- Iskra Schwarcz** – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
- Tatiana A. Shebzuхова** – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the "North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia);
- Oksana S. Shibkova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana A. Shiryaeva** – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
- Ludmila M. Shcherbakova** – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Translator-editor

- Tatiana V. Marchenko** – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воробьева В. Н. Просопографический портрет участников Великой Отечественной войны по данным Книги памяти Яшкульского района Республики Калмыкия	364
Испанов К. А. Великое герцогство Берг в войнах Наполеона в полевом дневнике лейтенанта Циммерманна	375
Карташев И. В. Ставропольский медицинский институт – фронту.....	383
Каширина Т. В. Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений.....	390
Манджикова Л. Б. Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.)	398
Мартыненко М. А. Историческая политика Польской Народной Республики в российской историографии XXI века	410
Моисеенко А. Ю. Дипломатические поездки первой трети XIX в. и их роль в формировании представлений о Кавказском приграничье и Персии.....	417
Мордовин П. С. «Покажется совершенно невероятной та тишина...»: к оценке военно-политической ситуации на Северном Кавказе после завершения борьбы с мюридизмом.....	425
Немашкалов П. Г., Володькова Е. Н. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв.	431
Пантюхина Т. В. Подготовка управленческой элиты для Британской империи (на примере частной школы Колледж Юнайтед Сервисес)	440

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бочкарева Е. А. Аудиторская проверка по требованию участника хозяйственного общества: вопросы правовой идентификации и правоприменения.....	447
Гонтарь С. Н., Третьяк М. И. Проблемы правовой регламентации и практики реализации норм УПК РФ об охране прав личности в уголовном судопроизводстве.....	453
Маршанкулова Р. Е. Принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность в системе принципов построения и функционирования системы государственной службы.....	459
Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Понятие преступления и классификация преступлений в уголовном праве зарубежных стран.....	466
Пащенко Е. А., Горбань А. В. Институт давности освобождения от уголовной ответственности в отношении преступлений террористической направленности	473
Пивненко Д. Л. Частноправовые аспекты понятия «реконструкция» объектов культурного наследия.....	479
Увайдов М. И. Отдельные проблемы правовой организации федерального государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора)	486
Чернухина В. В. Проблемы профилактики суицидального поведения подростков в образовательной среде и противодействие преступлениям, связанным с деятельностью «групп смерти».....	493

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Айбазова А. М. Аксиологическое пространство карачаево-балкарского кинодискурса (на материале документальных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и художественного фильма на основе реальных событий «Мариям»)	504
Борисова Т. Г. Конситуативная модификация структуры и содержания концепта в русском медиадискурсе	514

Губанова К. А., Горожанов А. И. Применение программы Aegisub в процессе обучения тифлокомментированию	521
Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С. Перцептивная топонимика (на материале географических названий России)	528
Чабанная А. Г., Каменский М. В. Бинарная концептуальная оппозиция «Мы – ОНИ» в современном англоязычном политическом дискурсе.....	538

Рецензия

Беликов А. П. Рецензия на монографию: Телепень С.В. «Полководец и его солдаты (период Принципата). Военное лидерство в древнем Риме». Мозырь: МГПУ им. М.П. Шамякина, 2020. 196 с.	546
--	-----

CONTENTS

HISTORY

Vorobyova V. N. Prosopography Database of the Great Patriotic War Military Servicemen (based on the Memory book of Yashul District of the Republic of Kalmykia)	364
Ispanov K. A. The Grand Duchy of Berg in the Napoleonic Wars in the field diary of Lieutenant Zimmermann	375
Kartashev I. V. Stavropol medical institute to help the front	383
Kashirina T. V. The problem of strategic arms reduction in the context of modern Russian-American relations ...	390
Mandzhikova L. B. Archive Fund I-2 «Kalmyk Affairs Commission» of the National Archive of the Republic of Kalmykia as a source for studying the organization of office work and document management in Kalmykia in the first half of the XIX century (by the example of consideration of the project on smallpox vaccination in Kalmyk ulus, developed by Inspector Solomon in 1832)	398
Martynenko M. A. Historical politics of the Polish People's Republic in the Russian historiography of the XXI century	410
Moiseenko A. Yu. Diplomatic trips in the first third of the XIX century and their role in shaping the idea of the Caucasian borderland and Persia	417
Mordovin P. S. "That silence will seem absolutely incredible...": on the assessment of the military-political situation in the North Caucasus after the end of the fight against Muridism	425
Nemashkalov P. G., Volodkova E. N. Problems of organizing the work of departments of correctional orphanages for juvenile delinquents at the monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar diocese in the late XIX – early XX centuries	431
Pantyukhina T. V. Training of the managerial elite for the British Empire (a case study of public school the United Services College)	440

LEGAL SCIENCES

Bochkareva E. A. Audit at the request of a member of a business entity: issues of legal identification and law enforcement	447
Gontar S. N., Tretiak M. I. Problems of legal construction and practice of implementation of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the protection of individual rights in criminal proceedings	453
Marshankulova R. E. The principle of protecting civil servants from unlawful interference in their professional activities in the system of principles for the construction and functioning of the civil service system	459
Miroshnichenko N. V., Maksimov V. Yu. The concept of crime and the classification of crimes in the criminal law of foreign countries	466
Pashenko E. A., Gorban A. V. The institute of limitation of exemption from criminal liability in respect of crimes of a terrorist nature	473
Pivnenko D. L. Private legal aspects of the concept of «reconstruction» of cultural heritage objects	479
Uvaïdov M. I. Some problems of the legal organization of the federal state quarantine phytosanitary control (supervision)	486
Chernukhina V. V. Problems of preventing suicidal behavior of adolescents in the educational environment and countering right violation (crimes) related to the activities of «death groups»	493

PHILOLOGICAL SCIENCES

Aibazova A. M. The axiological space of the Karachay-Balkar film discourse (on the material of documentary films about the deportation: "Khorlatmaz adam esi", "Sad Pages of Fate", and the feature film "Mariam" based on real events)	504
Borisova T. G. Constitutive structure and content modification of the concept in Russian media discourse	514
Gubanova K.A., Gorozhanov A. I. Applying Aegisub in Classroom of Audio Describers	521
Peredrienko T. Yu., Balandina E. S. Sensory toponymy (on the material of Russian geographical names)	528
Chabannaya A. G., Kamensky M. V. Binary conceptual opposition "WE – THEY" in modern English political discourse	538

REVIEW

Belikov A. P. Review of the monograph: Telepen S.V. "The commander and his soldiers (Principate period). Military Leadership in Ancient Rome». Mozyr: MSPU named after M.P. Shamyakin, 2020. 196 p.	546
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Научная статья

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.1>

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ДАННЫМ КНИГИ ПАМЯТИ ЯШКУЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Валентина Николаевна Воробьева¹¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)

Младший научный сотрудник

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1527-7021> E-mail: valenti9708@gmail.com

Аннотация. Введение. В статье анализируется база данных военнослужащих – участников Великой Отечественной войны, призванных из Яшкульского района Республики Калмыкия. **Материалы и методы.** База данных была составлена на основе книги памяти Яшкульского района Республики Калмыкия, в которой содержится аннотированный список 2 051 воинов-участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., большей частью призванных из Калмыкии. Целью данного исследования является составление просопографического портрета участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по данным районной книги памяти на примере Яшкульского района Республики Калмыкия. **Анализ.** Анализ проводился по следующим параметрам: время и место рождения и призыва, воинское звание, награды, место и время службы на момент потери и категория потери. В ходе анализа выяснилось, что наибольшее количество потерь наших земляков относится к категории «пропавшие без вести» в 1942–1943 гг. в объединениях южного направления. Анализ по воинским званиям показал, что большинство из них относится к рядовому составу. **Результаты.** Результаты исследования показывают, что данная книга памяти содержит ценные сведения о военнослужащих,

призванных из Калмыцкой АССР, которые позволят оценить вклад жителей Яшкульского района Республики Калмыкия в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., Калмыцкая АССР, Яшкульский район, Красная армия, книга памяти, безвозвратные потери, база данных, статистический анализ.

Благодарности: исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Воробьева. В. Н. Просопографический портрет участников Великой Отечественной войны по данным книги памяти Яшкульского района Республики Калмыкия // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 364–374. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.1>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 22.08.2023.

Статья принята к публикации: 30.08.2023.

Research article

PROSOPOGRAPHY DATABASE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR MILITARY SERVICEMEN (BASED ON THE MEMORY BOOK OF YASHUL DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Valentina N. Vorobyova¹¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Junior Researcher

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1527-7021> E-mail: valenti9708@gmail.com

Abstract. Introduction. The paper deals with statistical analysis of the database of the Great Patriotic War military servicemen conscripted in the Yashul District of the Republic of Kalmykia. **Materials and Methods.** The database was compiled on the base of Memory book of Yashul District of the Republic of Kalmykia which contains annotated lists of

2 051 Red Army military servicemen from the Great Patriotic War of 1941–1945 largely conscripted in the Kalmyk ASSR. The paper aims to compile the prosopography database of the Great Patriotic War military servicemen in 1941–1945 on materials of Memory book of Yashul District of the Republic of Kalmykia as a sample of regional Memory

© Воробьева В. Н., 2023

book. **Analysis.** The analysis was carried out by place of birth and conscription, military rank, awards, place and date of service and type of losses. The work shows that the main part of losses regards to MIAs (missing in action) of 1942–1943 in military associations of southern direction. **Results.** The analysis shows that the Memory book contains valuable data on servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR which will assess the contribution of the residents of the Yashkul district of the Republic of Kalmykia to the victory in the Great Patriotic War 1941–1945.

Keywords: Great Patriotic War, Kalmyk ASSR, Yashkul district, Red Army, memorial book, fatal casualties, database, quantitative analysis

Введение. В годы Великой Отечественной войны народы СССР отстаивали свою свободу и будущее в жесточайшей борьбе с самым опасным и сильным врагом в истории страны. Мемориализация имен участников Великой Отечественной войны осуществляется разными путями, в том числе составлением книг памяти, которые содержат в себе списки воинов-участников войны (в первую очередь, погибших и пропавших без вести). Эти книги (помимо всего прочего) очень ценны как источники по изучению масштабов потерь в Великой Отечественной войне, в том числе на разных этапах войны.

В Республике Калмыкия на данный момент опубликовано 4 тома региональной Книги памяти «Память. САНЛ», в которые включены имена почти 35 тыс. персоналий [19; 20; 21; 22]. Кроме того, подобные работы начали издаваться по отдельным районам и селам Калмыкии. В настоящее время опубликованы книги памяти по 5 районам Республики Калмыкия: Малодербетовскому [9; 10; 11; 12] (данные книги памяти представлены в электронном виде), Приютненскому [18], Целинному [2], Черноземельскому [24], Яшкульскому [8]. Также опубликованы книги памяти 3 населенных пунктов: Артезиана [1], Эрдниевского [3], Чилгира [13]. Эти книги составлялись по разным принципам и источникам, что, конечно же, отразилось на их информативности и ценности. Среди районных и сельских книг памяти наиболее информативной следует признать книгу памяти Яшкульского района Республики Калмыкия, которая и стала предметом нашего исследования.

Материалы и методы. Главным источником для составления базы данных послужил аннотированный список воинов-участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., опубликованный в книге памяти Яшкульского района Республики Калмыкия. В работе был использован широкий спектр научных методов, как общенаучных (типологизация, анализ и др.), так и специально-исторических (историко-сравнительный, историко-системный и др.). Также применяются статистический метод и метод экстраполяции.

Основной целью статьи является составление просопографического портрета участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по

Acknowledgments: the reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Vorobyova V. N. Prosopography Database of the Great Patriotic War Military Servicemen (based on the Memory book of Yashul District of the Republic of Kalmykia). Humanities and law research. 2023;10(3):364-374 (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.1>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 22.08.2023.

The article was accepted for publication: 30.08.2023.

базе данных, извлеченных из книги памяти Яшкульского района [8], вышедшей к 70-летию победы над Германией. Составители (фактически большую часть работы провела Т. Б. Инджиева) постарались использовать максимально возможное количество источников для поиска сведений о жителях Яшкульского района: республиканская книга памяти «Память. САНЛ» в 4 томах [19; 20; 21; 22], книга памяти воинов-строителей Широковской ГЭС [25], электронные базы данных ОБД «Мемориал» [14] и «Подвиг народа» [15], архивные материалы Национального архива Республики Калмыкии и документы районных архивов, а также подворовые обходы. Следует заметить, что отличительной особенностью данной книги является информация о наградах военнослужащих, чего нет в других книгах памяти региона. В этой работе в списках участников войны составители постарались привести максимально возможные сведения об участниках войны: фамилия, имя, отчество; год и место рождения; год и место призыва; воинское звание; должность; награды; место службы, год и место гибели или пропажи без вести (если этот факт имел место); образование (присутствует частично). К сожалению, в книге не представлена информация о национальности, что не дает возможности провести анализ по этому признаку.

Анализ. В книге памяти Яшкульского района имеется ряд аннотированных списков. Основной список содержит сведения о 1 620 участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., представленных в алфавитном порядке. Кроме того, приведены списки воинов-строителей Широковской ГЭС (149 чел.), военнослужащих, погибших в немецком плену (21 чел.), награжденных участников Великой Отечественной войны (257 чел.), строителей железной дороги Астрахань–Кизляр (4 чел.). В результате, книга памяти Яшкульского района содержит данные по 2 051 персоналии с краткими биографическими сведениями. Выяснилось, что 420 персоналий из списков воинов-строителей Широковской ГЭС, награжденных и погибших в плену дублируются в основном списке. Информация по этим людям при составлении базы данных была объединена. Поскольку

основной анализ проводился только с военнослужащими Красной армии, из дальнейшего анализа были исключены 4 участника строительства железной дороги Астрахань–Кизляр.

Кроме того, в основном списке участников войны мы зафиксировали повторы персоналий: 14 военнослужащих указаны дважды. Например, Маханиев Каунаш Торчиевич, 1902 г. рождения, уроженец Черноземельского района Калмыцкой АССР, призванный Черноземельским РВК, рядовой 87-й гвардейской стрелковой дивизии (далее – сд), погибший 22.07.1943 г. [8: 68], указан также, как Махошиев Каунаш, 1902 г. рождения, уроженец Калмыцкой АССР, призванный Черноземельским РВК, красноармеец 262-го гвардейского стрелкового полка (далее – сп) 87-й гв. сд, погибший 22.07.1943 г. [8, с. 68]. Из последующего анализа эти 14 персоналий были исключены.

В отдельную базу данных были выделены 70 чел., призванных из-за пределов Калмыцкой АССР. Абсолютное большинство из них призывалось из приграничных с Калмыкией регионов: Сталинградской области – 26 чел. (в том числе Астраханского округа – 17 чел.); Орджоникидзевского края – 11 чел.; Ростовской области – 6 чел. Среди регионов, не граничивших с Калмыцкой АССР, присутствуют: Казахская ССР – 5 чел., Московская область – 4 чел., Украинская ССР – 3 чел., Дагестанская АССР и Кировская область – по 2 чел., Крымская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Хабаровский край, Ивановская, Мурманская, Омская, Смоленская, Тамбовская, Уссурийская области – по 1 чел. Двое военнослужащих были призваны полевыми военкоматами. Если анализировать призывников из Казахстана, то

видно, что трое из них являются казахами, которые, по всей видимости, после войны переехали на территорию Яшкульского района, и таким образом попали в книгу памяти района. Еще двое (Канур Мукабенович Абеев и Петк Убушаевич Богаев) являлись калмыками, которые по каким-то причинам оказались в Казахстане и были мобилизованы оттуда. Военнослужащие, призванные из Московской области, на момент призыва могли оказаться в данном регионе по месту учебы или работы.

Также из основной базы данных в ходе анализа были исключены 2 персоналии, погибшие до начала войны в боях на Халхин-Голе в 1939 г.

Таким образом, после всех исключений в основной базе данных оказалась 1 541 персоналия, призванная из Калмыцкой АССР. В это число мы включили 400 военнослужащих, место призыва которых установить не удалось.

Распределение призванных из Калмыцкой АССР по району призыва приведено в таблице 1. В начале войны в Калмыцкой АССР районные военкоматы (далее – РВК) были только в 8 из 13 районов республики [16, с. 10]. Поэтому военнослужащие из остальных районов призывались соседними военкоматами. Так через Западный РВК были мобилизованы призывники Яшалтинского улуса, через Приютинский¹ РВК – призывники Троицкого улуса, через Сарпинский РВК – призывники Кетченеровского улуса, через Приволжский РВК – призывники Юстинского улуса, через Лаганский РВК – призывники Улан-Хольского улуса.

¹ Так в годы войны официально назывался Приютненский район Калмыкии [22, с. 325].

Таблица 1 / Table 1

**Распределение персоналий, призванных из Калмыцкой АССР, по военкомату призыва /
Distribution of personnel conscripted from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic
by military registration and enlistment office»**

Название районного военкомата	Количество призванных
Черноземельский РВК	1 005
Приволжский РВК	47
Долбанский РВК	26
Лаганский РВК	25
Элистинский РВК	13
Сарпинский РВК	8
Приютинский РВК	7
Западный РВК	6
Троицкий РВК	3
Малодербетовский РВК	1
Всего	1141
Не указано	400

Источник: составлено автором

Как видно из таблицы 1, абсолютное большинство военнослужащих было призвано Черноземельским РВК, что логично, поскольку большая

часть территории современного Яшкульского района совпадает с территорией тогдашнего Черноземельского улуса с центром в с. Яшкуль

[23, с. 94]. Наличие больших групп, призванных Приволжским (с учетом Юстинского улуса), Долбанским и Лаганским (с учетом Улан-Хольского улуса) РВК, объясняется приграничным положением этих районов с Черноземельским улусом. Призывников из других РВК было немного.

Следующий анализ был связан с датой рождения призванных. Сведения о возрасте отсутствовали у 122 чел., поэтому последующий анализ проводился по оставшимся 1 419 персоналиям. Его результаты приведены на рисунке 1.

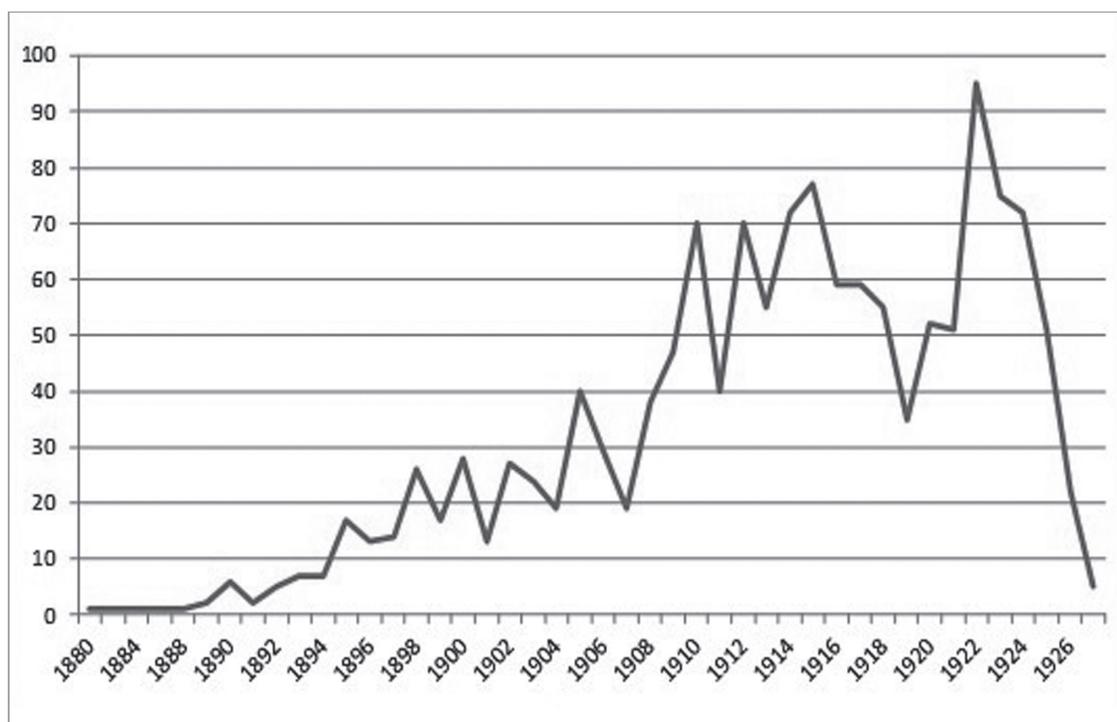

Рис. 1. Распределение персоналий по году рождения /

Fig. 1. Distribution of personalities by year of birth

Источник: составлено автором

Результаты анализа по году рождения показывают, что больше всего военнослужащих из книги памяти Яшкульского района родилось в 1910–1915 гг. и 1922–1925 гг. рождения, что коррелируется с результатами аналогичных исследований по республиканским книгам памяти [4, с. 965–966; 5, с. 692–693; 6, с. 482–483]. Очевидно, что молодежь 1-го разряда (в возрасте до 35 лет) чаще призывалась, чем люди старших возрастов. «Яма» в 1916–1921 гг. является следствием снижения рождаемости из-за массовых трудовых мобилизаций калмыков на тыловые работы в 1916–1917 гг., высокой смертности (включая младенческую и детскую) в период Гражданской войны 1918–1920 гг. и голода в Поволжье в 1921 г. Кроме того, в базе присутствуют 5 персоналий 1927 г. рождения, один из которых (Василий Петрович Шелковой) якобы был призван в 1940 г. (что является очевидной ошибкой составителей), а еще двое – в 1944 г. (уже после ликвидации Калмыкии как региона). По всей видимости, двое других также были призваны в 1944 г.

Следующий анализ проводился по месту рождения военнослужащих. Следует отметить, что у 441 персоналии сведения о месте рождения отсутствуют вовсе. Конечно же, абсолютное большинство (1 040 человек) является уроженцами Калмыцкой АССР. Их распределение по районам республики приведено в таблице 2. Среди оставшихся персоналий большая часть были уроженцами приграничных с Калмыкией регионов: Сталинградской области – 21 чел. (в том числе Астраханского округа – 13 чел.), Ростовской области – 12 чел., Орджоникидзевского края – 8 чел. Из регионов, не граничащих с Калмыкией, есть уроженцы Казахской ССР – 4 чел., Саратовской области – 3 чел., Ленинградской, Новосибирской областей – по 2 чел., Белорусской, Грузинской и Туркменской ССР, Краснодарского края, Воронежской, Московской, Омской и Челябинской областей – по 1 чел.

Таблица 2 / Table 2

**Распределение уроженцев Калмыцкой АССР по районам /
Distribution of natives of the Kalmyk ASSR by region**

Название района	Количество персоналий
Черноземельский улус	768
Приволжский улус	28
Долбанский улус	21
Улан-Хольский улус	14
Юстинский улус	12
г. Элиста с пригородными селами	5
Кетченеровский улус	3
Приютинский улус	3
Троицкий улус	3
Лаганский улус	3
Западный улус	1
Малодербетовский улус	1
Сарпинский улус	1
Яшалтинский улус	1
Не установлено	176
Всего	1 040

Источник: составлено автором

Таблица 3 / Table 3

**Распределение персоналий, призванных из Калмыцкой АССР, по году призыва /
Distribution of personnel conscripted from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic
by year of conscription**

Год призыва	Количество призванных
1937	4
1938	8
1939	22
1940	49
1941	363
1942	189
1943	65
1944	19
Не установлено	2
Всего	721

Источник: составлено автором

Таблица 4 / Table 4

**Распределение персоналий, призванных из Калмыцкой АССР, по воинским званиям /
Distribution of personnel called up from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic
by military rank**

Воинское звание ¹	Количество	Воинское звание	Количество
Майор	2	Старший сержант	36
Капитан, старший политрук	11	Сержант	66
Старший лейтенант, политрук	17	Младший сержант	22
Лейтенант, младший политрук	43	Ефрейтор, старший матрос	20
Младший лейтенант	26	Рядовой, красноармеец, матрос, казак	494
Курсант	4	Партизан	18
Старшина	10	Всего	769

Источник: составлено автором

¹ С учетом звания гвардейских.

Таблица 5 / Table 5

Количество наград, полученных военнослужащими, призванными из Калмыцкой АССР /
Number of awards received by military personnel called up
from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic

Награды	Количество
Медаль «Золотая Звезда»	1
Орден Ленина	5
Орден Красного Знамени	23
Орден Суворова I ст.	1
Орден Богдана Хмельницкого III степ.	1
Орден Александра Невского	8
Орден Отечественной войны I степ.	62
Орден Отечественной войны II степ.	177
Орден Красной Звезды	116
Орден Славы I степ.	1
Орден Славы II степ.	5
Орден Славы III степ.	76
Медаль «За отвагу»	222
Медаль «За боевые заслуги»	194
Медаль «Партизану Отечественной войны» I степ.	1
Медаль «За оборону Ленинграда»	15
Медаль «За оборону Севастополя»	1
Медаль «За оборону Сталинграда»	32
Медаль «За оборону Кавказа»	18
Медаль «За оборону Советского Заполярья»	2
Медаль «За победу над Германией»	189
Медаль «За победу над Японией»	6
Медаль «За взятие Будапешта»	3
Медаль «За взятие Кенигсберга»	4
Медаль «За взятие Берлина»	3
Медаль «За освобождение Варшавы»	1
Медаль «За освобождение Праги»	4
Всего	1 171

Источник: составлено автором

Результаты таблицы 2 в целом коррелируют с результатами таблицы 1: абсолютное большинство военнослужащих являются уроженцами Черноземельского района, а из оставшихся самые большие группы изучаемых персоналий относятся к приграничным с Черноземельским Приволжскому, Долбанскому, Улан-Хольскому и Юстинскому улусам.

Следующий анализ был проведен по дате (году) призыва военнослужащих. При этом у 820 персоналий (53,1 %) дата призыва отсутствует. По оставшимся 721 персоналиям (46,8 %) был проведен анализ.

Как видно из таблицы 3, больше половины из числа тех, год призыва которых был известен, призывались в 1941 г., еще более четверти – в 1942 г., что говорит почти о полном исчерпании мобилизационных ресурсов района в первые полтора годы войны.

Следующий анализ мы провели по воинским званиям военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР. Следует заметить, что у 772 (50,1 %) персоналиях сведения о воинском звании отсутствуют.

Результаты анализа показывают, что основная масса персоналий относятся к рядовому составу – 66,8 % (с учетом ефрейторов). Следующей по численности категорией является младший начальствующий состав (сержанты и старшины) – 17,4 %. К офицерскому составу относится 12,8 %, причем абсолютное большинство пришлось на младший офицерский состав – 12,6 %.

Следующий анализ призванных из Калмыкии был проведен по наградам, полученным ими за участие в Великой Отечественной войне. Стоит отметить, что у 1 060 персоналий в книге памяти нет никаких наград, поэтому анализ проводился только по 481 персоналиям (31,2 %). Общая

сумма наград превышает указанное количество персоналий, поскольку многие из них имели по несколько наградений. Результаты анализа приведены в табл. 5.

По таблице 5 видно, что среди орденосцев преобладают кавалеры орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды, что вполне логично, поскольку в иерархии наград эти ордена считались самыми низшими и выдавались чаще других. Интересно отметить, что более высокий в иерархии орден Отечественной войны II степени вручался чаще, чем орден Красной Звезды. Очевидно, это связано с тем, что в книги памяти оказались учтены ордена Отечественной войны I и II степеней, врученные в 1985 г. всем ветеранам, дожившим до 40-летия Победы.

Более высокие награды вручались реже. Самой высокой наградой – медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза был отмечен только один житель Яшкульского района: уроженец Чилгира майор Анатолий Алексеевич Лопатин, командир 463-го сп, получивший это звание посмертно согласно Указа Президиума Верховного совета СССР от 27 июня 1945 г. [8, с. 176]. В книге памяти также утверждается, что известный джангарчи Нямин Доржиевич Джукаев, сражавшийся простым разведчиком, а затем сапером в звании рядового, был награжден орденами Суворова I степ., что является очевидной ошибкой составителей, поскольку это полководческий орден. Такие ошибки в книге памяти встречаются. Например, в книге памяти указан Николай Андреевич Понамарев, 1927 г. рождения, награжденный ор-

денами Отечественной войны II степ., Славы III степ., медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья» [8, с. 84]. Однако ни одного наградного листа военнослужащего в ОБД «Подвиг народа» найти не удалось. Можно предположить, что данные награды могли быть ошибочно записаны составителями со слов родных и близких. Однако, чтобы не запутаться в расчетах, во всех случаях ошибки не исправлялись.

Следующий анализ связан с местом службы персоналий в момент убийства (гибели или пропажи без вести). Следует заметить, что в книге памяти присутствуют в основном данные о частях и соединениях, поэтому для выявления номера и названий объединений мы прибегли к помощи ОБД «Мемориал» и ГИС «Память народа» [14; 7]. При проверке сведений выявилось множество ошибок и неточностей, у многих военнослужащих была искажена информация в номерах полков и дивизий, что потребовало большого количества времени для выявления точных сведений. Следует отметить, что у 639 персоналий данные о дате убийства и месте службы частично или полностью отсутствуют. Помимо этого, у трех персоналий дата убийства указана в 1946 г., но в ходе анализа выяснилось, что двое военнослужащих умерли от ран, полученных во время войны, а один на самом деле остался жив. Из последующего анализа все 642 персоналии были исключены. Распределение остальных персоналий по фронтам приведены в табл.6.

Таблица 6 / Table 6

**Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по месту службы /
Distribution of military personnel called up from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic
by place of service**

Название фронта	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого по фронтам
Карельский (08.41–11.44)	1	2	2	–	–	5
Северный (06.41–08.41), Ленинградский (08.41–05.45)	5	3	1	1	–	10
Волховский (12.41–02.44)	–	1	2	–	–	3
Северо-Западный (06.41–11.43)	2	–	3	–	–	5
Брянский (08.41–10.43), 2-й Прибалтийский (10.43–04.45)	–	2	9	2	1	14
Калининский (10.41–10.43), 1-й Прибалтийский (10.43–02.45)	–	5	3	4	–	12
Западный (06.41–04.44), 3-й Белорусский (04.44–05.45)	–	1	8	1	2	12
2-й Белорусский (02.44–05.45)	–	–	–	1	–	1
Юго-Западный 1 форм. (06.41–07.42), Сталинградский 1 форм. (07.42–09.42), Донской (09.42–02.43), Центральный 2 форм. (02.43–10.43), Белорусский (10.43–04.44), 1-й Белорусский (02.44–05.45)	1	27	8	4	3	43
Воронежский (07.42–10.43), 1-й Украинский (10.43–05.45)	–	3	12	5	6	26

Название фронта	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого по фронтам
Степной (07.43–10.43), 2-й Украинский (10.43–05.45)	–	–	5	9	–	14
Юго-Западный 2 форм.(10.42–10.43), 3-й Украинский (10.43–05.45)	–	4	13	2	2	21
Юго-Восточный (08.42–09.42), Сталинградский 2 форм.(09.42–12.42), Южный 2 форм.(01.43–10.43), 4-й Украинский (10.43–05.45)	–	39	48	3	3	93
Южный 1 форм.(06.41–07.42)	2	35	–	–	–	37
Северо-Кавказский 1 форм. (05.42–09.42) Закавказский 2 форм. (05.42–05.43) Северо-Кавказский 2 форм. (01.43–11.43), Отд. Приморская армия (11.43–05.44)	–	8	15	1	–	24
Резерв ВГК	–	1	1	–	–	2
Северный флот (06.41–05.45)	–	1	–	–	–	1
Внутренние округа	–	1	1	–	–	2
Итого по годам	11	133	131	33	17	325
Нет данных	33	188	191	130	32	574
Всего	44	321	322	163	49	899

Источник: составлено автором

По таблице 6 видно, что потери на начальном этапе войны оказались одними из самых низких. По всей видимости, это связано с тем, что абсолютное большинство призывников Черноземельского улуса относилось ко 2-й категории (ранее не служивших и не имеющих военно-учетной специальности) [17, с. 112]. В следующем году показатели потерь заметно увеличились, что объясняется высоким уровнем потерь Красной армии в этот период в ходе стратегического наступления немецких войск на южном фланге. Неслучайно, что наибольшие потери в 1942 г. приходятся на Юго-Западный фронт 1-го форм. (с июля 1942 г. его сменил вновь сформированный Сталинградский фронт 1-го форм.), Юго-Восточный фронт (с сентября 1942 г. – Сталинградский 2-го форм.) и Южный фронт 1-го форм. В общей сложности на эти объединения приходится более трех четвертей известных потерь (75,9 %). Если рассматривать уровень потерь этих фронтов по соединениям, то здесь заметно выделяется представители 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (далее – кд) – 31 чел. и 248-й сд – 23 чел. Сумма потерь этих дивизий составляет 40,6 % от известных потерь всего года. Национальная 110-я кд была полностью укомплектована жителями республики, вступила в бой в июле 1942 г. на Дону, а затем приняла участие в Битве за Кавказ. 248-я сд (3 форм.) была создана из курсантов 1 и 2-го Астраханских училищ в сентябре 1942 г. и в значительной степени комплектовалась жителями Калмыкии.

В 1943 г. количество потерь было не меньшим, чем в предыдущем году. К сожалению, у более половины персоналий данные о месте службы в

этот период отсутствуют. Среди известных потерь наибольшие пришлось на Южный фронт 2-го форм. (с октября 1943 г. – 4-й Украинский фронт) – 36,6 %. Стоит заметить, что в составе данного фронта сражались вышеупомянутая 248-я сд и другие соединения 28-й армии, в которых служило много наших земляков.

В 1944–1945 г. численность потерь на фронтах заметно уменьшилось, что свидетельствует о массовом снятии калмыков с фронта и их направлении в Широклаг и на спецпоселение в Сибирь.

Если рассматривать сведения по армиям, то видно, что погибшие и пропавшие без вести военнослужащие воевали в составе 72 армий, включая 67 общевойсковых (в том числе в 10 гвардейских, 5 ударных, а также в Отдельной Приморской армии). Кроме того, военнослужащие из Калмыкии воевали в составе трех танковых и двух воздушных (в 8-й и 15-й) армиях. Больше всего персоналий в момент потери числилось в 28-й армии – 67 чел., 51-й армии – 46 чел. и 5-й ударной армии – 10 чел. 28-я и 51-я армии воевали на территории Калмыкии и в значительной степени пополнялись за счет местных жителей. Некоторые из соединений 28-й армии в 1943 г. перешли в 5-ю ударную армию (в том числе 34-я гв. и 130-я сд). Кроме того, военнослужащие из Калмыкии воевали и в корпусах фронтового подчинения, а именно: 9 стрелковых (в том числе 1 гвардейском), 4 гвардейских кавалерийских, 5 механизированных и 3 танковых корпусах. Большой контингент наших погибших земляков отмечается в 4-м гвардейском Кубанском кавалерийском корпусе (далее – гв. кк) –

13 чел. и 3-м гв. кк – 11 чел., которые пополнились за счет расформированных 110-й и 111-й Калмыцких кд соответственно.

Анализ распределения военнослужащих из Калмыкии по дивизиям показал, что наибольший контингент известных потерь наших земляков относится к 110-й Калмыцкой кд – 58 чел., 248-й сд – 39 чел. и 34-й гв. сд – 14 чел. Как уже

отмечалось выше, последние два соединения воевали на территории Калмыкии и частично комплектовались местным населением.

Следующий анализ был проведен по времени и категории потерь военнослужащих. Следует заметить, что данные о безвозвратных и возвратных потерях есть у 952 персоналий. Их распределение приведено в таблице 7.

Таблица 7 / Table 7

Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по дате и причине убийства / Distribution of military personnel called up from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic, by date and reason for departure

Год убийства	Убитые	Умершие от ран и болезней	Пропавшие без вести	Попавшие в плен	Раненные	Всего потерь
1941	12	5	27	–	–	44
1942	120	18	178	5	–	321
1943	107	44	160	7	2	320
1944	23	23	94	6	2	148
1945	17	13	16	–	1	47
1946	–	2	–	–	–	2
Нет даты	12	5	46	1	6	70
Всего	291	110	521	19	11	952

Источник: составлено автором

Как видно из таблицы 7 наибольшее количество убитых и пропавших без вести приходится на 1942–1943 гг. Если же рассмотреть причину убийства изучаемых персоналий, то на «пропавших без вести» приходится больше половины всех безвозвратных потерь (53 %), особенно выделяется показатели в 1942–1943 гг., что подтверждает предыдущий вывод. Следующей категорией по проценту убийства военнослужащих выделяется «убитые» – 29,6 %. Самый низкий процент убийства приходится на категорию «раненные» – 1,1 %, что объясняется низкой степенью учета этой категории на страницах книги памяти.

Результаты. Подводя итоги своего исследования, мы приходим к выводу, что книга памяти Яшкульского района является важным источником для анализа и изучения масштабов участия жителей района в Великой Отечественной войне. Составители постарались выявить максимально возможные сведения о своих земляках, были представлены данные о боевых наградах жителей Яшкульского района участниках войны

1941–1945 гг., что является отличительной особенностью данной работы, поскольку такие сведения в других районных книгах памяти не представлены. К сожалению, в ряде случаев имели место ошибки, вызванные неверной информацией, представленной составителям при устных опросах. Результаты анализа показывают, что в книге содержатся сведения о 1 541 персоналии, призванной из Калмыкии, из которых абсолютное большинство военнослужащих является призванниками Черноземельского РВК – 87,8 %. Среди военнослужащих преобладают представители рядового состава. В сведениях о месте службы имеется множество ошибок и неточностей в номерах дивизий и полков, но, несмотря на это, анализ по месту службы показал, что наибольший показатель убийства военнослужащих из Калмыкии приходится на 1942–1943 гг. При этом наибольшее представительство наших земляков было в составе объединений южного направления, особенно в соединениях, формировавшихся за счет жителей Калмыкии.

Литература

1. Артезиан. Мы помним и гордимся / сост. И. Н. Басангов. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 168 с.
2. Башанкаев В., Папуев В. Целинный район. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 248 с.
3. Бюрчиев З. Б. Книга Памяти «Солдаты и труженики Эрдниевого». Элиста: НПП «Джангар», 2014. 192 с.
4. Воробьева В. Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1-го и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 № 5. С. 956–971.
5. Воробьева В. Н. Количественный анализ сводной базы данных, извлеченных из книг «Память. Санл»: время, место рождения и призыва // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 4. С. 684–697.
6. Воробьева В. Н. Потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в 1941–1945 гг. (по данным 4-го тома книги «Память. Санл») // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 478–490.

7. ГИС «Память народа» // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 09.03.2023).
8. Книга Памяти. 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Т. Б. Инжиева и др. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 460 с.
9. Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. I. // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtual-naya-vystavka/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).
10. Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. II. // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (дата обращения: 18.03.2023).
11. Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. III. // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (дата обращения: 18.03.2023).
12. Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. IV. // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. 26.05.2020. URL: <http://malderadm.ru/arkhivom-administracii-k-75-letiyu-robyedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (дата обращения: 18.03.2023).
13. Манджиев Н. Ц. Воины из Чилгира. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 80 с.
14. ОБД «Мемориал» // Обобщенный банк данных «Мемориал». Военно-мемориальный центр ВС РФ, МО РФ; корпорация «ЭЛАР». URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 18.04.2023).
15. ОБД «Подвиг народа» // Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.mil.ru>. (дата обращения: 02.03.2023).
16. Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А. Уроженцы Калмыкии – участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.
17. Очиров У. Б., Заярный С. А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. Т. I. 519 с.
18. Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / сост. Н. В. Куникина, О. В. Чернышова. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 304 с.
19. Память. Санл: в 2 т. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
20. Память. Санл: в 2 т. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
21. Память. Санл / редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
22. Память. Санл / сост.: А. В. Цюрюмов и др.; редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
23. Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017.: справочник / отдел по делам архивов аппарата Правительства РК, Бюджетное учреждение РК «Национальный архив», Калм. отд. Российского исторического общества; сост.: А. О. Тапкина [и др.]; редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.) [и др.]. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
24. Солдаты Великой войны: Списки, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия. Элиста: РИА «Калмыкия», 2015. 120 с.
25. Широкаг. Широкастрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа) Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

References

1. Basangov I. N. (comp.) *Artezian: We Remember, We Are Proud*. Elista: Dzhangar; 2015. 168 p. (In Russ.).
2. Bashankayev V., Papuyev V. *Tselinny District*. Elista: Dzhangar; 2008. 248 p. (In Russ.).
3. Byurchiyev Z. B. *Soldiers and Home Front Workers of Erdnievsky: A Memorial Book*. Elista: Dzhangar; 2014. 192 p. (In Russ.).
4. Vorobyova V. N. *Memory. Sanl, vols. 1 and 2. WWII fatal casualties of Soviet military servicemen from the Kalmyk ASSR: A statistical analysis by time, places of birth and conscription*. *Oriental Studies*. 2021;14(5):956-971. (In Russ.).
5. Vorobyova V. N. *The Memory. Sanl: A Quantitative Analysis of the Consolidated Database by Time and Place of Birth and Conscription*. *Mongolovedenie = Mongolian Studies*. 2022;14(4):684-697. (In Russ.).
6. Vorobyova V. N. *Casualties among Red Army personnel conscripted in the Kalmyk ASSR, 1941–1945: Volume 4 of The Memory. Sanl analyzed*. *Oriental Studies*. 2022;15(3):478-490. (In Russ.).
7. OBD Pamyat Naroda [online database]. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 09.03.2023). (In Russ.).
8. Inzhieva T. B. et al. (comps.) *The Memorial Book: 1941–1945*. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Dzhangar; 2015. 460 p. (In Russ.).
9. *The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District*. Vol. 1. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. URL: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtual-naya-vystavka/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).
10. *The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District*. Vol. 2. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).
11. *The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District*. Vol. 3. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).

12. The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District. Vol. 4. On: Administrative Office of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. URL: <http://malderadm.ru/arkhivom-administracii-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (accessed: 18.03.2023). (In Russ.).
13. Mandzhiyev N. Ts. Warriors from Chilgir. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Dzhangar; 2011. 80 p. (In Russ.).
14. OBD «Memorial» [online database]. URL: <http://www.obd-memorial.ru> (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
15. OBD «Podvig naroda» [online database]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (accessed: 02.03.2023). (In Russ.).
16. Ochirov U. B., Yershov S. G., Gunayev E. A. Natives of Kalmykia – Participants of the Battle for Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.).
17. Ochirov U. B., Zajarnyj S. A. They Stayed Faithful to the Oath: The Formation and Campaign Record of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. Vol. I. 519 p. (In Russ.).
18. Kunikina N. V., Chernyshova O. V. (comps.) The Living Springs of Memory (Priyutnensky District of Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945. Elista: Dzhangar; 2015. 304 p. (In Russ.).
19. Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ; 1995. 416 p. (In Russ.).
20. Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.).
21. Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) The Memory. Sanl. Vol. 3. Elista: Kalmykia Book Publ; 2005. 156 p. (In Russ.).
22. Tsyuryumov A. V. et al. (comps.) The Memory. Sanl. K. Ilyumzhinov et al. (eds.). Vol. 4. Elista: Gerel; 2010. 492 p. (In Russ.).
23. Tapkina A. O. et al. (comps.) Republic of Kalmykia. Territories and Municipalities, 1918–2017: A Reference Book. K. Maksimov et al. (eds.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS); 2019. 908 p. (In Russ.).
24. Soldiers of the Great War: Lists, Biographical Notes, Photographs of War Participants and Veterans (1941–1945) Native to Chernozemelsky District of Kalmykia. Elista: RIA Kalmykiya; 2015. 120 p. (In Russ.).
25. Bairova A. B., Bembeeva T. Ch., Lidzhi-Goryaeva S. E., Neyachenko R. V. (comps.). The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name Lists of Kalmyk Soldiers and Non-Commissioned Officers Withdrawn from Front Line Combat Service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ.; 2000. 294 p. (In Russ.).

Научная статья
 УДК 94(430).063
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.2>

ВЕЛИКОЕ ГЕРЦОГСТВО БЕРГ В ВОЙНАХ НАПОЛЕОНА В ПОЛЕВОМ ДНЕВНИКЕ ЛЕЙТЕНАНТА ЦИММЕРМАННА

Куангали Аманович Испанов¹

¹ Саратовский Национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (д. 83, ул. Астраханская, Саратов, 410012, Российская Федерация)
 Лаборант-исследователь
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1881-1332> E-mail: disperato97@mail.ru

Аннотация. Введение. Став императором Франции в 1804 г., Наполеон Бонапарт оказался в крайне сложной геополитической обстановке: старые европейские монархии не спешили признавать легитимность власти новоиспеченного императора, поэтому Франции пришлось действовать не только силой оружия, но и демонстрацией эффективности нового порядка путем создания государств-моделей, расположенных на территории Германии и ставшими витриной. Одним из таких государств-моделей стало Великое Герцогство Берг, образованное на территории бывших герцогств Клеве и Берг в 1806 году. Наполеон направляет в молодое герцогство своих чиновников, активно проводит реформы для развития экономики, социальной сферы, а также реформы армии. **Материалы и методы.** Новообразованные воинские контингенты, набранные на территории государств, должны были принять участие в конфликтах I четверти XIX в., и Великое Герцогство Берг не стало исключением. **Анализ.** В статье рассматривается отражение участия бергских пехотинцев в наполеоновских войнах с 1807 по 1814 гг. на страницах полевого дневника сержанта, а затем лейтенанта 1-го пехотного полка Великого Герцогства Берг П. Циммерманна. Внимание акцентировано на восприятии испанцев и русских немецкими солдатами, на образе войны в целом на основе упомянутого выше дневника. Образы, рисуемые Циммерманном, на первых порах амбивалентны: он отдает

дань мужеству, упорству и патриотизму герильеров, сетует на жестокости и эксцессы, осуждает мародерство со стороны солдат союзных частей. **Результаты.** Трагическая судьба бергского контингента в России приводит автора дневника к рассуждениям о добре и зле, о боевом братстве, о бессмысленности потерь, brutальности казаков, неблагодарности немецких гражданских чиновников. Но лейтмотивом всего повествования служит прославление чести солдат и офицеров Берга, которые не теряли достоинства в самых опасных и тяжелых ситуациях.

Ключевые слова: наполеоновские войны, государства-моделей, Великое герцогство Берг, Циммерманн, Великая Армия

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

Для цитирования: Испанов К. А. Великое герцогство Берг в войнах Наполеона в полевом дневнике лейтенанта Циммерманна // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 375–382. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 22.07.2023.

Статья принята к публикации: 30.08.2023.

Research article

THE GRAND DUCHY OF BERG IN THE NAPOLEONIC WARS IN THE FIELD DIARY OF LIEUTENANT ZIMMERMANN

Kuangali A. Ispanov¹

¹ Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (83, Astrakhan St., Saratov, 410012, Russian Federation)
 Laboratory assistant-researcher
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1881-1332> E-mail: disperato97@mail.ru

Abstract. Introduction. After becoming emperor of France in 1804, Napoleon Bonaparte had to solve an extremely difficult geopolitical situation: the old European monarchies were in no hurry to recognize the legitimacy of the newly-made emperor's power, so France had to act not only by force of arms, but also by demonstrating the effectiveness of the new order by creating model states located in Germany and becoming a showcase. One of these model states was the Grand Duchy of Berg, formed on the territory of the former duchies of Cleves and Berg

in 1806. Napoleon sends his officials to the young duchy, actively carries out reforms for the development of the economy, the social sphere, as well as reforms of the army. **Materials and methods.** Newly formed military contingents recruited on the territory of the states were to take part in the conflicts of the first quarter of the XIX century, and the Grand Duchy of Berg was no exception. **Analysis.** The article considers the reflection of the participation of the Berg infantry in the Napoleonic Wars from 1807 to 1814 on the pages of the field diary of sergeant and then lieutenant

© Испанов К. А., 2023

of the 1st Infantry Regiment of the Grand Duchy of Berg P. Zimmermann. Attention is focused on the perception of Spaniards and Russians by German soldiers, on the image of the war as a whole based on the diary mentioned above. The images drawn by Zimmermann are ambivalent at first: he pays tribute to the courage, perseverance and patriotism of the Guerilliers, complains about cruelty and excesses, condemns looting by soldiers of allied units. **Result.** The tragic fate of the Berg contingent in Russia leads the author of the diary to speculate about good and evil, about combat brotherhood, about the senselessness of losses, the brutality of the Cossacks, the ingratitude of German civil officials. But the leitmotif of the whole narrative is the glorification of the honor of Berg's soldiers and officers, who did not lose their dignity in the most dangerous and difficult situations.

Введение. Столкнувшись с антифранцузскими настроениями в Европе, Наполеон Бонапарт решил действовать не только путем войны, но и путем демонстрации универсальности и эффективности нового французского порядка. Для элит германских государств путь реформ, с одной стороны, был предпочтительнее разрушительной революции, которая сотрясала столько лет Францию. С другой же стороны, перед глазами был пример Франции, которая под руководством Наполеона сумела быстро решить основные проблемы финансовой и политической стабилизации.

У Наполеона изначально не было четкого видения будущей Германии, «идея Германии» выкристаллизовывалась в его сознании постепенно, под влиянием военно-политических обстоятельств. Мы можем обнаружить три последовательных модели за десять лет: Германия 1803 г., Германия 1806 г. и Германия 1807 г. [См. подробнее: 1]

В результате реорганизации Германии, вызванной роспуском Священной Римской империи, 15 марта 1806 г., по инициативе Наполеона был образовано Великое герцогство Берг, которое было призвано (наряду с Вестфальским королевством и Франкфуртским герцогством) стать одним из «государств-моделей» [См. подробнее: 6; 9].

Оно состояло из территорий непосредственно герцогства Берг, части герцогства Клеве, княжества Эссен, сеньорий Ферден и Эльтен. Во главе новообразованного государства был поставлен Иоахим Мюрат, маршал Империи и зять Наполеона. 12 июля Великое герцогство Берг вошло в Рейнский союз. Земли великого герцогства были дополнительно увеличены за счет аннексии графства Марк, княжества-епископства Мюнстер, имперского города Дортмунд и многочисленных мелких территорий Нижнего Рейнско-Вестфальского округа [См. подробнее: 13; 14].

12 июля 1806 года герцогство официально вышло из состава Священной Римской Империи и 25 июля присоединилось к Рейнскому союзу, обязуясь выставить военный контингент из 5 000 человек (4 пехотных полка, кавалерийский полк, 5 артиллерийских рот и инженерная команда). После того, как в 1808 г. Мюрат стал королем Не-

Keywords: Napoleonic Wars, model states, the Grand Duchy of Berg, Zimmermann, the Grand Army

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00113).

For citation: Ispanov K. A. The Grand Duchy of Berg in the Napoleonic Wars in the field diary of Lieutenant Zimmermann. Humanities and law research. 2023;10(3): 375–382. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.2>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.06.2023.

The article was approved after reviewing: 22.07.2023.

The article was accepted for publication: 30.08.2023.

аполя, герцогство отошло племяннику Наполеона – малолетнему Наполеону-Луи, а управлялось фактически самим императором Франции через Жана-Клод Бенью [14]. Столицей герцогства стал Дюссельдорф. В ноябре 1813 г. герцогство было завоевано армиями союзников. Территории Берга, некогда отобранные у Пруссии, были ей возвращены. Оставшаяся территория 22.11.1813 помещена под управление временного генерал-губернатора Юстаса фон Грюнера (Grüner), но в 1815 г. и она была объединена с Пруссией.

Одной из важнейших задач союзников Наполеона была поставка воинских контингентов в Великую армию. Войска герцогства принимали участие в кампаниях в Пруссии в 1807, в Испании с 1808 по 1813, Австрии в 1809, России в 1812 и Германии в 1813 г.

Материалы и методы. Предметом нашего сегодняшнего внимания станет отражение военных кампаний, в которых принимали участие воинские подразделения Берга, в дневнике лейтенанта первого пехотного полка Великого герцогства Берг П. Циммерманна [16, s. 9]¹. 1-й пехотный полк Великого герцогства Берг образован 24 апреля 1806 г. в Дюссельдорфе. Тогда он состоял из 4 батальонов (в каждом 8 рот по 100 человек). В августе 1806 г. полк был реорганизован по французской системе и дополнен вторым полком. Теперь полки насчитывали по три батальона из 6 рот (две из которых были элитными). Третий полк был создан в октябре 1808 г. В августе 1811 г. полки были переформатированы: теперь они состояли из двух батальонов. А из оставшихся батальонов создан четвертый полк (два батальона из 8 рот по 120 чел. и одной резервной роты) [О составе войск Берга см.: 7, s. 53-57]².

1 Мы будем в дальнейшем ссылаться на второе издание мемуаров Циммерманна 1842 г., которое по сравнению с первым, как признавался сам автор, было значительно дополнено и расширено «анекдотами и живописными характеристиками», чтобы стать более занимательным для читателей [16, s. 9]. Среди работ историков дневник Циммерманна наиболее активно цитировался в монографии П. Хольцхаузена [11].

2 Ср.: «Молодое герцогство Берг не имело серьезных военных традиций, и поэтому офицеры в армию набирались различными путями - в основном пруссаки и

Во главе первого полка, в котором служил П. Циммерман, стоял полковник Жан-Мишель Гейтер¹. Этот полк принял участие в кампании 1807 г. в Пруссии, а затем вместе со вторым полком в кампании в Испании с 1808 по 1811 гг.

Анализ. Первоначально бергцы были отправлены в Магдебург, где получили свою униформу: белый мундир с голубыми отворотами. Учитывая тот факт, что бергцы были включены в состав французских соединений, то командование батальона получало приказы непосредственно от вышестоящего французского командования, а обучение солдат и офицеров происходило строго на французский манер. Циммерман в этой связи вспоминал: «Служба была строгой, и мы постоянно практиковались. Расквартирование нашего подразделения было поручено городским властям; получилось так, что часто у одного горожанина жило по 12–14 солдат. Однако, несмотря на это, мы жили в большом комфорте, т.к. жители максимально лояльно относились к нам, называя нас «наши солдаты», на что мы отвечали предельно строгой дисциплиной...» [16, s. 12].

В Магдебурге полк Циммерманна пробыл до 5 мая 1807 года, затем получили приказ отправиться под Данциг, осаждавшийся французами с 19 марта по 24 мая 1807 г., куда маршировали без единого дня отдыха. 24-го мая подошли к этому месту и расположились лагерем вблизи Оливского монастыря. Циммерманн писал, что «никакой еды не раздавали, так что мы страдали от нехватки всего и к тому же очень устали. На следующее утро должен был состояться штурм, но в это же время начались переговоры, закончившиеся сдачей города...» [16, s. 10]. Поэтому боевым крещением бергских пехотинцев можно назвать осаду Грауденца, куда 1-й бергский пехотный полк был отправлен через Мариенвердер (польск. Квидзын), которая длилась с 22 января 1807 г. [Подробнее об этой осаде см.: 8]. Полк прибыл к Грауденцу 29-го мая и занял деревни Садерау и Мудерау. Циммерман отмечал грамотные действия пруссаков под командованием генерала Вильгельма Рене Кубьера, наладивших успешные вылазки из крепости для разрушения

артиллерийских позиций осаждавших. Гарнизон капитулировал только после подписания Тильзитского мира, однако обложение крепости продолжалось и после заключения мира и было снято лишь 12 декабря².

Но в июле 1807 г. батальон, в котором служил Циммерман, был снят с осады Грауденца и отправлен на запад: 1 августа он оказался уже в составе франко-голландско-испанской группировки, осаждавшей Штральзунд³. Гарнизон Штральзунда состоял прежде всего из шведов: в городе находился сам король Густав IV Адольф, пользовавшийся поддержкой Великобритании, которая вела обстрел позиций Великой Армии из гавани. По воспоминаниям Циммерманна, выстрелы были настолько беспорядочны, что казалось, что англичане таким образом отправляют ядра для того, чтобы ими воспользовались бергцы. Видимо, это можно было считать предупредительным огнем: лейтенант отмечал в дневнике благородство шведского короля, который сообщил через парламентёров, что обрушит всю огневую мощь на солдат в траншеях в случае, если те начнут активные действия.

Вскоре после занятия 8 августа французами и их союзниками Штральзунда, бергцы были расквартированы в Померании, где они были, если верить Циммерманну, максимально гостеприимно и дружелюбно приняты. Им оказали медицинскую помощь, поскольку многие из солдат были не только ранены, но и больны: боевые действия привели к физическому и моральному истощению бойцов. Более того, командование ввело крайне строгую дисциплину относительно взаимоотношений с местным гражданским населением. Циммерманн отметил в своем дневнике: «была такая строгая дисциплина, что жалобы со стороны жителей были почти невыносимы» [16, s.12].

Но при этом Циммерманн продолжал сетовать на проблемы с продовольствием: «Доставленные продукты были плохими. <...> Поставщики, получавшие в Мекленбурге великолепный скот, по дороге меняли его на исхудавший. Я сам донес на одного из таких негодяев, и он был приговорен к десяти годам каторги...» [16, s.13]. Как отмечал лейтенант, таких нечестных на руку продавцов, старавшихся нажиться на армейских заказах, были десятки. Некачественная пища стала причиной многочисленных заболеваний солдат. Большая часть погибла не от вражеских пуль, а от плохих условий жизни. Несмотря на это, снабжение и снаряжение частей Берга мало изменилось

различного рода авантюристы. Невозможность формирования сколько-нибудь заметного офицерского состава из собственных граждан преследовало Берг на протяжении всей его истории. Офицеры же, бывшие в наличии, не имели никакой связи ни со страной, ни с солдатами, которыми они командовали, и в результате дисциплина в армии была не на высоте» [3, С. 49-56].

1 Гейтер в 14 лет поступил волонтером в швейцарский полк на французской службе; спустя год уже стал сержантом 1-го батальона, принимал участие в битве при Жемаппе, где был ранен. Позже был произведен в чин майора, находясь под командованием Жана-Шарля Дезайи, вместе с которым участвовал в битве при Аустерлице, где был ранен в бедро. В 1806 г. был повышен до полковника и отправлен на службу в Великое Герцогство Берг, где возглавил пехоту, а в 1811 г. получил звание бригадного генерала. [16, s. 8]

2 Позднее в немецкой историографии укрепится мнение, что продолжение обложения крепости Грауденц будет одним из многих фактов произвола, которому вынуждена была подчиниться поверженная Пруссия перед своим поработителем – французами [4].

3 Город был обложен дивизиями Луазона, Буде и Молитора. В ночь на 4 августа начались траншейные работы и обстрел города.

к лучшему: перед испанской кампанией многие из новобранцев, пополнивших бергские пехотных полки, не имели теплой одежды, а из головных уборов у них были лишь фуражки. Только оказавшись во Франции, где они встретили новый 1809 г., бергцы были обеспечены всем необходимым: «в Версале мы получили все необходимое» [16, s. 13–14].

В марте 1809 г. пехотинцы были расквартированы в 13 км от Средиземного моря, в Перпиньяне, где они готовились к отправке в Испанию: участвовали в смотрах, на которые приходили посмотреть и местные жители. Однако, не все население относилось положительно к солдатам. Во время одного из парадов произошла перепалка между адъютантом майором Боннером и одним немецким евреем из толпы. Последний, смотря на проходящих мимо солдат, воскликнул «Очень жаль молодых людей. Господин офицер, а сколько их всего тут?». Боннер, будучи раздраженным, крикнул «Не твоё дело, еврей». На что тот заметил: «Подожди, как только ты вернешься из Испании, мне уже будет легче их посчитать» [16, s. 18].

В Испанию полк попал в апреле 1809 г., продвигаясь по маршруту Перпиньян – Булонь – Фигерас – Бесалау, вступая мелкие стычки с каталонцами. Сам же Циммерманн тогда находился в чине сержанта [16, s. 26], попав под командование подполковника Муффа, бывшего, по замечанию автора дневника, «образцовым командиром и отцом солдатам» [16, s. 46].

Находясь на территории других немецких государств, Циммерманн не делал никаких пространственных отступлений относительно их управления или нравов жителей. Не вызвало у него больших эмоций и население Восточных Пиренеев. А вот на испанцах он заострил внимание, давая им следующее описание: «Несмотря на то, что испанцы различаются по своему происхождению, обычаям и нравам, в целом они эгоистичны, вспыльчивы, жестоки, неумолимы, подозрительны, тщеславны, гордятся своим положением, происхождениям и верой, замкнуты и суеверны. Напротив, умеренность, верность, стойкость, великодушие, любовь к чести и истине, равнодушие к внешним благам, стойкость в несчастье, доброта к чужим национальным добродетелям могут быть названы национальными добродетелями пламенную и вместе с тем холодную рефлексию, сдержанное воображение и восторженную любовь к отечеству, то по крайней мере, в своих основных чертах картина испанского национального характера» [16, s. 16].

Особенно ярко черты национального характера испанцев проявились при третьей осаде Героны, длившаяся с мая по декабрь 1809 г. Здесь наполеоновские силы осадили 5-тысячный гарнизон, возглавляемый доном Мариано Альваресом де Кастро, который передал через парламенте-

ра 12 мая, что будет вести переговоры «только посредством пушек» [16, s. 23]. Циммерманн позже напишет: «Кто бы мог ожидать в то время или хотя бы только предполагать, что это место, даже если оно уже славилось тем упорством, с которым население отражало все атаки генерала Дюэма в прошлый раз, но ныне отрезанное от всякой помощи, предоставленное самому себе и мужеству 5000 храбрецов, выдержало бы усилия 20 000 врагов еще 7 месяцев, а имя дона Альвареса никогда не угаснет» [16, s. 23].

13 мая начался массированный обстрел Героны, который продлился 33 дня, принесся большие разрушения, однако Циммерманн отмечал, что «воинственный дух жиронцев не поколебался ни на йоту» [16, s. 24].

В июне-июле бергцы участвовали в штурме крепости Монжуик, оставив три роты для прикрытия артиллерийских батарей. Циммерманн вспоминал последствия провального штурма 8 июля, когда после боя в Монжуик был отправлен парламентар, которому было поручено передать просьбу разрешить эвакуацию раненных с поля боя, на что испанцы ответили тем, что в течение четверти часа добивали раненных ружейным огнем и забрасывали их камнями [16, s. 33]¹.

Циммерманн в дневнике упоминает и о женских ротах испанок, организованных в осажденном Монжуике, доном Альваресом². В обязанности этих ополченек входило оказание медицинской помощи, доставка снарядов, а некоторые из них даже оказывали вооруженное сопротивление во время штурма [16, s. 37].

Союзные силы, сражающимся плечом к плечу с бергцами Циммерманн оценивает по-разному: итальянцы занимались мародерством и отличались жестокостью: «22-го декабря 1810 г. мы отправились в Фигерас; почти все деревья вдоль дороги были украшены трупами каталонцев, которых повесили итальянцы». А вот немецкие солдаты «демонстрировали, как и везде, приверженность немецкому порядку и образцовую храбрость» [16, s. 54]. Когда перед штурмом Героны командование объявило, что солдатам будет разрешено разграбление города, командир батальона подполковник Муфф, возмущен: «Христиане 19-го столетия так не поступают, или же вы хотите, чтобы потомки запомнили нас как шайку грабителей? Пока есть справедливый Бог, он

1 О случаях жестокости испанских повстанцев вспоминал и лейтенант 1-го уланского бергского полка Херманн: «банда» испанского генерала Франсиско Эспос-и-Мине совершила налет на один населенный пункт, в котором проживала беременная жена французского генерала, испанка по происхождению. Женщина не успела уехать во Францию, как попала в руки этих монстров («Unmenschen»), которые заживо вырезали ребенка из ее тела: «мы сами видели эту только что испутившую дух несчастную жертву мести» [См. подробнее: 10].

2 В архивах Героны сохранились документы, предписывающие создать женские роты им. Святой Барбары, подписанные Альваресом.

защитит жителей Героны, сражающихся с таким благородством, и штурм не удастся»¹. О реакции рядовых солдат на это обещание и реплику их командира Циммерманн не сообщает; сам Муфф в этом сражении получил ранение в грудь и скончался². Но, надо полагать, что и рядовые бергцы были в глазах Циммерманна едва ли не образцом благочестивости.

Когда некоторых местных священников за поддержку повстанцев решили отправить во Францию, миссию конвойных поручили бергцам. Циммерманн вспоминал: «Нам, бергцам, доверили руководить перевозкой священнослужителей, и, наверное, никогда не приходилось видеть подобного каравана. Только представьте себе разную одежду, капюшоны, длинные седые бороды, большие широкие шляпы и лысины, очки и т. д. Короче говоря, это был маскарад, который производил крайне неприятное впечатление, но наши молодые солдаты, воспитанные в религиозном духе, оказывали самое уважительное отношение к достопочтенным отцам, выражая им свое искреннее сочувствие» [16, s. 52].

По пути во Францию, в тех городах, что находились под французским контролем, особенно в районе Барселоны и Бальбастро, отношение местного населения к оккупантам было достаточно миролюбиво. Некоторые из бергских солдат даже успели завести недолгие романы с местными женщинами [16, s. 62]. По прибытии в Париж, полк получил двухнедельный отдых. Также Циммерманн не забыл упомянуть, что весной 1811 г. бергцы присутствовали при крещении в Соборе Парижской Богоматери «орленка» – Наполеона II.

Когда в конце 1811 г. бергцы наконец вернулись в Дюссельдорф, их осталось «немногим больше 120 человек». При этом большая часть воинского контингента погибла не столько от боестолкновений с противником, сколько из-за болезней. Сам Циммерманн писал об этом следующее: «непростые условия жизни привели к огромному количеству болезней, что негативно сказалось не только на численности, но и на боевом духе солдат. Причины кроются в отвратительном обеспечении армии. Но, несмотря на это, бергцы имели крайне высокую дисциплину, выраженную, в соблюдении строгих приказов начальства на запрет грабежей и мародерства, что отразилось на благосклонном отношении с местным населением, помогавшим военным смягчить их крайне суровый быт пропитанием, медикаментами и периодически давая кров над головой» [16, s. 56; О болезнях в Великой армии см. также: 2].

1 Муффа заменил майор Ферх, остававшийся командиром Циммерманна вплоть до Березины, где он погибнет от ран.

2 1-й и 2-й пехотные бергские полки понесли большие потери (только при штурме городских стен в сентябре 1809 г. выбыли из строя 261 человек) и к моменту падения города их общая численность равнялась силам одного батальона.

Испанской кампанией участие Берга в европейских войнах той эпохи не закончилось. Уже вскоре после возвращения в Дюссельдорф восполнили потери пехотных полков и дополнительно доукомплектовали их артиллерией, инженерами и саперами. Сам Циммерманн был переведен в лейтенанты. По расписанию на 3 сентября 1812 г. соединения из великого герцогства Берг (7 линейных пехотных батальонов и 12 орудий) под общей командой генерала Ж.-М. Гейтера вошли в состав 1-й бригады генерала Ф.-Э. Дама в 26-й дивизии генерала Г. В. Дандельса в IX-м армейском корпусе под командованием маршала К.-П. Виктора.

Основные события похода 1812 г. Циммерманн описывал крайне скупно, оставляя в своем походном дневнике короткие записи о пройденных населенных пунктах: «12-го сентября наступило затишье в лесу; далее марш продолжался 13-го числа до Молодечно, 14-го – до Радошковичи и 15-го – до Минска, где солдаты разбили лагерь в лесу и нашли много дикого меда; 16-го – затишье, 17-го – до Смолевичи и 18-го – до Борисова на Березине. Здесь нас разместили по домам, а с 19-го по 24-е мы прошли через Бодр, Людчину, Барановичи и Оршу, где переправились через Днепр, который отсюда поворачивает к Черному морю»³ [16, s. 74].

Более подробно лейтенант описал остановку в Смоленске, дав крайне нелицеприятную характеристику месту пребывания: «Нас поселили по домам ротами в пригороде, если можно иначе назвать убогую деревушку деревянных лачуг. Этот город был ужасно разрушен и почти полностью покинут жителями; однако там хранились скудные запасы, и мы получали сухари и мясо. Бергцы оставались здесь до 11 октября»⁴ [16, s. 75].

20 октября 9-й корпус направлен на помощь войскам Л. Гувьон Сен-Сира, действовавшим на Петербургском направлении. Через Рудню и Бабиновичи полк Циммерманна вышел к Витебску, где 9-й корпус соединился со 2-м корпусом Великой армии: «2-й корпус под командованием Сен-Сира был оттеснен Витгенштейном из Полоцка и подвергся преследованию. Сам Сен-Сир был ранен, но, поскольку его генералы не могли договориться о его преемнике, <...> просил сохранить командование за собой» [16, s. 75]⁵. Но все же 21 октября 1812 г. генерал К.Ж.А. Легран заменил маршала Сен-Сира на посту командира 2-го корпуса.

18(30) октября 2-й и 9-й корпуса соединились у деревни Чашники, где на следующий день произошел бой между авангардом Витгенштейна

3 9-й корпус 19(31) августа двинут через Ковно, Вильно, Минск и Оршу в Смоленск, куда прибыл 15(27) сентября.

4 29 сентября (11 октября) корпус был рассредоточен по Смоленской губернии.

5 После ранения Удино командование 2-м корпусом принял Сен-Сир, который также был ранен под Полоцком, но остался командовать корпусом.

и корпусом Лиграна. Циммерманн полагал, что позиция атаковавших русских была не самой лучшей и для них все могло бы кончиться плохо, если бы Лигран и Виктор действовали более согласованно. А так, понеся потери, французы стали отступать на Лепель и Сенно [16, s. 75]¹. Оттеснить Витгенштейна за линию Двины не удалось, опасность тыловым коммуникациям французской армии еще более усилилась.

Хотя бергские части в бою у Чашниках оставались в резерве, отступление оказало на них неблагоприятное моральное воздействие. Циммерманн в своем дневнике отмечает большое количество различных болезней, выкашивавших очень многих солдат и офицеров. Он, как и оценивая потери на Пиренейском полуострове, считал, что эпидемии и болезни были вызваны проблемами со снабжением, плохим питанием и переменчивым климатом: «установилась крайне противная погода: земля раскисала, так что пехота часто оказывалась по икры в грязи, а их и без того плохая обувь разваливалась. Это было тем более ужасно, что об отдыхе нельзя было даже думать. Бергцы шли в арьергарде, и кавалерия Витгенштейна ни на минуту не отвлекалась от преследования» [16, s. 80].

Большое впечатление произвел на лейтенанта вид отступавших из Москвы по Смоленской дороге частей Великой армии, с которыми бергцы встретились 23–24 ноября. Циммерманн сравнил отступавших солдат с восставшими из могил скелетами. Большая часть была вообще без оружия, а те, кто имели ружья, использовали их в качестве посоха для опоры. Видел Циммерманн якобы и самого Наполеона: «Наконец появился император в окружении частей своей старой гвардии и генерального штаба; при его появлении 9-й корпус торжественно крикнул: «vive l'Empereur». Вероятно, Наполеон давно уже не слышал этого возгласа, и, хотя сразу же поблагодарил приветствовавших его, но остался мрачным: казалось, он хотел упрекнуть 9-й корпус в том, что тот не уничтожил Витгенштейна и не обеспечил ему более надежное прикрытие для отступления» [16, s. 81].

Переправе через Березину Циммерманн посвятил отдельную главу: «28 ноября Витгенштейн появился на высотах, и его артиллерия начала обстреливать переправу, произошел самый ужасный беспорядок. Задние ряды теснили передние, более сильные теснили более слабых, и возник такой ужасный шум, что все просьбы и приказы старших офицеров были безрезультатны. Многие женщины и дети покинули свои повозки, чтобы пойти пешком; теперь на них накинута всякое отребье и началась страшная драка из-за содержимого обозов: к сожалению, не было недостатка в постыдных делах» [16, s. 82].

Однако, описывая страшную давку, происходившую на переправах, Циммерманн отмечает и проявления человечности: автор дневника наблюдал солдат и офицеров, несших на себе раненных товарищей, или впрягавшихся в повозки. Причем подобная гуманность проявлялась не только в спасении своих боевых товарищей, но в спасении гражданских: один из артиллеристов увидел, как на середине реки перевернулась лодка, перевозившая женщину с двумя детьми; он прыгнул в ледяную воду, сумев спасти одного из детей. Далее он вспоминает, как баденцы помогли переправиться раненному офицеру и его жене, перевезя их через реку. Таких случаев, уверял Циммерманн, было много [16, s. 80].

Судьба самих бергцев прикрывавших переправу, была трагична. Циммерманн писал, что «офицеры вооружились ружьями своих павших солдат и сражались, и командовали одновременно. Кровавый бой продолжался около 5 часов» [16, s. 80]. К вечеру 28 ноября среди бергцев осталось 150 чел., способных сражаться, среди находившихся рядом с ними баденцев – около 200. Погибло много офицеров, среди которых был и полковник Ферх. Генерал Гейтер потерял в этом сражении руку. Но на этом потери не закончились: из-за наступивших морозов многие солдаты умирали от истощения сил и обморожения [16, s. 91].

Циммерманн отмечал, что между немецкими контингентами, сражавшимися плечом к плечу при переправе через Березину, сложились отношения боевого товарищества. Когда баденцы раздобыли где-то несколько фунтов муки, то они по-братски поделились ею с бергцами, у которых были проблемы с продовольствием. Также поступил и один вюртембергский офицер, встретившийся Циммерманну с его товарищем: безвозмездно поделился припасами. Хлебом делились с бергцами и солдаты из Липпе-Детмольда. Добрых слов удостоились в записях бергского лейтенанта пастор, который подарил ему новый комплект одежды и лечил его обморожение, и один чиновник из Кёнигсберга, которого он спас в 1807 г. от нападок пьяного солдата, а теперь тот помог Циммерманну в бедственном положении [16, s. 94]².

В декабре 1813 г. Циммерманну довелось столкнуться с брутальностью казаков. В целом он с уважением писал о русской армии, но казаки вызывали у него трепет. Эти «орды, со смертоносным криком «ура!» атаковали Иоганнисбург (польск. Пиш) и ограбили немцев: «К несчастью, у меня было еще кольцо с бриллиантом на мизинце правой руки; пальцы, распухшие от холода, почти не позволяли стянуть его. Один казак, который собирался полностью ограбить меня, заметил это кольцо, и когда я дал ему понять, что снять его невозможно, он вытащил старый нож,

1 Сен-Сир также полагал, что Виктор в бою у Чашниках должен был поддержать корпус Лиграна и перейти в общее наступление.

2 Наставлениям о том, что солдату стоит совершать добрые поступки, которые потом вернуться к нему большим добром, в полевом дневнике посвящен отдельный абзац. [16, s. 94]

демонстрируя, что готов отрезать палец вместе с кольцом. Я попросил его подождать минутку, сунул палец в рот, и мне все же удалось, правда, с некоторой потерей кожи, снять его; мой дорогой крест, который я всегда носил на шее, тоже попал в жадные лапы этого грубого казака» [16, s. 92].

Результаты. С конца декабря 1812 г. до 9 января 1813 г. остатки бергских войск находились в Мариенвердере. Вскоре, вернувшиеся из России офицеры были мобилизованы для подавления антифранцузского восстания, получившего название «Knüppelrussen», которое, согласно записям Циммерманна, «без труда было подавлено» [16, s. 106]. В дальнейшем бергцы были отправлены в крепость Шербур, где находились до марта 1814, откуда вернулись в Дюссельдорф в мае этого же года. Циммерманн отметил потери своих сограждан: «Из семи батальонов пехоты и одного батальона артиллерии только 64 офицера и 130 унтер-офицеров, и рядовых вернулись домой в самом жалком состоянии» [16, s. 100]. При этом не все из них даже видели Россию: многие еще ранее оказались в госпиталях в Восточной Пруссии.

12 Ноября (31 Октября) 1813 г. Дюссельдорф был занят частями корпуса Винцингероде, территория герцогства передана под управление

временного генерал-губернатора. Как встречали в новых условиях дюссельдорфцы своих ветеранов? В записях Циммерманна сквозит разочарование: «нас считали чужаками, а иногда даже предателями» [16, s. 108]. Представители новой администрации, некоторые из которых ранее служили французам, даже не организовали хотя бы торжественный обед с вернувшимися с войны офицерами: «казалось, кто-то хотел скрыть случившуюся огромную трагедию или стыдился ее» [16, s. 98]. Циммерманн вынужден оправдываться: «Мы выполняли только свой долг, но эти господа не хотели признавать, что верное выполнение долга является добродетелью солдата при любых обстоятельствах» [16, s. 104].

Дневник Циммерманна заканчивается следующими словами: «Это был печальный конец войск, которая участвовала в кампаниях 1806, 1807, 1808, 1809, 1810, 1811 в 1812 году он прославился и удостоился высокой похвалы от командующих некоторых армий того времени, а некоторые из перечисленных выше солдат и офицеров были удостоены наград за свою храбрость, зачастую после смерти» [16, s. 111].

Литература

1. Гладышев А. В. Наполеон и границы Германии // Феномен границ в истории и исторической памяти. Материалы Международной научной конференции (14–17 октября 2021 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. С. 135–148.
2. Гладышев А. В. Прощальный «дар» Великой армии: эпидемия тифа в Европе 1813–1814 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021 (а). С. 91–144.
3. Копылов Н. А. «Нашествие двенадцати языков»: война 1812 года глазами солдат-иностранцев «Великой армии» // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25). С. 49–56.
4. Леттов-Форбек О. История войны 1806–1807 г. В 4-х т. Варшава: Тип. Окр. штаба, 1895.
5. Bell W. Der Aufstand der «Knüppelrussen» im Bergischen Land // Dreher B., Engelbrecht J (Hg.) Das Herzogtum Berg 1794–1815. Düsseldorf, 1985. s. 85–92.
6. Dietz B. (Hg.). Das Großherzogtum Berg als napoleonischer Modellstaat. Eine regionalhistorische Zwischenbilanz. Köln, 1995.
7. Dreher B. Großherzoglich-bergische Truppen 1806-1813 // Engelbrecht J. (Hg.). Das Herzogtum Berg 1794–1815. Düsseldorf, 1985.
8. Fischer P. Feste Graudienz 1807 unter Gouverneur de Courbiere – Geschichte der Blockade und Belagerung. Graudenz, 1907.
9. Ham R., Kandil M. Die napoleonischen Modellstaaten // Brandt P. (Hg.). Handbuch der Verfassungsgeschichte im 19. Jahrhundert. Institutionen und Rechtspraxis im gesellschaftlichen Wandel. Bd. 1: Um 1800. Bonn, 2006. s. 684–713.
10. Herrmann. Die bergische Kavallerie, oder kurzgesasste Schilderung der Schicksale dieses Truppenkorps in Spanien und Sachsen. Dusseldorf, 1842.
11. Holzhausen P. Die Deutschen in Russland 1812: Leben und Leiden auf der moskauer Heerfahrt. Berlin, 1912.
12. Iskul' S.N. Der Aufstand im Großherzogtum Berg gegen Napoleon im Jahre. 1813 // Bergisches Geschichtsverein. Bd. 92. 1986. s. 57–68.
13. Junk H.-K. Das Großherzogtum Berg. Zur Territorialgeschichte des Rheinlandes und Westfalens in napoleonischer Zeit // Westfälische Forschungen. 1983. № 33. s. 29–83.
14. Junk H.-K. Grundzüge der Territorialentwicklung des Großherzogtums Berg (1806-1813) // Dietz B. (Hg.). Op. cit. s. 40–53.
15. Junk H.-K. Verwaltung und Verwalter des Großherzogtums Berg // Schmidt Ch. Das Großherzogtum Berg 1806–1813. Eine Studie zur französischen Vorherrschaft in Deutschland unter Napoleon I. Aisch, 1999. s. 438–491.
16. Zimmermann P. Erinnerungen aus den Feldzügen der bergischen Truppen in Spanien und Russland. Dusseldorf, 1842.

References

1. Gladyshev A. V. Napoleon and the borders of Germany in The phenomenon of borders in history and historical memory. Materials of the International Scientific Conference (October 14-17, 2021). Stavropol: Publishing House of NCFU, 2021. p. 135–148. (In Russ.).
2. Gladyshev A. V. The farewell «gift» of the Great Army: the typhus epidemic in Europe 1813–1814 in French Yearbook. 2021. Epidemics in the history of France. Moscow: IWH RAS, 2021. p. 91–144. (In Russ.).
3. Kopylov N. A. «Invasion of two dozen languages»: the War of 1812 through the eyes of foreign soldiers of the «Great Army». Vestnik of MGIMO University = Bulletin of MGIMO University. 2012;4 (25): 49–56 (In Russ.).

4. Lettov-Forbek O. The History of the War of 1806-1807 In 4 volumes Warsaw, 1895. (In Russ.).
5. Bell W. The uprising of the «Knüppelrussen» in the Bergisches Land // Dreher B., Engelbrecht J (ed.) The Duchy of Berg 1794–1815. Düsseldorf, 1985. pp. 85-92.
6. Dietz B. (Ed.). The Grand Duchy of Berg as a Napoleonic model state. A regional historical interim report. Cologne, 1995.
7. Dreher B. Grand Ducal Bergian troops 1806 – 1813 in Engelbrecht J. (Ed.). The Duchy of Berg 1794–1815. Düsseldorf, 1985.
8. Fischer P. Feste Graudienz 1807 under Gouverneur de Courbiere – History of the blockade and siege. Graudenz, 1907.
9. Ham R., Kandil M. The Napoleonic Model States in Brandt P. (ed.). Handbook of Constitutional History in the 19th century. Institutions and legal practice in the context of social change. Bd. 1: Around 1800. Bonn, 2006. pp. 684-713.
10. Herrmann. The Bergische Kavallerie, or brief description of the fates of this troop corps in Spain and Saxony. Dusseldorf, 1842.
11. Holzhausen P. The Germans in Russia 1812: Life and suffering on the Moscow army cruise. Berlin, 1912.
12. Iskjul' S. N. The uprising in the Grand Duchy of Berg against Napoleon in the year. 1813 in Bergisches Geschichtsverein. Bd. 92. 1986. pp. 57–68.
13. Junk H.-K. The Grand Duchy of Berg. On the territorial history of the Rhineland and Westphalia. Napoleonic times in Westphalian research. 1983; 33 : 29–83.
14. Junk H.-K. Basic features of the territorial development of the Grand Duchy of Berg (1806–1813) in Dietz B. (ed.). Op. cit. PP. 40–53.
15. Junk H.-K. Administration and Administrator of the Grand Duchy of Berg in Schmidt Ch. The Grand Duchy of Berg 1806–1813. A study of French rule in Germany under Napoleon I. Aisch, 1999. pp. 438–491.
16. Zimmermann P. Memoirs from the campaigns of the bergian troops in Spain and Russia. Dusseldorf, 1842.

Научная статья

УДК 378.961 (470.23-2) : 93/94 «1941/45»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.3>

СТАВРОПОЛЬСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ – ФРОНТУ

Игорь Владимирович Карташев¹

¹ Ставропольский государственный медицинский университет (д. 310, ул. Мира, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
 Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1526-4530> E-mail: kartashev_iv@mail.ru

Аннотация. Введение. Важную роль в достижении победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне играли учреждения по подготовке кадров, в которых остро нуждалась Красная Армия, – военных, инженерных, медицинских. Одним из высших учебных заведений, готовивших врачей для фронта и тыла на юге страны, был Ставропольский государственный медицинский институт. Однако информация о его деятельности по ряду направлений в указанный период времени в значительной мере носила обрывочный характер. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе документов и материалов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Государственного архива Ставропольского края, архива и музея Ставропольского государственного медицинского университета, анализе краевых печатных изданий периода Великой Отечественной войны, а также результатов предыдущих научных работ по данной проблематике. На основе сочетания сведений различных источников комплексно рассматривается деятельность медицинского института и его сотрудников по оказанию помощи фронту как до оккупации Ставрополя, так и после его освобождения от германских войск. **Анализ.** Анализ показал, что, наряду с основной задачей по подготовке вузов медицинских работ-

ников высшей квалификации, его сотрудники активно оказывали другую помощь фронту. **Результаты.** В ходе проведенного исследования было выяснено, что специалисты клинических кафедр вуза принимали активное участие в работе эвакогоспиталей города и края, на территории которого была развернута крупнейшая госпитальная база советских войск. Научные сотрудники института, среди которых было большое количество видных ученых, участвовали в разработке тем военно-медицинской направленности. Работники и студенты вуза занимались общественной, просветительской и агитационной деятельностью, оказывали финансовую помощь фронту.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ставропольский медицинский институт, медицина, врач, подготовка кадров, эвакогоспиталь, научная деятельность, конференция

Для цитирования: Карташев И. В. Ставропольский медицинский институт – фронту // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 383–389. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 13.08.2023.

Статья принята к публикации: 30.08.2023.

Research article

STAVROPOL MEDICAL INSTITUTE TO HELP THE FRONT

Igor V. Kartashev¹

¹ Stavropol State Medical University (310, Mira St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
 Cand. Sc. (History), Senior Researcher
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1526-4530> E-mail: kartashev_iv@mail.ru

Abstract. Introduction. An important role in achieving the victory of the Soviet people over Nazi Germany in the Great Patriotic War was played by training institutions that the Red Army badly needed - military, engineering, medical. One of the higher educational institutions that trained doctors for the front and rear in the south of the country was the Stavropol State Medical Institute. However, information about his activities in a number of areas during this period of time was largely fragmentary. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of documents and materials from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the State Archive of the Stavropol Territory, the archive and museum of the Stavropol State Medical University, the analysis of regional printed

publications during the Great Patriotic War, as well as the results of previous scientific works on this issue. Based on a combination of information from various sources, the activities of the medical institute and its employees in providing assistance to the front both before the occupation of Stavropol and after its liberation from German troops are comprehensively considered. **Analysis.** The analysis showed that, along with the main task of training highly qualified medical workers by the university, its employees actively provided other assistance to the front. **Results.** In the course of the study, it was found that the specialists of the clinical departments of the university took an active part in the work of the evacuation hospitals of the city and the region, on the territory of which the largest hospital base of the Soviet troops was deployed. Research staff

of the institute, among whom there were a large number of prominent scientists, participated in the development of military medical topics. Employees and students of the university were engaged in social, educational and propaganda activities, provided financial assistance to the front.

Keywords: The Great Patriotic War, the Stavropol Medical Institute, Medicine, a doctor, training, evacuation hospital, scientific activity, conference

Введение. В 2023 году мы отмечаем две важные для Ставрополя даты, связанные с 80-летием освобождения края от немецко-фашистских захватчиков и 80-й годовщиной завершения Битвы за Кавказ. Эти события оказали огромное влияние на ход Великой Отечественной войны, дальнейшее развитие всей страны и нашего региона. В этом же году исполняется 85 лет Ставропольскому государственному медицинскому университету (СтГМУ) – одной из крупнейших на Юге России школ по подготовке кадров для учреждений здравоохранения. Становление вуза пришлось на предвоенный период и первые годы войны.

Несмотря на свой молодой возраст медицинский институт из Ворошиловска (так до 12 января 1943 года назывался Ставрополь) не только выполнял свои основные задачи по подготовке так необходимых стране врачей, но и оказывал другую помощь фронту. Рассмотрению данного вопроса посвящена настоящая статья. Она имеет своей целью систематизацию сведений и восполнение пробелов в научном знании об этом сложном и в то же время героическом периоде биографии вуза. Дополнительной актуальности ей придает схожесть ситуации, в которой современная Россия в новой реальности столкнулась с серьезными внешними вызовами.

Отметим, что изучению вопросов организации Ворошиловского медицинского института посвящен ряд научных исследований, проведенных сотрудниками центра изучения истории медицины СтГМУ [18; 21; 28]. Однако проблематика, исследуемая в настоящей статье, в этих работах в полном объеме не рассматривалась.

Материалы и методы. В целях проведения объективного исследования, соблюдения принципа историзма и всестороннего изучения проблемы автор опирался на широкий комплекс архивных материалов, большинство из которых ранее опубликованы не были. Наряду с документами центрального и регионального архивов, были использованы материалы из фондов архива и музея СтГМУ, издаваемой на Ставрополье периодической печати, представленной, в первую очередь, газетами «Орджоникидзевская правда» и «Ставропольская правда».

Анализ. К лету 1941 г. первые студенты Ворошиловского медицинского института завершали обучение на 3-м курсе. В вузе действо-

For citation: Kartashev I. V. Stavropol medical institute to help the front. Humanities and law research. 2023;10(3): 383–389. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.3>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.07.2023.

The article was approved after reviewing: 13.08.2023.

The article was accepted for publication: 30.08.2023.

вали 20 кафедр, курсы иностранного языка и военно-санитарной подготовки. С началом войны, уже в июле 1941 г., в Ворошиловск начали прибывать студенты и преподаватели медицинских институтов, расположенных на оккупированных и прифронтовых территориях, – Ленинграда, Симферополя, Киева, Одессы, Винницы, Минска, Воронежа и других городов. В августе практически в полном составе в город эвакуировался и слился с местным вузом Днепропетровский медицинский институт [13, л. 37]. В январе 1942 г., наряду с летним набором 1941 г., был произведен дополнительный набор студентов [15, с. 4]. В результате весной 1942 г. в вузе функционировали уже 33 кафедры, был заметно усилен профессорско-преподавательский состав, а количество студентов достигло почти двух тысяч [9, л. 16]. Примечательно, что основная масса студентов, несмотря на уплотнение программы, успешно справлялась с учебой, а число отличников даже возросло [31, с. 2].

Первый выпуск врачей, срок обучения которых в условиях военного времени был сокращен с 5 до 3,5 лет, должен был пройти летом 1942 г. По имеющимся сведениям, 1 августа 1942 г., буквально накануне захвата врагом краевого центра, медицинский институт выпустил 389 молодых врачей. В условиях стремительного наступления противника, прорвавшего оборону советских войск, всем им были выданы документы военного образца без сдачи государственных экзаменов [27, с. 58]. Большинство выпускников вуза попало на фронт.

Наряду со своей основной функцией, связанной с подготовкой медицинских кадров, сотрудники института вносили и другой вклад в общее дело победы над врагом. Практически сразу после нападения Германии на Советский Союз в Ворошиловске, согласно мобилизационному плану, были развернуты эвакогоспитали (ЭГ) № 1626 на 1200 хирургических, травматологических, полостных коек и № 1627 на 300 терапевтических коек [22, с. 41]. Позже в городе был образован и ряд других эвакогоспиталей. К работе в них были привлечены сотрудники клинических кафедр вуза. В частности, начальником хирургического отделения ЭГ № 1626 был ассистент кафедры общей хирургии М. С. Макаров [19, с. 161]. Заведующий этой кафедрой профессор П. М. Ковалевский являлся постоянным консультантом ЭГ №№ 1626 и 1009 [1, л. 42].

Вскоре после начала войны по инициативе ученого совета института в городе было создано медицинское общество. Его председателем стал профессор кафедры патологической физиологии Ф. М. Бриккер, заместителями – профессор кафедры факультетской хирургии И. Ф. Каплан и известный бактериолог, доктор медицинских наук М. П. Покровская. Своими задачами общество считало максимальную мобилизацию активности врачебных кадров, обмен опытом, использование его в лечебном деле, в особенности в эвакуационных госпиталях. На пленарных заседаниях, в частности, рассматривались вопросы о роли врача в войне, борьбе с боевыми отравляющими веществами, эпидемиями. Активную работу вели секции общества [4, с. 2].

В сентябре 1941 г. в институте прошла 1-я научная оборонная конференция. Сведений о ее проведении немного. Известно, что в состав комиссии по ее проведению входили профессор И. Ф. Каплан (председатель), Д. Ф. Окунев, П. М. Ковалевский, Ю. А. Петровский, В. В. Лауэр, Г. С. Барг, Ф. М. Бриккер, Я. А. Лазарис. С докладом на тему «Основные принципы лечения отморожений» выступал профессор П. М. Ковалевский. Он же выступал на заседании краевого общества хирургов с докладом «Основные принципы современного лечения огнестрельных переломов трубчатых костей» [1, л. 60об.].

С докладом «О неврозах военного времени» на межгоспитальной конференции, прошедшей в краевом центре в 1941 г., выступил ассистент кафедры психиатрии А. Я. Доршт, возглавивший работу ЭГ № 3800. Позднее, при захвате врагом Ворошиловска, он вывел из города и обеспечил доставку к новому месту дислокации пациентов и сотрудников госпиталя, сумев спасти часть вверенного имущества [30, л. 286]. В 1943 г. он выступил на 4-й Республиканской конференции врачей эвакуационных НКЗ Дагестанской АССР с сообщением «Неврозы военного времени», на 4-й конференции эвакуационных РЭП-27 во Львове – с докладом «Психические расстройства при огнестрельных ранениях черепа». Его работа «Закрытые черепно-мозговые травмы и неврозы» в 1943 г. была напечатана в сборнике материалов Фронтальной конференции невропатологов Северо-Кавказского фронта [2, л. 31].

В начале июля 1942 г. в вузе состоялась 2-я научно-оборонная конференция. В ее работе, наряду с сотрудниками медицинского института, приняли активное участие многие работники эвакуационных госпиталей. На конференции было заслушано и обсуждено 25 докладов по наиболее актуальным на тот момент вопросам. Выступления докладчиков объединяло одно – стремление максимально помочь фронту. Профессор кафедры общей терапии Н. М. Безчинская представила доклад о результатах лечения рентгеновыми

лучами травматических остеомиелитов. Участники конференции постановили поднять перед крайздравом вопрос о срочной организации рентгенотерапии во всех эвакуационных госпиталях края.

Широкое обсуждение вызвали доклады профессора кафедры химии М. Т. Фридмана и доцента В. Ф. Николенко по вопросам лечения инфицированных ран кислотными растворами, а также профессора кафедры химии Б. Г. Векснера о глухой гипсовой повязке в условиях эвакуационных госпиталей. С докладом о методике, улучшающей течение регенераторного процесса в ране толстого кишечника, выступил профессор кафедры факультетской хирургии И. Ф. Каплан. Заведующий кафедрой патологической анатомии профессор В. В. Лауэр призвал коллег при лечении огнестрельных ранений грудной клетки шире использовать консультации специалистов смежных дисциплин.

Большое внимание было уделено вопросам борьбы с отравляющими веществами. Так, профессор кафедры военно-санитарной подготовки Я. А. Лазарис разъяснил принципы оказания помощи раненым в случае их заражения отравляющими веществами. Профессор кафедры патологической физиологии Ф. М. Бриккер рассмотрел порядок действий при лечении пациентов с отморожением тканей, пораженных ипритом.

Проблемам лечения травматических повреждений нервной системы были посвящены выступления сотрудников кафедры психиатрии – заведующего кафедрой профессора В. В. Браиловского и доцента Т. М. Виленского. О проведении экспертизы повреждений нервной системы рассказал участникам конференции заведующий кафедрой нервных болезней профессор И. А. Бейлин.

Доложили научные сотрудники института и о производстве на базе его лабораторий лекарственных препаратов, в частности, инсулина и адреналина. Выпуск последнего к моменту проведения конференции был организован уже в промышленных масштабах. Кроме того, на ней были представлены разработанные специалистами вуза приборы – тензиометр, вискозосталагмометр, цистометр (профессор А. В. Хохлов), методы микрофотографии, сосудистый жгут новой конструкции (профессор И. Ф. Каплан).

Также на конференции с различных точек зрения – клинической (профессор Б. Я. Падалка), бактериологической (профессор Г. С. Барг), эпидемиологической (профессор С. С. Познанский) – была освещена крайне актуальная проблема распространения сыпного тифа. Малоизученному вопросу о паратравматических экземах посвятил свой доклад заведующий кафедрой кожных болезней профессор А. В. Заславский. Профессор этой же кафедры И. С. Мильман проинформировал врачей эвакуационных госпиталей о методах борьбы с грибковыми инфекциями кожи [17, с. 4].

Наряду с проведением научных конференций медико-оборонного и противоэпидемического характера, сотрудники вуза выполняли много другой работы в интересах фронта. Заведующий кафедрой микробиологии профессор Г. С. Барг являлся консультантом краевого отдела здравоохранения по линии эвакуогоспиталей. Был организатором бактериологической лаборатории при эвакуогоспитале и ее постоянным консультантом, организовал конференцию сотрудников военных лабораторий города. Выступал перед врачами медицинского санитарного батальона с докладами о раневых инфекциях, профилактике столбняка, газовой гангрене. В подобной работе участвовал и профессор кафедры микробиологии С. М. Минервин, специализировавшийся в области борьбы с туляремией [11, л. 53–55].

Заведующий кафедрой общей гигиены профессор М. В. Дониц, профессор И. Я. Штрум и другие сотрудники кафедры к марту 1942 г. обследовали 12 военизированных производств, провели проверку состояния банно-прачечного дела в Ворошиловске. Ими были прочитаны лекции на тему «Гигиена бойца» для пациентов, а также «Пищевые отравления» и «Новое в учениях о витаминах» для сотрудников эвакуогоспиталей города. Кроме того, было осуществлено исследование питьевой воды в ЭГ № 1626 [11, л. 71–72].

Важная роль отводилась вузу в вопросе подготовки специалистов для работы в эвакуогоспиталях края, на территории которого была развернута мощнейшая госпитальная база Красной Армии. В соответствии с приказами Наркомздрава СССР № 78 от 27 ноября 1941 г. и № 28 от 15 января 1942 г. Ворошиловский медицинский институт в течение 1942 г. должен был обеспечить дополнительное обучение и специализацию 210 врачей эвакуогоспиталей края по хирургии [10, л. 1–2об.]. Обучение планировалось провести в 6 потоков, по 35 человек, на клинической базе института с отрывом от основной работы. Судя по всему, в связи с захватом противником региона в полном объеме осуществить обучение не удалось.

Программа обучения предусматривала теоретические занятия по санитарно-тактической подготовке врачей-хирургов. Сотрудники института выступали перед ними с лекциями об организации войскового, армейского и фронтового тыла, принципах этапного лечения раненых и больных, организации санитарной службы стрелковых рот и батальонов, санитарном обеспечении стрелковой дивизии, грунтового участка военной дороги [10, л. 3].

Следующим этапом подготовки являлось чтение лекций по хирургии. С лекциями о классификации и характеристике огневых ран, шоке, повреждении конечностей выступал профессор кафедры химии М. Т. Фридман. Лекции о кровотоке, переливании крови, повреждении грудной клетки читал профессор кафедры химии

Б. Г. Векснер. С докладом о лечении ранений мягких тканей выступал заведующий кафедрой общей хирургии профессор П. М. Ковалевский. Вопросы, связанные с лечением повреждений головы, а также хирургической помощью на различных этапах эвакуации, освещал профессор кафедры госпитальной хирургии Френкель [10, л. 14].

Ежедневно, кроме воскресенья, в госпитале проводились практические занятия по хирургии, оперативной хирургии, военно-санитарной тактике и санитарно-химической защите. Большая часть обучения осуществлялась в клиниках, развернутых на базе ЭГ № 1626 [8, л. 14]. По каждой из дисциплин после завершения практических и теоретических занятий врачи сдавали зачеты преподавателям медицинского института [10, л. 17, 33].

Выполняли сотрудники вуза и много практической работы, направленной на производство лекарств и витаминов. По инициативе директора института П. В. Полосина весной 1942 г. была исследована возможность изготовления ряда дефицитных лекарственных препаратов из местного сырья в лабораториях вуза. Профессор кафедры факультетской терапии Я. С. Шварцман налаживал производство миоля – средства для лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Полностью был решен вопрос с производством стрептоцида [23, с. 2]. Лаборатория под руководством профессора Я. А. Лазариса не только освоила изготовление адреналина и инсулина, но и завершала подготовку к выпуску оварина и спермокринина [16, с. 2].

Успешно прошли лабораторные опыты по производству витаминов «К» и «РР» из местного сырья, о чем на краевой конференции в Пятигорске в мае 1942 г. докладывал доцент кафедры органической химии Л. М. Кульберг. На этой же конференции с докладами о применении и производстве витаминных препаратов выступили заведующий кафедрой общей гигиены профессор М. В. Дониц, профессор кафедры педиатрии М. Б. Голомб, профессор кафедры химии М. Т. Фридман [5, с. 2].

Кроме того, сотрудники института занимались просветительской и агитационной деятельностью. Неоднократно научные работники вуза выезжали с лекциями в районы края. Так, доцент кафедры биологической химии, доктор медицинских наук Я. И. Бляхер в марте 1942 г. выступил с 47 лекциями в Невинномысском и Нагутском районах. В общей сложности лекции на темы «Фашизм – злейший враг науки», «Витамины и их оборонное значение», «Советская наука и фашистская лженаука» прослушало более 4 тысяч человек [24, с. 2]. Активно участвовали в общественной работе сотрудники кафедры микробиологии, являвшиеся секретарями, активистами, агитаторами в различных политкружках, комитетах, агитационных пунктах и участках [11, л. 53–55].

Оказывали помощь фронту и студенты. Многие из них, как, например, ставший впоследствии военным хирургом А. Б. Русаков, работали в эвакуационных госпиталях города. В период с 26 октября 1941 по 5 января 1942 г. студенты 1–3 курсов вуза находились на строительстве оборонительных рубежей на территории края. В общей сложности руками рабочих, служащих, колхозников, студентов, школьников было построено более 500 км противотанковых рвов и пулеметных дзотов. Впоследствии для сдерживания наступления противника они использованы не были. Мобилизация 75 тысяч человек, в том числе студентов вузов, для строительства новых оборонительных рубежей была предусмотрена властями края и в период с 4 по 20 августа 1942 г. [7, л. 55]. Однако провести ее в условиях захвата противником территории Ставрополя не удалось.

Процесс подготовки медицинских кадров, работа сотрудников института в эвакуационных госпиталях, их активная научная деятельность в интересах фронта были прерваны в связи с захватом Ворошиловска врагом 3 августа 1942 г. Накануне некоторые сотрудники и студенты института смогли покинуть город. В период оккупации в ходе проведенных нацистами карательных акций против еврейского населения погибли 72 человека из числа сотрудников вуза, студентов и членов их семей [28, л. 17–20]. В числе погибших были видные специалисты в области медицины, в частности, профессора Ф. М. Бриккер, Я. С. Шварцман, Я. Г. Замковский, Г. С. Барг, Н. М. Безчинская, А. Б. Френкель, Р. И. Полонская, В. В. Браиловский, доценты Р. А. Булгач, Т. М. Виленский, И. М. Фишельсон, И. А. Люблинский, Я. И. Бляхер и другие. Кроме того, в оккупации умер профессор Д. Ф. Окунев, а в эвакуации – профессор М. Т. Фридман [13, л. 37].

Несмотря на огромные человеческие и материальные потери, которые понес институт, уже 8 февраля (по другим данным – 10 февраля) 1943 г., спустя считанные дни после освобождения Ставрополя, которому к этому времени было возвращено его прежнее название, вуз возобновил свою работу. Занятия были организованы на 21 кафедре на всех 4-х курсах, в том числе и на 1-м, куда было принято более 200 студентов [3, с. 4]. В числе принятых в институт в 1943 г. были студенты из Краснодара, Ростова-на-Дону, Киева, Симферополя [9, л. 21]. Срок обучения студентов, как и в довоенное время, стал составлять 5 лет [29, с. 4]. В сложных условиях послеоккупационного периода Ставропольский и Кисловодский медицинские институты, в отличие от других высших учебных заведений края, вполне успешно справились с набором учащихся [6, с. 1].

До окончания войны в действующую армию было мобилизовано 18 человек профессорско-преподавательского состава вуза [13, л. 38].

За это время медицинский институт произвел еще два выпуска. В июне 1944 г. был произведен выпуск 91, а в марте 1945 г. – 69 врачей [20, с. 82, 84]. Отметим, что многие выпускники 1945 г., несмотря на приближающееся завершение войны, были направлены на фронт. Зачастую в течение некоторого времени они продолжали службу и в мирное время [25].

Возобновилась после окончания оккупации и научная работа в медицинском институте, направленная на оказание помощи фронту. Необходимость ее скорейшего налаживания отмечала и местная пресса [3, с. 4]. В начале марта 1944 г. в вузе прошла 4-я научная конференция, носившая, как и первые конференции, военно-оборонный характер. В ряде докладов рассматривались вопросы лечения инвалидов войны, несколько выступлений было посвящено вопросам санитарной обороны, в том числе борьбе с инфекционными заболеваниями. Стоит отметить доклады заведующего кафедрой физиологии профессора П. М. Никифоровского «О лечении ран личинками мух», профессора А. В. Заславского «Клинический анализ и лечение аварийных случаев поражений кожи ипритом», профессора П. М. Ковалевского «Местный раневой столбняк» [1, л. 60 об.].

В мае 1944 г. возобновило свою деятельность научно-медицинское общество. Активное участие в его работе принимали сотрудники медицинского института – заведующий кафедрой общей хирургии профессор П. М. Ковалевский, профессор этой кафедры М. Р. Вебер, заведующая кафедрой акушерства и гинекологии профессор Е. Я. Ставская и другие [14, л. 15–17].

Продолжали сотрудники института осуществлять консультирование при лечении раненых и больных советских воинов в эвакуационных госпиталях города. Количество ЭГ, как и число развернутых в них коек, после освобождения Ставрополя уменьшилось. Главной лечебной базой в этот период времени стал ЭГ № 2438а, развернутый весной 1943 года в помещении средней школы № 5. Его хирургическое отделение стало одной из основных клинических баз медицинского института [22, с. 46].

Оказывали сотрудники медицинского института и другую помощь фронту. Так, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней М. В. Скублевская после освобождения Ставрополя, накануне празднования 25 й годовщины Красной Армии, внесла средства в размере ежемесячного оклада и 2000 рублей облигациями на строительство танковой колонны [26, с. 2]. При этом подобные факты не были единичными.

Результаты. Подводя итог, отметим следующее. В сложных условиях военного времени Ставропольский медицинский институт продолжал выполнять свою основную задачу по подготовке так необходимых стране медицинских кадров. Осуществив за время войны три выпуска,

вуз подготовил около 550 врачей. Сотрудники института в качестве консультантов эвакогоспиталей принимали участие в лечении раненых и больных советских воинов, обучении работников госпиталей, выступали перед их пациентами и гражданским населением с лекциями на медицинскую тематику, занимались агитационной деятельностью. Активно осуществлялась в вузе научная работа, имевшая не только важные теоретические, но и практические результаты. Лабораториями института выпускались лекарства из

местного сырья, витаминные препараты, медицинские приборы и оборудование. Несмотря на гибель многих сотрудников вуза в период оккупации, его коллектив после освобождения региона самоотверженно продолжал оказывать фронту максимальную поддержку по целому ряду направлений. Испытания военного времени закаляли молодую институт, который в послевоенные годы пополнился специалистами, вернувшимися с фронтов Великой Отечественной, и достойно продолжил свою работу.

Литература

1. Архив Ставропольского государственного медицинского университета (далее – СтГМУ). Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 1680.
2. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 3174.
3. В медицинском институте // Ставропольская правда. 1943. 28 марта.
4. В медицинском обществе // Орджоникидзевская правда. 1942. 20 мая.
5. Витамины. Итоги краевой конференции в Пятигорске // Орджоникидзевская правда. 1942. 13 мая.
6. Вузы накануне нового учебного года // Ставропольская правда. 1943. 14 августа.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 31.
8. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 23.
9. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 26.
10. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 55.
11. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 61.
12. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858.
13. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13.
14. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 19.
15. Государственный Ворошиловский медицинский институт объявляет дополнительный прием студентов // Орджоникидзевская правда. 1942. 4 января.
16. Из местного сырья. Медикаменты // Орджоникидзевская правда. 1942. 22 мая.
17. Каплан И. Ф. Советская медицина – фронту и стране. Научно-оборонная конференция в Ворошиловском медицинском институте // Орджоникидзевская правда. 1942. 12 июля.
18. Карташев А. В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 73–80.
19. Карташев А. В., Воронников А. А. К биографии профессора М.С. Макарова // История медицины. 2016. Т. 3. № 2. С. 159–171.
20. Карташев А. В., Пахомов В. Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. 194 с.
21. Карташев А. В., Спевак Р. С., Склярова Е. К., Камалова О. Н. Становление высшего медицинского образования на Северном Кавказе (1915–1945). Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2018. 192 с.
22. Карташев И. В. Работа эвакогоспиталей в Ставрополе в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2019. № 12. С. 40–47.
23. Лекарство из местного сырья // Орджоникидзевская правда. 1942. 10 апреля.
24. Лекции проф. Я. И. Бляхера // Орджоникидзевская правда. 1942. 25 марта.
25. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Воспоминания выпускницы института 1945 года Н. М. Бегларянц.
26. Привести город в образцовое санитарное состояние (Совещание медицинских работников г. Ставрополя) // Ставропольская правда. 1943. 16 февраля.
27. Склярова Е. К., Гутиева М. А., Карташев А. В., Камалова О. Н. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов-на-Дону, 2016. 122 с.
28. Спевак Р. С., Карташев А. В. Работа медицинских вузов на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3. С. 63–68.
29. Ставропольский медицинский институт // Ставропольская правда. 1943. 6 июля.
30. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 33.
31. Экзамены в Ворошиловском медицинском институте. 23 новых отличника учебы // Орджоникидзевская правда. 1942. 3 февраля.

References

1. Archive of Stavropol State Medical University (StSMU). F. R-2431. Inv. 2a. D. 1680. (In Russ.).
2. Archive StSMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 3174. (In Russ.).
3. At the Medical Institute. Stavropol'skaya Pravda. 1943. March 28. (In Russ.).
4. In the medical society. Ordzhonikidzevskaya pravda. 1942. May 20. (In Russ.).
5. Vitamins. Results of the regional conference in Pyatigorsk. Ordzhonikidzevskaya pravda. 1942. May 13. (In Russ.).
6. Universities on the eve of the new academic year. Stavropol'skaya pravda. 1943. August 14. (In Russ.).
7. State archive of Stavropol region (SASR). F. R-1852. Inv. 12. D. 31. (In Russ.).

8. SASR. F. R-2431. Inv. 1. D. 23. (In Russ.).
9. SASR. F. R-2431. Inv. 1. D. 26. (In Russ.).
10. SASR. F. R-2431. Inv. 1. D. 55. (In Russ.).
11. SASR. F. R-2431. Inv. 1. D. 61. (In Russ.).
12. SASR. F. R-2431. Inv. 3. D. 858. (In Russ.).
13. SASR. F. R-2431. Inv. 4. D. 13. (In Russ.).
14. SASR. F. R-2431. Inv. 4. D. 19. (In Russ.).
15. State Voroshilov Medical Institute announces additional admission of students. *Ordzhonikidzevskaya pravda*. 1942. January 4. (In Russ.).
16. From local raw materials. Medications. *Ordzhonikidzevskaya pravda*. 1942. May 22. (In Russ.).
17. Kaplan I. F. Soviet medicine – to the front and the country. Scientific and defense conference at the Voroshilov Medical Institute. *Ordzhonikidzevskaya pravda*. 1942. July 12. (In Russ.).
18. Kartashev A. V. The work of higher educational institutions in the Stavropol region during the Great Patriotic War. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya= Humanities and law research*. 2016;2:73-80. (In Russ.).
19. Kartashev A. V., Vorotnikov A. A. To the biography of Professor M.S. Makarov. *Istoriya meditsiny= History of medicine*. 2016;3:2:159–171. (In Russ.).
20. Kartashev A. V., Pakhomov V. N. Stavropol Medical Institute during the war years in *On the borders of the Caucasus: a collection of reports, speeches, scientific articles based on the materials of the scientific and practical conferences of the StSMA dedicated to the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War*. Stavropol: StGMA; 2010. 194 p. (In Russ.).
21. Kartashev A. V., Spevak R. S., Sklyarova Y. K., Kamalova O. N. Formation of higher medical education in the North Caucasus (1915-1945). Stavropol: StGMU; 2018. 192 p. (In Russ.).
22. Kartashev I. V. The work of evacuation hospitals in Stavropol during the Great Patriotic War. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal = Military history journal*. 2019;12:40–47. (In Russ.).
23. Medicine from local raw materials. *Ordzhonikidzevskaya pravda*. 1942. April 10. (In Russ.).
24. Lectures by prof. Y. I. Blyakher. *Ordzhonikidzevskaya pravda*. 1942. March 25. (In Russ.).
25. Museum of History of StSMU. F. 1. Memoirs of a graduate of the institute in 1945 N.M. Beglaryants. (In Russ.).
26. Bring the city to an exemplary sanitary condition (Meeting of medical workers in Stavropol). *Stavropol'skaya pravda*. 1943. February 16. (In Russ.).
27. Sklyarova Y. K., Gutiyeva M. A., Kartashev A. V., Kamalova O. N. Universities of the North Caucasus during the Great Patriotic War. Rostov-on-Don; 2016. 122 p. (In Russ.).
28. Spevak R. S., Kartashev A. V. The work of medical universities in the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Humanities and socio-economic sciences*. 2015;3:63-68. (In Russ.).
29. Stavropol Medical Institute. *Stavropol'skaya pravda*. 1943. July 6. (In Russ.).
30. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 33. Inv. 682527. D. 33. (In Russ.).
31. Exams at the Voroshilov Medical Institute. 23 new excellent students. *Ordzhonikidzevskaya pravda*. 1942. February 3. (In Russ.).

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.4>

ПРОБЛЕМА СОКРАЩЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВООРУЖЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Татьяна Владиславовна Каширина¹¹ Московский государственный лингвистический университет (стр. 1, д. 38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

ORSID: <https://orcid.org/0000-0002-4361-7778> E-mail: Kashirina73@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье представлен анализ процесса сокращения стратегических вооружений России и США. Дана авторская оценка советско-американской разрядке и советско-американским договорам в сфере разоружения, как заложившим политическую нормативно-правовую основу для развития процесса разоружения после окончания холодной войны. Представлен анализ российско-американского Договора СНВ-3, заключенного президентами Б. Обамой и Дм. Медведевым в 2010. Особое внимание уделено проблеме проведения взаимных инспекций Россией и Соединенными Штатами в ходе реализации ДСНВ-3. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе советско-американских и российско-американских договоров в сфере разоружения, материалов МИД России, американской администрации Дж. Байдена, публикаций американской прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы. **Анализ.** Согласно официальным данным, МИД России, американская сторона шла на определенные «уловки» – не только реально сокращала вооружения, но достигала финальных результатов и за счет переоборудования части вооружений в неядерные либо учебные. Российское ведомство не могло подтвердить приведение этих стратегических вооружений в непригодное состояние, предусмотренное договором. В контексте российско-украинского кризиса и начало российской СВО особо сложными в процессе взаимной верификации разоружения стали вопросы: прекращения нормального авиасообщения, удлинения времени перелетов, что могло способствовать «утечке» конфиденциальной информации;

сложности визового режима для российских специалистов, особенно в транзитных странах; трудности осуществления российских платежей за верификационные услуги; отсутствие однозначных гарантий предоставления возможности пролета самолетов Минобороны России с инспекторами на борту через закрытое для России воздушное пространство западных стран. **Результаты.** Сделан вывод о важности подписания договора СНВ-3, ставшего серьезной вехой в развитии отношений Москвы и Вашингтона в военно-политической сфере. Нарушение взаимной инспекционной деятельности в контексте введенных Западом против России санкций нарушило принципы равного доступа к механизмам верификации Договора, создало однозначные преимущества для американской стороны и привело к приостановлению участия России в ДСНВ-3.

Ключевые слова: международные отношения, советско-американская разрядка, российско-американские отношения, сокращение стратегических вооружений, нераспространение ядерного оружия, верификация, взаимные инспекции, Договор СНВ-3

Для цитирования: Каширина Т. В. Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 390–397. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 12.07.2023.

Статья принята к публикации: 30.07.2023.

Research article

THE PROBLEM OF STRATEGIC ARMS REDUCTION IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

Tatyana V. Kashirina¹¹ Moscow State Linguistic University (Building 1, 38, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

ORSID: <https://orcid.org/0000-0002-4361-7778> E-mail: Kashirina73@mail.ru

Abstract. Introduction. The article presents an analysis of the process of reducing strategic arms of Russia and the United States. The author gives an assessment of the Soviet-American détente and the Soviet-American disarmament treaties as laying the political normative and legal foundation for the

development of the disarmament process after the end of the Cold War. The study analyzes the Russian-American New START Treaty concluded by Presidents B. Obama and Dmitry Medvedev in 2010. Particular attention is paid to the problem of mutual inspections by Russia and the United States during the implementation

© Каширина Т. В., 2023

of START-3. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of Soviet-American and Russian-American treaties in the field of disarmament, materials from the Russian Foreign Ministry, the American administration of J. Biden, and publications in the American press. A systematic integrated approach, specific historical and comparative historical methods were used. **Analysis.** According to official data from the Russian Foreign Ministry, the American side resorted to certain “tricks” - not only actually reducing weapons, but achieving final results by converting some weapons into non-nuclear or training ones. The Russian department could not confirm that these strategic weapons were rendered unusable as provided for by the treaty. In the context of the Russian-Ukrainian crisis and the beginning of the Russian SVO the following issues became particularly difficult in the process of mutual verification of disarmament: the cessation of regular air traffic, the extension of flight times, which could contribute to the “leakage” of confidential information; the complexity of the visa regime for Russian specialists, especially in transit countries; difficulties in making Russian payments for verification services; the lack of unambiguous guarantees of providing the opportunity for aircraft of the Russian Ministry of Defense with inspectors on board

Введение. Процесс ограничения и сокращения стратегических вооружений имеет давнюю историю. Точкой отсчета является начало советско-американской разрядки, основой которой являлся переговорный процесс по ограничению стратегических вооружений и систем противоракетной обороны, начавшийся с 1969 г.

Предтечей последнего российско-американского Договора СНВ-3 стали договоры ОСВ-1, ОСВ-2, СНВ-1, СНВ-2, СНП. Процесс выработки договоров дал образец механизма их подготовки, который в дальнейшем развивался и совершенствовался. Договоры и соглашения ОСВ-1, ПРО, ОСВ-2 определили политические принципы, правовые нормы, понятийный аппарат для последующих советско/российско-американских соглашений в области стратегических вооружений, кодифицировали новые принципы международного права. Договоры заложили правила проведения переговоров по разоружению, использования конфиденциального канала в ходе переговоров, традиции личных встреч глав государств для подписания договоров по разоружению.

На сегодняшнее время свое значение сохранили: определение стратегического оружия; взаимосвязь стратегического наступательного и оборонительного вооружения; режим контроля; необходимость обмена телеметрической информацией о пусках баллистических ракет.

Таким образом, советско-американские соглашения и договоры ОСВ-1, ОСВ-2 и ПРО имели определяющее значение для формирования договорно-правовой базы российско-американских отношений в области разоружения [2, с.530].

Актуальность исследования состоит в важности процесса сокращения стратегических вооружений для российско-американских отношений,

to fly through the airspace of Western countries closed to Russia. **Results.** A conclusion is drawn about the importance of signing New START treaty, which became a major milestone in the development of relations between Moscow and Washington in the military-political sphere. Violation of mutual inspection activities in the context of sanctions imposed by the West against Russia violated the principles of equal access to the Treaty verification mechanisms, created clear advantages for the American side and led to the suspension of Russia participation in New START.

Keywords: international relations, Soviet-American détente, Russian-American relations, strategic arms reduction, non-proliferation of nuclear weapons, verification, mutual inspections, New START Treaty

For citation: Kashirina T. V. The problem of strategic arms reduction in the context of modern Russian-American relations. Humanities and law research. 2023;10(3): 390–397. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 12.07.2023.

The article was accepted for publication: 30.07.2023.

региональной и глобальной безопасности. Цель статьи заключается в исследовании причин и последствий приостановления Россией своего участия в Договоре СНВ-3 в условиях СВО на Украине и санкционной политики Запада, и влияния российского шага на дальнейший процесс контроля над вооружениями. Новизна статьи состоит в исследовании официальных документов российской и американской внешней политики, документов российского МИД; в анализе мнений американских и российских экспертов по проблеме разоружения; в рассмотрении реализации Договора СНВ-3, в том числе, в части осуществления взаимной инспекционной деятельности; в выявлении причин сбоев процесса разоружения; в определении особенностей современного этапа процесса сокращения стратегических вооружений России и США

Материалы и методы. Исследование построено на анализе советско-американских и российско-американских договоров в сфере разоружения, материалов МИД России, американской администрации Дж.Байдена, публикаций американской прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический, сравнительно-исторический, хронологический, ретроспективный методы.

Анализ. Заключение Договора СНВ-3 в апреле 2010 г. президентами Б. Обамой и Дм. Медведевым позволило сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс по сокращению стратегических вооружений, забуксовавший с начала 2000-х гг. Американский президент Дж.Буш-мл. не был сторонником всеобъемлющих договоренностей по разоружению, т. к. был уверен, что российское ядерное оружие и так будет сниматься с боевого дежурства ввиду его естественного устаревания.

Итак, суммарно Договор СНВ-3 установил для обеих сторон возможность иметь: 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков; 1550 боезарядов; 800 пусковых установок [2, с.481].

Договор СНВ-3, по мнению американских и российских специалистов, уже тогда носил спорный характер. Американская сторона критиковала преамбулу Договора и Заявление российской стороны о ПРО, сделанное в ходе подписания СНВ-3 о взаимосвязи оборонительных (ПРО) и наступательных стратегических вооружений и о возможности России выйти из Договора СНВ-3 в случае развертывания США противоракетной обороны. Конгресс США пошел даже на то, что не признал юридическую силу преамбулы и Заявления России.

По мнению американской стороны, преамбула и Заявление снижают эффект Договора для США и наносят ущерб безопасности и обороноспособности Соединенных Штатов. Кроме того, по их мнению, установленные уровни стратегических наступательных вооружений выше тех уровней, которые имела Россия на тот момент, и российским Вооруженным силам придется наращивать, а не сокращать вооружения. Американская сторона критиковала положение Договора СНВ-3, не ограничивающее количество боеголовок на баллистических ракетах, что, по их мнению, позволяет России создавать МБР с разделяющимися головными частями.

В ходе дискуссий, развернувшихся в России в период подготовки Договора СНВ-3, определились положения, на которых должен был базироваться Договор, главным из которых было сохранение паритета и обеспечение гарантированного ответного удара.

После заключения Договора СНВ-3 российские аналитики и военные указывали на следующие его недостатки: непризнание Соединенными Штатами юридической силы преамбулы и Заявления России о ПРО; неучет ядерных сил Великобритании и Франции; неучет американского тактического ядерного оружия, базирующегося на европейском континенте. Кроме того, российскими специалистами отмечалось плачевное на тот момент состояние российских СЯС, что усугубляло выполнение положений Договора СНВ-3 [7, с.43; 4].

В целом, к достижениям Договора СНВ-3 в сравнении с предыдущими соглашениями в сфере СНВ необходимо отнести следующее: «возвратный потенциал» предусмотрен и для России и для США; российская сторона указала на взаимосвязь с ПРО; упрощенный контроль; договор не накладывал ограничения на количество РГЧ для МБР, что позволяет сохранить наземную группировку МБР с РГЧ ИН.

К недостаткам следует отнести следующее: реально ограничивались только ПУ, развернутые и неразвернутые; неразвернутые носители и боезаряды оставались вне контроля; из-под действия Договора выводились ТБ, ориентированные для неядерных целей и крылатые ракеты морского базирования. В целом, Договор СНВ-3, закрепляет минимально-достаточный уровень СЯС для России [2, с.500 – 502].

Для реализации Договора СНВ-3 был разработан верификационный механизм с целью обеспечения контроля, необратимости, проверяемости и транспарентности процесса сокращения СНВ. Была создана Двусторонняя консультативная комиссия (ДКК), которая провела 19 сессий, последняя из которых прошла в октябре 2021 г. в Женеве.

Договор был заключен на десять лет с возможностью его продления на последующие пять лет. В период президентства в США Д. Трампа нависла угроза не продления действия Договора, т.к. американская администрация не считала это целесообразным ввиду, по ее мнению, сложности проверки сокращения вооружений. Пришедший к власти в 2021 г. президент США Дж. Байден, который в свое время принимал участие в советско-американском переговорном процессе по разоружению, принял решение пролонгировать Договор. Соглашение о продлении было заключено 26 января 2021 г. в форме обмена нотами и вступило в силу 3 февраля 2021 г., после того как стороны уведомили друг друга о завершении необходимых внутригосударственных процедур. Таким образом, новая дата истечения действия ДСНВ – 5 февраля 2026 г.

По состоянию на 5 февраля 2018 г. (контрольной дате по договору) суммарный потенциал России составил: 527 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков; 1444 единицы боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками; 779 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков [6].

У США на 1 сентября 2017 г. насчитывалось: 660 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков; 1393 единицы боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками; 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков [6].

Согласно Заявлению МИД России от 5 февраля 2018 г., финальные показатели были достигнуты США не только благодаря реальным сокращениям вооружений, но и за счет переоборудования части пусковых установок БРПЛ «Трайдент-II» и тяжелых бомбардировщиков В-52Н. Российское ведомство при этом уточняет, что не может подтвердить приведение этих стратегических вооружений в непригодное состояние, предусмотренное договором [5].

По состоянию на 1 сентября 2022 г. Российская Федерация располагала 540 развернутыми носителями СНВ (МБР, БРПЛ, ТБ) и 1549 боезарядами, числящимися за ними по Договору. Суммарное количество развернутых и неразвернутых ПУ МБР и БРПЛ, а также развернутых и неразвернутых ТБ на указанную дату составило 759 единиц [5].

США при наступлении контрольной даты тоже заявили о достижении согласованных суммарных количественных уровней СНВ. Однако выход на установленные Договором показатели был обеспечен американской стороной путём недобросовестных манипуляций – в частности, посредством нелегитимного одностороннего исключения из зачёта части американских СНВ, объявленных «переоборудованными». Речь идёт о 56 ПУ БРПЛ «Трайдент-II» и 41 ТБ В-52Н, «переоборудованных» таким образом, что российская сторона не может подтвердить приведение этих СНВ в состояние, непригодное для использования БРПЛ и ядерного вооружения ТБ, как того требует Договор.

Российская сторона также не признает правомерность отказа США включать в зачёт по ДСНВ четыре шахтные ПУ МБР, предназначенные для обучения, которые американцы переименовали в не предусмотренную Договором категорию «учебных шахт». С учетом этих средств превышение американской стороной разрешённого Договором суммарного количества для развернутых и неразвернутых ТБ, ПУ МБР и ПУ БРПЛ составляет 101 единицу.

В связи с этим российская сторона не признавала соответствующими действительности предоставляемые США количественные показатели имеющихся у них средств СНВ. Как не отражающие реального положения дел были обозначены российской стороной и те данные, которые американская сторона заявила на 1 сентября 2022 г. (659 развернутых носителей, 1420 числящихся за ними по ДСНВ боезарядов и 800 единиц развернутых и неразвернутых ПУ МБР, БРПЛ и ТБ).

Несмотря на многолетние усилия России в ДКК, добиться определенного прогресса удалось лишь в поиске решения проблемы с подтверждением статуса переоборудованных ПУ БРПЛ. При этом на другие не менее серьезные российские претензии (прежде всего, в отношении американских ТБ) Вашингтон конструктивно так и не отреагировал. В результате, с февраля 2018 г.

и по настоящий момент сохраняется превышение американской стороной установленных Договором предельных уровней на СНВ, которое является прямым нарушением центральных положений ДСНВ [5; 6].

Таким образом, с 2018 г. явно обозначились разные подходы сторон к ликвидации стратегического оружия. Россия уничтожала оружие без возможности восстановления, а американская сторона – путем переоборудования части ядерного в неядерное оружие, что может предполагать возможность его восстановления. Надо заметить, что на самом деле проблема разных подходов к процедуре уничтожения стратегических вооружений существовала с периода реализации Договоров РСМД, СНВ-1, СНВ-2. Уже тогда российская сторона уничтожала ракеты методом прожига, а американцы у части своих ракет снимали ядерные боезаряды и складировали их, окончательно не ликвидируя.

В свете дальнейших эпидемиологических (пандемия ковида) и политических (взаимные санкции, СВО) событий международной повестки дня назрели проблемы взаимной доставки и допуска инспекционных групп к стратегическим объектам. Особо сложными стали вопросы: прекращения нормального авиасообщения, удлинения времени перелетов, что могло способствовать «утечке» конфиденциальной информации; сложности визового режима для российских специалистов, особенно в транзитных странах; трудности осуществления российских платежей за верификационные услуги; отсутствие однозначных гарантий предоставления возможности пролёта самолетов Минобороны России с инспекторами на борту через закрытое для России воздушное пространство западных стран, некоторые из которых и вовсе не ответили на соответствующие запросы российской стороны.

Все это нарушило принципы равного доступа к механизмам верификации Договора и создало неоднозначные преимущества для американской стороны. В такой ситуации американская сторона в августе 2022 г. попытались возобновить инспекции по ДСНВ явочным порядком, поставив Москву перед фактом направления в Россию американской инспекционной группы.

В этих обстоятельствах российская сторона приняла решение о временном выводе из-под верификационной деятельности по ДСНВ подлежащих инспекциям российских объектов – с 8 августа 2022 г. и до окончательного устранения удовлетворительным образом всех имеющихся проблем, с уведомлением американской стороны. Возможность такого изъятия допускается пунктом 5 Раздела I Главы пятой Протокола к Договору.

Дополнительные разногласия возникали в течение 2022 г. в отношении функционирования ДКК. При подготовке ее очередной (20-й) сессии,

намеченной сначала на весну, а затем на осень 2022 г., американская сторона по мере развития ситуации демонстрировала неготовность договариваться не о месте ее проведения, ни о полноценной повестке заседания.

По сути, американцы давали понять, что рассматривают проведение сессии ДКК как дежурную формальность, после выполнения которой инспекции должны быть возобновлены независимо от наличия значительного количества неурегулированных проблем, на которые обоснованно указывала Россия.

К моменту, когда стороны смогли продвинуться в подготовке к проведению сессии ДКК в Каире в ноябре-декабре 2022 г., вопрос об организации мероприятия утратил актуальность ввиду обострения военно-политической ситуации в контексте украинского кризиса. Киевский режим осуществил серию ударов по российским стратегическим объектам, на которые распространяется действие Договора. Есть подозрение, что это стало возможным при явном военно-техническом и разведывательно-информационном содействии Вашингтона [5].

В связи с этим 21 февраля 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации о приостановлении нашей страной действия ДСНВ [7], обосновав этот шаг взаимным прекращением инспекционной деятельности.

В соответствующем заявлении МИД России от 21 февраля 2023 г. [1], отмечено, что Россия будет придерживаться количественных показателей, установленных в ДСНВ-3, участвовать в процедуре взаимного уведомления о пусках о пусках МБР и БРПЛ на основе двустороннего соглашения 1988 г. До США было также доведено по дипканалам, что Россия считает продолжающим действовать Соглашение 1989 г. о взаимных заблаговременных уведомлениях о крупных стратегических учениях.

22 февраля 2023 г. принят Федеральный закон о приостановлении действия ДСНВ, который вступил в силу 28 февраля.

В российских официальных документах обозначено, что решение России о приостановлении действия ДСНВ может быть обратимо. Это может произойти, если США откажутся от агрессивного курса на подрыв безопасности нашей страны; пойдут на разрешение накопившихся проблем реализации ДСНВ-3. Кроме того, при рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе ДСНВ Россия будет также учитывать фактор ядерного потенциала союзников США – Великобритании и Франции, которые выступают с Вашингтоном единым антироссийским фронтом.

Хотя 1 августа 2022 г. президент США Дж. Байден накануне Десятой Обзорной конференции по ДНЯО заявил, ссылаясь на свой опыт работы в сфере контроля над вооружениями, что эффек-

тивность ДНЯО всегда основывалась на взаимных ограничениях вооружений между Соединенными Штатами и Российской Федерацией: «Даже в разгар холодной войны Соединенные Штаты и Советский Союз смогли работать сообща, чтобы выполнить нашу общую ответственность за обеспечение стратегической стабильности». Дж. Байден пошел дальше и сказал, что его администрация готова начать переговоры по Договору СНВ-4, который, по мнению американской стороны, должен прийти на смену ДСНВ-3, срок действия которого истекает в 2026 г. Основным деструктивным фактором в процессе сокращения вооружений американский президент назвал «неспровоцированную агрессию России на Украине, которая разрушила мир в Европе и представляет собой посягательство на фундаментальные принципы международного порядка». Дж. Байден также выразил заинтересованность к привлечению к переговорам по СНВ Китая. Но промолчал о Франции и Великобритании, на учете ядерного оружия которых еще настаивал СССР, а теперь Россия [12].

2 июня 2022 г. помощник госсекретаря США Мэллори Стюарт заявила на научной конференции в Вашингтоне, что США заинтересованы в сохранении ограничений на ядерный арсенал России в рамках двустороннего договора СНВ-3. Она также указала, что Белый дом готов возобновить диалог с Россией по вопросам стратегической стабильности, но это зависит от позиции Кремля [15].

На брифинге 10 февраля 2023 г. заместитель госсекретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности Бонни Дженкинс заявила, что ее страна надеется отделить обсуждение с Россией ситуации вокруг СНВ от кризиса вокруг Украины. «Не было четких переговоров с Российской Федерацией, и это прискорбно... Мы им четко заявили, что на самом деле нет ничего, что могло бы помешать проверкам. И мы очень хотим иметь возможность встретиться с Российской Федерацией, потому что реализация СНВ важна с точки зрения национальной безопасности. Поэтому наша цель – дать понять... что мы готовы встретиться с ними, когда они будут готовы», – сказал Дженкинс. [9].

Приостановление Россией своего участия в Договоре СНВ-3 активно обсуждалось в американских политических и экспертно-аналитических кругах.

Представитель Госдепартамента Нед Прайс 22 февраля 2023 г. назвал решение Москвы приостановить действие Договора о стратегических наступательных вооружениях «неудачным» и «еще более безответственным», заявив, что договор СНВ-3 является «жизненно важным инструментом» взаимодействия между ядерными державами и служит основой для глобального сотрудничества.

Выступая на брифинге Госдепартамента, представитель Госдепартамента Нед Прайс заявил, что Соединенные Штаты и Россия, как ядерные державы, несут ответственность перед нашими народами, а также перед народами мира, «за сохранение договора, который помог продвинуться вперед». Переговоры по контролю над вооружениями и стратегическая стабильность.

«Мы будем очень внимательно следить за тем, что на самом деле делает Россия после объявления (о выходе из СНВ-3)», – сказал Прайс, пообещав, что Соединенные Штаты предпримут действия, если Россия предпримет «любые действия, которые потребуют изменения нашей собственной позиции».

22 февраля 2023 г. генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш на заседании Генассамблеи ООН, осудил действия Москвы, назвав российскую СВО на Украине нарушением Устава ООН и международного права, и призвал Кремль не прибегать к угрозам относительно возможного применения ядерного оружия. «Мы слышали неявные угрозы применить ядерное оружие. Так называемое тактическое применение ядерного оружия совершенно неприемлемо. Пришло время выбраться из пропасти», – сказал Антониу Гутерриш.

Президент Джо Байден заявил в интервью ABC News, что он не видит никаких изменений в ядерной позиции Москвы и не верит, что высказывания Путина означают, что Россия рассматривает возможность применения ядерного оружия. Отвечая на вопрос о приостановке Россией договора СНВ-3, Байден назвал это «большой ошибкой», но сказал: «Я не читаю его мыслей по поводу использования ядерного оружия или чего-то подобного» [14].

Джон Эрат, старший политический директор Центра по контролю над вооружениями и нераспространению, заявил в интервью газете Washington Post, что этот шаг является «полностью символическим». Он считает, что российский президент сделал это заявление, чтобы оказать давление на Байдена, чтобы тот обратился к России с просьбой о прекращении войны, «чтобы Россия могла диктовать условия, на которых это произойдет» [11].

С одной стороны, США выражают серьезную обеспокоенность судьбой дальнейшего российско-американского процесса СНВ. Но, с другой стороны, в американской прессе появилась информация с опорой на отчеты и доклады организаций и институтов США, работающих в военно-оборонной сфере, свидетельствующих о технологических сложностях и дороговизне дальнейшей гонки вооружений для Соединенных Штатов.

Судя по всему, на сегодняшний момент и в обозримом будущем производство в США плутониевых ядер для ядерных боеголовок затрудне-

но. Во время холодной войны США производили до 2000 ядер в год на заводе Westinghouse в Роки-Флэтс в Колорадо. Завод был закрыт в 1989 г. после рейда ФБР и Агентства по охране окружающей среды по поводу нарушений экологического законодательства. Сейчас у США есть только одна лаборатория в Лос-Аламосе, где можно производить плутониевые ядра, но она расположена в районе сейсмически опасных тектонических разломов. В лаборатории регулярно фиксируются различные нарушения безопасности обращения с радиоактивными материалами. Не так давно был переоборудован завод по переработке плутония в Саванне-Ривер, штат Южная Каролина.

Американская ассоциация по контролю над вооружениями (ACA), которая недавно призвала к немедленному началу переговоров по СНВ-4), отмечает в своем докладе, что Пентагон разочарован положением дел в лаборатории в Лос-Аламосе и делает ставку на завод в Саванна-Ривер.

Строительство завода началось в 2007 г., при этом были выявлены серьезные проектные недостатки, на устранение которых потребуются дополнительно 50 миллиардов долларов. Кроме того, как отметили в ACA, «район реки Саванна уязвим для ветров и наводнений, вызванных ураганами». «Производство плутониевых ядер на площадке в Саванне-Ривер потребует транспортировки большого количества плутония через Соединенные Штаты. Вместо того, чтобы перемещать сердечники примерно на 300 миль от своего склада на заводе Pantex в Техасе в Лос-Аламос, они проедут еще почти 1000 миль, чтобы добраться до площадки в Саванна-Ривер». Это, в том числе, вызовет претензии со стороны транзитных штатов.

«США не могут произвести запланированное количество плутониевых ядер для ядерного оружия. Ни сейчас, ни в ближайшем будущем, а возможно, и никогда вообще», – пишет Foreign Policy [13].

Согласно бюллетеню британского аналитического центра Taylor & Francis Group, 3800 ядерных боеголовок в США было произведено 30–40 лет назад, а NNSA установило срок службы ядерных боеголовок в 45 лет. Это означает, что в ближайшие годы значительная часть ядерного арсенала США может оказаться не боеготовой [16].

Именно по этой причине американцы стремятся возобновить переговоры с Россией по СНВ-4. США не могут производить новые ядерные боеголовки, что ставит под вопрос их статус ведущей ядерной державы [9].

На современном этапе процесс российско-американского разоружения претерпел серьезную коррозию и фактически остановлен. Причин этому много – выход США из Договора по ПРО в 2002 г., развязавший руки Вашингтону в создании европейской системы противоракетной обороны, вплотную

подобравшейся к российским сухопутным и морским границам. Нарушение американской стороной в ходе создания системы ЕвроПРО российско-американского Договора РСМД и последующая его денонсация обеими сторонами в августе 2019 г. Невозможность выработать итоговую декларацию на последних конференциях по ДНЯО.

Причем, на концептуальном уровне американская и российская стороны утверждают о заинтересованности в сохранении режима нераспространения и контроля над ядерным оружием. В Стратегии национальной безопасности США 2022 г. хоть и заявляется о ядерном оружии как основе комплексного сдерживания в эпоху стратегического соперничества с крупными державами. Тем не менее, обозначена заинтересованность Вашингтона во взаимном, поддающемся проверке контроле над вооружением и стремлении к взаимодействию с конкурентами в вопросах стратегической стабильности и снижения рисков [10].

Россия, согласно Концепции внешней политики 2023 г., «заинтересована в поддержании стратегического паритета, мирном сосуществовании с США и установлении баланса интересов между Россией и США с учетом их статуса крупнейших ядерных держав, особой ответственности за стратегическую стабильность и состояние меж-

дународной безопасности в целом. Перспективы формирования такой модели российско-американских отношений зависят от степени готовности США к отказу от политики силового доминирования и пересмотру антироссийского курса в пользу взаимодействия с Россией на основе принципов суверенного равенства, обоюдной выгоды и уважения интересов друг друга» [3].

Результаты. Резюмируя, необходимо отметить, что российско-американский процесс сокращения стратегических вооружений всегда носил циклический характер, периоды стабилизации сменялись этапами охлаждения военно-политических отношений. Именно период кризиса разоруженческих отношений Москвы и Вашингтона мы наблюдаем сейчас. Но современный этап имеет ряд фундаментальных особенностей, обусловленных перемещением российско-американского противостояния на постсоветское пространство. Рука и кошелек американской администрации простирались сюда в ходе «цветных революций» 2003–2004 гг.; участия в военных учениях НАТО национальных армий некоторых постсоветских государств; грузино-осетинской войны 2008 г., Евромайдана 2013 г. и углубления российско-украинского кризиса; финансовой и военной помощи украинскому режиму в ходе российской СВО.

Литература

1. Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1855184/ (дата обращения: 15.05.2023)
2. Каширина Т. В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969 – 2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013. 590 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) URL: <https://www.mid.ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.09.2023)
4. Крейдин А. Противоракетная угроза преувеличена. // Независимое военное обозрение. 26 мая 2000. № 18.
5. О российско-американском Договоре о СНВ и ситуации, приведшей к решению о приостановлении его действия. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1413415/ (дата обращения: 15.09.2023)
6. О суммарных количествах стратегических наступательных вооружений России и США в соответствии с Договором о СНВ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1833766/ (дата обращения: 30.09.2023)
7. Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>
8. Российско-американские отношения в области сокращения ядерных вооружений: современное состояние и перспективы. // Под ред. А.С. Дьякова, издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный. 2001. 52 с.
9. Alexis Jonas E. Screwed: The US is not ready for a new nuclear arms race (with Russia). America cannot produce nuclear warheads. URL: <https://www.vforeignpolicy.com/2023/02/screwed-the-us-is-not-ready-for-a-new-nuclear-arms-race-with-russia/> (accessed: 04.10.2023)
10. National Security Strategy. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed: 04.10.2023)
11. Parker Claire. What is New START and why is Russia 'suspending' its role in the treaty? URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/02/21/what-is-new-start-treaty/> (accessed: 04.10.2023)
12. President Biden Statement Ahead of the 10th Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of nuclear weapons. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/01/president-biden-statement-ahead-of-the-10th-review-conference-of-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons/> (accessed: 04.10.2023)
13. Rofer Cheryl. Plutonium Pits Are a Critical Obstacle in U.S. Nuclear Plans Modernization programs need to be realistic—and may be unnecessary. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/09/plutonium-pits-nuclear-plans-policy/> (accessed: 04.10.2023)
14. Suspension of START-3 Treaty Is Russia's 'Annoying And Irresponsible' Decision. URL: <https://www.easternherald.com/2023/02/23/suspension-of-start-3-treaty-is-russias-annoying-and-irresponsible-decision/> (accessed: 04.10.2023)

15. US President Biden announced his readiness to discuss with Russia the replacement of the START-3 treaty. URL: <https://pledgetimes.com/us-president-biden-announced-his-readiness-to-discuss-with-russia-the-replacement-of-the-start-3-treaty/> (accessed: 04.10.2023)
16. United States nuclear forces, 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2019.1701286> (accessed: 04.10.2023).

References

1. Statement by the Russian Ministry of Foreign Affairs in connection with the suspension by the Russian Federation of the Treaty on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (START). URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1855184/ (accessed: 15.09.2023) (In Russ.).
2. Kashirina T. V. The problem of limitation and reduction of strategic weapons in American-Soviet/Russian relations in 1969–2010: monograph. Voronezh: Scientific book, 2013. 590 p. (In Russ.).
3. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 15.09.2023) (In Russ.).
4. Kreidin A. The missile defense threat is exaggerated. Nezavisimoe voennoe obozrenie = Independent Military Review. No. 18. May 26, 2000. (In Russ.).
5. On the Russian-American START Treaty and the situation that led to the decision to suspend its action. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1413415/. (accessed: 15.09.2023) (In Russ.).
6. On the total quantities of strategic offensive weapons of Russia and the United States in accordance with the START Treaty. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1833766/ (accessed: 30.09.2023) (In Russ.).
7. Address of the President to the Federal Assembly. February 21, 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (accessed: 30.09.2023) (In Russ.).
8. Russian-American relations in the field of nuclear arms reduction: current state and prospects / ed. A.S. Dyakova, publication of the Center for the Study of Disarmament, Energy and Ecology at MIPT. Dolgoprudny. 2001. 52 p. (In Russ.).
9. Alexis Jonas E. Screwed: The US is not ready for a new nuclear arms race (with Russia). America cannot produce nuclear warheads. URL: <https://www.vtforeignpolicy.com/2023/02/screwed-the-us-is-not-ready-for-a-new-nuclear-arms-race-with-russia/> (accessed: 15.09.2023)
10. National Security Strategy. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed: 4.10.2023)
11. Parker Claire. What is New START and why is Russia 'suspending' its role in the treaty? URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/02/21/what-is-new-start-treaty/> (accessed: 4.10.2023)
12. President Biden Statement Ahead of the 10th Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of nuclear weapons. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/01/president-biden-statement-ahead-of-the-10th-review-conference-of-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons/> (accessed: 4.10.2023)
13. Rofer Cheryl. Plutonium Pits Are a Critical Obstacle in the U.S. Nuclear Plans Modernization programs need to be realistic—and may be unnecessary. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/09/plutonium-pits-nuclear-plans-policy/> (accessed: 4.10.2023)
14. Suspension of START-3 Treaty Is Russia's 'Annoying And Irresponsible' Decision. URL: <https://www.easternherald.com/2023/02/23/suspension-of-start-3-treaty-is-russias-annoying-and-irresponsible-decision/> (accessed: 4.10.2023)
15. US President Biden announced his readiness to discuss with Russia the replacement of the START-3 treaty. URL: <https://pledgetimes.com/us-president-biden-announced-his-readiness-to-discuss-with-russia-the-replacement-of-the-start-3-treaty/> (accessed: 4.10.2023)
16. United States nuclear forces, 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2019.1701286> (accessed: 4.10.2023)

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.5>

**АРХИВНЫЙ ФОНД И-2 «КОМИССИЯ КАЛМЫЦКИХ ДЕЛ»
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И ДОКУМЕНТООБОРОТА
В КАЛМЫКИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах,
разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.)**

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3902-2664> E-mail: 0862larisa@gmail.com

Аннотация. Введение. В дореволюционной Калмыкии в первой половине XIX в. деятельность органов власти по управлению калмыцким народом, а также порядок организации работы с документами регламентировались «Правилами для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г. и «Положением об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. Работа посвящена исследованию ведения делопроизводства и документооборота в Комиссии калмыцких дел, осуществлявшего административное управление Калмыцкой степью Астраханской губернии, выявлению общего с общероссийским порядком организации работы с документами и особенностями в калмыцком делопроизводстве. **Материалы и методы.** Исследование основано на изучении документов архивного фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия. В процессе изучения данного фонда применялись исторические методы исследования, что позволило выявить, провести анализ, ввести в научный оборот новые архивные данные и установить их ценность как исторического источника. **Анализ.** Исследование состава и содержания документов, созданных в процессе деятельности Комиссии калмыцких дел (1825–1836), позволило изучить порядок организации работы с ними. На примере принятия «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» (1839 г.), разработанного инспектором Соломоном, автор исследовал порядок рассмотрения и принятия нормативно-правового документа. **Результаты.** В ходе проведенного исследования удалось установить, что архивные документы, созданные в период деятельности Комиссии калмыцких дел, являются уникальными письменными источниками по изучению организации делопроизводства и доку-

ментооборота в дореволюционной Калмыкии. Данные исследования могут стать источником для дальнейшей разработки темы государственного устройства Калмыкии, взаимосвязи с центральными органами власти, становления и развития системы здравоохранения в одной из национальных окраин дореволюционной России.

Ключевые слова: Правила 1825 г., Положение 1834 г., Положение об оспопрививании в Калмыцких улусах 1839 г., делопроизводство, документооборот, оспопрививание, калмыцкие улусы, Ц. Д. Тюмень, инспектор Соломон, архивные документы, Комиссия калмыцких дел

Благодарности: исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (№ госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 398–409. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 05.04.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2023.

Статья принята к публикации: 23.07.2023.

Research article

**ARCHIVE FUND I-2 «KALMYK AFFAIRS COMMISSION»
OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA AS A SOURCE
FOR STUDYING THE ORGANIZATION OF OFFICE WORK AND DOCUMENT
MANAGEMENT IN KALMYKIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY
(by the example of consideration of the project on smallpox vaccination
in Kalmyk ulus, developed by Inspector Solomon in 1832)**

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, I. K. Ilishkina str., Elista, 358000, Russian Federation).
Cand. Sc. (History), Senior Researcher
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3902-2664> E-mail: 0862larisa@gmail.com

Abstract. Introduction. In pre-revolutionary Kalmykia in the first half of the 19th century the activities of the authorities to manage the Kalmyk people, as well as the procedure for organizing work with documents, were regulated by the “Rules for the management of the Kalmyk people” of March 10, 1825 and the “Regulations on the management of the Kalmyk people” of November 24, 1834. The work is devoted to the study of record keeping and document flow in the Commission of Kalmyk Affairs, which carried out the administrative management of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province, to identify common features with the all-Russian order of organizing work with documents and features in Kalmyk paperwork.

Materials and methods. The research is based on the study of documents from the archive fund I-2 “Commission of Kalmyk Affairs” of the National Archive of the Republic of Kalmykia. In the process of studying this fund, historical research methods were used, which made it possible to identify, analyze, introduce new archival data into scientific circulation and establish their value as a historical source.

Analysis. The study of the composition and content of documents created during the activities of the Commission of Kalmyk Affairs (1825–1836) made it possible to specify the procedure for organizing work with them. Using the example of the adoption of the “Regulations on smallpox vaccination in the Kalmyk uluses” (1839), developed by inspector Solomon, the author examined the procedure for considering and adopting a regulatory document. **Results.** The study revealed that archival documents created during the period of activity of the Commission of Kalmyk Affairs

Введение. Проводимые в первой половине XIX в. реформы в российской системе управления оказали влияние на организацию работы новых министерств и подведомственных им структурных подразделений. Принятые законодательные акты способствовали ведению оперативного управления, обеспечивали урегулирование взаимоотношений между верховной властью и органами власти по управлению инородческими народами, в том числе калмыцким. Так, например, законом от 25 июня 1811 г. «Общее учреждение министерств» во всех государственных учреждениях, как в центре, так и на местах, в ведении делопроизводства устанавливалось единообразие. Именно с XIX в. в стране закрепляется традиция: «страна живет решениями столицы» и «местные власти были лишь исполнителями монаршей воли» [18, с. 44].

are unique written sources of the organization of office work and document flow in pre-revolutionary Kalmykia. These studies can become a source for further development of the topic of the state structure of Kalmykia, the relationship with the central authorities, the formation and development of the healthcare system in one of the national outskirts of pre-revolutionary Russia.

Keywords: Rules of 1825, Regulations of 1834, Regulations of 1839, record keeping, document circulation, vaccination, Kalmyk uluses, Ts. D. Tyumen, Inspector Solomon, archival documents, Kalmyk Affairs Commission

For citation: Mandzhikova L. B. Archive Fund I-2 «Kalmyk Affairs Commission» of the National Archive of the Republic of Kalmykia as a source for studying the organization of office work and document management in Kalmykia in the first half of the XIX century (by the example of consideration of the project on smallpox vaccination in Kalmyk ulus, developed by Inspector Solomon in 1832). Humanities and law research. 2023;10(3):398–409. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 05.04.2023.

The article was approved after reviewing: 18.06.2023.

The article was accepted for publication: 23.07.2023.

Acknowledgments: the study was conducted within the framework of a state subsidy – the project «National Information resources in the scientific and cultural space» (state registration No.: AAAA-A19-119090590086-0).

Первыми нормативными документами, разработанными в развитие «Общего учреждения министерств», регламентировавшими деятельность государственных органов, координировавших жизнедеятельность калмыцкого народа в дореволюционной России, стали «Правила для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г. [11, с. 154–162] и «Положение об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. [11, с. 162–193]. Данными нормативными актами регулировался также и порядок работы с документами в Комиссии калмыцких дел (1826 – 1836 гг.), Совете Астраханского калмыцкого управления (1836 – 1848 гг.) и Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ (1848 – 1867 гг.).

«Правила для управления калмыцким народом» (далее – Правила 1825 г.) – первый нормативный документ, который урегулировал управление

калмыцким народом и организацию работы с документами. Изучение положений Правил 1825 г., их внедрения в практику работы Комиссии актуально, так как именно в этот период в России проводилась реформа делопроизводства в центральных государственных учреждениях, повлиявшая и на развитие делопроизводственных процессов на региональном уровне. О значении и результатах проводившейся реформы писали В. С. Емельянова, Е. В. Шушунова, С. А. Глотова, Ю. Н. Красникова [15; 43; 10; 24]. Представляют интерес научные работы Н. П. Ерошкина, Л. Е. Шепелева, писавших об истории государственных учреждений в России, о порядке ведения делопроизводства и документооборота в центральных и местных органах [16; 17; 42].

По мнению ученых, исследовавших вопросы эволюции делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX в., именно в этот период произошли качественные изменения в технологии оформления официальных документов. Исследователи отмечали, что значительно увеличился видовой состав распорядительных документов. С. А. Глотова считает, что их увеличение можно объяснить «интенсификацией рационализаторской деятельности в области управления» [10, с. 74–75]. Л. Ф. Писарькова объясняет «обилие бумаг», т.е. увеличение бумажного потока, тем, что бюрократическая волокита связана «не с исполнением закона, а согласованием решений нижестоящих и вышестоящих учреждений» [37; 24, с. 455].

Ученые также констатировали, что в организации ведения делопроизводства и документооборота произошли как положительные, так и отрицательные изменения. К позитивным изменениям относятся: введение порядка производства дел, что способствовало «сокращению маршрута движения срочных документов» [7, с. 64; 24, с. 455]. К отрицательным явлениям можно отнести тот факт, что делопроизводство характеризовалось «медлительностью в решении дел» [37, с. 53; 24, с. 454].

Эти же явления были характерны и для ведения делопроизводства в органах по управлению калмыцким народом, так как основные принципы работы с документами, заложенными в «Общем учреждении министерств» (1811), нашли отражение и в Правилах 1825 г. В соответствии с Правилами 1825 г. была создана Комиссия калмыцких дел, которая внедрила в практику работы новшества по ведению делопроизводства и документооборота. Комиссия калмыцких дел являлась исполнительно-распорядительным учреждением, осуществляющим административное управление Калмыцкой степью Астраханской губернии [40, с. 25]. Тема истории создания и деятельности Комиссии калмыцких дел является малоизученной в калмыцкой историографии, хотя отдельные аспекты имеются в работах К. Н. Максимова,

Л. С. Бурчиновой. Исторические сведения о создании и направлениях деятельности Комиссии описаны в исторической справке к фонду И-2 и опубликованы в справочнике «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [40] и в коллективной монографии «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [20].

На основании документов, созданных в период деятельности Комиссии и сохранившихся в архивном фонде И-2 «Комиссия калмыцких дел» (1825–1836) Национального архива Республики Калмыкия (далее – Нацархив РК) [31; 40, с. 25–26], можно исследовать вопросы ведения делопроизводства и документооборота в дореволюционной Калмыкии в первой половине XIX в., также изучить практическое применение новых видов документов, таких как предписание, представление, журнал, мнение, донесение, записка и др. Их исследование позволило узнать функциональное и целевое назначение новых видов документов в системе делопроизводства. Необходимо отметить, что термины и понятия документов, применяемые в делопроизводственном процессе государственных учреждений по управлению калмыцким народом, соответствовали общероссийским стандартам и оставались неизменными после принятия «Положения об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г.

Тема делопроизводства и документооборота в целом по России достаточно исследована, и написано много специальных работ. Однако в калмыцкой историографии данная тема мало изучена. По этой тематике написаны статьи И. В. Лиджиевой [26; 27], Л. Б. Манджиковой [28; 29]. В научных работах Д. Б. Гедеевой [8; 9], Д. А. Сусеевой [39] были рассмотрены лишь некоторые вопросы делопроизводства периода Калмыцкого ханства.

Архивные документы также являются источником по изучению деятельности самих органов по управлению калмыцким народом. Из сохранившихся источников прослеживается, что одним из направлений их деятельности были вопросы, связанные с защитой здоровья кочевого народа. В дореволюционных фондах Нацархив РК сохранились документы, раскрывающие вопросы становления и развития системы здравоохранения, об эпидемиологической деятельности и проведении вакцинации в Калмыцкой степи. Данные вопросы рассматривались в научных трудах ученого У. Д. Душана [13; 14]. В 1920-е гг. из-за высокой смертности калмыков остро стоял вопрос о принятии мер по борьбе с опасными заболеваниями. Об этом писал архивист А. А. Лебединский в статье «К вопросу вымирания калмыков» [25]. Также этот вопрос стал предметом исследования экспедиции И. И. Мечникова в 1911 г. в Астрахань, и это было знаменательным событием для научной и медицинской общественности [38]. В 1925 г.

Государственным институтом социальной гигиены и Наркомздравом РСФСР была организована научная экспедиция доктора П. Ю. Берлина на территории Калмыцкой автономной области, которая положила начало проведению подобных экспедиций и в других регионах страны [5, с. 35].

В совместных статьях А. Н. Команджаева, Е. А. Команджаева, Ф. Н. Мийманбаевой «О системе здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XIX в.» [22, с. 919–928] и А. Н. Команджаева, Е. А. Команджаева, Д. В. Амаевой «Становление системы здравоохранения Калмыкии во второй половине XIX в.» [23, с. 919–928] исследовались вопросы зарождения и развития системы здравоохранения в дореволюционной Калмыкии.

Тема борьбы с заразными заболеваниями рассматривалась в вышеперечисленных научных работах, но особое внимание было уделено вопросу оспопрививания в Калмыцкой степи. Так, например, в диссертационных работах Л. В. Наминова [30] и М. В. Бадугиновой [6] была затронута тема борьбы с оспой. Эпидемическим заболеваниям в Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX в. посвящены работы А. Н. Команджаева и С. Е. Бадмаевой [21], М. В. Бадугиновой [4], В. Н. Авлиева [2]. Отдельные сведения об оспопрививании содержатся в трехтомном издании «История Калмыкия с древнейших времен до наших дней» [20]. В статье В. Н. Авлиева и А. В. Манджиевой «Организация здравоохранения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в первой половине XIX в.» авторы делают выводы о том, что «с появлением европейской медицины в Калмыцкой степи Астраханской губернии связано с оспопрививанием населения в 1811 г.» [3, с. 8].

Особый интерес представляет статья ученого из Университета Хоккайдо (Япония) Такэхико Иноуэ «О разработке Положения об оспопрививании в Калмыцких улусах (1839 г.)» [19, с. 191–196], написанная на основании архивных документов Российского государственного исторического архива (Ф. 383) и Нацархива РК (Ф. И-9). В статье рассматривается переписка Военного губернатора Астраханской губернии И. С. Тимирязева с министром внутренних дел Д. Н. Блудовым и министром государственного имущества П. Д. Киселевым о проекте «Положения об оспопрививании в Калмыцких улусах» (1839 г.) (далее – Положение 1839 г.), о проведении вакцинации от оспы в Калмыцкой степи, о роли буддийских монахов в оспопрививании. Также Т. Иноуэ отмечает интерес «российских медицинских чиновников к калмыцким монахам и их медицине» [19, с. 196].

О проведении профилактических мероприятий по борьбе с натуральной оспой в калмыцких улусах, о вкладе чиновников и калмыцких владельцев в проведении вакцинации и о структуре «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» (1839 г.) пишет И. В. Лиджиева в статье

«Оспопрививание как направление деятельности инородческого управления» [27, с. 32–38].

В калмыцкой историографии имеется ряд научных работ, посвященных вопросам становления и развития различных сфер деятельности органов власти по управлению калмыцким народом. Однако мало работ, касающихся вопросов: каким образом принимались те или иные решения, что способствовало их принятию или непринятию; что общего в ведении делопроизводства и есть ли особенности в организации работы с документами в органах управления калмыцким народом и т.д. Данная тема требует дальнейшего исследования.

Материалы и методы. Историческим источником по изучению направлений деятельности Комиссии калмыцких дел, тематики рассматриваемых вопросов, а также порядка организации работы с документами является архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» (1825–1836 гг.). В данном фонде насчитывается 111 ед. хр. за 1825–1836 гг. Все документы описаны в 3 описях, в т. ч.: в описи 1–74 ед. хр.; описи 1а – 32 ед. хр.; описи 2 – 5 ед. хр. Небольшой объем документов объясняется тем, что в период проведения макулатурных кампаний в госархивах страны многие архивные дела были уничтожены. В фонде И-2 «Комиссии калмыцких дел» было уничтожено 268 ед. хр. и утрачено 19 ед. хр. [28, с. 79]. Изучив состав документов, созданных в процессе деятельности Комиссии, выявлено, что они относятся к документам официального делопроизводства. Из содержания документов следует, что Комиссия решала вопросы административного, хозяйственного характера, финансового и кадрового обеспечения. Кроме того, осуществляла надзор за прохождением дел в Зарго (суд). Комиссия рассматривала вопросы, касающиеся следующих сфер жизнедеятельности калмыцкого народа: земельно-правовых отношений (опись № 1, дела № 28, 73, 127; опись № 1а, дела № 1–8; опись 2, дело № 3); здравоохранения (опись № 1, дела № 8, 126, 141); образования (опись № 1, дела № 113); переселенцев (опись 1, дело № 87), права наследования (опись № 1, дела № 179, 186); религии (опись № 1, дело № 142) и др. [28, с. 85].

Особый интерес в аспекте ведения делопроизводства и документооборота в дореволюционной Калмыкии представляют три архивных дела, содержащие сведения об оспопрививании в Калмыцкой степи [28, с. 79]. В архивном деле № 8 «О введении в калмыцких улусах оспопрививания» имеются сведения о принимаемых мерах по борьбе с оспой в калмыцких улусах до 1826 г. Накопленный опыт был обобщен инспектором Астраханской Врачебной управы Соломоном, он подготовил «Проект для операции оспопрививания в калмыцких улусах» (далее – Проект 1832 г.) [32, д. 8]. Документы о представлении Проекта

1832 г., его рассмотрению отложились в архивном деле № 126 «По представлению инспектора Астраханской Врачебной управы Соломона¹, на имя управляющего губернией, Вице-губернатора с предложением на рассмотрение проекта для операции оспопрививания в калмыцких улусах» [33, д. 126]. И в третьем архивном деле за № 141 «О награждении Эркетенева улуса эмчи Гомонга Джалкова за оспопрививание» сохранились сведения о порядке внесения и рассмотрения документов о награждении [34, д. 141].

Объектом исследования стало архивное дело № 126, т. к. оно сформировано по одному вопросу и содержит различные виды документов. Кроме того, вопрос рассматривался около 7 лет и тем самым вызвал интерес – в чем причина его многолетнего рассмотрения и принятия решения. Первый документ, подшитый в деле, датируется 8 июня 1832 г. – донесение инспектора Астраханского губернского врачебного управления Соломона в адрес Вице-губернатора Астраханской губернии В. И. Кошелеву о состоянии в Калмыкии в связи с распространением оспы и принятии мер. Также, к донесению прилагался «Проект Положения для операции оспопрививания в калмыцких улусах» [33, д. 126. л. 5–13]. Переписка по данному вопросу велась вплоть до принятия в 1839 г. «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» [35, с. 610–614].

Анализ. Принятие Положения по оспопрививанию в калмыцких улусах от 8 июля 1839 г. (далее – Положение 1839) началось с обращения инспектора Астраханской Врачебной управы г. Соломона в адрес Управляющего Астраханской губернией состоящему на должности вице-губернатора г-ну надворному советнику и канцлеру В. И. Кошелеву [33, л. 1–4]. Интересен тот факт, что от даты регистрации первого входящего документа по данному вопросу (8 июня 1832 г.) и до даты принятия Положения (8 июля 1839 г.) прошло ровно 7 лет.

Выяснение обстоятельств столь долгого рассмотрения проекта по оспопрививанию в Калмыцкой степи представляет интерес в аспекте делопроизводства и документооборота.

Из архивных документов следует, что в представлении инспектора Соломона в адрес вице-губернатора В. И. Кошелева речь идет об источнике распространения натуральной оспы в Астраханской губернии и его предложении принять меры по борьбе с заразной болезнью. По мнению Соломона, «источником распространения оспенной эпидемии...есть всегда калмыцкий народ, как свидетельствуют прежние эпидемии в разные времена» и то, что «зараза постоянно поддерживается небрежным оспопрививанием предохранительной оспы»² [33, л. 53]. Также в качестве

подтверждения своих наблюдений г. Соломон в представлении пишет, что «из 10 человек взрослых...выздоровливает не более трех» и причинами, по его мнению, являются:

- 1) «необыкновенное действие сей болезни... на калмыков...у них всегда...сильные припадки»;
- 2) кочевой образ жизни:
 - а) живя в кибитках, калмыки «лишены средств защиты от влияния сырого холодного воздуха»;
 - б) калмыки, испытывая «панический страх...», бросают [больных] на произвол судьбы с кибиткой и всеми вещами удаляются в степи» [33, л. 54].

Соломон, «озабочиваясь своей обязанностью о прочном установлении оспопрививания в калмыцких улусах так необходимого, как и для них, так и всей губернии благополучия» [33, л. 55] разработал «Проект для операции оспопрививания в калмыцких улусах» [33, л. 15]. Именно так изначально назывался документ об оспопрививании у калмыков и позже стал основой для утвержденного «Положения по оспопрививанию в калмыцких улусах» от 8 июля 1839 г. Данный документ при регистрации в Канцелярии получил входящий номер – № 3002. На протяжении всего периода прохождения документа по инстанциям, его входящий номер являлся отправной точкой в деле рассмотрения представления инспектора Соломона, а также – поисковым учетным номером.

Необходимо отметить, что инспектор Соломон направил в адрес Губернского оспенного комитета еще одно представление, в котором он акцентирует внимание на имеющихся сведениях о проведении в 1811 г. прививания предохранительной оспой в калмыцких улусах, принадлежащих князю Сербеджапу Тюмену; о записке Главного пристава в адрес гражданского губернатора о прививании калмыков в 1826 г.; о предположении Губернского оспенного комитета в 1828 г. относительно оспопрививания в калмыцких улусах [33, л. 54–54 об.].

17 июля 1832 г. вице-губернатор В. И. Кошелев после рассмотрения предложенного проекта направил его в Астраханский губернский оспенный комитет (далее – оспенный комитет) для «обстоятельного рассмотрения». Важен факт того, что оспенный комитет счел Проект нужным и направил подлинник Проекта в Комиссию калмыцких дел (далее – Комиссия) [33, л. 53].

Структурно проект состоял из 6 глав и 55 параграфов. В каждой главе описываются обязанности чиновников, так: в Главе 1 (§1 – §4) рассматривается отношение Врачебной управы к оспопрививанию в улусах; в Главе 2 (§5 – §16) –

1 Так в документе. – Л. М.

2 Имеется в виду «предохранительные прививки, спо-

собствующие повышению защитных сил организма и выработке невосприимчивости (иммунитета) к той или другой заразной болезни» [64, с. 4].

обязанности улусного врача; в Главе 3 (§17 – §37) – обязанности оспопрививателей; в Главе 4 (§38 – §43) – обязанности частных приставов; в Главе 5 (§44 – §50) – Главного пристава и в Главе 6 (§51 – §55) – обязанности владельцев–зайсангов в отношении к оспопрививанию. Проект был подписан инспектором Соломоном [33, л. 5–14]. Текст проекта написан разборчиво, почерк писавшего ровный и легко читаемый.

В декабре того же года вице-губернатор В. И. Кошелев направляет в Комиссию калмыцких дел письмо, в котором предлагает «немедленно исполнить данное ей Губернским оспенным комитетом предписание от 27 июля за № 39» и представить его «со своим мнением» Астраханскому военному губернатору [33, л. 10 – 10 об.].

В протоколе заседания Астраханской Комиссии калмыцких дел за февраль 1833 г., как того требовали правила по делопроизводству и документообороту, было коротко описано движение Проекта по инстанциям и представлена запись их мнений по документу. Необходимо акцентировать внимание на том, что «Проект для операции оспопрививания в калмыцких улусах» стал называться «Положением для операции оспопрививания в калмыцких улусах» (далее – проект Положения) и он уже был рассмотрен во втором чтении. Структура Положения осталась прежней, также состояла из 6 глав и 55 параграфов. Из протокола следовало, что проект Положения проходил согласование в различных органах, в том числе у депутатов – представителей калмыцких владельцев и духовенства.

После текста проекта Положения в протоколе имеется запись мнения бывшего депутата коллегии хошоутовского¹ владельца Церен-Дондок Тюменя [1, с. 90]. Владелец Ц.-Д. Тюмень не был согласен с аргументами инспектора Соломона, высказанными им в первом представлении, и ставил под сомнение высказывание инспектора о количестве калмыков, умирающих от оспы. Ц.-Д. Тюмень считал, что если бы умирало такое количество людей, то «калмыцкий народ, конечно же, должен был совершенно перевестись» [33, л. 61об.]. Также он категорически возражал против того, что «калмыки бросали больных на произвол судьбы». Он писал: «никакой владелец правитель-зайсанг, и даже само калмыцкое начальство не позволит больного кочевого человека бросить одного в степи. Всякий владелец и даже хотонный староста обеспечит всегдашнее попечение и наблюдение, чтобы к больным представлен был надежный присмотр, для чего в некоторых улусах калмыцких определяются особые люди, обязанные, во всяком случае, иметь заболевшему уход, и сверх того во всяком улусе имеется достаточное число лекарей калмыцких, использующих

свои национальные лекарства и потребно по болезни пищею» [33, л. 62об.]. Кроме того, князь Ц.-Д. Тюмень считал, что болезнь начинается в русских поселениях и потом уже распространяется повсеместно у калмыков, киргизов и других кочующих азиатских народов [33, л. 63].

Он не только высказал свое несогласие с аргументацией инспектора Соломона, но и внес предложения по проекту. В первую очередь он считал «полезным и спасительным средством к прекращению всякой опасности и смертности от натуральной оспы» деятельность «всегдашнего оспопрививания в калмыцких улусах». Во-вторых, он не был согласен с мнением инспектора Соломона, о том, что «при калмыцком штате [должен быть один] особенный врач с жалованием от правительства». По его мнению, «для объезда всех калмыцких улусов одного врача недостаточно», платить жалование не следует, и необходимо освободить врачей от уплаты податей и повинностей [33, л. 65–66]. Также Ц.-Д. Тюмень полагал, что принять решение о количестве врачей, территории их «надзора и объезда» может самостоятельно Главный пристав или же должно быть разрешение Комиссии калмыцких дел [33, л. 63].

Аргументы владельца Ц.-Д. Тюменя, его замечания и предложения по проекту Положения представляют особый интерес для исследователей, так как они способствовали успешному проведению мероприятий по борьбе с оспой в Калмыцкой степи.

Комиссия калмыцких дел приняла во внимание все высказанные мнения о проекте документа, в том числе князя Ц.-Д. Тюменя, и положила (приняла следующие решения):

1. Правила, предложенные инспектором Врачебной управы Соломоном для ведения оспопрививания в калмыцких улусах «соответственны, удобны к исполнению и должны принести полезные последствия для всего калмыцкого народа».
2. По вопросу о назначении особенного врача Комиссия посчитала, что «на первый случай достаточно и одного медицинского чиновника», который будет лечить «с истинного врачебного научного и отклонение от грубого и шарлатанского гелюнового врачевания».
3. Комиссия согласилась с мнением депутата Ц.-Д. Тюменя – «жалование оспопрививателю, как назначено в проекте, не производить, а должны они быть тем довольны, что в течение службы избавить от податей и повинностей».
4. Комиссия нашла положительным предложение инспектора Соломона о допущении оспопрививателей из других сословий по желанию владельцев. С этим решением был согласен и депутат Ц.-Д. Тюмень.

¹ В документе Хошеутовский улус называется Хошоутовским.

Протокол завершается предложением направить Министру внутренних дел представление об утверждении проекта «Правил руководства в проведении оспопрививания в калмыцких улусах» [33, л. 65–68 об.].

Следует отметить, что в протоколе «Проект операции оспопрививания в калмыцких улусах» (1832) именовался по-разному: проект «Устава для введения оспопрививания в калмыцких улусах», проект «Положения оспопрививания в калмыцких улусах», «Правила руководства в проведении оспопрививания в калмыцких улусах». Чем объяснить такое разночтение наименования одного и того же документа? Можно предположить, что каждое ведомство высказывало свое мнение и вносило предложение о наименовании рассматриваемого документа.

Дальнейшее изучение делопроизводственных документов показало, что в рассмотрении Проекта 1832 г. сложилась странная ситуация, когда Астраханский оспенный комитет, находившийся в ведении Министерства внутренних дел, не получал информации ни от Главного пристава, ни от Комиссии калмыцких дел, тогда как данной Комиссией проект Положения был рассмотрен даже во втором чтении (февраль 1833 г.). Об этом факте упоминается в письме управления Астраханского Военного Губернатора по части Гражданской¹ от 11 апреля 1834 г. № 447, в котором говорится, что Комиссия «два раза рассматривала означенный проект, но за всем тем не только не доставлено онаго до сих пор, но нет даже сведения, которые бы, по крайней мере, могло объяснить причину двухгодичной медленности. Вследствие чего я в последний раз подтверждаю Комиссии о скорейшем представлении ко мне означенного проекта с ея мнениями, доставить с тем вместе и объяснения о причине таковой медленности». Письмо подписано военным губернатором И. С. Тимирязевым [33, л. 40–40 об.].

Прошло 10 месяцев, и за это время Комиссия калмыцких дел так и не направила свое заключение по проекту Положения оспопрививания в калмыцких улусах и не дала объяснений о задержке в исполнении указаний вышестоящих органов и должностных лиц. Из письма военного губернатора, генерал-майора И. С. Тимирязева от 8 февраля 1835 г. № 175, адресованного Астраханской Комиссии калмыцких дел, мы узнаем, что Комиссия трижды рассматривала Проект, но так и не представила информации о принятом решении [33, л. 41].

Из текста другого письма, датируемого 19 сентября 1835 г., становится ясным, что Комиссия калмыцких дел так и не направила проект Положения в Управление Астраханского военного губернатора. И. С. Тимирязев был возмущен происходящим и писал: «даже не имею сведений о положении дел сего» и призывал в очередной раз «доставить мне немедленно сведения о рассмотрении означенного проекта или объяснить причину» [33, л. 47].

О сложившейся ситуации было заслушано на заседании Комиссии калмыцких дел 31 октября 1835 г. Протокол заседания начинается со слов «Читано предложение Астраханского Военного Губернатора от 19 сентября № 1954», и далее идет изложение сути письма И. С. Тимирязева. Главный пристав по управлению калмыцким народом доложил Комиссии, что присланный в ноябре прошлого 1834 г. «проект операции оспопрививания в калмыцких улусах был в общем производстве оставлен без заключения впредь до приведения в исполнение..., [и] утверждения в калмыцком управлении». Комиссия приняла решение записать в Журнале заседаний: «оставить впредь до приведения в исполнение нового Положения об оспопрививании в калмыцких улусах..., уведомить г-на Военного Губернатора и передать с Журналом...» [33, л. 48–48 об.; 29, с. 82].

Почему так важно занесение записей в Журнал заседаний? Каково его назначение? Известно, что протокол является внутренним документом, в котором фиксируется ход рассмотрения вопросов и решений, принятых посредством коллегиального обсуждения и голосования. Протоколы можно условно разделить на краткие и подробные. Подробные протоколы и назывались журналами. В делопроизводстве XIX в. в журналах фиксировалось обсуждение вопроса в обобщенном виде. Имеется в виду то, что все высказывания одного выступающего объединялись в одно, и мнения других близких по содержанию также могли быть обобщены и излагаться как цельное решение. Следовательно, решение Комиссии оставить вопрос открытым до повторного внесения доработанного Проекта на рассмотрение, было окончательным. Именно поэтому Проект не был внесен на рассмотрение вышестоящих органов власти.

С момента внесения Проекта 1932 г. на рассмотрение прошло 4 года. В марте 1836 г. Управление Астраханского Военного губернатора по части гражданской направило предложение в адрес Астраханской Комиссии калмыцких дел. Данное письмо отличается от всех ранее представленных документов. Оно было изготовлено типографским способом. Реквизиты расположены в соответствии с нормативными требованиями, в верхнем левом углу и только дата документа написана от руки чернилами черного цвета.

¹ В первой половине XIX в. в национальных окраинах были созданы «особенные» управления, которые характеризовались большей самостоятельностью местной администрации, генерал-губернаторства, а также наблюдалось слияние военного и гражданского управления. Военный губернатор управлял не только военными учреждениями, но и заведовал гражданской частью [16, 196]

Письмо написано кратко, и его содержание касается двух вопросов:

- 1) о бездействии в отношении рассмотрения и принятия проекта операции оспопрививания в калмыцких улусах;
- 2) о «приведении в действие проекта сего» в части успешного проведения вакцинации от оспы в Калмыцкой степи, несмотря на то, что Положение об оспопрививании в калмыцких улусах не было принято [33, л. 49].

Из документов видно, что параллельно с вопросом о проекте оспопрививания велась переписка о предоставлении сведений об успехах оспопрививания в калмыцких улусах. Так, например, вице-губернатор В. И. Кошелев письмом от 21 марта 1833 г. предписывает Главному приставу калмыцким народом г-ну помощнику Филиппину представить «в самоскорейшем времени» сведения, требуемые Астраханским губернским оспенным комитетом ещё с 30 марта 1832 г. Одновременно губернатор требовал донести, «почему прежде не исполнено, кто виновен в медлительности» и поручает подготовить и внести на ее рассмотрение Журнал по проекту г-на инспектора Врачебной управы Соломона об оспопрививании в калмыцких улусах». В конце письма В. И. Кошелев предупреждает, что «дальнейшая бездеятельность ... повлечет на Вас взыскание по закону» [33, л. 17 – 18].

Какие именно сведения и о каких успехах в оспопрививании в калмыцких улусах запрашивал вице-губернатор В. И. Кошелев? В выявленных архивных документах фонда Комиссии калмыцких дел нет прямых указаний по данному вопросу. Встречаются лишь упоминания о принимаемых мерах по борьбе с оспой, проводимых в 1811 г., 1826 г., 1828 г.

В деле № 126 подшито донесение Астраханской Врачебной управы от 14 марта 1833 г. № 164 в адрес вице-губернатора, в котором говорится о том, что никаких сведений об оспопрививании и о достигнутых успехах, запрошенных в 1832 г., так и не поступило. В то же время, в документе сообщалось, что в Енотаевском уезде свирепствует натуральная оспа и «Главный пристав при калмыцком народе направил для прививания предохранительной оспы оспенную материю, инструменты и наставления [инструкцию] для оспопрививания и тем, чтобы раздать их калмыцким оспопрививателям, которые по его уверению есть во всяком улусе». Также было дано предписание Енотаевскому уездному лекарю принять «деятельные меры к распространению оспопрививанию между калмыками, кочующими в уезде» [33, л. 18].

Вышеуказанные сведения были упомянуты в Протоколе заседания Астраханской Комиссии калмыцких дел от 14 марта 1836 г. «О рассмотрении Проекта для операции оспопрививания в калмыцких улусах» [33, л. 53–64], так как в соответ-

ствии с вступившим в действие «Положениями об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. [11, с. 162–193] в тексте официальных документов должны были излагаться обстоятельства рассматриваемого дела, с момента поступления обращения, его прохождение по инстанциям, принятым мнениям, решениям. Представляет интерес оформление данного протокола. Так же как и предыдущие протоколы, он оформлен в соответствии с требованиями того времени. Особенностью оформления этого протокола является то, что с левой стороны имеется несколько записей о прохождении документа: 1-ая запись – «Рассмотрено представление Инспектора Астраханской врачебной управы Соломона»; ниже 2-ая запись «Копия в Канцелярию г. В[ице]Губернатора передана 8 апреля № 367»; еще ниже 3-я запись «В оспопрививательный комитет 10 марта № 583». С правой стороны идет описание порядка рассмотрения Проекта и мнение рассматривающих органов и должностных лиц за период с июня 1832 г. по март 1836 г.

В 1836 г. Комиссия калмыцких дел завершила свою деятельность, и о дальнейшей судьбе данного документа известно следующее. Проект «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» был представлен Министерством государственных имуществ и утвержден Императором 8 июля 1839 г. [35]. Структура Положения изменилась в сравнении с первоначальным вариантом проекта, разработанного инспектором Соломоном, и состояла из семи глав, «каждая из которых определяет круг обязанностей органов управления, должностных лиц, а также владельцев и правителей улусов» [27, с. 35]. В соответствии с Положением «главный надзор за производством оспопрививания в калмыцких улусах Астраханской губернии и Кавказской области поручается Астраханской Врачебной управе», которая являлась «органом губернского управления медико-санитарного дела». Также было оговорено денежное содержание оспопрививателей: «выплата жалованья оспопрививателям во владельческих улусах производится нойонами, а в казенных – за счет сбора на содержание калмыцкого управления» [27, с. 35].

Из представленных документов следует, что Проект 1832 г., разработанный инспектором Соломоном, на протяжении 7 лет рассматривался во всех заинтересованных органах, дорабатывался и вновь выносился на обсуждение. В рассмотрении проекта по оспопрививанию в калмыцких улусах участвовали лишь те государственные органы, должностные лица, которые были указаны в «Правилах для управления калмыцким народом» 1825 г.

По мнению С. Ю. Деева, Правила 1825 г. имели «ряд существенных недостатков», в них «... подчиненность Главного пристава Астраханскому

губернатору лишала его возможности независимо и более объективно отстаивать их при рассмотрении». Также «сложный механизм управления небольшим народом с одновременным сохранением за владельцами улусов полноты их власти в делах их внутреннего управления, при отсутствии способов быстрого межведомственного взаимодействия, не мог не создать препятствий в развитии края, чем и был обусловлен дальнейший поиск усовершенствования системы управления калмыцким народом» [12, с. 100; 1, с. 96].

Результаты. Таким образом, исследование показало, что рассмотрение и принятие «Положения об оспопрививании в Калмыцких улусах» (1839 г.), разработанного инспектором Соломоном проходило в соответствии с установленным порядком, с учетом строгой иерархии должностных лиц. О каждом принятом решении необходимо было информировать и согласовывать свои решения как с вышестоящими, так и с нижестоящими организациями. Из-за чего система делопроизводства оставалась «неповоротливой и малоэффективной» [24, с. 454], сроки прохождения проектов документов по инстанциям нарушались, и увеличивался бумажный поток [24, с. 455].

На основе проведенного анализа архивных документов фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия можно сказать, что в целом, ведение делопроизводства и документооборота в Комиссии калмыцких дел Астраханской губернии полностью соответствовало действовавшим в первой поло-

вине XIX в. общероссийским нормативным требованиям, «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г. и «Положению об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. В делопроизводство государственных учреждений вводились новые виды документов. Изучение их содержания и оформления позволило понять их функциональное назначение в делопроизводственном процессе.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что проблемы, характерные для документооборота в центральных органах управления, были актуальны и для органа по управлению калмыцким народом. В тоже время необходимо отметить, что в калмыцком делопроизводстве имеются свои особенности. Так, например, в дореволюционной Калмыкии делопроизводство велось на двух языках: на русском и на старокалмыцкой письменности тодо бичиг. Документы, написанные на тодо бичиг, переводились толмачами и поступали на рассмотрение вместе с переводом.

Архивные документы фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» являются источником по изучению вопросов делопроизводства и документооборота, проблем становления и развития здравоохранения, вклада чиновников и калмыцких владельцев в борьбу с такой опасной болезнью для кочевников как оспа. Кроме того, эти документы свидетельствуют о вовлечении калмыцкой знати в решение управленческих дел и в делопроизводственный процесс российского государства.

Литература

1. Абеева О. Н. Введение Калмыкии в общероссийскую систему управления (Правила 1825 года) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. № 2. С. 88–96.
2. Авлиев В. Н. История эпидемии натуральной оспы у калмыков в условиях кочевого образа жизни (начало XIX в.) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15994> (дата обращения: 19.05.2023)
3. Авлиев В. Н., Манджиева А. В. Организация здравоохранения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 4 (28). С. 4–8.
4. Бадугинова М. В. Борьба с эпидемиями в Калмыцкой степи в XIX–начале XX вв. // Материалы Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Ч. II. Элиста, 2011. С. 178–182.
5. Бадугинова М. В. Экспедиция П. Ю. Берлина в Калмыкию (1925 г.) и ее значение в развитии здравоохранения республики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 30–36.
6. Бадугинова М. В. Здравоохранение Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Грозный 2018. 29 с.
7. Виноградова Т. В. Состояние губернского делопроизводства в Российской империи и попытки его реформирования в первой половине XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2 (124). С. 59–69.
8. Гедеева Д. Б. О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // Oriental Studies. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–150.
9. Гедеева Д. Б. Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.
10. Глотова С. А. Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2 (124). С. 70–77.
11. Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док-тов и мат-лов. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 399 с.
12. Деев С. Ю. Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Вестник КИГИ РАН, 2002. Вып. 17. С. 93–105.

13. Душан У. Д. Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область, 1925. № 2. С. 50–75; № 3. С. 30–51; 1926, № 1 (4). С. 78–94.
14. Душан У. Д. Избранные труды / Сост. Батыров В. В., Шараева Т. И. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
15. Емельянова В. С. Делопроизводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ // Право и безопасность. 2012. № 3–4 (43). С. 129–134.
16. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. С. 368.
17. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
18. Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 79 с.
19. Иноуэ Такехико. О разработке «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» (1839): по материалам переписки И. С. Тимирязева и П. Д. Киселева // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. – Астрахань: Сорокин П. В., 2013. Вып. 5. С. 191–195.
20. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» в 3-х томах. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
21. Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е. Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губ. в конце XIX – начале XX века // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 43–55.
22. Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Мийманбаева Ф. Н. Система здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14 (5). С. 919–928.
23. Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Амаева Д. В. Становление системы здравоохранения Калмыкии во второй половине XIX в. // Вестник калмыцкого университета. 2021. № 4 (52). С. 16–23.
24. Красникова Ю. Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469.
25. Лебединский А. А. К вопросу о вымирании калмыков. Астрахань: Калмоблиздат, 1927. 45 с.
26. Лиджиева И. В., Когданова Б. В. Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // Oriental Studies. 2018. Т. 36. № 2. С. 29–37.
27. Лиджиева И. В. Оспопрививание как направление деятельности инородческого управления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 32–38. URL: https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_32.
28. Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87.
29. Манджикова Л. Б. Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1126–1135.
30. Наминов Л. В. История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР: автореферат дис. ... кандидата медицинских наук. Ростов н/Д: (б.и.), 1968. 18 с.
31. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. И-2. Оп. 1а.
32. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 8.
33. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 126.
34. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 141.
35. Положение об оспопрививании в калмыцких улусах // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1840. Собр. 2, т. 14, ч. 1, № 12518. С. 610–614.
36. Правила для управления калмыцкого народа. 10 марта 1825 г. (№ 30290) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. I. Т. XXXX. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1830. С. 155–161.
37. Писарькова Л.Ф. Коррупция в государственном управлении России XVII– XIX веков // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 2 (87). С. 49–56.
38. Рубальский О. В., Мирошников В. М., Галимзянов Х. М., Рыбкин В. С. Экспедиция И. И. Мечникова в Астраханскую губернию в 1911 году // Успехи современного естествознания. 2006. № 4. С. 22–25.
39. Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / [сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева]. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
40. Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В.З. Атуева [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.
41. Цюбулько-Нечай И. З. Предохранительные прививки. Л.: Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР, 1968. 26 с.
42. Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. Санкт-Петербург: Искусство–СПб, 2007. 461 с.
43. Шушунова Е. В. Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2012. 2 (18). С. 55–59.

References

1. Abeeva O. N. Introduction of Kalmykia into the all-Russian system of government (Rules of 1825). Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya = Bulletin of the Caspian Sea: archeology, history, ethnology. 2010;(2); 88-96. (In Russ.).
2. Avliev V. N. The history of the smallpox epidemic among Kalmyks in a nomadic lifestyle (early 19th century). Contemporary issues of science and education = Modern problems of science and education. 2014;(6). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15994> (accessed: 19.05.2023).
3. Avliev V. N., Mandzhieva A. V. Organization of healthcare in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the first half of the 19th century. Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of the Kalmyk University. 2015;4(28):4-8. (In Russ.).
4. Baduginova M. V. Fighting epidemics in the Kalmyk steppe in the 19th–early 20th centuries in Proceedings of the International Scientific Conference «Humanities in the South of Russia: International and Regional Cooperation» (20-23 September 2011). Elista, 2011; Part II. p. 178-182. (In Russ.).

5. Baduginova M. V. Expedition of P. Yu. Berlin to Kalmykia (1925) and its significance in the development of the health care of the republic. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of the Kalmyk University*. 2014;(3):30–36. (In Russ.).
6. Baduginova M. V. Health care of Kalmykia at the end of the 19th – the first half of the 20th century: thesis. Sciences. Grozny 2018; 29 p.
7. Vinogradova T. V. The state of provincial office work in the Russian Empire and attempts to reform it in the first half of the 19th century. *Vestnik RGGU. Seriya: dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost' = Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: documentation and archiving. Computer science. Information protection and information security*. 2014;2(124):59-69. (In Russ.).
8. Gedeyeva D. B. On the word *biçiq* in the language of Kalmyk business writing in the 18th–19th centuries. *Oriental Studies*. 2018;39(5):145–150. (In Russ.).
9. Gedeyeva D. B. Archival letters of the 18th century. as monuments of Kalmyk business writing in Bashkir language and literature in the context of globalization and multi-ethnic environment: experience and prospects. Proceedings Intern. scientific-practical. conf. [22–25 October 2019]. Ufa: Institute of History, Language and Literature, USC RAS Publishing; 2019. p. 107–109. (In Russ.).
10. Glotova S. A. The emergence and development trends of administrative documentation in Russia in the pre-revolutionary period. *Vestnik RGGU. Seriya: dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost' = Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: documentation and archiving. Computer science. Information protection and information security*. 2014;2(124):70–77. (In Russ.).
11. State building of Kalmykia. XVII–XXI centuries *Sat. docs and mats*. Elista: NPP «Dzhangar», 2009; 399 p. (In Russ.).
12. Deev S. Yu. Management of the Kalmyk people after the abolition of the Kalmyk Khanate (1771–1825). *Vestnik KIGI RAN = Bulletin of KIGI RAS*. 2002;(17):93-100. (In Russ.).
13. Dushan U. D. General review of health care in the Kalmyk steppe. *Kalmytskaya oblast' = Kalmyk region*. 1925;(2):50–75. (In Russ.).
14. Dushan U. D. Selected works / Comp. Batyrov V. V., Sharaeva T. I. Elista: KIGI RAN; 2016, 376 p. (In Russ.).
15. Emelyanova V. S. Office work in Russia as an element of the public administration system: historical and legal analysis. *Pravo i bezopasnost' = Law and security*. 2012;3–4(43):129–134. (In Russ.).
16. Eroshkin N. P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: Higher school, 1968; 368 p. (In Russ.).
17. Eroshkin N. P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: RSHU publ., 2008, 710 p. (In Russ.).
18. Ilyushenko M. P. History of paperwork in pre-revolutionary Russia. Moscow: RGGU; 1993, 79 p.
19. Inoue Takehiko. On the development of the “Regulations on smallpox vaccination in the Kalmyk uluses” (1839): based on the materials of the correspondence of I. S. Timiryazev and P. D. Kiselev) in Astrakhan local history readings: coll. Art. – Astrakhan: Sorokin R. V. 2013;(5):191–195.
20. History of Kalmykia from ancient times to the present day” in 3 volumes. Vol. 1. Elista: Gerel; 2009, 848 p.
21. Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E. Epidemic diseases in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province. at the end of the 19th – beginning of the 20th century. *Oriental Studies*. 2021;14(1):43–55.
22. Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Miymanbaeva F. N. The healthcare system in the Kalmyk steppe at the beginning of the 20th century. *Oriental Studies*. 2021;14(5):919–928.
23. Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Amaeva D. V. “Formation of the healthcare system of Kalmykia in the second half of the 19th century”. *Vestnik kalmytskogo universiteta = Bulletin of the Kalmyk University*. 2021;4 (52):16-23.
24. Krasnikova Yu. N. The evolution of office work in state institutions of the Russian Empire in the first half of the 19th century (on the example of the Department of appanages). *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2022;11(4):451-469.
25. Lebedinsky A. A. On the extinction of the Kalmyks. Astrakhan: Kalmoblizdat; 1927. 45 p.
26. Lidzhieva I. V., Koslednova B. V. Record keeping practice of managing the Kalmyk people. *Oriental Studies*. 2018;36(2):29–37
27. Lidzhieva I. V. Smallpox vaccination as a direction of activity of foreign management. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika = Caspian region: politics, economics, culture*. 2022;2(71):32-38. URL: https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_32. (accessed: 24.05.2023).
28. Mandzhikva L. B. Archival documents of the fund I-2 «Commission of Kalmyk affairs. 1825–1836» National Archives of the Republic of Kalmykia as a source for studying the history of state institutions in pre-revolutionary Kalmykia (some issues of office work organization). *Kalmykii (nekotorye voprosy organizatsii deloproizvodstva) = Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(2):70–87.
29. Mandzhikova L. B. Documents of the Commission of Kalmyk Affairs as a source for studying the organization of office work and document flow in Kalmykia in the 19th century (on the example of considering the petition of the Kalmyk owner E. Ts. Kichikov for permission to wear a bronze medal). *Oriental Studies*. 2022; 15(5):1126-1135.
30. Naminov L. V.. The history of the organization of health care and medical care in the Kalmyk ASSR: abstract of thesis. Rostov on Don, 1968. 18 p.
31. National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). F. I–2. Inv. 1a.
32. NA RK. F. I–2. Inv. 1a. D. 8.
33. NA RK. F. I–2. Inv. 1a. D. 126.
34. NA RK. F. I–2. Inv. 1a. D. 141.
35. Regulations on smallpox vaccination in the Kalmyk uluses in Complete collection of laws of the Russian Empire. St.Petersburg: Printing House II Department of the Own E. I. V. Chancellery; 1840. Collection. 2, vol. 14, part 1, no. 12518: 610-614.
36. Rules for the management of the Kalmyk people. March 10, 1825 (No. 30290) in Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Collection. I. T. XXXX. St.Petersburg: Type. II Dep. Own his imp. Majesty's Chancellery, 1830. p. 155-161.

37. Pisarkova L. F. Corruption in public administration in Russia in the 17th-19th centuries. Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of the Russian Fund for Fundamental Research. Humanities and social sciences. 2007;2(87):49-56.
38. Rubalsky O. V., Miroshnikov V. M., Galimzyanov Kh. M., Rybkin V. S. Expedition of I. I. Mechnikov to the Astrakhan province in 1911. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya = Successes of modern natural sciences. 2006;(4):22–25.
39. Suseeva D. A. Letters of the Kalmyk khans and their contemporaries (1713–1771). Selected / [ed.: L. B. Shaldanova, G. S. Sandzhieva]. Elista: NPP «Dzhangar»; 2009, 992 p.
40. Funds of the National Archives of the Republic of Kalmykia, 1713–1993 / compiled by V. Z. Atueva [and others]. 2nd ed., rev. and additional Elista: Kalm. book. publishing house, 2002; 205 p.
41. Tsybulko-Nechay I. Z. Protective vaccinations. London: Military Medical Museum of the Ministry of Defense of the USSR, 1968. 26 p.
42. Shepelev L. E. Apparatus of power in Russia. The era of Alexander I and Nicholas I. St. Petersburg: Art-SPB, 2006. 461 p.
43. Shushunova E. V. Reform of ministerial office work in the first half of the XIX century. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012;2(18):55-59.

Научная статья

УДК 930.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.6>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI ВЕКА

Михаил Александрович Мартыненко¹¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)

Аспирант

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8559-6824> E-mail: mihmar@sfedu.ru

Аннотация. Введение. Статья посвящена развитию отечественной историографии изучения исторической политики Польской Народной Республики. Автор считает, что трансформация данного историографического поля была неразрывно связана, во-первых, со становлением в России междисциплинарного направления исследований коллективной памяти, во-вторых, с устойчивым институциональным сотрудничеством российских и польских ученых. **Материалы и методы.** Используя сочинения отечественных авторов, специализирующихся на проблемах исторической политики, выделяются основные проблемные блоки, на которые была направлена исследовательская оптика российских аналитиков. **Анализ.** Отмечается, что коммеморативные тренды в Польской Республике подвергались анализу сквозь призму концепта «юбилея», противостояния государственной власти и католической церкви, а также посредством изучения образовательной политики в области исторического знания. Диверсификация исследовательского поля memory studies в 2010-е гг. способствовала расширению набора сюжетов, пригодных для анализа с точки зрения политики памяти. Автор отмечает, что компаративный анализ польской исторической политики проводился российскими историками с двух разных подходов, один из которых включал в себя помещение проблемы в общеевропейский контекст формирования исторических нарративов, другой – предполагал более широкое рассмотрение вопроса, включающее в себя в том числе анализ неевропейских сюжетов.

Research article

В качестве ключевого институционального стержня отечественной историографии выделяется Комиссия историков России и Польши, которая долгое время осуществляла проекты, направленные на изучение различных аспектов мемориального пространства Польской Народной Республики. **Результаты.** Делается вывод, что насущной задачей отечественных специалистов может считаться, с одной стороны, дальнейшая разработка частных коммеморативных проектов польского правительства и анализ трансформаций его мемориального менеджмента, с другой, препятствие любым автаркическим тенденциям в историографии с последующим восстановлением сетевого взаимодействия с польскими и другими зарубежными коллегами.

Ключевые слова: российская историография, Польская Народная Республика, историческая политика, коллективная память, культурная политика, академическое сотрудничество, Комиссия историков России и Польши

Для цитирования: Мартыненко М. А. Историческая политика Польской Народной Республики в российской историографии XXI века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 410–416. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 27.05.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

HISTORICAL POLITICS OF THE POLISH PEOPLE'S REPUBLIC IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE XXI CENTURY

Mikhail A. Martynenko¹¹ Южный федеральный университет (105/42, B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)

Postgraduate student

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8559-6824> E-mail: mihmar@sfedu.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to the development of the Russian historiography of the study of the historical politics of the Polish People's Republic. The author considers that the transformation of this historiographical field was inextricably linked, firstly, with the formation of an interdisciplinary field of collective memory research in Russia, and secondly, with the stable institutional cooperation of Russian and Polish scientists. **Materials and Methods.** Using the essays

of Russian authors specializing in the issues of historical politics, the main problem blocks are identified. **Analysis.** It is noted that the commemorative trends in the Polish Republic were analyzed through the prism of the concept of «anniversary», the confrontation between state power and the Catholic Church, as well as through the study of educational policy in the field of historical knowledge. The diversification of the research field of memory studies in the 2010s contributed to the expansion of the set of

© Мартыненко М. А., 2023

subjects suitable for analysis from the point of view of politics of memory. The author notes that the comparative analysis of Polish historical politics was carried out by Russian historians from two different approaches, one of which included placing the problem in the pan-European context of the formation of historical narratives, the other assumed a broader consideration of the issue, including the analysis of non-European plots. The Commission of Historians of Russia and Poland is singled out as a key institutional core of Russian historiography, which for a long time carried out projects aimed at studying various aspects of memorial management of the Polish People's Republic. **Results.** It is concluded that the urgent task of Russian specialists can be considered, on the one hand, the further development of specific commemorative projects of the Polish government and the analysis of transformations of its memorial management, on the other,

Введение. Видоизменение мнемонического ландшафта Центрально-Восточной Европы в 1980-е гг. было связано с ослаблением всего социалистического блока и конкретными негативными тенденциями внутри государств-участников Организации Варшавского Договора. Возглавлявшие коммунистические правительства лидеры были вынуждены осуществлять не только социально-экономическую трансформацию в условиях меняющейся политической конфигурации, но и выработывали новые исторические нарративы, позволявшие им поддерживать авторитет действующей власти. Стремление к повышению престижа государственных структур приводило к инструментализации прошлого, которое рассматривалось ими как ресурс в борьбе с оппозицией и другими общественно-политическими акторами. Особый интерес в данном контексте приобретает трансформация курса исторической политики Польской Народной Республики, которая происходила, с одной стороны, в условиях конфронтации между двумя системами периода холодной войны, с другой стороны, сопровождалась крушением конвенциональных нарративов о прошлом и формированием новых подходов к инструментализации исторического наследия.

Проблемы, связанные с причинами и последствиями крушения исторических нарративов в социалистической Польше, изучаются отечественными исследователями давно и достаточно последовательно. Вместе с тем, за последние несколько лет историографическое поле изучения исторической политики Польской Народной Республики претерпело значительные изменения, став – в определенной степени – зависимым от политической обстановки в регионе. По словам Г. К. Касьянова, этот процесс связан с «войнами памяти», которые, по мнению исследователя, сузили диалоговое пространство между учеными из восточноевропейских стран и стимулировали слияние академического дискурса с идеологическим [22, р. 1295 – 1296]. Помимо этого, развитие историографии данного вопроса в России

the obstacle to any autarchic trends in historiography and the restoration of networking with Polish and other foreign colleagues.

Keywords: Russian historiography, Polish People's Republic, historical politics, collective memory, cultural politics, scholarly cooperation, Commission of historians of Russia and Poland

For citation: Martynenko M. A. Historical politics of the Polish People's Republic in the Russian historiography of the XXI century. *Humanities and law research.* 2023;10(3): 410–416. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.04.2023.

The article was approved after reviewing: 27.05.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

происходило параллельно со становлением междисциплинарного поля *memory studies*, что также сказывалось на наборе концептуальных, теоретических и методологических рамок, используемых российскими авторами при анализе сущностных характеристик исторической политики и ее трансформации в странах социалистического лагеря.

Исходя из вышесказанного, целью настоящей работы является исследование формирования историографического поля изучения исторической политики Польской Народной Республики в российской историографии XXI в. Научная новизна исследования обусловлена помещением работ отечественных авторов в контекст становления научного направления исследований коллективной памяти и исторической политики, а также пристальным вниманием к институциональным характеристикам рассматриваемого историографического поля.

Материалы и методы. Исследование основано на принципе контекстуальности, предполагающем включение анализируемых текстов в широкий контекст формирования постсоветской историографии XXI в. В работе также учитывается влияние зарубежной традиции *memory studies* на российскую гуманитарную науку, в частности на специфику подходов авторов к проблеме исторической политики. На наш взгляд, включение российской исторической науки в общемировой контекст в 1990-е г. значительно расширило методологический инструментарий отечественных авторов, а институциональные связи с польскими коллегами, воплощенные в том числе в Комиссии историков России и Польши, содвигали исследователей к анализу исторической политики польского социалистического правительства.

Основной массив источников составили тексты российских авторов, а также работы ключевых исследователей в области исследований коллективной памяти и исторической политики. Помимо этого, привлекаются квалификационные работы отечественных историков, а именно диссертации на соискание степени кандидата и доктора наук.

Их использование позволяет проследить институциональное развитие историографического поля, выраженное в проникновении сюжетов польской истории в российские университеты и научные центры. Выборка источников осуществлялась на основе их предметной принадлежности к изучению польской культурной политики и истории развития коммеморативных проектов в Польской Народной Республике. Привлекаемые в работе сочинения российских авторов представляются наиболее репрезентативными и позволяют проследить процесс формирования отечественной историографии изучения исторической политики Польской Республики, а также выделить ключевые проблемы указанного исследовательского поля.

Анализ. Пик интереса к исследованиям коллективной памяти и исторической политики в российской историографии приходится на начало XXI в. С одной стороны, это было обусловлено продолжающимся с 1980-х гг. интересом общества к своему прошлому, названному французским историком Пьером Нора «эрой коммемораций» [18, с. 95–96]. С другой стороны, отсутствие институциональной традиции исследований памяти в отечественной гуманитаристике, вынуждало постсоветских аналитиков активно разрабатывать новые для себя тематические кластеры, перенимая концептуальную рамку у зарубежных коллег. Симптоматично, что если термин «историческая политика» появился в ФРГ в 1980-е гг. во время знаменитого «спора историков», то в российское научное пространство он был введен из польской историографии.

«Трансфер концепта» историческая политика в российскую науку произошел в конце 1990-х гг. [14, с. 107–108]. Как и в случае с другими исследовательскими полями, отечественные авторы усваивали методологические аспекты этого направления из работ французских интеллектуалов второй половины XX в. В первую очередь это касалось концепций, изложенных в трудах Мориса Хальбвакса, Пьера Нора и Поля Рикера, благодаря которым российский академический дискурс прирос дефинициями «социальная память», «места памяти», «коммеморации» и т. д. Усвоенная таким образом исследовательская парадигма, рассматривающая коллективную память в том числе как предмет управления [19], сподвигла российских авторов к изучению вопросов, связанных с мемориальным менеджментом.

Методологическая разработка концепта «юбилей», происходившая в отечественной историографии в 2000-е гг., стимулировала рост интереса отечественных исследователей к конкретным коммеморативным практикам польского правительства. Особое внимание авторов было направлено на изучение роли и места юбилеев Грюнвальдской битвы в Польской Народной Республике. А. А. Касович рассмотрел влияние

юбилейных торжеств, посвященных Грюнвальду, связав их с процессами формирования польской национальной идентичности. По его мнению, празднование юбилеев «позволяло полностью использовать огромный патриотический потенциал рефлексии битвы в польском самосознании» [8, с. 86], а внутренняя семантика праздника, представленная в виде изображения Грюнвальдского креста, была адаптирована под национальную геральдику и служила «символом польской военной доблести» [9, с. 102].

Анализ юбилеев Грюнвальда подтолкнул российских авторов к изучению внешнеполитического аспекта исторической политики, связанного с символической легитимацией территорий, отошедших Польше по результатам Второй мировой войны. По словам А. А. Жирова, важным направлением деятельности центральных и местных властей в вопросах пропаганды на «Воссоединенных землях» стала специфическая историческая политика [6]. Историческое обоснование принадлежности «возвращенных территорий» выводилось польским правительством из их принадлежности к польской государственности со времен первых Пястов (X в.), а разгром гитлеровцев сравнивался с победой над крестоносцами в Грюнвальдской битве [6]. Таким образом, исследовательская оптика авторов включала в себя сразу два теоретических положения: о ключевом значении юбилеев в поддержании национальной идентичности и возможности использования исторических сюжетов в легитимации приобретенных территорий. Оба концептуальных вывода делались исследователями на основе анализа места Грюнвальдской битвы в мемориальной культуре Польской Народной Республики.

Разработка схожего исследовательского вопроса становилась предметом анализа и в диссертационных исследованиях. Так, в работе А. К. Савиной, посвященной истории реформирования педагогического образования в социалистической Польше, рассматриваются дидактические аспекты содержания школьных программ по истории. По мнению автора, ключевым событием в послевоенный период стало учреждение Комитета педагогических наук, члены которого способствовали трансформации школьных программ по истории [15, с. 65–74]. Исследователь напрямую не затрагивает мемориальный менеджмент в области образования, однако она отмечает «политизированный характер» общего образования в Польской республике и его трансформацию под потребности социализма [15, с. 112–135].

Аналогичная тенденция отчетливо просматривается и в диссертации О. В. Обожди о механизмах внедрения массовой социалистической культуры в Польше в 1945–1955 гг. [11]. Автор рассматривает проблемы внедрения массовых исторических стереотипов в польское общество,

влияние Польской объединенной рабочей партии на издательское дело, в том числе публикацию книг по истории, и семантическое содержание этих практик сквозь призму концепта «культурная политика» [11, с. 171–182]. Обращая внимание на проблему исторической памяти [11, с. 9–10], исследователь, скорее, работает не с коллективными представлениями поляков о прошлом и попыткой их регламентации, а с «историческим наследием» послевоенной Польши, которое власти старались адаптировать под нужды социализма и партийной пропаганды. Вместе с тем, такой подход близок к исследовательскому полю изучения исторической политики, о чем свидетельствует анализ автором культурной составляющей политического процесса.

Тематическое разнообразие исследований, свойственное 2000-х годам, не предполагало плюрализма методов и подходов к рассмотрению исторической политики Польской Народной Республики. Любые изменения в коммеморативной деятельности польского правительства по-прежнему анализировались как статические и не влияющие на трансформацию общего курса. При этом, как правило, отечественные авторы делали выводы на основе телеологического объяснения, предполагающего рассмотрение любых видоизменений в Польской Республике с точки зрения неизбежности крушения социалистического режима.

Значительным шагом в изучении внешнеполитического измерения исторической политики в социалистической Польше стала диссертация Д. В. Буневича «Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Польша в новейший период (1989 – 2013 гг.)» [2]. Хотя основная оптика автора и направлена на анализ современного состояния внешней политики польского правительства, значительная часть его работы посвящена историческим предпосылкам ее возникновения, которые корнями уходят именно в социалистический период. Буневич указывает, что в его работе «внешняя политика Польского государства после 1989 г. исследуется как составная часть государственно-национального проекта Третьей Речи Посполитой, продолжающего исторические традиции Второй Речи Посполитой...» [2, с. 11]. Важным выводом автора является положение о том, что даже в период существования Польской Народной Республики, находившейся под значительным влиянием СССР, польские власти старались продемонстрировать собственную независимость, используя для этого средства исторической политики. Наиболее ярко, по мнению Буневича, это проявлялось в период фактического управления страной первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой [2, с. 50–55]. В последующие годы данная точка зрения получила свое развитие в трудах других российских авторов [20, с. 50–52].

С начала 2010-х годов историческая политика польского правительства стала изучаться отечественными исследователями более интенсивно. В поле зрения авторов попали частные коммеморативные проекты, осуществляемые Польской объединенной рабочей партией, взаимоотношения власти и оппозиции по вопросам исторического наследия Первой и Второй Республик, а также противостояние духовенства государственным структурам в аспектах, связанных с преодолением травматического прошлого.

В 2010-е гг. историографическое поле изучения исторической политики Польской Республики пополнилось еще одним сюжетом, связанным с «борьбой за память» между ПОРП и католической церковью. В этот же период в историографии появляются работы, затрагивающие частные сюжеты исторической политики, включая противостояние оппозиции господствующим коммеморативным трендам [4]. Так, в работе А. И. Смирнова рассматривается послевоенная конфронтация между польскими епископами и государственной властью, связанная с отношением к памяти об оккупации страны гитлеровскими войсками в годы Второй мировой войны [16, с. 139–140]. Речь идет о послании архиепископов Б. Коминька и Е. Стробы, в котором артикулировалась необходимость «прощения немцев» [16, с. 140]. Ответом на это письмо стали репрессии в отношении священников, которые опирались на «воспоминания о войне и опасения германского реваншизма...» [16].

Ключевым институциональным стержнем историографии на протяжении 2000 – 2010-х гг. выступала Комиссия историков России и Польши, которая была основана в 1965 г. (изначально – Комиссия историков ПНР и СССР) и фактически перестала функционировать лишь в феврале 2022 г. [13, с. 25–42]. Российская часть исследовательского коллектива в постсоветский период была институционализирована вокруг Института славяноведения Российской академии наук. За три десятилетия своего существования, Комиссия внесла значительный вклад в изучение истории Польской Народной Республики, включая аспекты, связанные с коллективной памятью и исторической политикой [12]. Последним совместным мероприятием исследовательского коллектива стала международная научная конференция «Комиссия историков России и Польши в начале XXI в.: итоги, задачи, перспективы», проведенная 27–28 октября 2021 г. в Москве.

Диверсификация исследовательского поля memory studies в 2010-е гг. стимулировала появление работ, в которых авторы проводили сравнительный анализ, направленный на изучение исторической политики Польской республики в контексте ее сравнения с другими государствами Восточной Европы [5; 17]. Ключевой работой этого периода стал сборник «Историческая политика

в XXI в.», изданный под редакцией А. И. Миллера и М. Липман [7]. Редакторы поместили статьи, изучающие историческую политику в Польше, в раздел «Посткоммунистические страны – члены ЕС». Строго говоря, это особым образом повлияло на дальнейшее развитие историографического поля, в рамках которого Польша и другие страны Центрально-Восточной Европы, вступившие в Европейский Союз, рассматривались, во-первых, отдельно от Российской Федерации, во-вторых, в контексте формирования общеевропейского нарратива [10, с. 119–120]. На наш взгляд, если такой подход отчасти справедлив для изучения коммеморативного пространства в XXI в., то в социалистический период восточноевропейские государства испытывали лишь незначительное влияние Западной Европы в области формирования исторических нарративов.

Описанное противоречие удачно преодолевается в исследовании Н. Эппле, посвященном травматическим аспектам коллективной памяти поляков. Взгляд автора выходит за рамки изучения не только восточноевропейского нарратива, но и охватывает страны за пределами Европы, включая Соединенные Штаты Америки и Японию. Таким образом историческая политика Польской Народной Республики помещается в общемировой контекст, внутри которого исследователь анализирует особенности проработки травматического прошлого в Польше. Н. Эппле заостряет внимание на памяти о Варшавском восстании 1944 г., отмечая, что его участники в послевоенный период превратились в «проклятых солдат» и были вычеркнуты из мемориального дискурса польских властей, а их место заняли «представители еврейской общины, превратившись в официальной риторике в героев-антифашистов» [21, с. 227].

В последние несколько лет происходит смещение интересов российских исследователей в сторону эксплицитного рассмотрения взаимосвязи между исторической политикой, коллективной памятью и национальной идентичностью. В работе А. Г. Васильева рассматривается шляхетская идеология сарматизма в качестве составной части польской национальной идентичности и ее трансформации во второй половине XX в. Автор отмечает, что культурно-политическая рецепция идеологии сарматизма произошла в 1970-е гг. в польской гуманитарной науке, которая продемонстрировала, что «сарматский миф был не единственным вариантом построения идентичностей народами Речи Посполитой, что элементы сарматизма проявлялись за пределами польской шляхетской культуры и т. д. Все это и позволило впоследствии рассматривать “сарматский дискурс” польской идентичности как гегемонистский и эксклюзивный» [3, с. 410–415].

Говоря об институциональном и политическом контексте российской историографии, стоит заметить, что российские авторы сегодня испыты-

вают трудности даже при работе с архивными коллекциями, расположенными внутри польских электронных каталогов. Летом 2022 г. в результате взаимных мер российского и польского правительств по секьюритизации национальных интернет-пространств, часть польских электронных ресурсов, расположенных под доменом “.pl”, была заблокирована для пользователей из Российской Федерации. Под указанным доменом располагались и некоторые архивные коллекции по истории Польской Народной Республики, которые до этого находились в открытом доступе. Более того, в условиях политической обусловленности практически любых проблем, связанных с изучением коллективной памяти и исторической политики, российские историки, зачастую, стремятся обезопасить себя, переключая свою исследовательскую оптику на другие темы, «не связанные с современной им политической действительностью» [1, с. 10]. Вместе с тем, следует заметить, что в настоящее время практически все историографические направления, успешно интегрированные в международное научное пространство, находятся в схожем положении, ограниченном приостановкой совместных двухсторонних и транснациональных проектов. Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, может служить лишь восстановление сетевых академических связей между российскими и польскими исследователями, в том числе на институциональном уровне, и последующая реализация совместных проектов в области изучения исторической политики Польской Народной Республики.

Результаты. Таким образом, отечественная историография изучения исторической политики Польской Народной Республики за последние несколько десятилетий проделала значительный путь. Перенимая зарубежную концептуальную рамку рассмотрения вопросов, связанных с изучением коллективной памяти и исторической политики, российские авторы проанализировали следующие проблемные поля: во-первых, место юбилейных торжеств в мемориальной культуре социалистической Польши, их влияние на формирование нарративов национальной идентичности, во-вторых, взаимодействие между властью и духовенством по вопросам, связанным с отношением к событиям Второй мировой войны, в-третьих, российские исследователи осуществили попытки анализа исторической политики польских властей в контексте, с одной стороны, формирования общеевропейских исторических нарративов, с другой, мировых коммеморативных трендов, связанных с принятием травматического прошлого.

Импульс, данный работами классиков исследований памяти, долгое время поддерживался академическим сотрудничеством между россий-

скими и польскими историками в рамках Комиссии историков России и Польши. Между тем, к настоящему времени большинство международных проектов в области изучения исторической политики либо приостановлены на неопределенный срок, либо окончательно отменены. Надо полагать, что основными задачами российских специалистов, занимающихся исследованием упомянутых проблем, может считаться дальнейший анализ конкретных коммеморативных проек-

тов социалистического правительства в Польше, а также изучение трансформации его мемориального менеджмента в условиях политической и социальной турбулентности 1980-х гг. Помимо этого, вероятно, восстановление академического сотрудничества и препятствие любым автаркическим тенденциям в историографии, на наш взгляд, может быть той задачей, которую способны воплотить в жизнь современные исследователи в самое ближайшее время.

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. Вершит ли историк суд? // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 2. С. 8–26.
2. Буневич Д. С. Формирование концептуальных основ внешней политики Република Польша в новейший период: 1989–2013 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 361 с.
3. Васильев А. Г. Сарматизм в нарративах польской идентичности: на перекрестках интерпретаций // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М.: «Аквилон», 2020. С. 392–416.
4. Волобуев В. В. Неосталинская оппозиция в Польше в 1956–1970 гг. // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 140–155.
5. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.
6. Жиров А. А. Политика реполонизации и автохтонное польское население западных и северных земель Польши в 1944–1950 годах // Научный диалог. 2021. № 1. С. 256–266.
7. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / под. ред. Миллера А., Липман М. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
8. Касович А. А. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2. С. 79–90.
9. Касович А. А. Символика грюнвальдских мечей в исторической памяти польского народа (к 600-летию сражения) // История и историческая память. 2010. № 2. С. 99–102.
10. Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
11. Обожди О. В. Формирование массовой социалистической культуры в Польше и Советский Союз: 1945–1955 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 201 с.
12. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А. Ф. Носкова. М.: «Индрик», 2012. 952 с.
13. Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши). М.: «Индрик», 2017. 488 с.
14. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 2. С. 106–126.
15. Савина А. К. Основные направления реформирования школьного образования в Польше, 1945–2000: дис. ... док. пед. наук. М.: 2001, 316 с.
16. Смирнов А. И. Взаимоотношения власти и католической церкви в Польше в 1956–1968 гг. // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 136–146.
17. Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М.: Наука, 2002. 206 с.
18. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с.
19. Хальбваск М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 16.11.2022).
20. Шустров М. А. Истоки современной восточной политики Польши // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 4. С. 49–57.
21. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
22. Kasianov G. Challenges of antagonistic memory: Scholars versus politics and war // Memory Studies. 2022. № 15 (6). P. 1295–1298.

References

1. Apryshchenko V. Y. Does a historian adjudicate? *Novoe proshloe = The New Past*. 2020;2:8–26. (In Russ.).
2. Bunevich D. S. Formation of the conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Poland in the recent period: 1989–2013: thesis. Moscow; 2018. 361 p. (In Russ.).
3. Vasil'ev A. G. Sarmatism in Narratives of Polish Identity: at the Crossroads of Interpretations. *The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National identity: a collective monograph*. Moscow: Akvilon; 2020. p. 392-416. (In Russ.).
4. Volobuev V. V. Neostalinist opposition in Poland in 1956-1970. *Slavyanskij al'manah = Slavic almanac*. 2015;1-2:140–155. (In Russ.).
5. Volokitina T. V., Murashko G. P, Noskova A. F, Pokivajlova T. A. Moscow and Eastern Europe. *The Formation of Soviet-type political regimes: 1949–1953: Essays on History*. Moscow: ROSSPEN; 2002. 686 p. (In Russ.).

6. Zhirov A. A. The policy of repolonization and the autochthonous Polish population of the Western and northern lands of Poland in 1944–1950. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2021;1:256–266. (In Russ.).
7. *Historical politics in the XXI century: A collection of articles* / ed. by Miller A., Lipman M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 648 p. (In Russ.).
8. Kasovich A. A. Celebrating the anniversaries of the Battle of Grunwald in the XX century. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Petersburg Slavic and Balkan Studies*. 2010;2:79-90. (In Russ.).
9. Kasovich A. A. The symbolism of the Grunwald swords in the historical memory of the Polish people (to the 600th anniversary of the battle). *Istoriya i istoricheskaya pamyat' = History and historical memory*. 2010;2:99-102. (In Russ.).
10. Miller A. I. Politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory. *Politiya*. 2016;1(80):111–121. (In Russ.).
11. Obozhda O. V. Formation of mass Socialist culture in Poland and the Soviet Union: 1945–1955.: thesis. Moscow; 2006. 201 p. (In Russ.).
12. *Poland in the XX century. Essays on political history* / by ed. A. Noskov. Moscow: Indrik; 2012. 952 p. (In Russ.).
13. *Russia in Polish Historiography, Poland in Russian Historiography (for the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)*. Moscow: Indrik; 2017. 488 p. (In Russ.).
14. Rostovcev E. A., Sosnickij DA. Directions of historical memory research in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2014;2:106-126. (In Russ.).
15. Savina A. K. The main directions of school education reform in Poland, 1945–2000.: thesis. Moscow; 2001. 316 p. (In Russ.).
16. Smirnov A. I. The relationship between the authorities and the Catholic Church in Poland in 1956–1968. *Slavyanskij al'manah = Slavic almanac*. 2016;1-2:136-146. (In Russ.).
17. *Central and Eastern European countries on their way to the European Union*. Moscow: Nauka; 2002. 206 p. (In Russ.).
18. *France memory* / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. translated: D. Khapaeva. Saint Petersburg: SPbSU publ.; 1999. 325 p. (In Russ.).
19. Khal'bvaks M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency ration*. 2005;2(40-41):8-27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed: 18.09.2023]. (In Russ.).
20. Shustrov M. A. The origins of Poland's contemporary Eastern Politics. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie = History and modern worldview*. 2021;3(4):49-57. (In Russ.).
21. Epple N. An inconvenient past. Memory of state crimes in Russia and other countries. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. 576 p. (In Russ.).
22. Kasianov G. Challenges of antagonistic memory: Scholars versus politics and war. *Memory Studies*. 2022;15(6):1295–1298.

Научная статья
 УДК 930.1(470.6)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.7>

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАВКАЗСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ И ПЕРСИИ

Алина Юрьевна Моисеенко¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
 Аспирант
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2974-4068> E-mail: alina.moiseenko97@gmail.com

Аннотация. Введение. Выгодное географическое расположение Кавказа, привлекало внимание Османской империи, Ирана, европейских стран и России. Каждое государство стремилось установить свой контроль и влияние на данный регион, в связи с чем, следует обратить особое внимание на дипломатические миссии в Персию людей, проводивших российские интересы, таких как А. П. Ермолов и А. С. Грибоедов.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе текстов работ А. П. Ермолова, Н. Н. Муравьева, А. С. Грибоедова. **Анализ.** Именно эти путешественники были участниками русских посольств в Иран первой трети XIX в., в ходе которых фиксировались важные сведения о природно-климатических условиях, о жителях Персии, об их обычаях и традициях, были получены данные о военном потенциале персиян, которые на тот момент получали помощь оружием и финансами от Англии и Франции. От России они переняли опыт боевого применения артиллерии. Материалы посольств являются основными источниками изучения путешествий в Персию и показывают итоги дипломатических поездок русских делегаций.

Research article

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что благодаря поездкам русской делегации в Персию А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова были учтены и защищены интересы России на Кавказе.

Ключевые слова: А. П. Ермолов, Н. Н. Муравьев, А. С. Грибоедов, персидское посольство, Кавказ, Персия, Гюлистанский мир, приграничье Кавказа

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Для цитирования: Моисеенко А. Ю. Дипломатические поездки первой трети XIX в. и их роль в формировании представлений о Кавказском приграничье и Персии // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 417–424. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

DIPLOMATIC TRIPS IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY AND THEIR ROLE IN SHAPING THE IDEA OF THE CAUCASIAN BORDERLAND AND PERSIA

Alina Y. Moiseenko¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
 Postgraduate student
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2974-4068> E-mail: alina.moiseenko97@gmail.com

Abstract. Introduction. The favorable geographical location of the Caucasus attracted the attention of the Ottoman Empire, Iran, the European countries and Russia. Each state sought to establish its control and influence over this region, and therefore, special attention should be paid to the diplomatic missions to Persia of people who pursued Russian interests, such as A. P. Ermolov and A. S. Griboyedov. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of the texts of the work of A. P. Ermolov, N. N. Muravyev, A. S. Griboyedov. **Analysis.** It was these travelers who participated in Russian embassies in Iran in the first third of the XIX century, during which important information was recorded about the natural and climatic conditions, about the inhabitants of Persia, about their customs and traditions, data were obtained on the military potential of the Persians, who at that time received help

with weapons and finances from England and France. From Russia, they adopted the experience of the combat use of artillery. The material embassy are the main sources for studying travel to Persia and show the results of diplomatic trips of Russian delegations. **Results.** According to the results of the study, it can be concluded that thanks to the trips of Russian delegation to Persia by A. P. Ermolov and A. S. Griboyedov, the interests of Russia in the Caucasus were taken into account and protected.

Keywords: A. P. Ermolov, N. N. Muravyev, A. S. Griboyedov, Persian Embassy, Caucasus, Persia, Gulistan world, Caucasus borderland

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/>

© Моисеенко А. Ю., 2023

For citation: Moiseenko A. Yu. Diplomatic trips in the first third of the XIX century and their role in shaping the idea of the Caucasian borderland and Persia. *Humanities and law research*. 2023;10(3):417–424. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.7>

Введение. Посольства А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова в Персию привлекали внимание многих исследователей, таких как С. В. Андрияйнен, А. Г. Бугаев, Н. Р. Гезало, Н. М. Алаев, А. М. Исмаилов. В работе С. В. Андрияйна «Генерал Ермолов на Кавказе: война ради мира» [2] рассматривается его военная и дипломатическая деятельность на Кавказе в 1816–1826 гг. Статья А. Г. Бугаева «Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX в.» [3] посвящена российско-иранским торговым и дипломатическим отношениям и носит общий характер.

В общем, тема посольств рассматривалась исключительно в контексте внешней политики России, а вопросы налаживания дружеских торговых и дипломатических отношений со странами Востока изучались отдельно от военно-политической истории Кавказа.

Материалы и методы. В своей работе нам хотелось бы уделить особое внимание посольствам А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова в Иран, раскрыть их взаимосвязь и вклад в не только в стабилизацию русско-иранских отношений, но и в укрепление российских позиций в Кавказском регионе. Для достижения цели следует: рассмотреть причины и итоги русско-иранских войн (1804–1813; 1826–1828 гг.), раскрыть влияние «третьей стороны» (Англия, Франция, Турция) [5, с.174] на русско-иранские отношения, изучить роль и итоги посольства А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова.

Используя путевые заметки российских путешественников, как исторический источник, необходимо учитывать, что содержащиеся в них сведения и описания всегда связаны с устоявшимся нарративом, а методология анализа текста выводит исследователя на границу истории и литературной критики, так как он имеет дело с ярко написанным текстом. При анализе текста необходимо также учитывать его должность, цель поездки, отношение к объекту изучения. Важны и политические мотивы, которыми руководствовался автор при составлении описания. Западные исследователи, использующие подход пост-колониальных критик к анализу источника, также отмечают, что существует тесная связь между колониализмом и составлением литературы о путешествиях европейцев в неевропейские части света [15, с. 107].

Применение данных подходов к материалам дипломатических миссий А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова в Иран в первой трети XIX в. и анализ путевых записок членов посольств позволяет говорить не только о роли дипломатических миссий

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.05.2023.

The article was approved after reviewing: 20.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

в стабилизации русско-иранских отношений начала XIX в., но и рассматривать деятельность по сбору сведений как форму производства знаний о Востоке и о Кавказском макрорегионе.

Анализ. В первой трети XIX в. отношения между Россией и Персией были напряженными из-за территориальных споров на Кавказе. Россия успешно завершила русско-турецкие войны и присоединила Крым, перешла к завоеванию Кавказа и рассматривала эти территории не как вассальные, а как земли, которые войдут в состав Российской империи и станут ее частью. В 1801 г. был подписан манифест «к грузинскому народу» [4], который завершил процесс вхождения Картли-Кахетинского царства в состав России, что в последствии привело к войне между Россией и Персией (1804 – 1813 гг.) [1, с.17]. Война закончилась победой России и к осени 1813 г. [11, с.41] Иран был заинтересован в быстрейшем заключении мира. По условиям Гюлистанского мира, который был подписан в 1813 г. было закреплено включение в состав империи территорий Грузии Абхазии и Дагестана, а также часть земель северного Азербайджана [8].

Персидское правительство не желало мириться с утратой территорий и заручившись поддержкой Англии, ссылаясь на нечеткость формулировок Гюлистанского договора и его затянувшуюся ратификацию (манифест Александра I о его ратификации был обнародован лишь в 1818 г.), стало требовать пересмотра статей договора [8]. В знак дружбы, которую Российское правительство предлагало установить, Персия требовала возврата ей части приграничных земель [13, с.45].

Пересмотреть ряд условий Гюлистанского договора должен был А. П. Ермолов, который в 1816 г. был назначен полномочным послом к правителю этой страны Фетх Али-Шаху [2, с.147; 3, с.32]. Современники отмечали, что он проявлял настойчивость и твердую волю в решении любых вопросов несмотря на то, что дипломатическая деятельность была А. П. Ермолову ранее неизвестна, и он принял назначение послом с опасением. Сам он говорил, что «... слышался о хитрости и коварных свойствах персиян, и отчаивался исполнить с успехом поручения государя» [14, с. 268 – 269].

Вместе с тем, как новый командующий Отдельным Кавказским корпусом и человек, отвечающий за состояние Кавказского края, А. П. Ермолов был лично заинтересован в том, чтобы получить максимально полное представление о Персии как потенциальном противнике.

Лучше всего это можно было сделать, посетив Персию лично для того, чтобы своими глазами посмотреть, как там обстоят дела. Поэтому Ермолов согласился возглавить посольство и принимал активное участие в сборе сведений о персидско-кавказском приграничье и самой Персии. То есть А. П. Ермолов в ходе своего посольства не только решал дипломатические задачи по отстаиванию Российских интересов, но и фактически совершал так называемое разведывательное «путешествие с имперской миссией» [15, с. 107].

Он подобрал себе наблюдательных помощников, таких, как Н. Н. Муравьев и М. А. Коцебу, которые тоже должны были собирать всевозможные сведения. Оба этих офицера официально должны были уточнять положение тех мест, через которые пролегал путь посольства, они прошли курсы астрономии, необходимой для точного измерения географических координат. Помимо них, в посольство были взяты и другие подготовленные офицеры.

До выезда в Персию А. П. Ермолов получал известия о том, что численность войск персов увеличивается, крепости восстанавливаются, такая подготовка точно не была связана с готовившейся войной с Турцией, потому что к этому времени между этими странами установились хорошие отношения, наоборот наблюдались поставки продовольствия и оружия со стороны Турции. К тому же турецкие войска были направлены на подавление восстания в Трапезундское княжество, желавшего выхода из состава Османской империи [14, с.291].

Для принятия решения о судьбе спорных приграничных земель, на которые российская власть распространилась лишь недавно, А. П. Ермолову необходимо было лично осмотреть часть границ, или получить сведения об их состоянии, собранные доверенными офицерами. С этой целью, зимой 1816 г. в Юго-Западную часть Грузии был отправлен Н. Н. Муравьев. Не ограничившись служебным заданием по осмотру персидской границы, он по собственной инициативе совершил поездку в принадлежавшую Персии Эриванскую область и посетил Эчмиадзин [10, с. 5]. Кроме него, информацию о приграничье собирали и другие офицеры, такие как М. А. Коцебу [12, с.143–144].

Особое внимание было обращено на Карабахское ханство, потому что эта территория вызывала у персов повышенный интерес. Они надеялись отдалить Российскую империю от территорий, на которые претендовали сами и ограничить возможности России установить влияние на земли кавказско-персидском приграничья, находившиеся под контролем персидской державы [14].

Перед поездкой в Персию А. П. Ермолову также было необходимо узнать текущую политическую обстановку в этой стране и отношении

к российскому посольству. Для этого в Персию был отправлен С. М. Мазарович – дипломат, который возглавлял русскую миссию в Тегеране (1818–1826 г.). Этот человек, обладавший дипломатическим опытом, был хорошо принят шахом, познакомился и встретился с важнейшими людьми двора, а также передал информацию о том, что российское правительство ждет для переговоров [14, с.291].

После сообщения о том, что шах готов встретить российское правительство, было принято решение отправиться в Персию. 17 апреля посольство выехало из Тифлиса. На время отсутствия А. П. Ермолова, командующим войсками в Грузии и руководителем на Кавказе был назначен генерал-майор А. П. Кутузов, который был участником наполеоновских войн.

Члены посольства тщательно фиксировали в своих записях все полезные сведения о Кавказе и прилегающих к нему персидских провинциях. Так Н. Н. Муравьев писал, что от Владикавказа начинаются горы, которые похожи на скалы, дорога узкая, пробита или прорвана порохом в полу-скалы, и идет под навесом [10, с.15]. Им так же описывалась территория Лори (город в Армении), где проживало около 30 татарских семей, переселенных сюда Ртищевым. Они жили очень бедно, а в самом городе никого кроме гарнизона не осталось. В Эриване русскую делегацию встретил сардар Гуссейн-Кулихан и регулярная пехота, которая, по оценке Муравьева также выглядела очень бедно. Несмотря на то, что у персов было английское оружие, они толком не знали как им пользоваться, и по словам Муравьева, потеряв азиатскую ловкость и проворство, персы так и не получили европейского устройства [10, с.38].

В течение всего времени нахождения в Персии члены российского посольства уделяли особое внимание наблюдениям за состоянием персидских вооруженных сил. Так, находясь в Тавризе у официального наследника персидского шаха – Аббаса Мирзы, последний, из уважения к русской делегации, предложил А. П. Ермолову выехать за город и посмотреть военные учения. Ермолов описывает персидскую и курдскую конницу, а также артиллерию, состоянию которой он, как кадровый военный и артиллерийский генерал, уделил особое внимание. Ермолов подчеркивал, что именно русские подтолкнули персиян и туркмен обзавестись артиллерией, показали важность этого рода войск [9, с.23]. По словам Ермолова, персы выбирали в нее лучших людей, и артиллерия продемонстрировала на практике хорошую работу [9, с.61].

Генерал так же отмечал, что по своему образу персидская артиллерия была похожа на английскую, первые орудия привозили из Индии, и только позже их стали отливать в Тавризе, обученные в Индии мастера.

Кроме артиллерии, в Персии имелись войска на регулярной основе. Несмотря на то, что их было не более 15 тыс. человек, набор рекрутов, по наблюдению членов посольства, продолжался. Набор в регулярную армию, по словам Ермолова облегался тем, что персы «с ребячества», много упражнялись в стрельбе и езде на лошади и поступали на службу готовыми стрелками и наездниками.

Во время нахождения в Тавризе, члены посольства наблюдали за учениями пехотного батальона. Ермолов отметил точность построения и заряжания оружия, и сделал вывод, что таких батальонов, «каких для России не может представить Грузинская милиция», в Персии можно создать довольно много, что представляет потенциальную опасность [10, с.61].

Другие члены посольства подтверждали опасения генерала. Так, Муравьев отмечал всеобщее вооружение персов: их в поездке сопровождала вооруженная курдская конница, в городах не оставалось человека, на котором не было бы оружия, что, по их мнению, показывало, что в случае войны Персия может располагать не только регулярной армией, но и сильным ополчением [10, с.11]. В мирное время задачей вооруженных отрядов являлась охрана своих домов и исполнение полицейских функций [10, с.11]. Данные сведения указывали на то, что жизнь персиян была беспокойной и небезопасной, персидское государство не гарантировало безопасность своих подданных и они были готовы защищать себя и свое имущество в любой момент [10, с. 11].

При этом члены посольства обратили внимание на низкую дисциплину – отсутствие «строгой военной службы персиян». Ермолов описывает то, как при въезде шаха, офицер сделал одному из солдат замечание по поводу стойки смиренно, на что солдат ответил: «прежде жалование выдай мне, и я стану как должен» [10, с. 71]. Это по мнению Ермолова указывало не только на своенравный нрав персов, но и на неспособность их создать регулярную армию европейского типа.

Во время нахождения в Тавризе особое внимание А. П. Ермолов обратил на то, что персидские официальные круги старались держать членов посольства в изоляции. Почетный караул следил за тем, чтобы никто из местных жителей не проходил в дом, где остановился, А. П. Ермолов, якобы чтобы простые персы не беспокоили его своим любопытством. Он не пропускал даже служителей посольства, грузин и татар, у которых одежда была похожа на персидскую. Кроме того, прислужники знали русский язык, что указывало на их шпионские обязанности. Все это по мнению Ермолова подчеркивали присущее восточным народам недоверие и стремление скрыть слабость персидского правительства [10, с. 21].

Помимо сведений военного характера, в ходе посольства в Персии, были получены сведения о территориях и состоянии этой страны. А. П. Ермолов прежде всего подчеркивал упадок персидского государства: что многие селения были разорены, люди проживало бедно, а военные могли забрать имущество местных жителей и распоряжаться им как своим [9, с. 22].

Члены посольства в своих записках осуждали деспотизм, присущий персидской политической системе. Они писали, что вся власть принадлежит шаху, народ обременен налогами, а правительство его просто грабит, что является необходимостью для Персии. Без подарков и денег нельзя было получить милость и уважение от шаха и вельмож и продвинуться по карьерной лестнице [14, с. 296].

Участники посольства также отмечали, что Персия была страной не особо заселенной, лишь ее северные территории, граничащие с Россией и Каспийским морем имели некоторую плотность населения благодаря их природным богатствам. Они отмечали, что Азербайджанская территория, граничащая с российскими владениями на Кавказе, богата хлебом и скотом. Гилянская земля была знаменита обработкой шелка, производит хлопчатую бумагу, и сарацинское пшено (рис) [14, с. 294].

Вместе с тем, члены посольства заметили, что во всей стране было много не обработанной земли, испытывался недостаток воды для занятия земледелием, а для того, чтобы сделать почву плодородной, нужно было прилагать много усилий для ее обработки. Этим они объясняли сохранение кочевого образа жизни курдского населения, которое чувствовало себя достаточно независимым [14, с.296].

Слабая привязанность к земле накладывала отпечаток и на облик персидских городов. Так, по словам Ермолова Тавриз, был похож на обширную деревню, имел глиняные строения. Несмотря на то, что город имел выгодное расположение для торговли, полученные денежные средства не вкладывались в его развитие [9, с. 23].

По мнению членов посольства, бедственное положение внутри Персии диктовало ее внешнюю политику. Эта страна, была заинтересована в контроле над Кавказом и рассматривала его как важный источник сырья и продовольствия. Это обстоятельство могло быть использовано с пользой для России, однако, англичане, по словам Ермолова, использовали любые методы и средства, чтобы не допустить сближения Персии и России [14, с. 296].

Одной из сторон изучения Персии русской делегацией стали обычаи и традиции персов, которые существенно отличались от европейских. Они как правило, вызывали критику и осуждение со стороны членов посольства. Так, по приезду в Персию, русская делегация была приглашена

на обед к сардару Эривани – Гусейн-Кули хану, который А. П. Ермолов образно охарактеризовал «свинским». Он писал, что на обеде, никто не мог есть, из-за шумной обстановки: три молодых цыгана на протяжении всего обеда плясали и кувыркались, два старых певца «орали во всю глотку и строили ужасные рожи», которые вызывали смех [9, с.39]. Не желая вникать ни в особенности приема пищи на Востоке, ни в их музыкальные пристрастия, Ермолов объяснял, «необычное» с точки зрения европейцев поведение персов особой эмоциональностью этого народа, где сдержанность проявляют только люди, которые относятся к высшим кругам общества.

Ряд придворных обычаев шаха также вызвал осуждение Ермолова. На официальную аудиенцию в шахский дворец допускались только те послы, которые соглашались снять сапоги и обувь придворные красные чулки. Французы и англичане, поддерживали эти обычаи персов для того, чтобы угодить шаху и наследнику [9, с.13]. В свою очередь, А. П. Ермолов отказался поддерживать эти правила, но и Аббас-Мирза принимал делегацию из России не в комнате, а во внутреннем дворе дворца. Всем участникам делегации показалось это странным, но персияне заверяли, что это знак уважения со стороны наследника, который никогда и никого не принимал стоя [9, с.15] и просили расценивать поведение наследника как знак уважения и заинтересованности в развитии взаимовыгодных отношений между двумя странами.

На переговорах А. П. Ермолов вел себя вежливо, за что шах похвалил русского посла, но от вельмож никакой симпатии к посольству не проявлялось. Исключением стали взаимоотношения членов посольства с Аббас-Мирзой, хотя в процессе переговоров, Ермолов и не признавал его официальным наследником престола, потому что, особых официальных указаний по этому поводу А. П. Ермолов не получал и не желал быть вовлеченным в придворные интриги персидского двора, связанные с системой передачи власти в этой стране [14, с.293].

Члены посольства составили описание Аббаса-Мирзы, как наиболее компетентного персидского политического деятеля. Они отмечали, что это не только наиболее вероятный претендент на престол, но и любимый сын шаха, воспитанный в пышности и роскоши. В его характере присутствует необузданное властолюбие, но невзирая на это, он имеет простое и приятное обращение, вежлив, не любит пышности, как наследник имеет огромную власть, но не злоупотребляет ею [9, с.13-14]. Он так же обладал умом, хорошими манерами и привлекательной внешностью [10, с.48].

Итогом посольства А.П. Ермолова стало не только подтверждение условий Гюлистанского мира, но и знакомство с состоянием персидского государства. Наблюдения, сделанные лично,

убедили Ермолова в слабости персидской армии, плачевном состоянии экономики и отсталости его жителей. Вывод о нецелесообразности идти на какие-то уступки спорных территорий подтверждался наблюдениями, сделанными в российско-персидском приграничье, которое все сильнее втягивалось в сферу российских интересов. Персия в свою очередь не желала отказываться от территориальных претензий, что делало неизбежной очередную войну.

Помимо А. П. Ермолова, дипломатическую поездку в Персию совершил и А. С. Грибоедов. В поездке принимало участие около 600 человек: ружейные армяне, пушки, пехота и конные, которые использовались для рекогносцировки местности [7, с.12].

Грибоедов не собирал сведения о территориях целенаправленно, в связи с чем, заметки писателя о пути из Владикавказа до Тифлиса были краткими. Кроме того, как он сам упоминал, из-за плохих погодных условий, у писателя не было возможности фиксировать все увиденное им на Кавказе в форме связного повествования, и он ограничился отрывистыми записями.

В них А. С. Грибоедов, старался кратко изложить ценную для него информацию для ее последующей литературной обработки. При этом описания эмоций, для автора были не менее важны, чем фактические данные. Например, описывая поездку через Владикавказ Грибоедов пишет: «пасмурно, разные виды на горах, снег навешан в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Владикавказ на плоском месте, красота долин. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть во Владикавказе» [7, с.13].

Что касается описания приграничных территорий, то А. С. Грибоедов отмечал прежде всего их труднодоступность и неустроенность. Как и многие путешественники по Кавказу, писатель отмечал поразивший его переход из одной климатической зоны в другую и сопутствующую смену видов [7, с.12].

Его прежде всего, поразило множество камней, некоторые из которых использовались местными жителями как ворота, а нависающие скалы служили местом временного пристанища, под которыми осетины как в пещере готовили пищу. Путешественник пишет о необъятности горного завала, через который Терек промыл себе проток, выглядящий искусственным. Ничтожность человека перед горной стихией подчеркивало описание переданного через завал пути, заставляющего путешественника постоянно идти в обход препятствий. Но несмотря на «дикость края» по дороге встречалось множество людей, живших в селениях, через которые шел путь [7, с.13].

Грибоедов делает зарисовки наиболее живописных аулов. Например, селение Казбек, находившееся в 25-ти верстах от одноименной горы,

напоминало ему огромный замок, внутри которого находились тюрьма и церковь из гранита, покрытая каменной плитой [7, с.13-14].

Далее по пути следовал Сион (Атенский Сион) и другие аулы. Их вид напоминал гнезда, висящие на скалах, которые в целом несмотря на то, что селения состояли как из старых, так и из новых домов, производили на европейского путешественника общее впечатление руин.

По заметкам Грибоедова, грузинский Коби так же имел ужасное расположение и произвело на писателя впечатление селения, зажато «в диком краю, подобном Дариелю (Дарьялу)» снеговыми горами, лежащими посреди снегов, холода и зимы. «Сильный ветер, снег и пропасть, переправлялись по узкой и скользкой дороге, сбоку Терек, удивительно, как не падали кибитки во время этого перехода. Дошли до Кашаура, взяли других лошадей и отправились дальше» [7, с.14], – описывал он свои впечатления.

Как и многие путешественники, Грибоедов описывал чувство восторга, которое охватывало путников при выходе с Военно-Грузинской дороги «Арагва внизу вся в кустарниках, – писал он, – тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням все ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных» [7, с.14]. Он подчеркивал контраст цветущего Южного склона Кавказских гор с каменистыми ущельями, которые путники покинули.

«Арагва течет быстро и шумно как Терек. Дорога как в саду – грушевые деревья, яблони. Часть Кашаура, по которой спустились была зеленая. Много ручьев и речек из гор стремятся в Арагву. В темноте чувствовали, что иногда по мостикам проезжаем» [7, с. 15], – писал он.

Отдельные зарисовки Грибоедов посвятил действиям Российских властей на Кавказе. Их он оценивает положительно, считая главным достижением – уничтожение рабства: «До установления власти на территории Кавказа, захваченных в плен людей продавали, после прихода русского правительства, а именно А. П. Ермолова, самих продавцов, которые пытались продавать людей вешали» [7, с.18].

Вместе с тем, Грибоедов подчеркивает неспокойную обстановку и военизированный уклад жителей региона. Так, в станицах на Тереке, через которые проходила русская делегация в Персию, проживали казаки-старообрядцы. Все они, по оценке Грибоедова вместе с женами, находились «на службе у гробенцов», а все взрослое население от 15-летних детей до 100-летних стариков было вооружено. Из 1600 человек, 1400 служат, – отмечал Грибоедов [7, с.15].

В целом, черновые наброски Грибоедова, несмотря на свою отрывочность, могут служить примером жанра так называемых «сентиментальных путешествий», в ходе которых автор стремится

передать читателю те чувства, которые его охватывали и на их фоне снабдить разнообразными полезными сведениями о странах и людях, с которыми он сталкивался. [16, р. 77]

Вторая часть путевых записок А. С. Грибоедова «от Тифлиса до Тегерана» выполнена в форме подборки писем. По форме она носит гораздо более связный характер, чем предыдущая часть, так как предназначалась для прочтения другом Грибоедова – полковником С. Н. Бегичевым.

Путешественник прежде всего отмечал слабую изученность – «непредсказуемость» и «неизведанность» территории Кавказа и его приграничья. Он жаловался на недостаток имеющихся сведений о регионе: «Скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу, но думал ли я что поеду на Восток? Никогда не обращал внимание», [6, с. 247].

Из Грузии посольство перешло на территорию Эриванской провинции, где земля была выше, а климат жарче чем в Грузии. Здесь, как отмечал писатель, равнины «скучнее» тех скатов и подъёмов, которые мы проходили, и наблюдалось «пустынное однообразие». Огромное впечатление на путешественника произвела гора Арарат, которую зимой во время путешествия, видели всего 5 дней, а остальное время, она скрывалась за облаками.

Грибоедов описывает трудности и неурядицы пути, которые усиливались халатностью персидских должностных лиц: «После тяжелой дороги въехали в пригород, но не встретили ни души, не было надежды на какой-либо приют в гостинице, такие бездействия рассмотрели, как оскорбление и неуважение к русским чиновникам. Но через время увидели чиновника, который извинялся за адъютанта, который поехал не по той дороге. Что касается самой дороги, русская делегация выбрала кратчайший путь, но по нему мало кто ездит» [7 р.25].

Как и его предшественники, Грибоедов критиковал общее неустройство персидских городов. Так, по оценке путешественника, столица Персии – Тегеран, производила впечатление своими стенами с башнями, ее ворота были выложены изразцами, но город внутри имел «неуклюжие» – грязные и узкие улицы. На улицах города было много людей, так как во время приезда русской делегации был как раз праздник байрам. Шахский дворец Грибоедов сравнивал со «скотным двором», который стоял полуразрушенный, однако сам шах вел себя приветливо, говорил о маскарадах, театрах, а также упомянул, что дарит государство Аббас-Мирзе [7, с. 38].

Особое место в записках Грибоедова занимает описание деятельности российской дипломатической миссии и ее приема в шахском дворе. Грибоедов констатирует факт, что для русской делегации персы всегда приносили стулья в то вре-

мя, как англичане смиренно садились на ковры, разутые, в отличие от русских, «которые обутые садятся на возвышенность (стул) ставят обувь на дорогие персидские ковры. За такое принятие русских, нужно отдать должное Ермолову, после приезда которого, русских принимают не по традициям персиян» [7, с. 26], – вспоминал он о своем предшественнике.

В отличие от посольства А. П. Ермолова, русская делегация теперь не посещала военные учения, но в заметках Грибоедова было отмечено, что военные приготовления велись. Так, в присутствии русской делегации шах сделал замечание, Юсуф-хану Спадару за то, что тот без разрешения проводил обучение стрельбе, и узнав стоимость затрат (2000 р.) требовал компенсировать казне эту сумму. Также во время поездки русской делегации через Султанейскую долину, свистнула пуля, выпущенная по неосторожности персидским стрелком [7, с. 39].

Грибоедов также отмечал, что в отличие от посольства Ермолова, персы не пытались держать делегацию в изоляции. Его раздражало, что незнакомые лица наполняли комнаты, отведенные для русской делегации и даже важные государственные вопросы обсуждались при многочисленных слушателях. Он критиковал персов за неуместное любопытство и неотзывчивость по отношению к русским послам [7, с. 31].

Критичные замечания были распространены и на жизненный уклад персов. Грибоедов отмечал, что в их городах «нет ничего целого, наблюдалась кривизна поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов узких сумрачных и мрачных» [7, с. 30]. Писателю казалось стран-

ным, что персиян старались как можно меньше использовать письменную форму общения как в делопроизводстве, так и в быту: «В важнейших делах обращаются через фарашей, которые словесно их производят и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства (красноречия)» [7 р. 47].

Результаты. В целом, благодаря дипломатическим поездкам А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова, российские власти получили ценные сведения о Персии и приграничных территориях Кавказа: о природе, жителях, политических и военном устройстве, традициях и обычаях. Эти данные способствовали не только улучшению отношений между Россией и Персией, но и пополнению знаний о Кавказском приграничье.

В последующих действиях были учтены были природно-климатические условия, которые влияли на экономическое развитие приграничья, а также понято стремление Персии использовать плодородные территории Кавказа, для решения своих внутренних экономических и финансовых проблем, решения проблемы с продовольствием.

Данные о военном потенциале персиян, которые получали помощь вооружением от европейских государств, обладали воинствующим характером и готовностью защищать интересы своего государства помогали империи решать свои внешнеполитические задачи.

Не до конца были поняты обычаи и традиции Персии, которые хоть и произвели впечатление на участников посольства, но трактовались ими с позиций ориентализма. При этом русская делегация с почтением относилась к культуре персиян и старалась соблюдать и проявлять уважение к их самобытности.

Литература

1. Аллаев Н. М. внешнеполитическая ориентация Дагестанских правителей на Россию в период русско-иранской (1804–1813 гг.) и русско-турецкой (1806–1812 гг.) войн // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 17–21.
2. Андрияйнен С. В. Генерал Ермолов на Кавказе: война ради мира. // Псковский военно-исторический вестник. 2016. Выпуск 2. С.146–151.
3. Бугаева А. Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. (55). С. 30–36.
4. Высочайший манифест 12-го сентября 1801 года. Манифест «к грузинскому народу». Исторические источники. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18010912gruz.php> (Дата обращения: 21.09.2022).
5. Гезалова Н. Р. Британская политика в Каджарском государстве в ходе русско-иранских войн (1804–1813 и 1826–1828 гг.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып. 4. 2014. С. 174–179.
6. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений в трех томах. Том второй. Письма. Документы. Служебные бумаги Санкт-Петербург, 2006. 368 с.
7. Грибоедов А. С. О Кавказе и Персии. Путевые заметки, письма. М.: Юрайт, 2023. 138 с.
8. Гюлистанский мирный договор. Мирный трактат, заключенный между Россией и Персией в 1813 г. // Исторические источники URL: http://hrono.ru/dokum/1800dok/18131012ru_per.php (Дата обращения: 21.09.2022).
9. Ермолов А. П. Записки. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1868. 75 с.
10. Муравьев-Карский Н. Н. Собственные записки: 1816–1820. М.: Кучково поле, 2016. 544 с.
11. Исмаилова А. И. Гюлистанский мирный договор 1813 года и российская политика на Южном Кавказе в XIX веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36 (327). История. Вып. 58. С. 40–43.
12. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь: Дизайн-студия «Б», 2021. 334 с.
13. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 265 с.
14. Федоров В. А. Записки А.П. Ермолова 1798–1826 г. М.: Высш. шк., 1991. 484 с.
15. Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. - London-New York: Tauris Publ, 2016. 261 p.
16. Pratt M. L. Imperial eyes: travel writing and transculturation. London; New York: Routledge, 1992. 268 p.

References

1. Allaev N. M. The foreign policy orientation of the Dagestani governments towards Russia during Russian-Iranian (1804–1813) and Russian-Turkish (1806-1812) wars. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* = Historical and socio-educational thought. 2013;4 (20):17–21. (In Russ.).
2. Andriainen S. V. General Ermolov in the Caucasus: war for peace. *Pskov Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik*. 2016;2:146–151. (In Russ.).
3. Bugaeva A. G. Russian-Iranian trade and diplomatic relations of the first half of the XIX century. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena* = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen. 2008;55:30–36. (In Russ.).
4. The Supreme Manifesto on September 12, 1801. Manifesto «To the Georgian people» in Historical sources. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18010912gruz.php> (accessed: 21.09.2022). (In Russ.).
5. Gezalova N. R. British policy in the Qajar state during the Russian-Iranian wars (1804–1813 and 1826–1828). *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Dagestan State University. 2014;4:74-179. (In Russ.).
6. Griboyedov A. S. Complete works. In 3 volumes. Volume 2. Pishma. Documents. Official papers St. Petersburg, 2006. 368 p. (In Russ.).
7. Griboyedov A. S. On the Caucasus and Persia. Travel notes, letters. M.: Yurayt, 2023. 138 p. (In Russ.).
8. Gulistan Peace Treaty. The Peace Treaty concluded between Russia and Persia in 1813 Historical sources URL: http://hrono.ru/dokum/1800dok/18131012ru_per.php (accessed: 21.09.2022). (In Russ.).
9. Ermolov A. P. Notes. Part 2. Moscow: University Printing House, 1868. 75 p. (In Russ.).
10. Muravyov-Karsky N. N. Own notes: 1816-1820. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 544 p. (In Russ.).
11. Ismailova A. I. Gulistan Peace Treaty of 1813 and Russian policy in the South Caucasus in the XIX century. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*=Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013;36 (327):40-43. (In Russ.).
12. Kolosovskaya T. A., Tkachenko D. S. Military caucasologists of the Russian Empire: a biobibliographical dictionary. Stavropol: Dizajn-studija «B», 2021. 334 p. (In Russ.).
13. Kuznetsova N. A. Iran in the first half of the XIX century Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature, 1983. 265 p. (In Russ.).
14. Fedorov V. A. Notes of A. P. Ermolov 1798 – 1826. Moscow: Higher School, 1991. 484 p. (In Russ.).
15. Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926. - London-New York: Tauris Publ, 2016. P. 107.
16. Pratt M. L. Imperial eyes: travel writing and transculturation. London; New York: Routledge, 1992. 268 p.

Научная статья
 УДК 94 (470.6)"18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.8>

«ПОКАЖЕТСЯ СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНОЙ ТА ТИШИНА...»: К ОЦЕНКЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ БОРЬБЫ С МЮРИДИЗМОМ

Павел Сергеевич Мордовин¹

¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)
 Аспирант
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6461-4517> E-mail: ud@pgu.ru

Аннотация. Введение. Статья рассматривает ситуацию на Северном Кавказе, сложившуюся к началу 60-х гг. XIX в. после завершения там вооружённого противостояния. Россия доказала свою несокрушимость, а горцы, уставшие от непрерывной войны, готовы были идти на компромисс с российским правительством. Это открывало новые возможности для мирного обустройства края. **Материалы и методы.** Автор отмечает, что несмотря на прекращение активных боестолкновений, добиться полного спокойствия в регионе долго не получалось. Оставались люди, которые не примирились с поражением, не желали или не умели отказаться от привычного для них традиционного существования, устраивали нападения на гражданское население и военнослужащих Кавказской армии. Исследование построено на анализе текстов отечественных кавказоведов и комплексе документальных материалов, как опубликованных, так и полученных из архивных фондов ГАКК. В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный и сравнительный методы. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на то, что сохранявшиеся криминальные правонарушения вызывали широкое недовольство и беспокойство как среди славянских поселенцев, так и среди множества горцев, поскольку мешали им выстраивать конструктивный диалог. Для искоренения преступности они готовы были вступать в ряды ми-

лиции, комплектовавшейся из числа добровольцев, участвующих в наказании «непримиримых» врагов российской государственности и утверждения мирной жизни. **Результаты.** Сторонникам милитарного существования, не сумевшим найти себя в условиях мира и созидательной деятельности, власти обещали амнистию. Все, кто упорствовал в сопротивлении новым порядкам, при поимке выслались за пределы Кавказа, для ослабления их влияния на местные общества. С другой стороны, в этих людях видели соотечественников и не стремились прибегать к крайним мерам, рассчитывая продемонстрировать справедливость правопорядка, распространявшегося на Северном Кавказе после победы русского оружия.

Ключевые слова: борьба, Северный Кавказ, горцы, разбой, войска соотечественники, администрация
Для цитирования: Мордовин П. С. «Покажется совершенно невероятной та тишина...»: к оценке военно-политической ситуации на Северном Кавказе после завершения борьбы с мюридизмом // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 425–430. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

Research article

“THAT SILENCE WILL SEEM ABSOLUTELY INCREDIBLE...”: ON THE ASSESSMENT OF THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN THE NORTH CAUCASUS AFTER THE END OF THE FIGHT AGAINST MURIDISM

Pavel S. Mordovin¹

¹ Pyatigorsk State University (house 9, avenue Kalinin, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)
 Postgraduate student
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6461-4517> E-mail: ud@pgu.ru

Abstract. Introduction. The article examines the situation in the North Caucasus that had developed by the beginning of the 1960s following the end of the armed confrontation. Russia proved its invincibility, and the highlanders, tired of the continuous war, were ready to compromise with the Russian government. This opened up new opportunities for the peaceful settlement of the region. **Materials and methods.** The author notes that despite the cessation of active clashes, it was not possible

to achieve complete calm in the region for a long time. There were people who did not reconcile with the defeat, did not want or were not able to give up their traditional existence, which they were accustomed to, attacked the civilian population and the military personnel of the Caucasian army. The study is based on the analysis of the texts of domestic Caucasian scholars and a set of documentary materials, both published and received from the archival funds of the GAKK. Retrospective, illustrative

© Мордовин П. С., 2023

and comparative methods were used as methods of historical and political research. **Analysis.** The author of the article draws attention to the fact that the preserved criminal offenses caused widespread discontent and concern both among the Slavic settlers and among many highlanders, as they prevented them from building a constructive dialogue. In order to eradicate crime, they were ready to join the ranks of the militia, recruited from among volunteers involved in the punishment of «irreconcilable» enemies of the Russian statehood and the establishment of a peaceful life. **Results.** The authorities promised an amnesty to supporters of a militaristic existence who failed to find themselves in conditions of peace and creative activity. All those who persisted in resisting the new order were expelled from the Caucasus when caught, in order to weaken their influence on local societies. On the other hand, they saw compatriots

Введение. Завершение вооружённой борьбы с имамом Шамиля вызвало серьёзные эмоциональные переживания среди участников этого эпохального и растянутого во времени события. Речь здесь шла не только о тех, кто боролся с оружием в руках против России, но и о русских казахи горского имама. В этой связи весьма наглядным является свидетельство безымянного автора популярной в крае газеты «Кавказ»: «Человеку, и особенно военному человеку, оставившему Кавказ пять или десять лет назад, покажется совершенно невероятной та тишина, та невозмутимость, которая теперь заменила тревоги и треволнения прежней кавказской жизни» [8, с. 1].

Все трудности покорения края ассоциировались с у многих с умным, энергичным горским вождём, сумевшим сплотить горскую вольницу и организовать её на борьбу против империи. Теперь, когда имам Шамиль навсегда покинул Кавказ, будущее русского владычества, казалось, не могут поколебать никакие вызовы или угрозы. Все ожидали скорого умиротворения беспокойного южного пограничья: «Мы живём теперь в переходное время; от этого-то так трудно определить его истинную характеристику. Но в нас глубоко лежит то отрадное убеждение, что мы носим в себе зародыш великого и прекрасного будущего...» [8, с. 1]. Не смущала даже продолжавшаяся борьба с черкесами на Северо-Западном Кавказе, которая уже не казалась непреодолимым препятствием, и активизация там значительных сил закалённой и опытной армии внушала оптимизм на скорую победу.

Материалы и методы. Рассматривая складывавшуюся в северокавказском регионе ситуацию послевоенного замирения, следует отметить, что эйфория, охватившая многих людей, ожидавших освобождения от угроз и тревог, не могла длиться долго. Очень скоро власти столкнулись с новыми проявлениями вооружённого противоборства со стороны части горского мира, который не соглашался принимать предлагаемый ему имперский порядок жизни. Эти люди не представляли широкой и сплочённой массы, не имели организации,

in these people and did not seek to resort to extreme measures, hoping to demonstrate the justice of the rule of law that spread in the North Caucasus after the victory of Russian weapons.

Keywords: struggle, North Caucasus, highlanders, robberies, compatriots, troops, administration

For citation: Mordovin P. S. "That silence will seem absolutely incredible...": on the assessment of the military-political situation in the North Caucasus after the end of the fight against Muridism. Humanities and law research. 2023;10(3) : 425–430. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 09.05.2023.

The article was approved after reviewing: 16.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

сходной с прежней горской теократией имама Шамиля, её масштабы не достигли былого размаха, но говорить, что сопротивление сделалось уделом маргиналов-одиночек, было бы неправдой. В горных районах, где некогда находился эпицентр войны, по-прежнему сохранялись условия для проявления массового недовольства и были люди, стремившиеся добиваться реванша.

Российская администрация, накопившая к середине XIX столетия немалый опыт общения с народами края, прекрасно видела разницу между обществами, которые давно проживали на равнине и были открыты для взаимодействия, и теми, кто в силу различных, прежде всего, ландшафтных обстоятельств, крайне неохотно воспринимал любые предлагавшиеся новации. К числу первых, к примеру, относились кумыки, которые удостоивались хвалебных и комплементарных оценок со стороны царской администрации. Местные жители считались не склонными к вооружённому выступлению по причине своей зажиточности: «В округе Кумыкском и свойство местности, повсюду ровной, и материальный быт народа, достигнутый под нашим управлением весьма значительной степени благосостояния, также устраняют опасность восстания» [2, с. 412].

В отличие от кумыков жители высокогорий юго-восточной Чечни, ичкерийцы, напротив, доставляли немало хлопот и имели характеристику крайне неуживчивых людей. Рассуждая о том, как выстраиваются взаимоотношения с этим народом, наблюдатели отмечали: «Тут всё сложилось против нас – и характер народа, и общественный быт его, и местность. От природы восприимчивый и до крайности легкомысленный характер этого народа при всяких, даже благоприятных обстоятельствах представлял бы большие затруднения для того, чтобы управлять им» [2, с. 412-413].

Если с существующим «характером народа» ожидать скорых изменений не приходилось, то вынудить этот народ сменить ландшафтную зону проживания российским властям было вполне по силам. Это не только представляло ичкерийцам

шанс более эффективно заниматься мирным трудом, но и ставило их под контроль военной администрации, т. к. лишало горцев возможности укрыться в труднодоступной местности.

Сторонником такого способа решения проблемы был генерал Н. И. Евдокимов. Он начал разрабатывать и воплощать его в жизнь вначале в Чечне, а затем продолжил на Северо-Западном Кавказе, куда его отправило военное командование после пленения Шамиля [10, с. 148–150]. Благодаря решительности и компетентности этого человека длившееся десятилетиями противостояние закончилось за несколько лет. Проблему решали комплексно. Вместе с проведением военных операций, одновременно, широко практиковалась русская колонизация некогда неподконтрольных территорий и перемещение горских племён на плоскость [10, с. 210]. Те, кто не пожелал примириться с наступившей действительностью, вынуждены были искать счастья в эмиграции. Османская Порта, охотно приглашала горцев на свои земли, рассчитывая с их помощью контролировать нелояльные султану народы, и получить дополнительные контингенты закаленных бойцов [11, с. 198].

Освобожденные места стали заполнять новопоселенцами, при помощи которых закрепляли за Россией этот фронт. По словам Д. А. Милютин, «покинутая туземным населением обширная горная полоса Черноморского побережья осталась совершенно пустынной. Предстояла нам новая задача – занять войсками и заселить эту местность. В среде кавказской администрации и отчасти в публике существовало убеждение, что в этой роскошной стране, богато одарённой природой, не трудно будет водворить мирное, трудолюбивое и промышленное население» [14, с. 509].

Исследование представленной точки зрения на решение проблемы замирения в горах Кавказа проводилось с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, объединяя многообразие в единство, автору удалось получить новые знания и глубоко проникнуть в существо исследуемой проблемы.

Анализ. Как показал дальнейший ход событий, решение вышепоименованной проблемы оказалось не простой задачей. Освоение непривычного для славянского населения края требовало значительных усилий и материальных затрат, а также стоило немало жизней. В контексте рассматриваемой проблемы, хотелось бы отметить, что только акклиматизацией, переходом к новому хозяйственному укладу и т.п. трудности не ограничились. Поскольку выяснилось, что не все горцы, которые решили остаться на земле предков и согласились примириться с новыми условиями существования, отказались от своих набеговых занятий.

Администрации ещё долго приходилось искоренять подобное явление, тем более что в разбоях стали участвовать и казаки, нередко выдававшие себя за черкесов. Так, грабители выдавали себя за хакучей, проживавших «в недоступных котловинах около Бабукова аула и в верховьях Кбоады и Мзымты», где было «достаточное число неоткрытых, которые так и остались жить в горах» [5, л. 1 об.]. На них списывались все криминальные происшествия в крае. Казаки с трудом приспосабливались к новым местам поселения, но неплохо научились договариваться со вчерашними противниками, когда речь шла о преступном промысле [5, л. 4]. Но были свидетельства и противоположного подхода к грабительскому промыслу. Наглядное подтверждение мы видим в отчёте начальника Урупского округа за 1868 г.: «Грабежи и разбои... уже доказано производились шайкою беглецов, совместно с немирными горцами, проживавшими в горных тущобах главного хребта, а не жителями округа, кои не только не принимали в этом участия, но даже старались всеми мерами оказать содействие казакам, к уничтожению оных разбойничьих шаек...» [3, л. 106]. Рецидивы вооружённых эксцессов не удалось ликвидировать в сжатые сроки, но они уже не могли серьёзно поколебать власти империи в регионе.

Хотелось бы обратить внимание на то, что немалое число черкесов выражали готовность принять участие в искоренении криминала в крае, и просили русское начальство записать их в милиции. Так, в предписании помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами говорилось, что «желание жителей... округа идти на южный склон для поимки беглецов из округа и для выселения шапсуг, ещё остающихся в тущобах» нашло понимание и поддержку у руководства. Генерал-адъютант Сумароков-Эльстон дал «своё согласие на то, чтобы в округе было собрано не менее 200 милиционеров» [4, л. 12].

Избавившись от наиболее опасных антагонистов, России приходилось продолжать принуждать население Северного Кавказа принять её социально-правовые установки. Новые для горских жителей установки и смыслы жизнестроения приживалось медленно, а потому то и дело приходилось ликвидировать очаги недовольства, порождаемые непривычной для горцев ситуацией. Их традиционные способы регулирования противоречий нередко вступали в конфликт с законами государства.

Серьёзным раздражающим фактором стали шаги правительства, направленные на создание условий для добровольно-принудительного перемещения горцев на равнины. Решено было использовать традиционно болезненную тему, связанную с недостаточной обеспеченностью горских обществ землёй. По словам генерала

Муссы Кундухова, власти нашли «полезным стеснить чеченцев землю, чтобы они сами оставили Чечню и переходили на жительство за Терек. С этой целью назначена была комиссия под председательством генерального штаба полковника Розенкампа. Она выяснила количество чеченской земли и вопреки только что отданного чеченцам акта, вся нагорная часть её отошла в казну, а чеченцам оставлена только незначительная часть её без леса...» [12, с. 39-40].

Подобные действия властей неминуемо привели в волнение горские общества и способствовали созданию базы для рекрутирования сторонников продолжения военного противостояния с русскими. Генерал Кундухов, будучи кавказским уроженцем, не принял методов правительства по замирению Кавказа и перешёл на службу турецкому султану, хотя на царской службе достиг значительного карьерного роста.

Для многих горских жителей новые обстоятельства выглядели катастрофическими: «Молодёжи стало жаль минувшего – она была готова вернуться к прежней жизни, лишь бы представился случай. Ещё более жалели о прошлом те лица, которые занимали разные должности во время шамилёвского управления. Мир лишил их прежней власти, прежнего значения в народе, лишил и тех доходов, которыми так легко было пользоваться при самовластии» [15, с. 60]. Именно эти люди сделали основой для антиправительственных выступлений, сохранив высокий накал протестных настроений.

Отметим, что вышеприведенные строки были написаны в 1862 г., т. е. в период, когда эффект воздействия на умы «немирных» горцев от пленения Шамиля всё ещё оставался сильным, а понесённые потери от противостояния русским не были восполнены. Со временем негативные коннотации от воспоминаний потеряли болезненность, но не перестали будоражить кавказское общество. Новому поколению горцев эпоха мюридизма посредством мифологизированной комплиментарности представлялась героической, а потому не переводились сторонники решительных действий в борьбе за уклад предков.

К числу тех, кто не нашёл для себя достойного места в новой жизни относился Байсунгур Беноевский. О морально-волевых качествах этого человека говорил тот факт, что в борьбе на стороне имамата, он лишился части конечностей (руки и ноги) и глаза. Это, однако, не мешало ему продолжать лично участвовать в нападениях на российские гарнизоны и своим примером увлекать соплеменников. Непримируемость беноевцев отмечал в своё время даже имам Шамиль, считая жителей аула серьёзной проблемой из-за их воинственности и неуживчивости. Опасность заключалась в фанатичной ненависти к русским жителям аула Беной и их наиба Байсунгура по

прозвищу «Биргез» (одноглазый, кривой). Пленный русскими имам считал, что «восстание этого аула, если только жив Байсунгур, неизбежно» [1, с. 1446–1447].

Дальнейшие события показали справедливость предупреждений бывшего горского вождя. Байсунгур начал действовать уже в 1860 г., найдя в Гумбетовских лесах надёжное укрытие для себя и своих сторонников, которых насчитывалось до 1218 человек [6, с. 169]. Такого рода утверждения приходилось принимать на веру, т. к. надёжных источников получения информации у властей не было. Но даже если это было преувеличением, слухами, воздействие таких слухов на умы горских жителей было несомненным. Не успев избавиться от Шамиля, российские власти рисковали получить ему на смену нового харизматичного лидера.

Байсунгур не относился к числу верхушки бывшего имамата, и довольно редко его имя встречалось на страницах официальных документов. Не уделяли ему внимания и в мемуарной литературе [16, с. 72]. Он, скорее, представлял «второй эшелон» горской элиты, которая возвысилась в период противостояния с Россией. Но после того, как наиболее яркие личности выбыли из борьбы, будучи либо устранены физически, либо перешли на сторону победителей, судьба подарила Байсунгуру шанс сделаться лидером оставшейся в строю когорты непримиримых.

Он изнурял военные отряды и местные милиции своей неуловимостью и неожиданными набегами. Однако, в конце концов, власти сумели найти способы борьбы с подобными выступлениями. Все селения, которые могли предоставить повстанцам пищу и кров, были выселены на равнину, и поимка Байсунгура стала вопросом времени. Вместе с ближайшими соратниками он оказался в плену, а затем был казнён по приговору суда. Одновременно ликвидировали около двух сотен абреков-одиночек, имена которых были не столь популярны, а потому остались неизвестными.

Ситуация между тем переломить не удавалось. Не успев погасить недовольство беноевцев, российское командование вынуждено было подавлять выступления в Аргунском округе. Они были спровоцированы слухами о желании царских властей переселить чеченцев за Терек и привлечь к военной службе. На слуху были имена новых горских предводителей – Атаби Атаева и Уммы Дуева. Они успели завоевать авторитет среди местных жителей. Им верили и за ними шли. Пока не опали листья с деревьев в горных лесах, надежды поймать неуловимых бунтовщиков у командования не было. Не помогало и переселение части чеченских аулов на равнину [7, с. 690–692].

Положение дел было достаточно серьёзным, а «шайки Умадуя и Атабая так усилились, что командир Навагинского пехотного полка полковник

князь Туманов не счёл себя в силах преследовать их, особенно после того, что собранная им местная милиция (из шатоевцев) изменила нам и предательски напала на сопровождаемый ею батальон. И здесь подавление мятежа пришлось отложить до зимы» [13, с. 461].

Нормальная жизнь в крае была парализована. Ежедневно приходили известия о нападениях и грабежах, которые приписывались неуловимым горским предводителям. У наблюдателей складывалось впечатление, что такими шагами они стремились не столько добиться обогащения, сколько добивались политической власти, надеясь поднять широкие народные массы на новую борьбу с «неверными». Ситуация настолько обострилась, что военные власти не могли поддерживать связи с разбросанными по краю небольшими укреплениями, гарнизоны которых фактически оказались в осаде. Генералу Н. И. Евдокимову всё же удалось несколько поправить ход событий в пользу российских властей, нанести мятежникам поражение и заставить скрываться в лесах, но они быстро оправились от удара и вновь продолжили мятеж.

Противостояние приобретало формы культурно-религиозного противоборства. Обе стороны активно использовали методы пропагандистского воздействия на своих сторонников и противников. Особо отличался на этом поприще Атабаи (Атабай), стремившийся придать своим действиям черты джихада. Но, как отмечали современники, «к счастью, чеченцы уже начали понемногу убеждаться в выгодах спокойной жизни; а с другой стороны и Атабай не имел тех личных качеств, которые необходимы для того, чтобы увлечь народные массы. Он не пользовался особенным уважением от народа» [15, с. 60].

Российское командование, выждав момента, когда деревья сбросили листву, начало широкомасштабную операцию по уничтожению отрядов непокорных горцев. Привлекались и милицейские иррегулярные части, укомплектованные выходцами из Грузии и Дагестана. Автор считает, что таким образом демонстрировалась готовность народов Кавказа участвовать в искоренении разрушительного бунтарства. Это должно было внушить мятежным чеченским селениям мысль об отсутствии надежды на помощь со стороны. Кроме того, проводилась активная пропагандистская обработка колеблющихся умов.

Среди представителей российской власти были люди, которые пользовались доверием в горской среде. Мятежные горцы выражали готовность вступить с ними в переговоры, даже наиболее непримиримые представители горской оппозиции. К числу таких людей относился Мусса Кундухов, призывавший чеченцев осознать всю пагубность

их действий, поскольку «воровство, разбой, грабежи и убийства ... Богу противны, не соответствуют духу настоящего времени...» [12, с. 38].

Добиваясь изменения хода событий в свою пользу российская власть использовала приверженность местного населения религиозным устоям и по необходимости апеллировала к ценностям ислама, убеждая прекратить насилие, которое было присуще временам «безначалия и глубокого невежества... когда никто из кавказских горцев не знал как Богу служить» [12, с. 38].

По мере того, как концентрация войск в районе планируемой операции увеличивалась и были перекрыты все способы к мятежу, число колеблющихся заметно возрастало, и они спешно прекращали сопротивление [6, с. 172].

Результаты. По итогам проведенного исследования было выявлено, что особенностью местного горского повстанчества была его связь с конкретными харизматичными предводителями. Люди шли не столько за предлагавшимися им идеями, сколько за их носителями. Эта особенность позволила властям достаточно эффективно бороться с остаточными мятежами, направив свои усилия на физическую ликвидацию лидеров или вывода их за пределы процесса. После их гибели или пленения организованное сопротивление либо быстро прекращалось, либо шло на спад.

Немалую роль в данном деле сыграл генерал Мусса Кундухов, который убеждал чеченцев передать в руки властей своих предводителей, деятельность которых противоречила воле Аллаха, обещая за это амнистию. В результате многие приближенные Атабая были выведены из игры, а сам бывший кадий, лишившись доверия горцев, явился в селение Шатоевское, сдавшись на милость генерала Д. И. Святополка-Мирского. Скоро его примеру последовали остававшиеся в горах его сторонники.

В том случае, когда воззвания и пропаганда не приносили успеха, действовали жестко и решительно. Уму Дуева искали в окрестностях аула Дзумсой, куда прорубили просеки, чтобы получить возможность добраться до этого труднодоступного селения. Сочувствовавшие Дуеву окрестные селения были оккупированы войсками, а местным жителям запретили снабжать мятежного предводителя необходимыми ресурсами, без которых он не мог рассчитывать на продолжение сопротивления. Не дожидаясь озлобления против него земляков, Ума Дуев стал искать возможности для почётной капитуляции. В качестве посредника выступил чантинский наиб [9, с. 78]. Несмотря на жесткость по отношению к горским мятежникам, если существовала возможность не проливать кровь, власти предпочитали договариваться.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII. 1552 с.
2. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 124.
4. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 441.
5. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 562.
6. Гатагова Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917: монография. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
7. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I. / 2-е изд., испр., доп. Грозный: Книжное издательство, 2008. 828 с.
8. Кавказ в 1861 году // Кавказ. 1862. 1 января. № 1.
9. Кавказская летопись // Кавказ. 1862. 18 февраля. № 15.
10. Клычников Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов: монография. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.
11. Кудяева С. Г., Хут Л. Р. Адыгские махаджирьы на Балканах // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). 1991. Вып. VIII. С. 187-209.
12. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
13. Милютин Д. А. Воспоминания. 1856-1860 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
14. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863-1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 688 с.
15. О последних действиях в Терской области // Кавказ. 1862. 8 февраля. № 12.
16. Тахнаева П. И. Наиб Байсунгур из Беноя (по страницам биографии) // Кавказский сборник. Т. 9 (41) / под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 67–75.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis; 1904. V. 12. 1552 p. (In Russ.).
2. Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (beginning of the 19th – middle of the 20th centuries). Moscow: ROSSPEN; Fond «Presidential Center B. N. Yeltsin», 2011. 1094 p. (In Russ.).
3. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 774. Inv. 1. D. 124. (In Russ.).
4. GAKK. F. 774. Inv. 1. D. 441. (In Russ.).
5. GAKK. F. 774. Inv. 1. D. 562. (In Russ.).
6. Gatagova L. S. North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860-1917. Moscow: New chronograph; 2016. 448 p. (In Russ.).
7. The history of Chechnya from ancient times to the present day: In 2 vols; 2-e revised and enlarged edition. Grozny: Book publishing house, 2008. 828 p. (In Russ.).
8. Caucasus in 1861. Kavkaz = Caucasus. 1862; January 1st. No. 1. (In Russ.)
9. Caucasian Chronicle. Kavkaz=Caucasus. 1862; February 18. No 15. (In Russ.)
10. Klychnikov Yu. Yu. Empire soldier Nikolai Ivanovich Evdokimov. Pyatigorsk: PSU publ, 2019. 277 p. (In Russ.)
11. Kudaeva S. G, Hut L. R. Adyghe Muhajirs in the Balkans. Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya) = Culture and life of the Circassians (ethnographic research). 1991;8:187-209. (In Russ.)
12. Kunduhov M. Memoirs. Vladikavkaz: Publishing and printing enterprise. V. Gassieva; 2013. 92 p. (In Russ.)
13. Milutin D. A. Memories. 1856-1860. Edited by L. G. Zakharova. Moscow: ROSSPEN; 2004. 560 p. (In Russ.)
14. Milutin D. A. Memories. 1863-1864. Edited by L. G. Zakharova. Moscow: ROSSPEN; 2003. 688 p. (In Russ.)
15. On the latest actions in the Terek region. Kavkaz = Caucasus. 1862; February 8. No 12. (In Russ.)
16. Tahnaeva P. I. Naib Baysungur from Benoy (by pages of biography). Kavkazskij sbornik = Caucasian compilation. 2015;9 (41):67–75. (In Russ.)

Научная статья

УДК 94(47).08 + 27-772 (470.630) (470.620)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.9>

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОТДЕЛЕНИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ДЕТСКИХ ПРИУТОВ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ ПРИ МОНАСТЫРЯХ СТАВРОПОЛЬСКОЙ И ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Павел Григорьевич Немашкалов¹Елена Николаевна Володькова²

1 Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661> E-mail: paul_2@rambler.ru

2 Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029, Ставрополь, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-1752> E-mail: e.volodkova@yandex.ru

Автор, ответственный за переписку: Немашкалов Павел Григорьевич, paul_2@rambler.ru

Аннотация. Введение. На современном этапе развития общество столкнулось с проблемами в сфере высокого уровня преступности несовершеннолетних и подростковой девиации, которые были характерны для России в начале XX в. В практике уголовного и уголовно-исправительного законодательства применение лишения свободы к ним чаще остается единственной формой наказания. В рамках поиска оптимальной модели достижения исправительного эффекта представляется интересным обращение к имеющемуся историческому опыту. Широкое включение общественности для решения возникшей ситуации было одной из форм борьбы с подростково-юношеской преступностью со второй половины XIX в. Одним из инструментов политики государства, в данной сфере, стало активное привлечение монастырей Русской Православной Церкви, которые должны были стать ведущим органом в борьбе и профилактики в сфере преступности несовершеннолетних. **Материалы и методы.** На примере организации работы исправительных приютов, основанных в 1898 г. при монастырях Кубанской области, авторами проводится анализ их деятельности, сложности в организации работы с контингентом в рамках монастырей всей Кавказской кафедры. Актуальным становится вывод о том, что успех в деятельности профилактики и исправления был возможен только при широком привлечении общественности, обучение воспитанников приютов востребованным на рынке труда профессиям, сочетание различных программ и религиозных воспитательных практик, при тесном взаимодействии с органами исполнительной власти региона. **Анализ.** Обращение к истории исправительных учреждений на территории Северного Кавказа может способствовать совершенствованию организации работы в отношении несо-

вершеннолетних лиц, совершивших преступления, в реализации стратегии исполнения наказаний. **Результаты.** Как показали результаты проведенного исследования, данный эксперимент не получил широкой поддержки не только в регионе, но и во всей империи. И только благодаря помощи общественности в организации работы и содержании воспитанников приютов, при ограниченном финансировании со стороны государства, монастырям удалось наладить процесс реабилитации несовершеннолетних преступников. В сочетании с применением различных воспитательных систем и программ, школьного и трудового обучения, различных методов воспитания и наставничества, монастыри внесли свой вклад в исправление оступившихся несовершеннолетних.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кубанская область, Ставропольская и Екатеринодарская (Кавказская) епархия, приюты для несовершеннолетних преступников, исправление, воспитание

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Володькова Е. Н. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 431–439. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 19.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 22.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

Research article

PROBLEMS OF ORGANIZING THE WORK OF DEPARTMENTS
OF CORRECTIONAL ORPHANAGES FOR JUVENILE DELINQUENTS
AT THE MONASTERIES OF THE STAVROPOL AND YEKATERINODAR DIOCESE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Pavel G. Nemashkalov¹

Elena N. Volodkova²

1 Stavropol State Pedagogical Institute (417 «А», Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661> E-mail: paul_2@rambler.ru

2 Stavropol State Pedagogical Institute (417 «А», Lenina St., 355029, Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-1752> E-mail: e.volodkova@yandex.ru

Corresponding author: Nemashkalov Pavel Grigorievich, paul_2@rambler.ru

Annotation. Introduction. At the present stage of development, society faces the problems in the field of high levels of juvenile delinquency and adolescent deviation, which were typical of Russia at the beginning of the 20th century. In the practice of criminal and penal legislation, the application of imprisonment to them often remains the only form of punishment. As part of the search for an optimal model for achieving a corrective effect, it is interesting to refer to the existing historical experience. A comprehensive inclusion of the public to solve the situation was one of the forms of combating juvenile delinquency since the second half of the 19th century. One of the instruments of state policy in this area was the active involvement of the monasteries of the Russian Orthodox Church, which were to become the leading body in the fight against and prevention in the field of juvenile delinquency. **Materials and methods.** By the example of the organization of the work of correctional shelters, founded in 1898 at the monasteries of the Kuban region, the authors analyze their activities, the difficulties in organizing work with the contingent within the monasteries of the entire Caucasian department. The conclusion becomes relevant that success in the activities of prevention and correction was possible only with the wide involvement of the public, the training of pupils of shelters in professions that are in demand on the labor market, a combination of various programs and religious educational practices, in close cooperation with the executive authorities of the region. **Analysis.** An appeal to the history of correctional institutions in

Введение. Вопрос о положении несовершеннолетних в системе исправительных учреждений волновал широкую общественность российской империи в середине XIX в. Под руководством М. М. Сперанского велась активная работа по разработке системы российского законодательства, которое бы соответствовало вызовам времени и удовлетворяло бы потребностям государства. Не уходя от второй план и работа по разработке нового проекта Уложения и наказаниях уголовных и исправительных, целью которого должна была стать выработка принципиально новых подходов в работе уголовных органов и системы уголовно-исправительного производства. Поражающий масштаб преобразований основывался на прак-

тике Северного Кавказа. Введение в практику работы в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, в рамках реализации стратегии исполнения наказаний. **Результаты.** Как показала практика, эксперимент не получил широкой поддержки не только в регионе, но и по всей империи. И только благодаря помощи общественности в организации работы и содержания сирот, с ограниченным финансированием со стороны государства, монастыри смогли организовать процесс реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. В сочетании с использованием различных образовательных систем и программ, школьного и профессионального обучения, различными методами образования и наставничества, монастыри способствовали исправлению несовершеннолетних.

Keywords: North Caucasus, Kuban region, Stavropol and Yekaterinodar (Caucasian) diocese, shelters for juvenile delinquents, correction, education

For citation: Nemashkalov P. G., Volodkova E. N. Problems of organizing the work of departments of correctional orphanages for juvenile delinquents at the monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar diocese in the late XIX – early XX centuries. Humanities and law research. 2023;10(3): 431–439. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.9>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 19.05.2023.

The article was approved after reviewing: 22.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

ти мирового опыта работы в данной сфере, и как следствие, приходилось в дальнейшем заимствовать и в будущих нормах данной сферы уголовного производства, в редакциях 1857, 1866 и 1885 гг.

Вводимое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. сохраняло возможность применения карательной меры в виде лишения свободы, но оно рассматривалась как высшая форма социальной защиты. Более приемлемым считалось не назначать виновному несовершеннолетнему, совершившему преступление по неосторожности в возрасте от 14 до 21 года, а передать его под опеку законных представителей, которыми могли выступить, в первую очередь

только родители, а также близкие родственники. По самому смыслу нового Уложения несовершеннолетний, вместо десоциализирующего воздействия мест лишения свободы и принудительного перевоспитания, попадал на поруки в семью с последующим «традиционным» домашним исправительным воспитанием по усмотрению родителей или опекунов [25, с.353].

Следуя заложенным принципам германизации личности несовершеннолетнего преступника, признаваемого как оступившегося лица в своей жизни, Александром II 17 апреля 1863 г. утвердил указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний», его главной ключевой позицией стала отмена ранее существующих практик применения телесных наказаний к несовершеннолетним. В отличие от европейских стран, наше государство уверенно встало на путь признания прав детей, но в контексте традиционной системы ценностных норм культуры. В пояснении к данному положению было указано, что «это правило заключает в себе лишь первый вызов к учреждению означенных заведений, вызов, который, должно надеяться, не останется без последствий. Дальнейшее устройство предполагаемых учреждений и тех условий, на которых могут быть отдаваемы в них дети по суду, должно быть предметом особого закона» [1, с.112]. Мысль о приютах вызвана была заявленной при составлении судебных уставов трудностью «применять к малолетним родам и виды наказаний, установленных общим карательным законом, ибо по особым свойствам детского возраста те меры в применении к детям представляются или совершенно невозможными, или ведущими к положительному вреду» [27, с.424].

Материалы и методы. Исследование основано на принципе междисциплинарности. Обращение к материалам периодики, представляющей анализ уголовной статистики, и материалам архива, сохранившему переписку должностных лиц, относительно вопросов организации работы в отношении несовершеннолетних, позволило выявить основы государственно-правовой политики в вопросе признания несовершеннолетних преступников. Посредством применения исторического, сравнительного, и описательного методов научного исследования показана роль монастырей Кубанской области, которые одни из первых учредили исправительные заведения в стенах обителей после обращения верховной власти, и в последующие годы оставались единственными в империи активно работающими в данной сфере.

Анализ. Накопившиеся противоречия законодательной теории и практики её применения были урегулированы изданием «Правил об исправительных приютах», принятых 5 декабря 1866 г. Несмотря на точность и конкретность установленного порядка, согласно которому дей-

ствовали колонии и приюты, принятый Закон был не совершенен. Им устанавливалось, что все исправительные учреждения для несовершеннолетних преступников должны были быть подчинены системе Министерства внутренних дел. На практике дело обстояло так, что российская общественность включилась в работу создания исправительных учреждений для несовершеннолетних в 70-х гг. XIX в., и при активном участии общественных организаций и благотворительных учреждений создавались полулегальные организации, новым законом поставленные вне правового поля своей деятельности [2, с. 23].

Сложившаяся ситуация характеризовалась тем, что Российская империя не имела опыта организации подобной работы с несовершеннолетними, и задаваемый вектор работы в этом направлении ложился в основу профилактики на последующие десятилетия [12, с.142]. Многообразие форм работы частных лиц и благотворительных учреждений требовало унификации принципов и подходов в работе с оступившимися подростками. Отсутствие четких правил порождало разные подходы в отношении мер дисциплинарного воздействия относительно контингента призреваемых и воспитанников, исключения составляли случаи побега из исправительных учреждений [4, с.10].

Отечественная научная мысль, сделавшая объектом своего исследования трудновоспитуемого подростка, дала толчок появлению целого направления в отечественной педагогике – педагогической патологии. Обобщая опыт, можно прийти к выводу, что основное внимание уделялось преодолению экзистенциального кризиса несовершеннолетнего. По мнению Д. А. Дриля, отклонения в поведении могут не закрепиться при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки. Это положение можно отнести и к эстетическому окружению, и к организации полезной деятельности, в том числе художественной [13, с.43]. Влияние этого направления педагогической мысли привело к тому, что к началу XX столетия в системе мест лишения свободы особое место занимают воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних.

Срок пребывания в исправительном учреждении данного типа нормативными актами трактовался неоднозначно. Закон допускал пребывание в приютах до достижения осужденным несовершеннолетним 18-летнего возраста, либо помещались они на определенный срок. Во время отбывания наказания акцент делался на духовно-нравственное и интеллектуальное развитие осужденных: «без воспрещения, однако же, учредителям приюта несколько распространить круг обучения элементарным наукам в тех случаях, когда признают это полезным и возможным» [15, с.144–146].

Проводя анализ реализуемой политики, начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции империи отмечал: «Во многом зависят от энергии отдельных лиц, стоящих во главе дела, названные заведения временами, под влиянием преданных делу руководителей, начинают процветать, увеличивается приток членских взносов и частных пожертвований, улучшается постановка дела в заведении, но затем, когда эти энергичные лица уходят или охлаждаются к делу, наступает время упадка, а в некоторых случаях даже полное прекращение деятельности полезного учреждения» [24, с.9].

По закону 1866 г. исправительные приюты учреждались для нравственного исправления несовершеннолетних, отдаваемых по судебным приговорам. В реальности приюты принимали у себя и бродяг, и нищих, и «ничьих детей». Жизнь составляла сочувствующих и милосердных людей идти на этот шаг, поскольку детей просто некуда было деть. Так, в приютах по мере их создания оказывались дети разных категорий, и заведения приобретали смешанный характер [22, с. 72–73].

В Ставропольской и Екатеринодарской епархии осуществляли благотворительную деятельность приходские попечительства. И если по России в целом они не принесли ожидаемых результатов, то на Северном Кавказе они действовали довольно эффективно, оказывая помощь значительной части беспризорных детей.

Первое организованное приходское попечительство в регионе было учреждено Андреевско-Владимирским Братством при Андреевско-Владимирской церкви архиерейского дома. Заявленной целью было сохранение, утверждение и распространение православно-христианской веры и нравственности, служение делу любви и милосердия к сиротам, бедным и беспомощным старцам всякого звания и состояния [6, с. 89–90]. Братство содержало убежище для бесприютных детей обоего пола на 50 человек, бесплатную столовую и богадельню [5, с. 94].

Основная работа приюта была направлена на развитие у воспитанников основ духовно-нравственной православной традиции. При этом всю бытовую работу по своему содержанию они выполняли самостоятельно под руководством назначенных им воспитателей. Большая роль в этом процессе принадлежала воспитательнице, которая посредством распределения обязанностей управляла организацией работы убежища [16, с. 73].

Знание ремесла мальчики постигали в сапожной, столярной, переплетной мастерских, а девочки в рукодельной мастерской. Сапожная мастерская была открыта при убежище в 1889 г. для обучения призываемых детей сапожному и башмачному ремеслу с 7 до 17 лет. Сапожная мастерская полностью удовлетворяла нужды благотвори-

тельного общества в обуви и принимала заказы от горожан. Столярная мастерская была открыта в 1891 г., в ней обучались мальчики с 8 до 15 лет. Переплетная мастерская начала работать с 1893 г., к работам в ней привлекали детей с 9 до 16 лет. Под руководством мастера-наставника юноши восстанавливали весь имеющийся фонд братской библиотеки, библиотеки убежища и братских школ. Девочки обучались в рукодельной мастерской, открытой в 1888 г., их учили кройке и шитью, вышиванию и вязанию. В весенне-осенний период велись занятия по огородничеству. Обучение детей церковному пению давало им возможность получить место в архиерейском хоре, за работу в котором им выплачивалось установленное вознаграждение от архиерейского дома. Данными средствами они могли воспользоваться только при окончании времени пребывания в приюте, и то, только в установленных случаях.

Порядок пребывания в приютах поддерживался силой установленных правил, которые работали как средства поощрения, а в исключительных случаях строгого воздействия. Самым распространенным средством работы с подростками была профилактическая беседа, чаще тет-а-тет, без широкого оглашения проблемы и достигнутых договоренностей. Но если это не имело воздействие, тогда виновные могли быть подвергнуты публичному выговору, или помещены в карцер [26, с. 2].

Отдельной категорией были религиозные благотворительные организации: Андреевско-Владимирское приходское попечительство и Ставропольское мусульманское благотворительное общество. При приюте была открыта одноклассная школа, ремесленные мастерские, помимо этого детям давали и религиозное образование. У Ставропольского мусульманского благотворительного общества своего приюта не было, поэтому оно могло только передавать детей на воспитание в семьи, либо отправляло их в приюты других благотворительных обществ внося плату за их содержание [26, с. 3–4]. Общества стремились оградить детей от совершения преступных действий и способствовали их социализации.

По мнению Е. Тарновского, из каждой сотни осужденных в возрасте до 17 лет общими и мировыми судами в 1891–1893 гг. было приговорено к тюремному заключению 81,9 %, а в исправительный приют – только 5,9 % (остальные были приговорены к другим видам наказания или отданы родственникам на исправление). Эти цифры показывают, что почти вся осужденная молодежь шла в тюрьмы [23, с. 10]. Что касается учреждений для несовершеннолетних, то если в 1892 г. их было в империи всего 20, то к концу 90-х гг. XIX в. Их численность выросла до 45. К 1914 г., по официальным данным, таких заведений насчитывалось 59, а к 1917 г. в империи их насчитывалось более 90 [3, с. 24].

Росту организованных приютов для несовершеннолетних преступников способствовала активная политика государства в данной сфере. В рамках развития нормативно-правовой системы в этом вопросе 2 июня 1897 г. был принят закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости». Роль монастырей, как мест заключения, была расширена, и многие из них в империи встретили его резко отрицательно. Но, имея большой опыт работы в этой области, органы епархиальной власти региона поддержали данное начинание.

При Кубанском попечительском комитете о тюрьмах был учрежден Кубанский исправительный приют. Тюремный комитет с одной стороны был движим желанием прийти на помощь бесприютным сиротам до постройки здания для исправительного приюта, а с другой, для поддержки монастырей в исполнении возложенных на них обязанностей по содержанию малолетних преступников. Исходя из этого было организовано отделение Кубанского исправительного приюта при монастырях, как мужском, для мальчиков, так и при женском, для девочек.

При личных беседах по этому вопросу с настоятелями обителей Кубани директора и члена правления приюта А. Д. Бигдая была проработана фактическая возможность реализации этого проекта. В результате были составлены принципы организации данных учреждений. Как сироты, так и преступники определялись в монастыри Правлением Кубанского исправительного приюта, на который возлагалась обязанность сбора всех предварительных сведений о воспитанниках. В монастыре ребенок передавался, по определению настоятелей обители, под особый надзор отдельного брата или сестры, или же их группе, для постоянного над ними надзора и религиозно-нравственного исправления. Из числа монашествующих, с разрешения епископа, назначалось лицо, которому поручалось общее наблюдение за всеми призреваемыми и отчетность по средствам определенных на их содержание. Находящиеся на исправлении в монастырях подростки обоего пола обучались грамоте и распространенным ремеслам в регионе, в случаях условий их отсутствия в обителях, то Правление приюта инициировало их учреждение с выделением необходимых средств. Стол общим для призреваемых в монастырской трапезной. Для проживания в монастырях им выделяли отдельное помещение, или предполагалась возможность размещения с монашествующими и послушники [7, л. 1–2].

9 и 11 октября 1898 г. состоялось Торжественное открытие при монастырях Кубанской области сразу двух приютов для несовершеннолетних

преступников и преступниц: Черноморской Марие-Магдалинской женской обители и Черноморском Екатерино-Лебяжьем Николаевском мужском монастыре. Женский монастырь взял на себя воспитание в приюте 25 девушек, в обители для них было выделено два здания: недавно отстроенный дом в центральной ее части и помещение для школы [14, л. 573–574]. При мужском монастыре приют был рассчитан на 20 мальчиков, с разрешения владыки, монастырь принял на себя обязанность бесплатно отвести помещение со столом для заведующего приютом и выдавать из монастырских сумм, в пособие правлению, на вознаграждение заведующего ежегодно по 300 руб. Помимо этого также монастырь начал постройку особого корпуса для отделения приюта, в котором возможно было бы открытие земледельческой школы [7, л. 35–36].

Правление выделило на содержание каждого призреваемого до 40 руб. в год, кроме этого, взяло на свой счет содержание врачей при обителях. Председатель правления вновь обратился к епископу, просьба которого о возложении обязанности заведывание приютом и заведывание школой на одно лицо была удовлетворена. Епископ не смог не согласиться с доводами, которые сводились к тому, что учебная и воспитательная часть не могут быть отделены, а при имеющихся в обителях требуется совершенствование учебно-воспитательного процесса в соответствии с установленными требованиями.

На данную должность решено было принимать только тех лиц, которые обладали установленным образовательным цензом и опытом в педагогической сфере. Все свое время они обязаны были посвящать исключительно детям, поэтому было решено установить для них доплату на собственное содержание. Поскольку монастыри потратили много средств на учреждение приютов, было принято решение предоставить заведующим квартиры. Правление брало на себя часть содержания до 300 руб., по согласованию с Епархиальным училищным советом, епархия брала на себя дополнительную выплату в течении первых 5 лет до 300 руб. на каждый монастырь [7, л. 53–54].

18 марта 1899 г. канцелярия обер-прокурора Синода известила епископа Агафодора о том, что на доклад министра юстиции о содействии руководства епархии и открытии при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии исправительных приютов для несовершеннолетних и призрения бесприютных детей в Кубанской области, император выразил епархиальному руководству и монастырям монаршее одобрение. Братия Екатерино-Лебяжьего Николаевского мужского монастыря вдохновленная монаршим одобрением в деле исправительного воспитания несовершеннолетних преступников и сирот, решила учредить

в память благоволения императора при отделении Кубанского исправительного приюта, сверх 20 имеющихся в нем мест, еще 12 новых стипендий для призрения и обучения бесприютных сирот с присвоением этим стипендиям наименование «стипендий Николаевских», на что государь повелел благодарить жертвователей [7, л. 70].

Вскоре последовало предложение епископа настоятелям обителей епархии об учреждении в их стенах детских приютов или школ грамотности, как полезных для религиозно-нравственных основ в обществе, по примеру обителей Кубани. Ссылаясь на материальные трудности их организации и нехватку средств для содержания призреваемых, они все отказались от учреждения подобных заведений на их территории. По согласованию с министерством юстиции Консистерия, в начале каждого последующего года, ставила в известность председателя Ставропольского окружного суда о тех монастырях, которые согласились бы на принятие в стены обители малолетних преступников [9, л. 1].

Среди множества трудностей, с которыми сталкивались обители при организации приютов, материальный вопрос оставался одним из самых сложных. Исходя из того, что монастыри не имели в своих учреждениях подобных приютов, то Синод для разъяснения содержания обращался к министру юстиции. По результатам возникшей переписки от 15 декабря 1900 г. было принято решение, чтобы малолетние преступники и преступницы содержались в обителях за счет казны, и плата соответствовала тому, во сколько обходиться пища и одежда взрослых арестантов в местных тюрьмах [8, л. 1].

Не всегда установленные нормы содержания соблюдались. На 1 января 1903 г. в Кубанском приюте при Марие-Магдалинском монастыре содержалось 12 девочек, столько же их было к 1 января 1911 г. [17, с.368]. На начало 1914 г. – 17 [19, с. 25], 1915 – 20 воспитанниц, на 1 января 1916 г. их числилось 19 [21, с.242]. В тоже время на их содержание в 1908 г., при средней стоимости годичного содержания в подобных заведениях в 266,80 руб., на одну девочку в Кубанском приюте казна выделяла 65,33 руб. В 1912 г. эта сумма равнялась 81,61 руб. [18, с.95], а поскольку расходы государства с началом Первой мировой войны были увеличены на военные нужды, то в 1915 году она достигла «ненормально низкого» предела в 48,27 руб. [20, с. 105]. Исходя из возникающей разницы сумм содержания воспитанников и финансирования, основное бремя компенсации расходов возлагалось на монастырские суммы и пожертвования благотворителей. В сложившейся ситуации проблему пытались решить посредством широкого участия общественности региона. Для этого в приходских церквях епархии,

по усмотрению самих священнослужителей, устанавливался кружечный сбор на нужды Кубанского исправительного приюта [7, л.64].

19 апреля 1909 г. было утверждено новое «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», в котором предусматривается участие духовного ведомства в решении данной проблемы, и высказано пожелание об участии монастырей империи в решении вопроса. По представленной Синодом справке оказалось, что по определению светских судебных органов в монастырях империи лиц до 17 лет оказалось:

- в 1906 г. в 12 епархиях 49 детей, а в 41 епархии их вообще не содержалось;
- 1907 г. в 11 епархиях 36 детей;
- 1908 г. в 9 епархиях 34 [10, л.16].

Синод не мог принуждать монастыри к открытию приютов, и передавал на усмотрения епархиального начальства решение этого вопроса. При этом указывал на то, что в случае их размещения в обители, они должны подчиняться всем правилам монастырской жизни. Не допускал сосредоточение в одной обители большого числа несовершеннолетних преступников, в виду угрозы нарушения иноческой жизни. В своей политике Синод руководствовался тем, что рост преступности связывал с пренебрежительным отношением к религиозно-нравственному воспитанию детей в семье и обществе. Указывалась особая роль приходского духовенства Церкви, которым прилагались большие усилия в отношении усвоения детьми христианской веры и нравственности. Поэтому перевоспитание несовершеннолетних преступников им считалось делом общественных организаций и самого общества. Синод же ставил вопрос об их открытии в епархиях в прямую зависимость средств и способов, имеющихся у епархиальных властей и условий существования самих обителей.

Наблюдая устранение от участия в борьбе с ростом детской преступностью, Министр юстиции 20 ноября 1909 г. обратился повторно за помощью к обер-прокурору Синода и указал на недостаток воспитательно-исправительных заведений в империи. В тюрьмах и арестных домах, по приведенным данным, постоянно содержалось до 800 и более несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, и ежегодно их приток в данные места достигал более 7000 человек. Согласно представленным данным в 1907 г. из 7874 несовершеннолетних содержалось в общих камерах 3522 чел. или почти 50 %, и 7214 чел., или 92 %, остались без всяких занятий. Подобные условия создавали благоприятные условия для деградации несовершеннолетних, многие из которых случайно совершили противоправные деяния, и большинство из них после освобождения неизбежно превращались в профессиональных преступников. Им ста-

вился вопрос о причинении вреда обществу и государству этими деклассирующими элементами ведущими праздный образ жизни [10, л. 13–16].

Епископ в своем ответе на письмо министра, после переписки с настоятелями обителей, ответил, что только 3 монастыря епархии имели возможность поместить в стенах обителей малолетних преступников. При этом наместник Николаевской обители иеромонах Анатолий соглашался принять в монастыре задержанных полицией малолетних мальчиков в возрасте свыше 10 лет не более чем 10 душ, но только при том условии, что они будут находиться в монастыре не более полугода и за счет казенных средств. Поступавшие на этих условиях мальчики могли обучаться грамоте в школе пустыни и быть под надзором полицейского урядника [10, л. 21]. На тех же условиях согласилась принять в Марие-Магдалинскую обитель девочек и игуменя Прискилла. Настоятель Кавказского миссионерского монастыря игумен Герман согласился принять таких детей, только при условии, что их будет небольшое количество [10, л. 5].

Игуменя Покровского женского монастыря Рафаила ответила, что их монастырь не имел ни малейшей возможности принять таких детей, из-за отсутствия подходящего помещения и средств. Настоятель Свято-Александро-Афонской Зеленчукской общежительной пустыни иеромонах Феофил отметил, что в большинстве своем данная категория детей с испорченной нравственностью, исходя из чего они требуют строгого надзора и тщательного попечения, которого пустынь, за неимением наставников и помещения, не может предоставить. Игуменя Спасо-Преображенского монастыря Раиса указала на крайнюю нужду в материальном отношении, отсутствие пахотной земли и подаяний, исходя из чего для обители было обременительно содержание не только детей сирот, но даже монашествующих сестер. Настоятель св. Михайло-Афонской пустыни игумен Амвросий указал на неподготовленность обители в виду отсутствия подходящего помещения, болезни большинства братии, которые находились в преклонных годах не допускающей деятельной жизни. Настоятель Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря игумен Геннадий отметил невозможность принятия данных детей по отсутствию наставников, и просил о созыве съезда настоятелей обителей епархии для рассмотрения вопроса организации приютов [10, л. 6–10].

С началом Первой мировой войны на монастыри епархии была возложена обязанность патроната в устроенных лазаретах, уволенных от службы нижних чинов и некоторых из них для восстановления здоровья. По распоряжению генерал-губернатора Кубанской области и Черноморской губернии от 7 марта 1915 г. они направ-

лялись на патронат при монастыри Кубанской области, если места их постоянного места жительства были оккупированы [11, л. 2 – 3].

При наплыве беженцев и вынужденных переселенцев при монастырях не осталось свободных помещений. В виду сложившихся обстоятельств монастыри не могли установить надлежащий надзор за определяемыми по решениям суда лицами в стены обители, участились случаи, когда арстанты совершали побег из монастыря. Исходя из сложившихся обстоятельств 18 февраля 1916 г. настоятель Кавказского миссионерского Николаевского монастыря в своем рапорте консистории просил епархиальные власти обратиться в Екатеринодарский окружной суд, чтобы вверенный ему монастырь не определялись малолетние преступники, а также лица, присужденные судами к епитимии. Стараясь поддержать порядок в монастырях епархии, Консистория постановила размещать по приговорам суда только в монастыри Кубанской области: Марие-Магдалинской женской пустыни и Екатерино-Лебяжьему Николаевскому мужскому монастырю [11, л. 4].

В силу нового закона о малолетних от 2 июня 1897 г., когда последние за совершение ими преступления не подвергались уголовному наказанию и передавались на исправление родственникам и знакомым. Участие монастырей в борьбе с девиацией в среде несовершеннолетних как мест заключения была расширена последующими законами. Правительство, направляя малолетних преступников для содержания в монастыри, не учитывало того, что они были совершенно не приспособлены и не подготовлены для этой важной миссии.

Результаты. Многие монастыри империи встретили резко отрицательно данную инициативу правительства. В большинстве своем монастыри, по ряду объективных обстоятельств, не справлялись с малолетними преступниками. Принятие решений на открытие исправительных приютов было передано Синодом на усмотрение епархиальных властей, а со своей стороны он решил ограничить число монастырей, в которые можно было направлять малолетних преступников.

В Ставропольской епархии инициатива по открытию приютов для несовершеннолетних преступников получила широкую поддержку в обителях Кубанской области. Своим учреждением эти заведения обязаны были широкой поддержкой обществом и населением региона. Поскольку, обремененное обязанностями содержание монастырской экономики, насельники монастыря не могли бы справиться самостоятельно с решением данного вопроса без материальной помощи общественных организаций и частных лиц. Акцентируя внимание на духовно-нравственном исправлении содержащихся в приютах совершивших преступления лиц, монастырями делался акцент на обучение их профессиям, которые были востребованы на рынке труда в регионе.

Литература

1. Александровский Ю. В. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. СПб.: Новое законодательство, 1909. 112 с.
2. Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. 428 с.
3. Беляева Л. И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
4. Беляева Л. И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России. М.: Академия МВД России, 1995. 392 с.
5. Благотворительные учреждения Российской Империи. Т. 2. СПб.: б.и., 1900. 360 с.
6. Всеподданнейший отчет за 1890 и 1891 годы. СПб.: б.и., 1893.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп.56. Д.653.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.59. Д.744.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.66. Д.1110.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.67. Д.192.
11. ГАСК. Ф.135. Оп.74. Д.772.
12. Дриль Д. А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 4. С. 137–158.
13. Дриль Д. А. Малолетние преступники. Вып. 2. Ч. 1. Психология преступности. М.: Тип. Мамонтова, 1888. 320 с.
14. Исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1898. № 11. С. 573–574.
15. Отчет Главного тюремного управления за 1883 год. СПб., 1884. 397 с.
16. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1899 год. Ставрополь: б.и., 1901. 94 с.
17. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 2. СПб.: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1913.
18. Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год СПб.: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1913.
19. Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 год. Ч. 2. Петроград: Типо-Литография Петроградской тюрьмы, 1915.
20. Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год. Ч. 1. Петроград: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1917.
21. Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год. Ч. 2. Петроград: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1917.
22. Пусторослев П.П. Наказательно-исправительные заведения для малолетних и несовершеннолетних преступников // Учебные записки / Юрьев. ун-т. 1893. № 4. 34 с.
23. Тарновский Е. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 9. С.1-43.
24. Труды восьмого съезда представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. СПб.: б.и., 1913. 397 с.
25. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Гл. вторая «О наказаниях». Отделение первое // Отечественное законодательство XI–XX веков: Ч. I (XI–XIX вв.) / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. 898 с.
26. Устав Ставропольского мусульманского благотворительного общества. Ставрополь, 1909.
27. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Добросвет; Городец, 2000. 462 с.

References

1. Alexandrovsky Yu. V. Regulations on educational and correctional institutions for minors. St. Petersburg: Novoe zakonodatel'stvo, 1909. 112 p. (In Russ.).
2. Ashin A. A. Educational colony: history and modernity. Vladimir: Publishing house Vladim. state un-ty, 2008. 428 p. (In Russ.).
3. Belyaeva L. I. Legal, organizational and pedagogical foundations for the activities of correctional institutions for juvenile offenders in Russia (mid-19th - early 20th century): thesis. Moscow, 1995. (In Russ.).
4. Belyaeva L. I. Formation and development of correctional institutions for juvenile delinquents in Russia. Moscow: Academy of IM publ., 1995. 392 p. (In Russ.).
5. Charitable institutions of the Russian Empire. Vol.2. St. Petersburg, 1900. 360 p. (In Russ.).
6. Most loyal report for 1890 and 1891. St. Petersburg, 1893. (In Russ.).
7. State Archive of the Stavropol Territory (hereinafter - GASK). F.135. Inv.56. D.653. (In Russ.).
8. GASK. F.135. Inv.59. D.744. (In Russ.).
9. GASK. F.135. Inv.66. D.1110. (In Russ.).
10. GASK. F.135. Inv.67. D.192. (In Russ.).
11. GASK. F.135. Inv.74. D.772. (In Russ.).
12. Dril D. A. Prison and forced education. Zhurnal Ministerstva justice = Journal of the Ministry of Justice. 1900;4:137–158. (In Russ.).
13. Dril D. A. Juvenile delinquents. Issue. 2. Part 1. Psychology of crime. Moscow: Mamontov's printing house, 1888. 320 p. (In Russ.).
14. Correctional institutions for minors. Tjurennyj vestnik = Prison Bulletin. 1898;11: 573 – 574. (In Russ.).
15. Report of the Main Prison Administration for 1883. St. Petersburg, 1884. 397 p. (In Russ.).
16. Report on the activities of the Stavropol Andreevsky-Vladimir Brotherhood for 1899. Stavropol, 1901. 94 p. (In Russ.).
17. Report on the Main Prison Department for 1911. Part 2. St. Petersburg: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1913. (In Russ.).
18. Report on the Main Prison Department for 1912, St. Petersburg: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1913. (In Russ.).

19. Report on the Main Prison Department for 1914. Part 2. Petrograd: Type Lithography of the Petrograd Prison, 1915. (In Russ.).
20. Report on the Main Prison Department for 1915. Part 1. Petrograd: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1917. (In Russ.).
21. Report on the Main Prison Department for 1915. Part 2. Petrograd: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1917. (In Russ.).
22. Pustoroslev P. P. Correctional institutions for juvenile and juvenile offenders // Educational notes / Yuryev. un-t. 1893. No. 4. 34 p. (In Russ.).
23. Tarnovsky E. Juvenile and juvenile delinquency in Russia. Zhurnal Ministerstva justicii = Journal of the Ministry of Justice. 1899;9:1-43. (In Russ.).
24. Proceedings of the eighth congress of representatives of Russian educational and correctional institutions for minors. St. Petersburg, 1913. 397 p. (In Russ.).
25. Regulations on punishments of criminal and correctional 1845. Ch. the second «On Punishments». The first department in Domestic legislation of the XI - XX centuries: Part I (XI - XIX centuries) / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow: Yurist, 1999. 898 p. (In Russ.).
26. Charter of the Stavropol Muslim Charitable Society. Stavropol, 1909. (In Russ.).
27. Foinitsky I. Ya. The doctrine of punishment in connection with prison science. Moscow: Dobrosvet; Gorodets, 2000. 462 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(410)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.10>

ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ДЛЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНОЙ ШКОЛЫ КОЛЛЕДЖ ЮНАЙТЕД СЕРВИСЕС)

Татьяна Викторовна Пантюхина¹¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4147-3690> E-mail: pantuykhina@rambler.ru

Аннотация. Введение. Актуальность темы исследования определяется ее слабой изученностью в отечественной исторической науке. Между тем успешный опыт подготовки эффективных управленческих кадров в Англии в последней трети XIX – начале XX вв. представляется достойным для изучения и осмысления. Целью данной статьи является исследование проблемы на основе истории Колледжа Юнайтед Сервисес и биографий ее наиболее выдающихся выпускников. Новизна исследования определяется тем, что данная проблема не была предметом специального исследования в отечественной историографии. **Материалы и методы.** Основной массив источников составили документы по истории школы, мемуары выпускников. Использован роман Киплинга «Сталки и Ко.», основанный на школьных годах писателя, материалы «Общества Киплинга». Были задействованы следующие методы: нарративный, дескриптивный, компаративный, ситуационное исследование («кейс-стади»). **Анализ.** Колледж Юнайтед Сервисес был основан в 1874 г. с целью предоставления сыновьям военнотружущих сравнительно недорогого школьного образования и их подготовки к поступлению в военные училища. Миссия школы состояла в том, чтобы формировать «людей действия», учить патриотизму, командному духу, лидерским качествам. Учащихся воспитывали так, чтобы они стали практичными, ответственными, смелыми и результативными лидерами. Правила поведения были жесткими, физические наказания были общепринятым методом обучения, а буллинг – обычным явлением. Послешкольные карье-

ры выпускников свидетельствуют об эффективности подготовки молодых людей к их будущей службе на благо империи. **Результаты.** Несмотря на довольно краткую историю, Колледж подготовил большое количество военного и гражданского персонала. 468 выпускников вступили в британскую армию, почти все служили в колониях. 198 выпускников поступили на службу в индийскую армию, 51 проходил службу в Королевском флоте, 308 выпускников работали за границей на колониальной службе, некоторые выпускники достигли высоких званий адмирала или генерала. Во время Первой мировой войны выпускники USC получили множество наград. Многие из них, включая двух генералов, погибли на войне. Карьера самых выдающихся выпускников USC: Киплинга и Данстервилла – служит примером способности школы эффективно готовить молодых людей к будущему.

Ключевые слова: Колледж Юнайтед Сервисес, Британская империя, военные и гражданские кадры, частная школа, Киплинг

Для цитирования: Пантюхина Т. В. Подготовка управленческой элиты для Британской империи (на примере частной школы Колледж Юнайтед Сервисес) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 440–446. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

Research article

TRAINING OF THE MANAGERIAL ELITE FOR THE BRITISH EMPIRE (A CASE STUDY OF PUBLIC SCHOOL THE UNITED SERVICES COLLEGE)

Tatiana V. Pantuykhina¹¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4147-3690> E-mail: pantuykhina@rambler.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the research topic is determined by the fact that it has not been studied in the national historical science. Meanwhile, the experience of training effective managerial personnel in England in the last third of the XIX – early XX centuries seems worthy of study and reflection. The purpose of the paper is to analyze the problem on the case study of the United Services College, its history and biographies of its most prominent graduates. The novelty of the research

is determined by the fact that this problem has not been the subject of special research in Russian historiography.

Materials and Methods. The sources used for the analyses consist of documents on the history of the school, memoirs of its graduates, Kipling's novel "Stalky and Co." based on the writer's school years, documents of the "Kipling Society". The following methods were used: narrative, descriptive, comparative. **Analysis.** The United Services College was founded in 1874 with the aim of

© Пантюхина Т. В., 2023

providing the sons of military personnel with inexpensive school education and prepare boys to go on to cadet colleges to train for a military career. Mission of the school was to mold “men of action”, to teach patriotism, team spirit, leadership skills. Students were brought up to become practical, efficient, brave and effective leaders. Extra curriculum activities were consistent with these purposes. The rules were strict, physical punishment was an accepted teaching method and bullying was common. The examination of the USC graduates’ careers is essential for assessing the effectiveness of students’ preparation for their future services. Results. Despite a rather short history the United Services College provided the country with a large number of military and civil personnel. 468 graduates joined the British Army, nearly all served throughout the Empire. 198 graduates joined the Indian Army, 51 did service in the Royal Navy and associated forces, 308 USC’s graduates worked abroad in civil organizations, often in Colonial Service Some graduates

Introduction. The experience of training effective managerial personnel in England in the last third of the XIX – early XX centuries seems worthy of study and reflection. The expansion of the British Empire in the middle of the XIX century caused an increasing demand for well-qualified administrators with the specified skills, views, manners and beliefs. The mission of training the managerial elite to fill civil and military positions in the British colonies was performed by public schools. An integral element of the English educational system for several centuries, the public school in the second half of the XIX – early XX centuries became the educational institution where the colonial elite was brought up. The purpose of the paper is to analyze the problem on the case study of the United Services College, its history and biographies of its most prominent graduates.

The novelty of the research is determined by the fact that the problem has not been the subject of special research in Russian historiography. Some aspects of the topic were studied by D. I. Shendygaev and K. B. Egorov. D. I. Shendygaev examined the history of training officers for the British Army and Navy in the late XIX – early XX centuries [3]. The author focused on the history of well-known cadet colleges such as the Military College in Sandhurst, the Military Academy in Woolwich and the Naval College in Greenwich. Egorov K. B. studied the role of the officer corps in the imperial policy in the second half of the XIX century [2]. He identified the spheres of influence of the military elite in the implementation of imperial policy. As for the British historiography, the history of public schools is focused on the most famous educational institutions like Eton. Meanwhile, the much less well-known United Services College made a significant contribution to providing the Empire with managerial personnel, which is proved by lists of its graduates and their services to the Empire. Another aspect that determines the research novelty of this paper is the attempt to assess the effectiveness of the training at the United Services

reached high ranks of Admiral or General. During World War I USC’s graduates earned numerous awards and decorations. Many of them including two Generals, died in the war. The careers of the most distinguished USC’s graduates: Kipling and Dunsterville provide an example of the school’s capacity to effectively train boys for the future.

Keywords: United Services College, British Empire, military and civil personnel, public school, Kipling

For citation: Pantyukhina T. V. Training of the managerial elite for the British Empire (a case study of public school the United Services College). Humanities and law research. 2023;10(3):440–446. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.05.2023.

The article was approved after reviewing: 19.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

College through the examination of the post-school careers of its graduates. The paper focuses on the life paths of the most distinguished school graduates: writer Rudyard Kipling, General Lionel Dunsterville and photographer George Beresford.

Materials and Methods. The main body of sources consists of documents on the history of the school, collected and published by its graduate and the author, Colonel H. Tapp. The collection was compiled as a supplement to the history of the school, which he authored and published in 1933, and came out after Tapp’s death, in 1960 [20; 21]. It contains photos, drawings of the campus, lists of graduates. The latter are of particular value, since Tapp grouped them according to their professional spheres and the geography of the service. Another informative source is the lists of graduates’ achievements in professional fields, as well as in sports. Documents about the participation of school graduates in the First World War are also important. The second group of sources was made up of memoir literature, primarily memoirs and biographies of three outstanding graduates: Rudyard Kipling, Lionel Dunsterville and George Beresford [15; 10; 4]. The documents of the Kipling Society and Kipling Journal, the periodical of the Society, were also used [16]. R. Kipling’s novel “Stalky and Co.”, based on the school years spent by the writer in the company of Dunsterville and Beresford at the United Services College provides valuable information about the atmosphere at school, its rules and relations among students and masters [14]. The following methods were used to perform the research tasks: narrative, descriptive, comparative and case study.

Analysis. The United Services College (USC), despite its short existence as an independent educational institution (1874 – 1903), made a mark in the history of English education. It was founded in 1874 at Westward Ho!, North Devon. At that time, in the heyday of the British Empire, large numbers of Englishmen lived abroad working to run the

Empire around the world, in the Armed Forces or in civil organizations. Many wished their children to be educated in England. Besides, for those who pursued a military career a good education became an entry requirement since Army Regulation Act of 1871 abolished the purchase of commissions and introduced examinations to become an officer in the navy or army. Before this, officer promotion was based on wealth instead of military skill [7]. The problem was that many officers were not financially able to send their sons to a public school so that their subsequent entry into the cadet colleges could be ensured. That is why a group of serving and ex-army officers founded the Limited Company, the shareholders in which could have their children educated at a moderate fee. That way the United Services College was founded. Its mission was to provide the sons of military personnel with rather inexpensive school education and prepare boys to go on to cadet colleges to train for a military career.

The USC's first Headmaster was Cornell Price, a remarkable man with liberal views. Educated at Oxford, he was a Senior Master at Haileybury College, which was often referred to as the "School for Empire". Due to his notable achievements with the Haileybury Army Class he secured the position at the USC. Cornell Price turned out a perfect choice. He ran the college for 20 years and resigned in 1894. In Army circles the USC was held in very high esteem largely due to the personal character of Cornell Price, who made the School a great success [20, p. 1].

The USC opened in September 1874 with 60 pupils mostly boarders and a well-qualified staff. The playing fields stretched down from the college to the sea, the cricket field is still in use today. The college numbers grew to about 200. 75% of the parents were abroad in the services, many in India.

The new institution developed into a real "family" school as several families sent five or more sons to the USC. According to Colonel H. Tapp, "there were seven Maxwell's, seven Molesworth's, six Capel's, six Pike's, five Bacon's, five Grimston's, five Hincliffe's, five Jones' and five Scott's. In addition, fourteen families each sent four sons to the College" [21, p. 5].

The boys were divided into "houses", each under a House Master. Houses were tribal and there was great competition between houses in both sports and academic fields, with trophies regularly competed for. Subjects taught were Latin, Greek, Mathematics and the Sciences. When the boys became seniors, they were given individual tutoring to prepare them for Army Entrance examination.

As for the curriculum, students in the USC, like in other English public schools, were not supposed to be taught any specific professional knowledge or practical skills which could be useful in future occupations. Educational institutions were aimed to mold "men of action". They constructed a privileged society of ingenious, daring, hardy future rulers. Mission of the public school was to teach patriotism,

team spirit, leadership skills. Students were brought up to become practical, efficient, brave and effective leaders. Extra curriculum activities were consistent with these purposes. Cricket and football played an important role in students' school life but "the game of the College" was rugby, "always played with the greatest keenness" [20, p. 18]. The USC had quite a strong rugby team and successfully competed with other public schools' teams including celebrated Iton. Other sports done at USC were golf, boxing and fencing. Swimming and cross-country running competitions were regularly held. Besides sports the students took part in cultural activities. The choir and string band of the Musical Society provided evening's entertainments. There were term-end concerts, meetings of the Natural History and Debating Societies [20, p. 6-7].

No USC's graduate became Prime Minister or Archbishop. The person who brought fame to the College was Rudyard Kipling, the most distinguished USC's graduate. He was admitted to the College because the Headmaster, Cornell Price, was a family friend. Obviously, the College aimed at preparation for military training was not suitable for the artistic boy with some physical disabilities. He had extremely poor eyesight, therefore, he was physically unable to excel in major school activities. The USC, like all other public schools was focused on sports, which Kipling was hopeless at and uninterested in. The intellectual and cultivated young person with interests in aesthetics and poetry, he had no chances to win admiration and reach leading positions among his classmates. In order to become the school idol a person had to be an outstanding athlete possessing qualities associated with masculinity: powerful personality, physically fit body and strong will. Kipling seems to have been a sort of outsider, "an artist in the wrong place". As Philip Mason, a literary critic, puts it, "trained as an officer who could never have a regiment, a ruler with no one to rule" [17, p. 310].

It cannot truthfully be said that Kipling was popular among his school fellows. As one of his schoolmates remarked later, "He was too clever for us." Still, Kipling achieved a measure of success in the literary world. The USC first Headmaster, C. Price recognised Kipling's early literary talent and appointed him to edit the school magazine, "The United Services College Chronicle". Moreover, Price gave him the run of his library. In his memoirs "Something of myself" Kipling admitted, "Many of the students loved the Headmaster for what he had done for them, but I owed him more than all of them put together" [15]. When the seventeen-year-old Kipling started out on his career as a journalist in India, he began a correspondence with his old headmaster which lasted until Price's death in 1910. "Stalky and Co.", which Kipling conceived as a tribute to his education at the USC, was dedicated "To the Memory of Cornell Price." Kipling maintained the link with Price's family as unofficial guardian until his death in 1936.

Talking about Kipling's school years, it is necessary to turn to the novel "Stalky and Co". The piece of work is practically unknown in Russia but it has been translated into many languages. Interestingly enough, a German copy of the book was found during WWI by an English officer in Dar-es-Salaam, the capital town of German East Africa. The officer sent the copy to General Dunsterville, Kipling's friend, with a remarkable note: "I was so glad to see the Hun appreciated Kipling, that I kept it" [11, p. 6].

In Britain the book remained the most popular adventure novel about the life of schoolchildren until the publication of the famous saga by J. Rowling on Harry Potter. However, many adult readers and literary critics believe that "Harry Potter" is incomparably worse than the Kipling novel. Stories about the life of teenagers in a closed private school, which R. Kipling published in various magazines in different years, were published by him in the form of a novel "Stalky and Co." in 1899. The book is a collection of short stories united by common characters and setting. The action takes place in a public school in a seaside town on the coast of North Devon. The main characters are Stalky, a charismatic sly fellow, artistic Beetle and McTurk.

The original of Stalky was L. Dunsterville, Kipling's school friend. The prototype of Beetle was probably Kipling himself. McTurk possesses many features of another Kipling's school mate – G. C. Beresford. The trio of boys are constantly making up clever tricks to foil strict teachers or school bullies. At the same time, they behave with honor and arrange real dirty tricks only in self-defense or in defense of others.

The stories have elements of cruelty, violence, bullying, as well as hints of sexuality, which distinguish them from the typical school stories in the works by English authors of that time. Before the publication of "Stalky & Co.", the genre of school prose had already established itself in English literature as a powerful tradition. In the idealized world of school stories, the biggest sin of the character could be an addiction to sweets. It is not surprising that the English reading public was both shocked and outraged by what they read from Kipling [10, p. 25]. Even these days "Stalky & Co." causes negative remarks. The question of violence within the text is one that often focuses this extremity [19].

Meanwhile, the author did not exaggerate anything, he told everything as it was. There was neither fagging nor homosexual relations at the USC but teenage cruelty was common there. The prototype of the main character, L. Dunsterville, in "Stalky's reminiscences" stated: "Although the novel is not historically reliable, it accurately conveys the atmosphere of an educational institution" [10, p. 25]. The same idea Dunsterville expressed in his paper "Stalky's Apologia", published in Kipling Journal in 1945: "Like all good fiction, however, the impression given is not a false one, for it presents a very fair, if highly coloured, picture of actual events" [11, p. 3-4].

The School was like that in Kipling's day and "Stalky & Co." reflected the reality. The atmosphere in the USC differed to that of the typical public school. There were no compulsory parades, uniforms, bands and flags. There was no fagging [18].

At the same time "Stalky & Co" reflects some characteristic features of an average public school. It took boys out of home and subjected them to strict discipline and rule-ridden system of training. The domestic, the feminine, everyday aspects of boys' being were discarded and life was lived in dramatic, highly charged, competitive circumstances where keeping one's end up mattered supremely. Loneliness, lack of comfort, responsibilities, urgencies and decisions that would be part of an administrative or military life in the Empire were all the school life reality. Self-respect, a proud reserve, a decent degree of loyalty, keeping one's mouth shut when necessary: these counted.

The prototype of Stalky, Lionel Dunsterville, is another prominent graduate from the USC. He was born in 1856 into a family whose roots went back to the XIII century. His father and grandfather were officers of high rank – Major Generals, like Lionel Dunsterville himself. In his autobiography, he recalled that because of his father's profession, which involved service in different parts of the vast British Empire, he was deprived of the advantages of childhood in a settled home. Like most boys of his social standing, at an early age – 10 years old – he was taken out of home and sent to the public school.

The future General studied at the United Services College at the same time as Rudyard Kipling. Their lifelong friendship began there. General Dunsterville did not object to the fact that after publication of "Stalky & Co" the nickname "Stalky" was fixed for him and he was strongly associated with Kipling's character. It is noteworthy that Dunsterville called his autobiography « Stalky's reminiscences».

The first years at school were a test for stamina for Dunsterville. Being the youngest and at the same time the smartest, he was a target for bullying by senior students. Cruel tricks, such as holding the boy out of a top-storey window by the ankles, were supplemented by cane blows from teachers as a way of punishing for wrongdoing. The latter was a common and recognized method of punishment in public schools as a way to mold a firm character and masculinity. Dunsterville recalled that in the early years of his studies, his body was always covered with bruises. Kicks and punches did not cause serious bodily injuries, but moral effect was depressing. Some teaching methods were rather cruel as well. Dunsterville recalled the way he was taught swimming: thrown into the deep end and allowed to sink twice [10, p. 34]. However, looking back on his school years General wrote that all this ultimately benefited him: he developed the qualities of character necessary for survival [10, p. 31].

A new stage of the boy's school life began in year three, when he made friends with two schoolmates: R. Kipling and G. Beresford. He wrote that all three were very different, but perfectly complemented each other. L. Dunsterville brought to the company the experience of survival in a severe school environment, R. Kipling with his shrewdness and analytical thinking became the intellectual center of the company, and Beresford added to the company "an extraordinary mature judgement combined with malicious ingenuity." Together they formed "a trio that was very difficult to deal with" [10, p. 25].

Similar descriptions of school years could be found in memoirs by R. Kipling. The writer admitted that he had many trials to go through during his first year. Among many was "persistent bullying which came less from the bigger boys, who merely kicked and passed on, than from young devils of fourteen acting in concert against one butt" [15].

R. Kipling's school life turned for the better after the "Triple Alliance" – Dunsterville, Beresford and himself – was established. Kipling gave Dunsterville credit for "executive capacity, the organisation of raids, reprisals, and retreats" referring to him as "our Commander-in-Chief" and "Chief of his own Staff". The third member of the Alliance, Beresford, with the aesthetic interests, was the study decorator, the acknowledged expert on visual matters.

In addition to the teenage-style adventures, the boys studied hard, read a lot beyond the school curriculum which was focused on ancient classics. Under the guidance of R. Kipling, L. Dunsterville's reading interests shifted from adventure novels to serious literature: J. Ruskin, T. Carlyle, Walt Whitman. All three were fond of Sciences and participated in the activities of Natural History and Debating Societies. Their other common hobby was a Literature Society [10, p. 49]. Cricket and football played an important role in the school life of Dunsterville and Beresford while Kipling was keen on swimming.

Both L. Dunsterville and R. Kipling gave similar descriptions of the rules at the USC. The rules were typical of all public schools at that time. The discipline was strict and punishments for breaking the rules were severe. The use of the cane was essential but, surprisingly enough, the boys accepted their punishment. "We were frequently caned, and bore no grudge on that score, knowing well that we deserved far more than we were getting," Dunsterville admitted. "We did smoke a good deal, and suffered "inconvenience" as a natural result", he wrote. "Inconvenience" meant punishment in a form of mere berating as smoking was not considered a severe offence [11, p. 4].

Colonel H. Tapp mentioned another form of punishment – penal drill. It was also customary to gauge the behaviour of the School by a system of awarding "log marks" for class work and behaviour. Good marks would earn an extra half-holiday [20, p. 10].

An account about the College does not seem complete without a narrative about careers of its graduates. It is interesting to find out how they applied the knowledge, skills and experience acquired during school years to the world of warfare and imperial administration. After graduating from United Services College, the three teenagers' life paths went different directions, although they maintained friendly links throughout their lives. Dunsterville went on to Royal Military College, Sandhurst. Upon graduation he entered the Army, served in India, Waziristan, on the North-West Frontier, in China and rose to the rank of Major-General. During World War I he commanded a Special Force Unit which was named after him "Dunsterforce". The Unit carried out a special mission in the Middle East and the Caucasus region in the 1918.

What was the mission like? On the eve of the War, Great Britain actually controlled the production and refining of oil in Persia. With the outbreak of the War, British interests in the region were threatened by Germany and the Ottoman Empire, which sought to challenge the British monopoly on Persian oil. Despite the fact that the territory of Persia remained away from the major battlefields of the World War I, the country was a strategically important theater of military operations for Great Britain. The British troops stationed in Persia controlled the territory of southern Persia, while the north of the country was controlled by Russian troops. After Russia's withdrawal from the war at the end of 1917, there was a threat of strengthening the Turkey's positions and its allies in Persia and their advance to the Caucasus, to the oil fields of Baku. To remove the threat, a special military unit was formed, called «Dunsterforce» (Dunsterville troops) [22, p. 93-94]. During its 8-month stay in Persia, Dunsterforce strengthened the British position in the country, successfully suppressing anti-British forces with weapons, diplomacy and the pound sterling. However, the Dunsterforce task force failed to protect Baku from capture by the Turks in September 1918 [22, p. 101-105].

Leaving out military aspects of the Dunsterforce in Persia and Baku, I would like to focus on the General's role as the head of the mission. It was during the mission that L. Dunsterville's outstanding personal qualities manifested themselves, due to which he earned the admiration of his colleagues and contemporaries. The General and his Unit faced plenty of obstacles: limited number of soldiers, remoteness from the main bases, hundreds of miles of impassable roads, scarce food and gasoline supplies, brutal weather, hostility of the local population [1]. The circumstances in which L. Dunsterville found himself were similar to the situations in which the characters of Kipling's colonial novels had to act. Major M. Donohue, a member of the Unit, described the General in his memoirs as follows: "Stalky" had no fear of personal danger. He was an optimist who always saw a diamond-studded lining to the blackest of cloud" [6, p. 130].

In Persia, L. Dunsterville found himself among the anti-British population. Acts of sabotage performed by Turkish and German secret agents, intrigues of Persian officials, politicians and businessmen, open hostility of the revolutionary regional authorities: Russian Bolsheviks and Persian nationalists – all were directed against L. Dunsterville and his small Unit, limited in terms of human resources and logistics. Major M. Donohue was convinced that no Insurance Company would have agreed to insure his life “in those dark days when he was in Persia, waiting for the inglorious but picturesque death that the local Democrats so fervently promised him” [6, p.115].

In such a difficult situation, the extraordinary personal attributes of the original of Stalky manifested themselves. The General showed the ability to survive, dexterity and stamina. To this should be added his skills to get along with people. As he always did in a new host country, he started his mission by studying the country. L. Dunsterville and the officers of his Unit studied Farsi, learnt Persian customs and traditions, made acquaintances with local officials, landowners and businessmen. All this helped the British to overcome the hostility of the locals and to ease the problem of supplying Dunsterforce with food and gasoline [8, p. 62–64; 92–97].

Summerising his efforts to gain the support of the local population, L. Densterville wrote in a letter dated May 18, 1918: “Being practically without troops my weapons have been propaganda, winning over leaders by personal methods. All of these have been successful and have resulted in turning the inhabitants of this district from an attitude of hostility to one of marked friendliness” [8, p. 119-120].

L. Dunsterville ended his military career in India, where he was transferred in 1918 after the Dunsterforce mission. Two years later, in 1920, the General retired and devoted himself to literature. Possessing an undoubted literary talent, power of observation and a dry sense of humor, Dunsterville succeeded in the literary field. In 1920, his memoir about the mission in the Middle East and Caucasus was published under the title “The Adventures of Dunsterforce”. The book contains maps, photographs and original documents, which makes it a valuable historical source. It is worth mentioning that 100 years after the first publication of “The Adventures of Dunsterforce” the book was translated into Russian [1]. It has not lost its significance in the UK as well: in 2007 it was republished as an important source for studying the little-known British military campaign of the First World War [9]. The second book of the General's memoirs, “Stalky's reminiscences”, covers his biography up to his retirement in 1920. This is not only a historically reliable work, but also a wonderful piece of literature, which has artistic merits due to colorful descriptions of places, vivid portrait characteristics of people with whom he happened to meet, and excellent language.

Dunsterville valued his life-long association with Kipling. Over the years he amassed a collection of letters and documents relating to his school days and his school friendships. Dunsterville was a joint founder and first President of the Kipling Society, inaugurated on 4 February 1927. In an article “Kipling's Schooldays” published in the first issue of the Kipling Journal in 1927, he wrote, “I have never met anyone who revealed future greatness so clearly as did Kipling. At the age of twelve his literary future was already in flower. Merely to say that he was deeply read would be inadequate. He had already moved off the main road of academic reading into curious and learned bypaths of letters” [12, p. 17].

As for R. Kipling, on graduation from the USC in 1882 he worked India as a journalist. During the Boer War in 1899 Kipling spent several months in South Africa. In 1902 he returned to England. His autobiography “Something of Myself” was written in 1936, half a year before his death, and came out in 1937.

The third member of the “Triple Alliance”, Beresford, also served the Empire. On leaving the USC in 1882 he went on to the Royal Indian Engineering College. He worked in India as a civil engineer. Due to health problems he had to leave India and returned to England. The rest of his life Beresford devoted to art, in which he achieved popularity. His images of British celebrities were published in many English papers and magazines.

G. C. Beresford wrote autobiography “Schooldays with Kipling” with a preface by L. Dunsterville, and published it in 1936. According to the critics, the memoirs are not of great value [13].

The School, which brought up such extraordinary personalities, closed in 1903 due to financial difficulties. Its students were absorbed by St Mark's School, Windsor. That was soon renamed as Imperial Service College, which in 1942 merged with Haileybury College, existing to this day.

Results. The analysis of the historical sources and literature lead to the following conclusions. Despite rather a short history, the United Services College provided the country with a large number of military and civil personnel. All in all, 468 graduates joined the British Army, nearly all served throughout the Empire. 198 graduates joined the Indian Army, 51 did service in the Royal Navy and associated forces, 308 USC's graduates worked abroad in civil organizations, often in Colonial Service [21, p. 24]. Some “Old Boys” reached high ranks of Admiral or General. During World War I USC's graduates earned numerous awards and decorations. Many of them died in the war. It is known that nine members of the 1911 USC rugby team died by the end of 1916. Among fatal War casualties of USC's graduates were two Generals: H. I. W. Hamilton and F. A. Maxwell [20, p. 50–57].

The careers the USC's graduates, particularly those of Kipling, Dunsterville and Beresford – provide a remarkable example of the school's capacity to train boys for the future; in Dunsterville's case, a remarkable example of stalkiness in real life.

Литература

1. Данстервилль Л. Британская интервенция в Закавказье. Группа «Данстерфорс» в борьбе за Бакинскую нефть в 1918 году: монография. М: Центрполиграф, 2020. 319 с.
2. Егоров К. Б. Армейский офицерский корпус и имперская политика Великобритании во второй половине XIX века: автореф... дис. кан. ист. наук. СПб: 2000. – 22 с.
3. Шендыгаев Д. И. Военное образование офицеров британской армии и флота на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Брянского госуниверситета. 2018. №3 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennoe-obrazovanie-ofitserov-britanskoj-armii-i-flota-na-rubezhe-xix-xx-vv> (дата обращения: 16.07.2023).
4. Beresford G. C. Schooldays with Kipling. London: Gollancz, 1936. 390 p.
5. Green R. L. Stalky & Co. The general background https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_stalky_background.htm
6. Donohou, M. H. With the Persian expedition. London: E. Arnold, 1919. 276 p.
7. Dubs D. R. Edward Cardwell and the reform of the British Army, 1868–1874: thesis. Omaha: University of Nebraska, 1966. 394 p. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/studentwork/394> (accessed: 26.07.2023).
8. Dunsterville L. C. The Adventures of Dunsterforce. London: E. Arnold, 1920. 323 p.
9. Dunsterville L. C. The Adventures of Dunsterforce. Naval & Military Press Ltd, 2007. 380 p.
10. Dunsterville L. C. Stalky's reminiscences. London: J. Cape, 1928. 298 p.
11. Dunsterville L. C. Stalky's Apologia. Kipling Journal. 1945. Vol. XII. No. 73. P. 3–5. URL: www.kiplingsociety.co.uk (accessed: 05.08.2023).
12. Dunsterville L. C. Kipling's Schooldays (extract). Kipling Journal. 1927, No. 1. P. 17.
13. Green R. L. Stalky & Co. The General background. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_stalky_background.htm (accessed: 26.07.2023).
14. Kipling R. Stalky & Co. URL: <https://www.gutenberg.org/files/3006/3006-h/3006-h.htm> (accessed: 26.07.2023).
15. Kipling R. Something of Myself. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_something_intro.htm (accessed: 05.08.2023).
16. Kipling society. URL: <https://www.kiplingsociety.co.uk/> (accessed: 05.08.2023).
17. Mason Ph. Kipling: The Glass, The Shadow and the Fire. London: J. Cape, 1975. 334 p.
18. Quigly I. Stalky & Co. Introduction. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_stalky_intro.htm (accessed: 26.07.2023).
19. Quigly I. Kipling's school stories. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_scylla_quigly.htm (accessed: 26.07.2023).
20. Tapp H. A. United Services College. A Short Account of Rudyard Kipling's old school. Vol. 1. Aldershot: Gale & Polden, 1933. 59 p.
21. Tapp H. A. United Services College. A Short Account of Rudyard Kipling's old school. Vol. 2. Herts: The Caxto Press, 1960. 57 p.
22. Winegard T. C. 'Dunsterforce: A Case Study of Coalition Warfare in the Middle East, 1918 – 1919. Canadian Army Journal. 2005. Vol. 8.3. P. 93–109. URL: www.conflicts.rem33.com (accessed: 26.07.2023).

References

1. Dansterville' L. British intervention in Transcaucasia. The Dunsterforce group in the struggle for Baku oil in 1918: monograph. Moscow: Tsentrpoligraf, 2020. 319 p. (In Russ.).
2. Egorov K. B. The Army Officer Corps and British Imperial Policy in the Second Half of the 20th Century: thesis. St.Petersburg: 2000. 22 p. (In Russ.).
3. Shendygayev D. I. Military education of British army and navy officers at the turn of the 20th century. Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta = Bulletin of Bryansk State University. 2018;3(37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennoe-obrazovanie-ofitserov-britanskoj-armii-i-flota-na-rubezhe-xix-xx-vv> (data obrashcheniya: 16.07.2023). (In Russ.).
4. Beresford G. C. Schooldays with Kipling. London: Gollancz, 1936. 390 p.
5. Green R. L. Stalky & Co. The general background https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_stalky_background.htm
6. Donohou M. H. With the Persian expedition. London: E. Arnold, 1919. 276 p.
7. Dubs D. R. Edward Cardwell and the reform of the British Army, 1868–1874: thesis. Omaha: University of Nebraska, 1966. 394 p. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/studentwork/394> (accessed: 26.07.2023).
8. Dunsterville L. C. The Adventures of Dunsterforce. London: E. Arnold, 1920. 323 p.
9. Dunsterville L. C. The Adventures of Dunsterforce. Naval & Military Press Ltd, 2007. 380 p.
10. Dunsterville L. C. Stalky's reminiscences. London: J. Cape, 1928. 298 p.
11. Dunsterville L. C. Stalky's Apologia. Kipling Journal. 1945. Vol. XII. No. 73. P. 3-5. URL: www.kiplingsociety.co.uk (accessed: 05.08.2023).
12. Dunsterville L. C. Kipling's Schooldays (extract). Kipling Journal. 1927, No.1. P. 17.
13. Green R. L. Stalky & Co. The General background. URL:https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_stalky_background.htm (accessed: 26.07.2023).
14. Kipling R. Stalky & Co. URL: <https://www.gutenberg.org/files/3006/3006-h/3006-h.htm> (accessed: 26.07.2023).
15. Kipling R. Something of Myself. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_something_intro.htm (accessed: 05.08.2023).
16. Kipling society. URL: <https://www.kiplingsociety.co.uk/> (accessed: 05.08.2023).
17. Mason Ph. Kipling: The Glass, The Shadow and the Fire. London: J. Cape, 1975. 334 p.
18. Quigly I. Stalky & Co. Introduction. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_stalky_intro.htm (accessed: 26.07.2023).
19. Quigly I. Kipling's school stories. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_scylla_quigly.htm (accessed: 26.07.2023).
20. Tapp H. A. United Services College. A Short Account of Rudyard Kipling's old school. Vol.1. Aldershot: Gale & Polden, 1933. 59 p.
21. Tapp H. A. United Services College. A Short Account of Rudyard Kipling's old school. Vol. 2. Herts: The Caxto Press, 1960. 57 p.
22. Winegard T. C. 'Dunsterforce: A Case Study of Coalition Warfare in the Middle East, 1918-1919. Canadian Army Journal. 2005. Vol. 8.3. P. 93–109. URL: www.conflicts.rem33.com (accessed: 26.07.2023).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES

Научная статья
 УДК 347.73:657.6
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.11>

АУДИТОРСКАЯ ПРОВЕРКА ПО ТРЕБОВАНИЮ УЧАСТНИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Екатерина Александровна Бочкарева¹

¹ Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (д. 234, ул. Красных Партизан, Краснодар, 350020, Российская Федерация)
 Доктор юридических наук, доцент
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0579-4423> E-mail: finansyst@mail.ru

Аннотация. Введение. Участники товариществ и обществ нередко сталкиваются с проблемами реализации права на информацию в форме аудиторской проверки, прибегая, после исчерпания досудебных методов урегулирования, к судебной защите. В статье предлагается обоснование истребуемой проверки как обязательной. Аргументируется, что, в условиях обновления законодательства об аудиторской деятельности, происходит расширение круга вопросов, подлежащих выяснению судами при рассмотрении споров о проведении аудиторской проверки. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе решений арбитражных судов по спорам в сфере реализации права на проведение аудита хозяйственного общества его участниками. Правовая идентификация аудиторской проверки по требованию участника хозяйственного общества как обязательной была проведена с использованием метода аналогии и формально-юридического метода. **Анализ.** Основания для проведения аудита хозяйственного общества его участниками устанавливаются нормой федерального закона, императивной по методу правового регулирования, а содержание возникающих правоотношений характеризуется корреспондирующими друг другу требованием проведения аудиторской проверки и обязанностью по ее проведению. Не являясь де-юре обязательным, рассматриваемый аудит является таковым де-факто. Исследуя обстоятельства споров о реализации права на проведение аудиторской проверки, суд последовательно определяет: во-первых, обладает ли истец статусом участника общества, во-вторых, обращался ли он с соответствующим требованием к обществу, и с каким результатом, в-третьих, суд должен убедиться в отсутствии у участника общества признаков злоупотребления правом на получение информации о деятельности общества. Также суд оценивает соблюдение сторонами требований

законодательства об аудиторской деятельности и выполнение ими обязанностей, связанных с проведением аудита. **Результаты.** Аудиторская проверка по требованию участников товариществ и обществ соответствует признакам обязательного аудита. В уточнении нуждается пункт 2 статьи 5 Федерального закона «Об аудиторской деятельности», закрепляющий ежегодность обязательного аудита, путем включения в него иных случаев, предусмотренных федеральными законами. Установлено, что при рассмотрении споров о проведении аудита хозяйственного общества суды руководствуются подходами, сформулированными в документах Президиума ВАС РФ по вопросам предоставления информации участникам хозяйственных обществ. При этом, в условиях обновления законодательства об аудиторской деятельности, судам будет необходимо обращать внимание на соблюдение правил независимости аудиторов и аудиторских организаций, а также оценивать договор об аудите на наличие в нем информации о новом субъекте аудиторских правоотношений – руководителе аудита.

Ключевые слова: аудит, виды аудита, обязательный аудит, законодательство об аудиторской деятельности, аудиторская проверка, участник хозяйственного общества, судебное правоприменение

Для цитирования: Бочкарева Е. А. Аудиторская проверка по требованию участника хозяйственного общества: вопросы правовой идентификации и правоприменения // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 447–452. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 24.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.08.2023.

Research article

AUDIT AT THE REQUEST OF A MEMBER OF A BUSINESS ENTITY: ISSUES OF LEGAL IDENTIFICATION AND LAW ENFORCEMENT

Ekaterina A. Bochkareva¹

¹ North Caucasian branch of the Russian State University of Justice (234, Krasnykh Partizan st., Krasnodar, 350020, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Associate Professor
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0579-4423> E-mail: finansyst11@gmail.com

Abstract. Introduction. Participants in partnerships and societies often face problems in exercising the right to information in the form of an audit, resorting to judicial protection after exhausting pre-trial settlement methods. The article offers a justification for the requested inspection as mandatory. It is argued that in the context of updating the legislation on auditing activities, there is an expansion of the range of issues to be clarified by the courts when considering disputes regarding the exercise of the right to conduct an audit. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of arbitration court decisions on disputes in the area of exercising the right to conduct an audit of a business company by its participants. The legal identification of an audit at the request of a participant in a business company as mandatory was carried out using the method of analogy and the formal legal method. **Analysis.** The grounds for conducting an audit of a business company by its participants are established by a norm of federal law, imperative according to the method of legal regulation, and the content of the emerging legal relations is characterized by the requirement to conduct an audit and the obligation to conduct it corresponding to each other. While not being de jure mandatory, the audit in question is de facto mandatory. Examining the circumstances of disputes regarding the exercise of the right to conduct an audit, the court consistently determines: firstly, whether the plaintiff has the status of a participant in the company; secondly, whether he submitted a corresponding demand to the company, and with what result; thirdly, the court should make sure that a company participant has no signs of abuse of the right to receive information about the activities of the company. The court also evaluates the parties'

Введение. Предпринимательство, как особая сфера экономической деятельности, объективно характеризуется высоким уровнем конфликтности. В этих условиях повышаются требования к системе юридических гарантий, обеспечивающих права участников соответствующих правоотношений, а также минимизирующих негативные последствия возникающих между ними разногласий и споров. Одной из гарантий соблюдения прав субъектов корпоративных и иных предпринимательских правоотношений является право на информацию. Данное право имеет внушительную правовую основу и может быть реализовано в различных формах, одна из которых – это проведение аудиторской проверки [15]. Однако на практике субъекты предпринимательской деятельности – участники товариществ и обществ, нередко сталкиваются с проблемами осуществления указанного права, прибегая, после исчерпания досудебных методов урегулирования, к судебной

compliance with the requirements of the legislation on auditing activities and their fulfillment of responsibilities related to the audit. **Results.** An audit at the request of participants in partnerships and companies corresponds to the characteristics of a mandatory audit. Clause 2 of Article 5 of the Federal Law “On Auditing Activities” needs clarification, which establishes the annuality of mandatory audits by including in it other cases provided for by federal laws. It has been established that when considering disputes regarding the audit of a business company, the courts are guided by the approaches formulated in the documents of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on the provision of information to participants of business companies. At the same time, in the context of updating legislation on auditing activities, courts will need to pay attention to compliance with the rules of independence of auditors and audit organizations, as well as evaluate the audit agreement for the presence of information in it about the new subject of audit legal relations - the head of the audit.

Keywords: audit, types of audits, statutory audit, legislation on auditing activities audit, member of a business company, judicial enforcement

For citation: Bochkareva E. A. Audit at the request of a member of a business entity: issues of legal identification and law enforcement. Humanities and law research. 2023;10(3): 447–452. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.05.2023.

The article was approved after reviewing: 24.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.08.2023.

защите. Сказанное, на наш взгляд, актуализирует исследование правового регулирования и правоприменительных аспектов реализации права на проведение аудиторской проверки по требованию и за счет участника общества.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе решений арбитражных судов по спорам в сфере реализации права на проведение аудита хозяйственного общества его участниками. Основное внимание уделялось постановлением окружных арбитражных судов (рассмотрено более десяти актов). Правовая идентификация аудиторской проверки по требованию участника хозяйственного общества как обязательной была проведена с использованием метода аналогии и формально-юридического метода.

Анализ. В специальной литературе представлено большое количество оснований для классификации видов аудита [23, с. 10–12].

В частности, по отношению к требованиям законодательства выделяют аудит обязательный и инициативный [17, с. 60]. Случаи проведения обязательного аудита легально определяются двумя способами: во-первых, путем перечисления категорий субъектов, в отношении которых должна проводиться обязательная аудиторская проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности – всего 6 категорий [20]; во-вторых – с использованием бланкетной конструкции «в случаях, установленных федеральными законами». В 2023 г., согласно официальной информации Министерства финансов России, установлено 84 вида организаций, для которых проведение аудита является ежегодной обязанностью [3].

Никаких иных видов обязательного аудита актуальная в настоящее время редакция Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (далее – ФЗ «Об аудиторской деятельности») не предусматривает, что позволят научным работникам относить все остальные случаи к инициативному аудиту [17, с. 63].

На наш взгляд, помимо указанных моментов, аудиторская проверка может стать обязательной для предпринимателей и в силу иных обстоятельств. Речь идет об установленных в законодательстве обязанностях одних участников правоотношений провести аудиторскую проверку по требованию других участников. Например, согласно п. 3 ст. 48 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» «По требованию любого участника общества аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности общества проводится аудиторской организацией (индивидуальным аудитором) ...» [19]. Как видим, норма данного пункта имеет императивный характер, что подтверждается формулировкой «аудит проводится».

Таким образом, рассматриваемый аудит можно отнести к обязательному аудиту, определяемому бланкетной конструкцией статьи 5 ФЗ «Об аудиторской деятельности», потому как, во-первых, основания для его проведения устанавливаются нормой федерального закона, во-вторых, содержание возникающих правоотношений характеризуется корреспондирующими друг другу требованием проверки и обязанностью по ее проведению. Такой аудит не относится к периодическому, и его условно можно назвать «обязательным по требованию», в отличие от охарактеризованного выше обязательного ежегодного (периодического) аудита.

Сделанный вывод, на наш взгляд, детерминирует две законодательные инициативы. Первая инициатива касается дополнения п. 2 ст. 5 ФЗ «Об аудиторской деятельности», закрепляющего ежегодность обязательного аудита, указанием на иные случаи, предусмотренные федеральными законами. Вторая инициатива касается сужения

круга субъектов, которые могут быть привлечены для аудита «по требованию», потому как обязательный аудит предписано проводить только аудиторским организациям, но не индивидуальным предпринимателям – аудиторам.

Исследуя обстоятельства споров о реализации права на проведение аудиторской проверки, суд в первую очередь проверяет, обладает ли истец статусом участника общества (этот факт обуславливает право требовать предоставления документов и проведения аудиторской проверки выбранным им аудитором) [14]. Установленный факт имеет двойное значение. Во-первых, он подтверждает право участника общества на истребование документов и проведения аудиторской проверки выбранным им аудитором [14]. Во-вторых, входит в материальное основание иска как факт активной легитимации, позволяющий определить надлежащую сторону по спору [1] и возможность удовлетворения требования истца, обращенного к суду.

Далее суд должен убедиться в отсутствии у участника общества признаков злоупотребления правом на получение информации о деятельности общества [11].

Вопросы, связанные с применением судами законодательства по делам о реализации права на проведение аудиторской проверки, затрагиваются в двух документах Президиума Высшего арбитражного суда РФ – в ранее упомянутом Постановлении от 13 мая 2008 г. № 17869/07 по делу № А32-5962/2007, а также в Информационном письме от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» [2]. В них судебный орган разъяснил положения ст. 48 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», касающиеся проведения проверки по инициативе и за счет участника общества, а также системно изложил вопросы предоставления информации по требованию субъектов корпоративных отношений (права запрашивающих, основания для отказа в предоставлении информации, определение признаков злоупотребления правом, степень конкретизации запрашиваемых документов, и другие).

Суды, как показал анализ принятых решений, активно используют указанные документы. Так, например, Арбитражный суд Московского округа, принимая решение по делу № А40-243321/2020, сослался на постановление Президиума ВАС РФ от 13 мая 2008 г. № 17869/07 и указал, что, в отличие от назначения аудиторской проверки самим обществом, в случае назначения проверки по инициативе и за счет его участника, решение общего собрания участников общества о проведении аудиторской проверки и выборе аудитора не требуется [9].

Изложенные в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144 критерии определения правомерности истребования

у общества документов помогают судам правильно идентифицировать как случаи неправомерного отказа в реализации права участника корпорации на информацию, так и противоположные ситуации злоупотребления правом.

Например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в Постановлении от 07 июля 2021 г. по делу № А03-2189/2020 [7], а Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 18 ноября 2021 г. по делу № А66-9797/2020 [11] сослался на пункты 1 и 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 144, согласно которым «...при реализации своего права на получение информации участники хозяйственных обществ не обязаны раскрывать цели и мотивы, которыми они руководствуются, требуя предоставления информации об обществе, а также иным образом обосновывать наличие интереса в получении соответствующей информации, за исключением случаев, вытекающих из закона» [2].

Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в Постановлении от 30 апреля 2014 г. № Ф08-2638/14 по делу № А32-19369/2013 применил сформулированный в Информационном письме критерий, согласно которому «о злоупотреблении участником правом на информацию может свидетельствовать то, что участник, обратившийся с требованием предоставить информацию, является фактическим конкурентом хозяйственного общества (либо его аффилированным лицом), а запрашиваемая информация носит характер конфиденциальной, относится к конкурентной сфере и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества» [13].

Еще более конкретно сформулировал данную позицию Арбитражный суд Московского округа, констатируя, что «Само по себе наличие в обществе корпоративного конфликта не свидетельствует о правомерности отказа в предоставлении документации, напрямую касающейся деятельности ответчика, участнику общества или о злоупотребление правом участником общества» [8], и указав на обязательность одновременного наличия двух условий – и признака аффилированности лица, и признака потенциальной опасности распространения конфиденциальной информации.

При этом, как подчеркнул указанный суд в другом акте, «бремя доказывания того обстоятельства, что, реализуя право участника на получение информации, предусмотренное Законом об обществах с ограниченной ответственностью, участник злоупотребляет своим правом, возложено на ответчика» [9]. Следовательно, отсутствие в деле доказательств злоупотребления означает добросовестность участника, запрашивающего информацию для проведения аудиторской проверки.

Затрагивая вопрос о доступе участников общества к информации, следует отметить важный вывод, к которому пришел Арбитражный суд Вол-

го-Вятского округа в Постановлении от 25 августа 2020 г. по делу № А43-12712/2019. В частности, он отметил: «локальные документы общества не должны создавать препятствий в осуществлении указанными лицами их прав, фактически затруднять и ограничивать их в принятии решений и получении необходимой информации» [5]. При этом именно общество должно доказать отсутствие у него объективной возможности предоставления аудиторам запрашиваемой информации, а суд рассматривает аргументы стороны и дает им надлежащую правовую оценку [7].

Здесь уместно рассмотреть еще одно дело, касающееся реализации права члена общества на информацию, при разрешении которого было постановлено: «Исполнительный орган общества обязан в установленном законом порядке принимать, хранить и передавать документацию, при этом отсутствие или утрата документации не может являться основанием для прекращения данной обязанности, в этом случае документация подлежит восстановлению.

Общество ошибочно полагает, что ссылка на отсутствие у него истребуемых документов достаточна для отказа в иске» [12].

На наш взгляд, процитированная аргументация является релевантной и для разрешения споров о проведении аудита, в случае, когда речь идет об отказе в предоставлении аудитору необходимых для проверки документов.

Набор обстоятельств, который должен быть установлен и рассмотрен в судебном заседании, предопределяется процедурным содержанием реализации рассматриваемого права, включающим, в том числе, обязательное обращение заявителя к обществу. Так, суду надо выяснить, состоялся ли факт обращения, и с каким результатом, «поскольку в случае удовлетворения требований участника об обязанности общества представить бухгалтерские документы для проведения аудиторской проверки суд в резолютивной части должен указать, какие действия и в какой срок должно совершить общество» [10]. Суды также обращают внимание на степень активности реагирования общества, получившего указанное требование [14].

Участник общества, требующий проведение аудита, а также сам аудитор несут определенные обязанности, выполнение/невыполнение которых является предметом судебной оценки. Например, участник должен предоставить обществу заключенный с аудиторами договор [6], а непосредственно аудитор – документы, подтверждающие его полномочия и компетенцию (квалификационный аттестат аудитора, документ о членстве в саморегулируемой организации аудиторов, документ о полномочиях действовать от имени аудиторской организации) [5].

Таким образом, суды, рассматривая споры о реализации права участника корпорации на проведение аудита, уделяют внимание широкому кругу вопросов, имеющих значение для вынесения правосудного решения. При этом можно предположить расширение круга таких вопросов. Трансформация, которой в последние годы подверглась ФЗ «Об аудиторской деятельности», затронула многие аспекты обязательного аудита [4]. В частности, был уточнен перечень случаев для проведения обязательной аудиторской проверки [22]; обновилась формулировка принципа независимости аудиторов, статус которых стал включать обязанность соблюдать правила независимости аудиторов и аудиторских организаций [21]; перечень субъектов аудиторских правоотношений был дополнен новым участником – руководителем аудита [18].

Результаты. Право на проведение аудита хозяйственного общества по требованию ее участника является формой реализации его права на информацию. Указанному праву корреспондирует предусмотренная ст. 48 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» обязанность общества по проведению аудита. Данное обстоятельство, на наш взгляд, позволяет отнести такой аудит к обязательному и актуализирует вопрос о корректировке правового регулирования аудиторской деятельности.

При рассмотрении споров о проведении аудиторской проверки суды обращаются к положениям, сформулированным в документах Президиума ВАС РФ по вопросам предоставления информации участникам хозяйственных обществ, и устанавливают, является ли истец участником данного общества, обращался ли он ранее с со-

ответствующим требованием к корпорации, и с каким результатом, удостоверяются в отсутствии злоупотребления им правом на информацию.

Трансформация, которой в последние годы подверглась ФЗ «Об аудиторской деятельности», затронула многие аспекты обязательного аудита.

Полагаем, что к перечню обстоятельств, подлежащих выяснению судом при рассмотрении споров о реализации права участника общества на аудит, добавятся (как минимум) еще два момента.

Во-первых, суду необходимо будет обратить внимание на сам факт и достаточность подтверждения участником-истцом соответствия деятельности привлекаемого им аудитора принципу независимости и соблюдения правил независимости аудиторов и аудиторских организаций [16].

Во-вторых, с высокой вероятностью в ситуации спора о правомерности привлечения к проверке той или иной аудиторской организации, суду потребуется дать правовую оценку договора об аудите на наличие в нем информации о руководителе аудита.

Завершая, подчеркнем, что действующее правовое регулирование в целом обеспечивает возможность субъектов предпринимательской деятельности заниматься управлением бизнесом и делами корпоративного сектора либо непосредственно, либо через избранных ими представителей. Но широкое и устойчивое участие субъектов в делах компании во многом будет зависеть от качества судебной защиты их интересов и паритетности взаимоотношений с управляющими органами. В свою очередь, паритетность предполагает возможность получения полной и достоверной информации заинтересованными лицами, а судебная защита должна быть справедливой и эффективной.

Литература

1. Гражданский процесс: учебник / под ред. С. В. Никитина. М.: РГУП, 2022. 582 с.
2. Информационное письмо Высшего арбитражного суда РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // СПС «Консультант Плюс».
3. Перечень случаев проведения обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности за 2022 год (согласно законодательству Российской Федерации) // СПС «Консультант Плюс».
4. Петрова Н. А. Обязательный аудит: новые критерии // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2021. № 2. С. 37–42.
5. Постановление Арбитражного суд Волго-Вятского округа от 25 августа 2020 г. по делу № А43-12712/2019 // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02 июля 2019 г. № Ф03-2584/2019 // СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07 июля 2021 г. по делу № А03-2189/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/BNmWANc5Chgd/> (дата обращения: 03.06.2023).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 апреля 2021 г. № Ф05-7333/2021 по делу № А40-80743/2020 // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 августа 2021 г. по делу № А40-243321/2020 // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27 мая 2020 г. по делу № А55-22641/2019 // СПС «Консультант Плюс».
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 ноября 2021 г. по делу № А66-9797/2020 // СПС «Консультант Плюс».
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07 октября 2019 г. по делу № А32-50768/2018 // СПС «Консультант Плюс».

13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 апреля 2014 г. № Ф08-2638/14 по делу № А32-19369/2013 // СПС «Консультант Плюс».
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 мая 2021 г. № Ф09-3594/21 // СПС «Консультант Плюс».
15. Постановление Президиум Высшего арбитражного суда РФ от 13 мая 2008 г. №17869/07 // СПС «Консультант Плюс».
16. Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций (одобрены Советом по аудиторской деятельности 19 декабря 2019 г., протокол № 51) // СПС «Консультант Плюс».
17. Правовое обеспечение контроля, учета, аудита и судебно-экономической экспертизы / Под общей редакцией В. В. Ершова. М.: Юрайт, 2023. 299 с.
18. Федеральный закон от 02 июля 2021 г. № 359-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5187.
19. Федеральный закон от 08 февраля 1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. С. 785.
20. Федеральный закон от 30 декабря 2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1.
21. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аудиторской деятельности»» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 37.
22. Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 476-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 15.
23. Федоренко И. В., Золотарева Г. И. Аудит. М.: ИНФРА-М, 2022. 281 с.

References

1. Civil process: textbook / ed. by S.V Nikitin. Moscow: RSUL publ., 2022. 582 p. (In Russ.).
2. Information letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 18, 2011 No. 144 «On some issues of the practice of arbitration courts considering disputes regarding the provision of information to participants in business companies». SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus» (In Russ.).
3. A list of cases of mandatory audit of accounting and financial statements for 2022 (according to the legislation of the Russian Federation). SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
4. Petrova N. A. Mandatory audit: new criteria. Aktual'nye voprosy bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya = Current issues of accounting and taxation. 2021; (2):37-42.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of August 25, 2020 in case No. A43-12712/2019. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
6. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of July 2, 2019 in case No. F03-2584/2019. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
7. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of July 7, 2021 in case No. A03-2189/2020. Sudebnye i normativnye akty RF = Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/BNmWANc5Chgd/> [Accessed 03 June 2023]. (In Russ.).
8. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of April 14, 2021 No. F05-7333/2021 in case No. A40-80743/2020. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
9. Resolution of the Moscow District Arbitration Court if August 27, 2021 in case No. A40-243321/2020. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
10. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of May 27, 2020 in case No. A55-22641/2019. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
11. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of November 18, 2021 in case No. A66-9797/2020. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
12. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of October 7, 2019 in case No. A32-50768/2018. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
13. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of April 30, 2014 No. F08-2638/14 in case No. A32-19369/2013. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
14. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of May 31, 2021 No. F09-3594/21. SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
15. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of May 13, 2008 No. 17869/07. Vestnik VAS RF = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2008;(8). (In Russ.).
16. Rules for the independence of auditors and audit organizations (approved by the Auditing Council on December 19, 2019, protocol No. 51). SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
17. Legal support for control, accounting, audit and forensic economic examination / ed. VV Ershov. Moscow: Yurayt, 2023. 299 p. (In Russ.).
18. Federal Law No. 359-FZ of July 2, 2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid». Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021; 27(part I). Art. 5187. (In Russ.).
19. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 «On Limited Liability Companies». Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of legislation of the Russian Federation. 1998;(7). Art. 785. (In Russ.).
20. Federal Law No. 307-FZ of December 30, 2008 «On Auditing Activities». Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009;(1). (In Russ.).
21. Federal Law No. 498-FZ of December 30, 2020 «On Amendments to the Federal Law "On Auditing Activities"». Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021;1(part I). Art. 37. (In Russ.).
22. Federal Law No. 476-FZ of December 29, 2020 «On Amendments to Article 5 of the Federal Law "On Auditing Activities"». Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021;1(part I). Art. 15. (In Russ.).
23. Fedorenko I. V., Zolotareva G. I. Audit. Moscow: INFRA-M, 2022. 281 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.12>

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УПК РФ ОБ ОХРАНЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сергей Николаевич Гонтарь¹Мария Ивановна Третьяк²

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6129-0502> E-mail: gonsernik@gmail.com

2 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1817-1804> E-mail: mariya62@mail.ruАвтор, ответственный за переписку: Гонтарь Сергей Николаевич, gonsernik@gmail.com

Аннотация. Введение. Расследование уголовных дел связано с необходимостью применения мер уголовно-процессуального принуждения. Принуждение и ограничение конституционных прав граждан в различной степени присуще большинству следственных действий. Признавая необходимость применения процессуального принуждения для достижения целей уголовного судопроизводства, обосновывается потребность эффективных мер правового контроля за законностью и обоснованностью применения правоограничительных мер. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе норм Конституции РФ, УПК РФ, а также научных публикаций по исследуемой проблематике российских учёных. Исследование проведено в ретроспективе формирования процессуальных гарантий обеспечения прав и свобод человека в отечественном законодательстве. Проводится сравнительный правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства. **Анализ.** Исследуются вопросы правоприменения, связанные со средствами и способами реализации прав человека в уголовном судопроизводстве. Анализируется каждый из компонентов механизма обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, которые только в своей совокупности функционируют как сбалансированный механизм. Точность, логичность, определенность законодательных предписаний, позволяющих адекватно осуществлять правовое регулирование отношений, являются важными факторами эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Раскрыва-

ется роль прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля в реализации гражданами своих прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. **Результаты.** Проблемы в правовом регулировании уголовно-процессуальных правоотношений и потенциальный риск нарушения прав человека, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования предписаний УПК РФ, практики их применения, которое должно обязательно связано с созданием дополнительных механизмов, направленных на обеспечение конституционных прав и законных интересов участников процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, конституционные права и свободы, уголовно-процессуальное законодательство, предварительное расследование, органы предварительного расследования, следователь, судебное разбирательство, совершенствование, оптимизация, эффективность

Для цитирования: Гонтарь С. Н., Третьяк М. И. Проблемы правовой регламентации и практики реализации норм УПК РФ об охране прав личности в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 453–458. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 20.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 14.07.2023.

Статья принята к публикации: 21.08.2023.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Research article

PROBLEMS OF LEGAL CONSTRUCTION AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION OF THE NORMS OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergei N. Gontar¹Maria I. Tretiak²

1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Assistant Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6129-0502> E-mail: gonsernik@gmail.com

2 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Assistant Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1817-1804> E-mail: mariya62@mail.ru

Abstract. Introduction. Investigation of criminal cases is associated with the need to apply measures of criminal procedural coercion. Coercion and restriction

of constitutional rights of citizens in varying degrees is inherent in most investigative actions. Recognising the necessity of application of procedural coercion to

© Гонтарь С. Н., Третьяк М. И., 2023

achieve the goals of criminal proceedings, the need for effective measures of legal control over the legality and validity of the application of law-restricting measures is substantiated. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation, CPC of the Russian Federation, as well as scientific publications on the investigated problem of Russian scientists. The research is carried out in retrospect of formation of procedural guarantees of ensuring human rights and freedoms in the domestic legislation. The comparative legal analysis of domestic and foreign legislation is carried out. **Analysis.** The issues of law enforcement related to the means and ways of realization of human rights in criminal proceedings are studied. Each of the components of the mechanism of ensuring individual rights in criminal proceedings, which only in their totality function as a balanced mechanism, is analyzed. Accuracy, logicity, certainty of legislative prescriptions, which allow to adequately implement the legal regulation of relations, are important factors in the effectiveness of criminal procedural activity. The role of prosecutor's supervision, departmental and judicial control in the implementation by citizens of their rights and legitimate interests in criminal proceedings is revealed. **Results.** Problems in the legal regulation of

Введение. Конституция России декларирует права и свободы человека высшей ценностью в государстве, а обеспечение их реализации определяют направление развития страны, которое несет ответственность перед своими гражданами. В развитие конституционного положения, статья 6 УПК РФ, определила цели уголовно-процессуальной деятельности, состоящие, с одной стороны, в защите прав и законных интересов граждан и организаций от преступных посягательств, с другой стороны, в защите личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, ограничения ее прав и свобод. Отметим, что вышеуказанные цели уголовного процесса могут быть достигнуты только при условии сбалансированности законных интересов как потерпевшего, так и субъекта уголовного судопроизводства. Невозможно говорить, что цель уголовного процесса достигнута, если нарушенные преступлением права личности будут восстановлены применением недопустимых методов следствия в отношении обвиняемого, принуждаемого к даче признательных показаний с помощью физического насилия и угроз. Актуальность. Уголовный процесс может достичь своих целей только в том случае, если сторона обвинения, выполняющая свои обязанности по объективному установлению всех обстоятельств преступления, проведению расследования в разумные сроки, установлению виновного лица и обеспечению правильного применения уголовных и уголовно-процессуальных норм. Преступник должен быть наказан в соответствии с тяжестью совершенного преступления. Невинные лица не могут быть признаны виновными, осуждены или привлечены к ответственности без достаточных оснований. Лица, вовлеченные

criminal procedural legal relations and the potential risk of violation of human rights, indicate the need for further improvement of the prescriptions of the CPC of the RF, the practice of their application, which must necessarily be associated with the creation of additional mechanisms aimed at ensuring the constitutional rights and legitimate interests of participants in the process.

Keywords: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, constitutional rights and freedoms, criminal procedure legislation, preliminary investigation, preliminary investigation bodies, investigator, investigation, judicial proceedings, improvement, optimization, efficiency

For citation: Gontar S. N., Tretiak M. I. Problems of legal construction and practice of implementation of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the protection of individual rights in criminal proceedings. Humanities and law research. 2023;10(3): 453–458. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.12>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted: 20.05.2023.

The article was approved after reviewing: 14.07.2023.

The article was accepted for publication: 21.08.2023.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

в уголовный процесс, должны нести уголовную ответственность в соответствии с установленной законом процессуальной формой.

Материалы и методы. Материальной основой при написании статьи являются работы главным образом отечественных исследователей проблем обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве, такие как А. Р. Белкин, А. В. Богданова, А. В. Пиук, С. В. Романов, К. Ю. Сасыкин, А. А. Тарасов, М. В. Химичев. Методологической базой являются исторический, системный, логический и социологический, а также сравнительно-правовой и статистический методы научного познания.

Анализ. Неотделимой частью процессуальной деятельности выступает принуждение, которое прочно ассоциируется с деятельностью правоохранительных органов, ведущих уголовный процесс. Хотя принуждение связано, в первую очередь, с задержанием, применением мер пресечения, так же принуждение ингерентно большинству следственных действий. Использование мер процессуального принуждения – вынужденная мера, без которой невозможно обеспечить нормальный ход расследования, локализовать противодействие расследованию. Природа уголовно-процессуального принуждения такова, что его применение допустимо не только в отношении лиц, подвергнутых уголовному преследованию, но и иных участников расследования, которые, по мнению органов следствия или суда не исполняют возложенные на них законом обязанности. Принуждение присуще не только уголовному судопроизводству, но и другим сферам правового регулирования, но существенное ограничение конституционных прав граждан возможно только в уголовном процессе.

Признавая вынужденную потребность подобных ограничений, тем не менее полагаем, что противовесом должны выступать действенные средства гарантирующие права граждан, вовлеченных в уголовный процесс. Природа, компоненты и внутренняя структура механизма обеспечения прав всегда находились в поле зрения ученых, а непрекращающаяся полемика среди ученых об этом убедительно свидетельствует [2, с. 191–203; 5, с. 132–139; 6, с. 100–112]. Механизм обеспечения прав и свобод человека в уголовном процессе можно назвать эффективным, если он включает следующие взаимосвязанные элементы 1) качественная правовая основа; 2) объект, подлежащий правовой охране; 3) обязанности должностных лиц и органов обеспечить реализацию прав и законных интересов; 4) цель правообеспечительной деятельности; 5) средства и методы обеспечения; 6) ответственность должностных лиц и органов за допущенные нарушения. Когда все элементы объединяются в единое целое, они могут функционировать как сбалансированный механизм и в конечном итоге способствовать реализации целей уголовного судопроизводства.

Особое внимание следует уделить правовой основе правозащитных механизмов в уголовном процессе. Согласно статье 1 УПК РФ, основой уголовно-процессуального законодательства выступают Конституция России, международно-правовые договоры и иные законы России. Особо отмечено, что при конкуренции норм регулирования сходных правоотношений руководствоваться необходимо нормами УПК.

Несомненно, правильная организация при разработке и принятии закона, точность, доступность, логичность, правовая определенность и последовательность расположения его предписаний являются основными факторами, способствующими эффективности уголовного судопроизводства. Однако поспешность в разработке и принятии отдельных правовых актов, при отсутствии в них системного подхода и политической ангажированности их могут привести к серьезным изъянам в их нормативном содержании. Дальнейшее применение уголовно-процессуального закона, содержащего многочисленные предписывающие положения об ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, вмешательстве в личную жизнь и применении мер обеспечения уголовного преследования, создает дисбаланс между уголовным преследованием и защитой от уголовного преследования.

Более двадцати лет назад в России был принят Уголовно-процессуальный кодекс РФ. За почти четверть века его практическое применение выявило многочисленные недостатки системного, структурного, логического и лингвистического характера. Такие отклонения от требований зако-

дательной техники способствуют юридической неполноте отдельных норм уголовно-процессуального права, приводят к различным подходам к их толкованию, вызывают научные споры и порождают противоречия в правоприменении. В частности, только в 2022 г. было принято 22 федеральных закона (!), вносящих изменения в УПК РФ, а за 20 лет его действия их было принято более трехсот. Вносимые поправки не всегда обоснованы, а иногда противоречат внутренней логике УПК РФ. Ярким примером является крайне неудачная конструкция XIII раздела УПК «Производство в суде второй инстанции». Законодатель полностью исключил из текста закона гл. 44 «Апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела», заменив ее главой 451 «Производство в суде апелляционной инстанции», при этом вся глава содержится в ст. 389 с соответствующими «примамми» от одного до тридцати шести. Аналогичная ситуация с главой 471, содержащей по сути семнадцать статей под одним номером, с примечанием от 4011 до 40117. Схожая ситуация с исключением гл. 48 «Производство в надзорной инстанции» и включением гл. 481 «Производство в суде надзорной инстанции». Данные законодательные конструкции не могут быть признаны удачными, так как усложняют правоприменение. В этой связи считаю удачным предписанием (и по конструкции, и по содержанию), закрепленным в пункте 2 статьи 2 УПК Республики Беларусь, в котором говорится о том, что уголовно-процессуальное право призвано формировать в обществе уважение к правам и свободам человека и гражданина, устанавливать социальную справедливость.

Полагаю, обоснованным, на законодательном уровне, определить особый порядок внесения поправок в уголовно-процессуальный закон не чаще чем один или два раза в год, с определенной датой вступления в силу, например – 1 апреля и 1 октября, что позволит сделать отечественное законодательство стабильным, правоприменителям и обычным гражданам проще отслеживать изменения в уголовно-правовом законодательстве, сформировать единообразную практику его применения.

Обязанность и ответственность соблюдения надлежащей процессуальной формы расследования, обеспечения прав и свобод участников процесса лежит на должностных лицах, уполномоченных законом на уголовное преследование, а также органах, реализующих функции надзора и контроля за процессуальной деятельностью. В состязательном процессе функции обвинения и защиты разделены и возложены на разные органы и должностные лица (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). В своем содержании данная норма противоречит ч. 1 ст. 11 и ч. 2 ст. 16 УПК РФ, требующая от стороны обвинения разъяснять участникам стороны защиты их права, обязанности и ответственность

и обеспечить возможность осуществления этих прав, так как данные действия направлены на защиту прав данных участников процесса, а, следовательно, сторона обвинения выполняет функции защиты, что также недопустимо. Налицо несогласованность и противоречивость норм.

Провозглашая принцип состязательности в Конституции РФ (ч. 3 ст. 123) и реализуя это конституционное положение в УПК РФ (ст. 15), законодатель забыл, или умышленно отказался от равноправия сторон. Видимо понимая, что никакого равноправия сторон в существующей правовой модели российского уголовного процесса нет и быть не может. Равноправие сторон в состязательной модели должно предоставлять равные возможности в расследовании, собирании доказательств, что в УПК никоим образом не реализовано. Сторона защиты фактически исключена из процесса сбора доказательств. Возможность стороны защиты влиять на доказательственный процесс заявлением ходатайств нивелируется правом обвинения эти ходатайства отклонять, а в худшем сценарии оценивать эту деятельность как противодействие расследованию, что открывает широкие возможности для применения стороной обвинения мер принуждения к своим оппонентам.

Провозглашенный законодателем принцип состязательного процесса реализован в нормах УПК РФ крайне неэффективно, так как законодатель не счел нужным наделить стороны равными правами в сфере собирания и исследования доказательств, которые уравновесили бы последствия, связанные с отказом от принципа всесторонности, полноты и объективности расследования, вследствие этого не позволяет нам рассматривать состязательность, как средство обеспечения прав личности.

В действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ (в отличии УПК РСФСР 1960 г.) отсутствуют требования к стороне обвинения об объективности расследования, выявлению как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого доказательств. Приведенные выше правовые нормы вполне очевидно свидетельствуют, что объективность и всесторонность расследования, не является необходимым условием предварительного расследования, что явно противоречит здравому смыслу и ни коим образом не помогает обеспечить права участников уголовного судопроизводства. Нельзя не согласиться с Р. В. Романовым, о том, что «отсутствие в УПК РФ требования всесторонности, полноты и объективности расследования привел к тому, что положение подозреваемого и обвиняемого по сравнению с УПК РСФСР ухудшилось» [4, с. 18-37]. Все это свидетельствует о существенном обвинительном уклоне уголовно-процессуальной деятельности в ее нынешней правовой интерпретации.

Если исходить из понимания того, что объективность расследования, это основа, без которой не под силу достижение его назначения, то, как минимум лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование следует исключить из стороны обвинения, однозначно и прямо закрепив в законе их обязанность объективно и всесторонне расследовать все обстоятельства совершенного преступления. Это решение потребует фундаментального пересмотра процессуального статуса большинства участников процесса и концепции состязательной модели в целом. Если оставаться на прежних позициях и отказываться от структурных изменений, то стоит признать, что участники стороны обвинения не должны обеспечивать реализацию права на защиту обвиняемого (подозреваемого), возложив эту обязанность на самих подсудимых (подсудимых) и их защитников. Последнее решение, безусловно, усугубит ситуацию с правами человека, обезценит конституционное положение о личности, как высшей ценности в государстве.

Однако, следует признать абсурдность вывода о том, что должностные лица, ведущие расследование уголовного дела, являясь стороной обвинения, должны сосредоточиться исключительно на доказывании виновности обвиняемого, игнорируя все обстоятельства в защиту его интересов. Подобное положение вещей превратило бы уголовный процесс из средства защиты прав граждан в репрессивную машину, что, безусловно, недопустимо.

Сама логика познавательной деятельности следователя в рамках уголовно-процессуального производства направлена на установление обстоятельств криминального события в том объеме, в котором это необходимо для правильной юридической оценки события, которая невозможна, если обстоятельства дела установлены не объективно. В соответствии с действующей законодательной конструкцией, познание события преступления вменено в обязанность должностных лиц, ведущих производство, а иные участники весьма ограничены в получении доказательств, что делает сложным или даже невозможным устранение ошибок расследования, восстановление утраченных доказательств.

Следовательно, отнесение дознавателя и следователя к стороне обвинения обусловлено его функцией в уголовном процессе, реализация которой не только не противоречит необходимости полного, всестороннего и объективного расследования, но и является обязательным условием этой деятельности, что необходимо прямо закрепить в тексте УПК РФ.

Изложенное достоверно свидетельствует, что отказ законодателя от нормативного закрепления в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ требования всесторонности, полноты и объ-

ективности расследования обстоятельств дела является ошибкой. Всесторонность, полнота и объективность расследования – важнейшее условие достижения назначения уголовного судопроизводства, которое следует прямо указать в гл. 2 УПК РФ, дополнив ст. 6 УПК РФ, вменив это в обязанность органов расследования, прокуратуры и суда. Состязательная модель российского уголовного процесса не противоречит обязанности стороны обвинения всесторонне, полно и объективно расследовать уголовное дело.

В контексте обозначенной проблематики интересно обратиться к опыту правового регулирования зарубежных стран. Так статья 10 УПК Республики Беларусь закрепляет обязанность судов, органов прокуратуры защищать права и свободы участников процесса, своевременно принимать меры по удовлетворению их законных требований и обеспечению реализации их прав. Это один из основных принципов УПК Республики Белоруссии. Что касается средств и способов обеспечения прав и законных интересов, рассматриваемых в контексте единого механизма, описанного выше, то их можно обозначить как полномочия лиц, ведущих процесс, направленные на обеспечение прав участников процесса. Надлежащее правовое обеспечение, уголовное преследование лиц, совершивших преступления, наличие институтов прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля являются гарантией обеспечения прав граждан в уголовном процессе. Одним из результатов правовой реформы в России явилось расширение юрисдикции суда на досудебных стадиях. Сегодня функция судебного контроля является частью общих функций правосудия, а не самостоятельной функцией суда в уголовном процессе. Полагаю, следует рассмотреть вопрос о возможности выделения этой функции в качестве самостоятельной, с возложением обязанности на конкретную судью. Это позволило бы законодателю ввести нового участника уголовного процесса – следственного судью, с функцией судебного контроля. Не секрет, что оценка следственной работы имеет не только качественные, но количественные показатели, что безусловно влияет на объективность должностных лиц органов расследования и создает предпосылки для их прямой заинтересованности в исходе дела. Только судья, будучи свободным от ведомственного давления, не связанный цифровыми показателями работы, может быть объективен в правовой оценке деятельности органов дознания и следствия. Следственный судья – это судья первой инстанции, наделенный полномочиями судебного контроля за обеспечением прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства в пределах, предусмотренных УПК. Судья также должен отвечать за рассмотрение ходатайств о проведении следственных действий (которые

могут быть осуществлены только на основании постановления суда), о применении мер пресечения для обеспечения уголовного судопроизводства. В особую группу полномочий следственного судьи, возможно включить работу с жалобами на решения, действия или бездействие органов досудебного производства или прокурора на этапе предварительного расследования.

Среди других полномочий следственного судьи можно выделить полномочия, направленные на обеспечение процессуальных прав субъектов уголовного процесса: рассмотрение отводов на предварительном следствии, вопросы признания доказательств недопустимыми и их исключения из процесса.

Вопрос введения в уголовный процесс такой самостоятельной процессуальной фигуры, как следственный судья не является новацией. Данный вопрос уже давно в поле зрения ученых процессуалистов [3, с. 24 – 28; 1, с. 16 – 27; 7, с. 26–29], однако внимания со стороны законодателя так и не получил.

Правовое закрепление персональной ответственности должностных лиц за качество, своевременность и объективность расследования выступает важным элементом защиты прав участников уголовного правосудия. Однако УПК РФ, детализируя права и обязанности субъектов расследования, фактически оставил без внимания вопрос их ответственности за нарушения процедуры производства и прав участников уголовного судопроизводства. Это конечно не означает, что закон позволяет субъектам расследования поступать незаконно и нарушать закон безнаказанно. Законодатель интерпретировал ответственность органов расследования за допущенные нарушения через некоторые юридически значимые последствия, связанные с отменой необоснованных или незаконных постановлений органов расследования, признанием и исключением из процесса доказывания недопустимых доказательств, возвращением уголовного дела для устранения нарушений закона, отстранением должностных лиц от дальнейшего расследования, в случае существенных нарушений требований закона и некоторые другие.

Уголовно-процессуальная ответственность должностных лиц органов расследования наступает за ненадлежащее исполнение ими своих процессуальных обязанностей, совершение действий или принятие решений, вопреки требованиям закона, что повлекло (или могло повлечь) негативные последствия для расследования, при условии что прокурор и соответствующие руководители подразделений следствия или дознания проявят достаточную внимательность при анализе уголовных дел, находящихся в производстве подчиненного сотрудника, а также принципиальность, в случае выявления нарушений. Но, последнее вызывает неко-

торые сомнения, учитывая единую ведомственную принадлежность и выполняемые процессуальные функции стороны обвинения, что является еще одним аргументом в пользу введения в процесс следственного судьи.

Считаем, что законодателю следует прямо закрепить в тексте уголовно-процессуального закона норму об ответственности следователя (дознателя) за незаконность и необоснованность совершаемых действий и принимаемых решений, а также разработать правовой механизм персональной ответственности должностных лиц за результаты своей работы.

Результаты. Следовательно, только в неразрывном единстве правозащитные элементы могут работать как сбалансированный механизм и способствовать решению задач уголовного правосудия. Безусловно, вопросы обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве сложны и многогранны, требующие проведения нескольких всесторонних, глубоких специальных исследований различных их аспектов. В нашем же случае обозначенные задачи решались с учетом внесенных в последнее годы противоречивых изменений уголовно-процессуального закона и соответственно в связи со складывающейся современной практикой правоприменения. Как отмечалось выше, проблемы в правовом

регулировании уголовно-процессуальных правоотношений и потенциальный риск нарушения прав человека, не могут не свидетельствовать о необходимости дальнейшего совершенствования предписаний УПК РФ, практики их применения, которое должно обязательно связано с созданием дополнительных механизмов, направленных на обеспечение конституционных прав и законных интересов участников процесса.

Возможность правовой защиты личности от произвола чиновников и обеспечение ее конституционных прав зависит от того, насколько быстро государство реагирует на запросы общества. В действительности же правоприменительная уголовно-процессуальная юриспруденция оторвана от законодательного процесса. Многие из существующих в теории уголовного процесса предположений по реформированию уголовно-процессуального законодательства остаются вне сферы внимания законодателя. Однако при этом всегда следует учитывать, что достижение целей уголовного судопроизводства возможно только при условии обеспечения конституционных прав и законных интересов различных участников процесса. Защита от произвола и гарантии равного доступа к правосудию являются краеугольными камнями досудебного и судебного производств.

Литература

1. Белкин А. Р. Следственный СУДЬЯ или СЛЕДСТВЕННЫЙ судья? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 16–27.
2. Богданова А. В. Процессуальные гарантии прав лиц, пострадавших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 191–203.
3. Пиук А. В. «Следственный судья» или «судебный следователь»: какая реформа нам нужна? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 24–28.
4. Романов С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 1. С. 18–37.
5. Сасыкин К. Ю. О необходимости усиления конституционно-правовых гарантий на доступ к уголовному правосудию // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 132–139.
6. Тарасов А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 100–112.
7. Химичев М. В. Судебный следователь и следственный судья как взаимодополняющие институты: отечественный и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 26–29.

References

1. Belkin A. R. Investigative JUDGE or Investigative Judge? Uголовное sudoproizvodstvo = Criminal Justice. 2015;3:6-27.
2. Bogdanova A. V. Procedural guarantees of the rights of victims of crimes at the stage of initiation of a criminal case. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law. 2022;12:191–203.
3. Piyuk A. V. «Investigative Judge» or «Judicial Investigator»: which reform do we need? Uголовnaja justicija = Criminal Justice. 2014;2(4):24-28.
4. Romanov S. V. Requirement of comprehensiveness, completeness and objectivity of investigation of circumstances of a case as a necessary condition of preliminary investigation. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11: Pravo. = Vestnik of Moscow University. Series 11: Law. 2008;1:18-37.
5. Sasykin K. Yu. About necessity of strengthening of constitutional-legal guarantees on access to criminal justice. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of the Russian law. 2022;11:132-139.
6. Tarasov A. A. Rational and Irrational in Discussions on the Development of the Russian Criminal Process. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law. 2023;3:100-112.
7. Khimichev M. V. Judicial investigator and investigative judge as complementary institutions: domestic and foreign experience. Mezhdunarodnoe uголовnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija = International Criminal Law and International Justice. 2022;2:26-29.

Научная статья

УДК 342.94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.13>

ПРИНЦИП ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ СЛУЖЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Римма Евгеньевна Маршанкулова¹¹ Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, ул. Чернышевского Н.Г., Саратов, 410056, Российская Федерация)

Соискатель

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3333-2645> E-mail: rimmamarsh@gmail.com

Аннотация. Введение. Статья посвящена выявлению особенностей проявления принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность и определению его места в системе принципов государственной службы. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе анализа существующих в науке позиций относительно определения термина «принцип государственной службы», классификации принципов государственной службы и особенностей правового закрепления принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность в системе принципов построения и функционирования системы государственной службы. **Анализ.** Выявлению особенностей принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность и определению его места в системе принципов государственной службы в юридической науке не уделяется достаточного внимания. Не сформулировано теоретическое и нормативное определение данного принципа. Законодательство о государственной службе, закрепляя рассматриваемый принцип, не раскрывает его определения и не конкретизирует форм его выражения. **Результаты.** Рассмотрение содержания положений нормативных правовых актов позволило сделать вывод о том, что принцип

защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность представляет собой закрепленное в нормах законодательства о государственной службе, а также вытекающее из их содержания руководящее начало, направленное на обеспечение интересов государственной службы посредством недопущения неправомерного влияния государственных органов, должностных лиц, физических и юридических лиц на исполнение государственным служащим своих должностных обязанностей.

Ключевые слова: неправомерное вмешательство, коррупция, государственная служба, правовая защищенность, принцип права, конфликт интересов, система

Для цитирования: Маршанкулова Р. Е. Принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность в системе принципов построения и функционирования системы государственной службы // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 459–465. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2023.

Статья принята к публикации: 21.08.2023.

Research article

THE PRINCIPLE OF PROTECTING CIVIL SERVANTS FROM UNLAWFUL INTERFERENCE IN THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES FOR THE CONSTRUCTION AND FUNCTIONING OF THE CIVIL SERVICE SYSTEM

Rimma E. Marshankulova¹¹ Saratov State Law Academy (104, Chernyshevsky N.G. st., Saratov, 410056, Russian Federation)

Applicant

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3333-2645> E-mail: rimmamarsh@gmail.com

Abstract. Introduction. The article is devoted to identifying the features of the manifestation of the principle of protecting civil servants from unlawful interference in their professional service activities and determining its place in the system of principles of public service. **Materials and methods.** The study is

based on an analysis of the positions existing in science regarding the definition of the term “principle of public service”, the classification of the principles of public service and the features of the legal consolidation of the principle of protecting civil servants from unlawful interference in their professional activities in the system

of principles for the construction and functioning of the public service system. **Analysis.** Sufficient attention is not paid to the identification of the features of the principle of protecting civil servants from unlawful interference in their professional service activities and determining its place in the system of principles of public service in legal science. The theoretical and normative definition of this principle has not been formulated. Legislation on public service, fixing the principle under consideration, does not disclose its definition and does not specify the forms of its expression. **Results.** Consideration of the content of the provisions of regulatory legal acts led to the conclusion that the principle of protecting civil servants from unlawful interference in their professional activities is a guiding principle enshrined in the norms of the legislation on public service, as well as the guiding principle arising from their content, aimed at ensuring the interests of the public

Введение. Как правовой институт, государственная служба представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих комплекс однородных общественных отношений, возникающих в связи с государственной организацией служебной деятельности и практической реализацией компетенции государственных служащих [1, с. 125]. В обеспечении организации и функционирования государственной службы важная роль принадлежит правовым принципам, общий перечень которых закреплен в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Закон № 58-ФЗ) [12].

Следует отметить, что принципы имеют ключевое значение в обеспечении эффективного функционирования института государственной службы, поскольку они обуславливают специфику правового регулирования государственно-служебных отношений, направления реализации компетенции, задач и функций государственных органов, полномочий государственных служащих. Однако, несмотря на признание важности принципов государственной службы для надлежащего функционирования данного правового института, в юридической науке до настоящего времени не выработано единой позиции ученых относительно теоретического понимания термина принцип «государственной службы».

Материалы и методы. Исследование построено на основе анализа существующих в науке позиций относительно определения термина «принцип государственной службы», классификации принципов государственной службы и особенностей правового закрепления принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность в системе принципов построения и функционирования системы государственной службы.

Анализ. Б. Н. Габричидзе и А. Г. Чернявский рассматривают принципы государственной службы в качестве «основополагающих черт и особенностей, существенных характеристик государственной службы» [2, с. 125].

service by preventing unlawful influence of state bodies, officials, individuals and legal entities on the performance by civil servants of their official duties.

Keywords: improper interference, corruption, civil service, legal security, principle of law, conflict of interest, system

For citation: Marshankulova R. E. The principle of protecting civil servants from unlawful interference in their professional activities in the system of principles for the construction and functioning of the civil service system. *Humanities and law research.* 2023;10(3): 459–465. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.13>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.05.2023.

The article was approved after reviewing: 18.07.2023.

The article was accepted for publication: 21.08.2023.

По мнению Н. М. Казанцева, принципы государственной службы – это «законодательно установленные и реализуемые в практике государственной службы основополагающие начала (научные положения), правовые установления и формы осуществления государственной службы» [3].

Ю. Н. Стариков определяет принципы государственной службы как основополагающие идеи, установления, выражающие объективные закономерности и определяющие научно обоснованные направления реализации компетенции, задач и функций государственных органов, полномочий государственных служащих, действующие в системе государственной власти и, в частности, в системе государственной службы [11, с. 78].

Общей чертой приведенных позиций исследователей выступает рассмотрение принципов государственной службы в качестве основополагающих черт, начал, идей, установлений, выражающих сущность правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Однако следует отметить, что рассмотрение принципа государственной службы лишь в качестве идеи, выраженной в содержании правовых норм, не позволяет в полной мере отразить его сущность как регулятора общественных отношений. В связи с этим представляется обоснованной позиция тех ученых, которые рассматривают принципы как требования, предъявляемые к содержанию правовых норм.

Так, по мнению В. М. Манохина, принципы государственной службы – это требования, которые обязательны для всех лиц и организаций, которые в той или иной степени имеют отношение к ней. Такие принципы распространяются на все виды государственной службы и являются всеобщими в рамках ее системы, охватывая все организационные, правовые и иные стороны, из которых складывается содержание государственной службы [1, с. 135].

Как считает А. В. Куракин, принципы государственной службы необходимо рассматривать как нормативно закрепленные основополагающие предписания, которые касаются ее организации и прохождения [4].

Таким образом, принцип государственной службы представляет собой закрепленное в нормах права или вытекающее из их содержания руководящее начало, определяющее специфику нормативного регулирования государственно-служебных отношений.

Вплоть до конца XX века перечень принципов государственной службы не был прямо закреплен в законодательных актах. Представление об особенностях таких принципов, их классификации и взаимосвязи, выступало предметом отечественной административно-правовой науки. В дальнейшем был принят Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [15], закрепивший перечень принципов государственной службы. Данный акт в настоящее время утратил силу. Действующий Закон № 58-ФЗ в статье 3 закрепляет перечень принципов построения и функционирования государственной службы, однако не делит такие принципы на отдельные категории.

Отдельные исследователи выделяют большее количество принципов по сравнению с закрепленным в Законе № 58-ФЗ перечнем. При этом такие принципы в теории разграничиваются на принципы деятельности государственных служащих и принципы ее правового регулирования. Первые имеют отношение непосредственно к осуществлению государственными служащими своих должностных обязанностей, а вторые – к построению государственной службы как правового института.

В юридической науке также встречается классификация принципов государственной службы на конституционные и организационные принципы. Такое разграничение основано на той логике, что ряд принципов развивает положения Конституции РФ и направлены на обеспечение реализации функций государства, закрепленных в ней. Однако представляется, что разграничение принципов государственной службы на принципы ее построения и функционирования позволяет наиболее полно отразить ее двойственную специфику как правового института и особого вида профессиональной служебной деятельности граждан Российской Федерации.

Государственная служба как правовой институт требует определенной организации, который подразумевает определение правовых оснований, условий и порядка поступления на службу, способов замещения должностей, порядка прохождения службы, основания и порядка прекращения государственно-служебных отношений. Данная организация базируется как на нормах Конституции РФ, так и на нормах федерального и регионального законодательства. Однако нормы института государственной службы реализуются в конкретных административно-правовых отношениях, складывающихся в процессе реализации государственными служащими своих полномочий.

И организация (построение) института государственной службы, и его функционирование, основываются на ряде правовых принципов. Принципы построения государственной службы (организационные принципы) имеют отношение к внешней организации системы государственной службы, а принципы функционирования (функциональные принципы) – непосредственно к деятельности государственных служащих.

Вместе с тем, необходимо отметить, что отдельные принципы из перечня, приведенного в Законе № 58-ФЗ, в равной степени могут быть отнесены как к числу организационных, так и к числу функциональных. Это касается принципа профессионализма и компетентности государственных служащих. В соответствии со статьей 11 Закона № 58-ФЗ, формирование кадрового состава государственной службы обеспечивается развитием профессиональных качеств государственных служащих; оценкой результатов профессиональной служебной деятельности государственных служащих в ходе проведения аттестации или сдачи квалификационного экзамена. Таким образом, данный принцип выражается в организации института государственной службы на основе профессионализма служащих. При этом обозначенный принцип имеет непосредственное отношение к их деятельности, поскольку государственная служба Российской Федерации по своей сущности и в соответствии с законодательной формулировкой представляет собой профессиональную служебную деятельность.

Принцип защиты системы государственной службы и профессиональной служебной деятельности государственных служащих от иностранного влияния, предполагающий в том числе запрет на поступление на государственную службу и пребывание на ней иностранных агентов, также имеет отношение и к формированию государственной службы, и к деятельности государственных служащих, которые в процессе выполнения своих служебных полномочий должны соблюдать обязанности и ограничения, направленные на обеспечение реализации данного принципа.

В число принципов функционирования государственной службы входит защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц.

По справедливому замечанию Е. В. Поздняковой, данный принцип базируется на том положении, что государство, устанавливая правовой статус государственных служащих, обязуется их защищать и соответствующе обеспечивать [10].

Как отмечает В. В. Макаров, рассматриваемый принцип касается механизма функционирования государственной службы, обеспечивая эффективную административную деятельность в рамках внутриорганизационных правоотношений [7].

По мнению А. В. Куракина, названный принцип направлен на обеспечение защиты государственных служащих от влияния на объективность и законность принимаемых ими решений. Кроме того, он способствует предупреждению и пресечению коррупции в системе государственно-служебных отношений [5].

Поскольку Закон № 58-ФЗ закрепляет общий перечень принципов государственной службы, такие принципы, в том числе и рассматриваемый, находят выражение в том или ином проявлении в иных законодательных актах, регламентирующих государственно-служебные отношения.

Так, статья 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон № 79-ФЗ) [19] закрепляет в перечне принципов гражданской службы защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

Статья 4 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [23] закрепляет принцип защиты сотрудников федеральной противопожарной службы от неправомерного вмешательства в их профессиональную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц, и устанавливает, что сотрудник федеральной противопожарной службы в своей деятельности руководствуется законодательством Российской Федерации. Никто не имеет права вмешиваться в законную деятельность сотрудника, кроме лиц, прямо уполномоченных на то федеральным законом.

В то же время ряд иных законодательных актов либо вовсе не содержат перечень принципов государственной службы, либо не указывают в данном перечне принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность. Однако в результате анализа отдельных статей таких актов можно сделать вывод о том, что данный принцип применяется при регламентации государственно-служебных отношений.

Так, Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон № 2202-1) [13] не имеет статьи, закрепляющей перечень принципов государственной службы в органах прокуратуры. Однако статья 5 данного закона устанавливает, что воздействие органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо

форме его деятельности влечет за собой установленную законом ответственность. В свою очередь, прокурор не обязан давать каких-либо объяснений по существу находящихся в его производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления. Неправомерным вмешательством в осуществление прокурорского надзора статья 5 Закона № 2202-1 также признает разглашение материалов проверок, проводимых органами прокуратуры, до их завершения.

Статья 6 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [21] содержит аналогичные формулировки.

Федеральный закон от 30 декабря 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [22] в статье 4 выделяет лишь три принципа службы в органах внутренних дел, в числе которых рассматриваемый принцип не указан. Однако данная статья также устанавливает, что принципы службы в органах внутренних дел реализуются при соблюдении следующих положений: сотрудник органов внутренних дел в своей деятельности руководствуется законодательством Российской Федерации и никто не имеет права вмешиваться в законную деятельность сотрудника; обязательным для сотрудника органов внутренних дел является выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону.

Аналогичные формулировки содержит статья 4 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [24]

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [16] вовсе не закрепляет перечня принципов данного вида службы. Однако в статье 17 указано, что сотрудник таможенных органов обязан выполнять приказы и распоряжения начальников таможенных органов, отданные в пределах их должностных полномочий, за исключением заведомо незаконных.

Перечень принципов военной службы отсутствует и в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [17]. Как следует из статьи 37 данного законодательного акта, командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы (приказания) и распоряжения, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства Российской Федерации.

Таким образом, одним из проявлений рассматриваемого принципа является наличие законодательно установленных гарантий защиты государственных служащих от неправомерных поручений их руководителей.

Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц крайне необходима для обеспечения нормальной деятельности государственных органов, исключения фактов коррупции и принятия незаконных решений [9, с. 43-47]. Поэтому следует сделать вывод о том, что данный принцип имеет значительно более широкую сферу действия, чем регулирование правоотношений между государственным служащим и его руководителем, возникающих в процессе выполнения поручений последнего.

Так, в целях обеспечения осуществления профессиональной служебной деятельности служащих в строгом соответствии с их служебными обязанностями и законодательством предусмотрен ряд ограничений, обязанностей и запретов. Такие ограничения, обязанности и запреты установлены Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) [20], а также законодательством о государственной службе. В числе таковых обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений; обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации для лиц, замещающих должности государственной службы, могут устанавливаться иные запреты, ограничения, обязательства и правила служебного поведения. Следует отметить, что большинство запретов для государственных служащих, установленных статьей 17 Закона № 79-ФЗ и иными законодательными актами, регламентирующими служебные правоотношения в рамках военной службы и государственной службы иных видов, направлены на предотвращение неправомерного вмешательства в деятельность государственного служащего. Кроме того, установленная законодательством внепартийность государственной службы и отделение религиозных объединений от государства также обеспечивает соблюдение принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

В целях предупреждения неправомерного вмешательства в деятельность государственных служащих, которые являются должностными лицами

правоохранительных и контролирующих органов, отдельных категорий военнослужащих и федеральных государственных гражданских служащих, сотрудников органов государственной охраны и иных лиц, осуществляющих функции, выполнение которых может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность, могут применяться меры государственной защиты, предусмотренные соответствующим Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [14]. О том, что такие меры направлены на обеспечение соблюдения принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность, свидетельствует формулировка статьи 1 данного закона, в соответствии с которой данные меры принимаются при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц в связи с их служебной деятельностью.

Наконец, за нарушение принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность предусмотрены меры юридической ответственности: дисциплинарной, административной, уголовной.

Следует также обратить внимание на то, что в юридической литературе рассматриваемый принцип иногда рассматривается в совокупности с принципом правовой и социальной защищенности государственного служащего [8, с. 97]. Ю. Н. Старилов отмечает, что защита государственных служащих представляет собой необходимый элемент определенного стандарта. Данный стандарт подразумевает обеспечение социально-правовых гарантий деятельности государственных служащих, а государство, устанавливая их правовой статус, обязуется их защищать и обеспечивать [12, с. 22].

Однако принцип правовой и социальной защищенности государственного служащего не закреплен в перечне, предусмотренном Законом № 58-ФЗ, в отличие от принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность. Перечень правовых и социальных гарантий государственных служащих устанавливается отдельными статьями законодательных актов, регламентирующих государственно-служебные отношения.

Так, в соответствии со статьей 52 Закона № 79-ФЗ, к таким гарантиям относятся равные условия оплаты труда; право гражданского служащего на своевременное и в полном объеме получение денежного содержания; право на отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности служебного времени, а также иные гарантии.

В числе гарантий правовой и социальной защищенности служащих, предусмотренных статьей 52 Закона № 79-ФЗ, также закреплена защита гражданского служащего и членов его семьи от насилия, угроз и других неправомерных действий в связи с исполнением им должностных обязанностей.

Однако необходимо учитывать, что цели установления правовых и социальных гарантий защиты государственных служащих и принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность не совпадают. Установление правовых и социальных гарантий защиты государственных служащих направлено на обеспечение социальных прав и законных интересов самих государственных служащих. В свою очередь, цель принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность непосредственно связана с обеспечением защиты интересов государственной службы. Такая защита обеспечивается посредством установления

гарантий реализации государственным служащим его должностных обязанностей с исключением постороннего влияния иных лиц на их реализацию. Таким образом, данный принцип имеет публичную направленность.

Результаты. Подводя итог, следует сформулировать определение принципа защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность: принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность – это принцип государственной службы, представляющий собой закреплённое в нормах законодательства о государственной службе, а также вытекающее из их содержания руководящее начало, направленное на обеспечение интересов государственной службы посредством недопущения неправомерного влияния государственных органов, должностных лиц, физических и юридических лиц на исполнение государственным служащим своих должностных обязанностей.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Служебное право. М.: Дашков и К, 2003. 620 с.
3. Казанцев Н. М. Толковый словарь правового содержания понятий государственной службы. М.: РАГС, 1996. 49 с.
4. Куракин А. В. Административно-правовое регулирование принципов государственной гражданской службы РФ // Административное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 38–46.
5. Куракин А. В. Принципы противодействия коррупции и их реализация в сфере внутренних дел // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 1. С. 70–93.
6. Манохин В. М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Юристъ, 1997. 295 с.
7. Макаров В. В. Административно-правовой статус государственного гражданского служащего: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 171 с.
8. Матвеев С. П. Социальная защита государственных служащих: теоретические основы построения системы, практика осуществления и проблемы правового регулирования: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. 213 с.
9. Овсянко Д. М. Государственная служба Российской Федерации: учебное пособие. М.: Юристъ, 2005. 301 с.
10. Позднякова Е. В. К вопросу о толковании некоторых принципов государственной службы Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 4. С. 65–67.
11. Стариков Ю. Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 238 с.
12. Стариков Ю. Н. Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 11–25.
13. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2023. № 1, ч. 1, ст. 39.
14. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.
15. Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. № 31, ст. 2990.
16. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3586; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792.
17. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 24 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1475; 2022. № 39, ст. 6540.
18. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5179.
19. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 7 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2022. № 41. Ст. 6941.
20. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.
21. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15; 2023. № 1, ч. 1, ст. 68.

22. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792.
23. Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2016. № 22, ст. 3089; 2023. № 1, ч. 1, ст. 53.
24. Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2019. № 40, ст. 5488; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792.

References

1. Administrative law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. A.Yu. Sokolov. Moscow: Yuridicheskaya Norma, NIC INFRA-M, 2018. 352 p. (In Russ.).
2. Gabrichidze B. N., Chernyavsky A. G. Service law. Moscow: Dashkov i K, 2003. 620 p. (In Russ.).
3. Kazantsev N. M. Explanatory dictionary of the legal content of the concepts of public service. Moscow: RAGS, 1996. 49 p. (In Russ.).
4. Kurakin A. V. Administrative and legal regulation of the principles of the state civil service of the Russian Federation. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2009;(3):38-46. (In Russ.).
5. Kurakin A. V. Principles of combating corruption and their implementation in the sphere of internal affairs. *Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and investigative activities*. 2015;(1):70-93. (In Russ.).
6. Manokhin V. M. Service and employee in the Russian Federation: legal regulation. Moscow: Yurist, 1997. 295 p. (In Russ.).
7. Makarov V. V. Administrative and legal status of a state civil servant: thesis. St.Petersburg, 2008. 171 p. (In Russ.).
8. Matveev S. P. Social protection of civil servants: theoretical foundations for building the system, implementation practice and problems of legal regulation: monograph. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 213 p. (In Russ.).
9. Ovsyanko D. M. Public service of the Russian Federation: textbook. Moscow: Yurist, 2005. 301 p. (In Russ.).
10. Pozdnyakova E. V. On interpretation of some principles of the public service of the Russian Federation. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. YUridicheskij zhurnal = Gaps in Russian legislation. Legal journal*. 2009;(4)65-67. (In Russ.).
11. Starilov Yu. N. Public service in the Russian Federation: theoretical and legal research: thesis. Moscow, 1996. 238 p. (In Russ.).
12. Starilov Yu. N. What is happening with the institution of the Russian public service? *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2004;(9)11-25. (In Russ.).
13. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (as amended on December 29, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 1995. No. 47, Art. 4472; 2023. No. 1, part 1, art. 39.
14. Federal Law of April 20, 1995 No. 45-FZ "On State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Supervisory Bodies" (as amended on July 1, 2021) in Collection of laws of the Russian Federation. 1995. No. 17. Art. 1455.
15. Federal Law of July 31, 1995 No. 119-FZ "On the Basics of the Public Service of the Russian Federation" (repealed) in Collection of laws of the Russian Federation. 1995. No. 31, art. 2990.
16. Federal Law of July 21, 1997 No. 114-FZ "On Service in the Customs Authorities of the Russian Federation" (as amended on December 5, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 1997. No. 30, Art. 3586; 2022. No. 50, part 3, art. 8792.
17. Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ "On military duty and military service" (as amended on September 24, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 1998. No. 13, Art. 1475; 2022. No. 39, art. 6540.
18. Federal Law of May 27, 2003 No. 58-FZ "On the Public Service System of the Russian Federation" (as amended on July 2, 2021) in Collection of laws of the Russian Federation. 2003. No. 22. Art. 2063; 2021. No. 27 (part I). Art. 5179.
19. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" (as amended on October 7, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 2004. No. 31. Art. 3215; 2022. No. 41. Art. 6941.
20. Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" (as amended on July 31, 2020) in Collection of laws of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228; 2020. No. 31 (part 1). Art. 5018.
21. Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ "On the Investigative Committee of the Russian Federation" (as amended on December 29, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 2011. No. 1, art. 15; 2023. No. 1, part 1, art. 68.
22. Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on December 5, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 2011. No. 49, part 1, art. 7020; 2022. No. 50, part 3, art. 8792.
23. Federal Law of May 23, 2016 No. 141-FZ "On Service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on December 29, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 2016. No. 22, art. 3089; 2023. No. 1, part 1, art. 53.
24. Federal Law of October 1, 2019 No. 328-FZ "On Service in the Compulsory Enforcement Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on December 5, 2022) in Collection of laws of the Russian Federation. 2019. No. 40, art. 5488; 2022. No. 50, part 3, art. 8792.

Научная статья
УДК 343.321/341.481
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.14>

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Надежда Викторовна Мирошниченко¹

Владимир Юрьевич Максимов²

- 1 Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор юридических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2756-2807> E-mail: n01071978@mail.ru
- 2 Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5518-5810> E-mail: maximow26@yandex.ru
Автор, ответственный за переписку: Максимов Владимир Юрьевич, maximow26@yandex.ru

Аннотация. Введение. Юридическое, в частности, уголовно-правовое направление применения в науке компаративного метода является в настоящее время активно развивающимся учением в системе отечественной уголовно-правовой науки. В силу этого, а также в свете происходящих в последние годы фундаментальных сдвигов в мировой политике, влекущих соответствующие по масштабу изменения в системе международного права, актуализируются научные исследования в избранном авторами направлении.

Материалы и методы. Исследование носит предметно-научный характер и осуществлено, в целом, на базе изучения уголовного законодательства зарубежных стран, составляющих основной научный интерес авторов. Работа выполнена с учетом мнений ведущих современных отечественных ученых – специалистов в области уголовно-правовой компаративистики. **Анализ.** Статья представляет собой исследование вопросов, связанных с определением в уголовном праве зарубежных стран одного из базовых понятий уголовно-правовой доктрины – понятия преступления, а также ряда возникающих при этом научных проблем. Сложность сравнительно-правового исследования данного понятия усугубляется отсутствием в ряде правовых систем современности его законодательно-определения. Для преодоления данной проблемы в работе осуществлен анализ понятия преступного деяния, характеризующегося признаками противоправности (противозаконности), вредоносности (общественной опасности), виновности и наказуемости. При этом авторы уделяют повышенное внимание вопросу

криминализации преступного бездействия. Осуществлен историко-правовой анализ смежного с деянием признака причинно-следственной связи. Завершает статью исследование доктринального и законодательного опыта в области классификации преступлений, а также практического значения данного вопроса для принятия решений в области уголовно-правовой оценки совершенных деяний. **Результаты.** Проведенный анализ позволяет авторам сформулировать в итоге ряд обоснованных и заслуживающих внимания выводов компаративного характера.

Ключевые слова: правовая компаративистика, преступление, уголовно-правовое деяние, общественная опасность, противоправность, виновность, уголовно наказуемое деяние, причинно-следственная связь, классификация преступлений, уголовная политика

Для цитирования: Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Понятие преступления и классификация преступлений в уголовном праве зарубежных стран // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 466–472. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.14>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 07.08.2023.

Статья принята к публикации: 21.09.2023.

Research article

THE CONCEPT OF CRIME AND THE CLASSIFICATION OF CRIMES IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Nadezhda V. Miroshnichenko¹Vladimir Yu. Maksimov²

1 Stavropol State Agrarian University (12, lane Zootechnical, Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2756-2807> E-mail: n01071978@mail.ru

2 Stavropol State Agrarian University (12, lane Zootechnical, Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5518-5810> E-mail: maximow26@yandex.ru

Corresponding author: Vladimir Yu. Maximov, maximow26@yandex.ru

Abstract. Introduction. The legal, in particular, the criminal law direction of the comparative method application in science is currently an actively developing teaching in the system of domestic criminal law science. Because of this, and in the light of the fundamental shifts in world politics taking place in recent years, entailing corresponding changes in the system of international law, scientific research in the direction chosen by the authors is being updated. **Materials and methods.** The research is of a subject-scientific nature and is carried out, in general, on the basis of the study of the criminal legislation of foreign countries, which constitute the main scientific interest of the authors. The work was carried out taking into account the opinions of leading modern Russian scientists-specialists in the field of criminal law comparative studies. **Analysis.** The article studies the issues related to the definition in the criminal law of foreign countries of one of the basic concepts of criminal law doctrine – the concept of crime, as well as a number of emerging scientific problems. The complexity of the comparative legal study of this concept is aggravated by the absence of its legislative definition in a number of legal systems of modernity. To overcome this problem, the paper analyzes the concept of a criminal act characterized by signs of illegality (illegality), harmfulness (public danger), culpability and punishability. At the same

Введение. Уголовно-правовая компаративистика, хотя и насчитывает более полутора веков своего существования, является в настоящее время активно развивающейся правовой отраслью. Актуальность отечественным исследованиям в данной области придает динамика развития как российских общества и государства, так и общемировых процессов, одним и ведущих центров которых сегодня является наша страна. События последних лет, связанные, в первую очередь, с происходящими на рубежах России вооруженными и невооруженными конфликтами, с особой остротой поднимают вопросы соотношения правовых систем различных стран и групп стран мира. Одним из непосредственных примеров практической актуализации вопросов соотношения уголовного законодательства соседних стран и их союзов является проблема юридической оценки деятельности государств, их вооруженных сил и отдельных комбатантов в ходе проведения специальной военной операции. В связи с этим

time, the authors pay special attention to the issue of criminalization of criminal inaction. The historical and legal analysis of the attribute of causal relationship related to the act has been carried out. The article concludes with a study of doctrinal and legislative experience in the field of classification of crimes, as well as the practical significance of this issue for decision-making in the field of criminal legal assessment of committed acts. **Results.** The analysis allows the authors to formulate a number of reasonable and noteworthy conclusions of a comparative nature.

Keywords: legal comparativistics, crime, criminal act, public danger, illegality, culpability, criminally punishable act, causal relationship, classification of crimes, criminal policy

For citation: Miroshnichenko N. V, Maksimov V. Yu. The concept of crime and the classification of crimes in the criminal law of foreign countries. Humanities and law research. 2023;10(3):466–472. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.14>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 30.05.2023.

The article was approved after reviewing: 07.08.2023.

The article was accepted for publication: 21.09.2023.

целью настоящей статьи является исследование основных категорий уголовно-правовых систем противостоящих России ведущих западных стран и сравнение их с достижениями отечественной уголовно-правовой науки.

Материалы и методы. Основой методики предлагаемого исследования явился метод юридической компаративистики, который был применен в комплексе с методами формально-правового и исторического анализа. Источниковой базой работы выступило уголовно-правовое законодательство ведущих стран, представляющих англо-американскую и романо-германскую правовые семьи, а также труды современных отечественных ученых в области уголовно-правового сравнительного правоведения.

Анализ. Одним из ключевых понятий любой национальной системы уголовного права является понятие преступления. Однако оно сформулировано не во всех правовых системах стран мира: так, например, определение данного понятия есть в уголовных кодексах отдельных штатов

США (Калифорния, Колорадо, Нью-Йорк и др.) и в ФРГ и отсутствует в законах Великобритании и Франции, где оно формулируется либо в судебных решениях, либо в юридической практике.

Основным признаком любого определения понятия преступления является наличие деяния (об этом, в частности, упоминают М.-Л. Расса, Ж. Левассер, А. Холл, П. Таппен и др. [5]). Остальные его свойства в той или иной комбинации встречаются в разных определениях, это признаки: противоправности, вредоносности (общественной опасности), виновности (в различных вариациях), наказуемости, иногда – наличия состава преступления. При этом ведущим признаком деяния чаще всего является формальный – его противоправность, т.е. запрещенность нормами права. Данный признак был заложен еще классической школой уголовного права («нет преступления без указания на то в законе») и долгое время оставался главным в определении понятия преступления. Однако социологическая школа выработала дополнявшее его учение об опасности преступления, т.е. о нарушении им интересов общества.

В англо-американском уголовном праве в понятие преступления входит, в основном, два элемента (критерия): объективный («актус реус») и субъективный («менс реа») [1]. Например, по УК Калифорнии, «должно быть единство и взаимодействие деяния и намерения его совершить или правовой небрежности». Таким образом, первый критерий («актус реус») означает добровольный акт (действие или бездействие), причинившее какой-либо вред или создавшее угрозу его причинения. «Менс реа» (буквально – «виновный дух») – это категория, близкая по значению виновности; однако оно может выражать и какой-либо вид вины (в том числе, заранее возникший умысел), и способ совершения преступления (например, обманный), и т. д.

Вина как таковая не считается обязательным признаком преступления, т.е. признается возможность преступлений т.н. «строгой», «абсолютной» ответственности. Особенность англо-американской системы права в том, что ряд преступлений считаются таковыми и без установления в деянии лица его вины, таким образом, в законодательных актах этих стран закреплена возможность объективного вменения. Например, Г. Купер считает, что вопрос о возможности привлечения лица к ответственности без вины – вопрос не права, а уголовной политики, зависящий от состояния общества в данный период [2].

Что касается признака противоправности («легальности»), то преступлениями здесь объявляются те деяния, которые противоречат нормам не закона, а права вообще, общего права, в т. ч. и судебной практике. Кроме прочего, такой путь ведет к применению в уголовном праве аналогии, что

и провозглашается в научных трудах по английскому уголовному праву для категории нетяжких преступлений. Это, в свою очередь, фактически приводит к объявлению судами новых видов преступлений. США отходят от данного принципа: так, по федеральному законодательству страны уголовная ответственность может быть возложена на лицо только на основании закона.

Признак вреда понимается британскими и американскими правоведами по-разному: одни говорят о вреде вообще, другие – о вреде юридическом (норме права), третьи – о вреде обществу. С другой стороны, одни авторы подразумевают под вредом сам факт совершенного противоправного деяния (формалистическое направление), другие – его неблагоприятные последствия (реалистическое направление). Под последними понимают вред: справедливости и правопорядку, жизни, свободе, чести, финансам, общественной безопасности, общему прогрессу, приватности частной жизни и т. д.

Во Франции, как и в Великобритании, отсутствует единое понятие преступления, и даже нет единства мнений о том, что считать его основными признаками. Некоторые авторы называют в качестве таковых два: материальный и законодательный, другие – материальный и психологический, третьи – только материальный, и т. д.

В немецкой правовой доктрине сосуществует два понятия: в уголовном процессе – просто «деяние», в уголовном праве – «преступное деяние». § 11 УК ФРГ гласит: «Противоправное деяние – только такое, которое осуществляет состав преступления, предусмотренный уголовным законом» [6]. Т. Ленкнер выделяет три признака преступления: соответствие составу, противоправность и виновность [3]. Таким образом, основной признак преступности деяния – соответствие его составу преступления (Tatbestand). Составы бывают: простого совершения, простые, конкретной опасности, абстрактной опасности, с последствиями, квалифицированными.

Деяние может проявляться в формах как действия, так и бездействия, но действие обязательно должно быть осознанным, а бездействие может быть и неосознанным – главное, чтобы лицо осознавало возможность действовать указанным в законе образом и имело такую возможность реально.

Противоправность по Уголовному уложению 1871 г. понималась здесь только как противозаконность, т. е. противоречие уголовному закону, сейчас же воспринимается в полном смысле этого слова – как нарушение либо уголовного закона, либо вообще общественного порядка (при отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния). При этом в УК ФРГ предусмотрено положение об ошибке в уголовно-правовом запрете, когда лицо не совершает преступление, если оно не понимало противоправности своего деяния и не могло избежать такой ошибки [6].

Что касается признака виновности, то сама по себе вина не является в германском праве полностью признаком состава преступления. Вместе с составом преступления она выступает в качестве основания уголовной ответственности и наказания и понимается как упречность поведения лица. В каждом конкретном случае, определяя степень данной упречности, суд решает вопрос о том, должно ли было лицо осознавать, что действует противоправно.

Как один из главных признаков преступления, наказуемость понимается практически во всех правовых системах так, что преступное деяние находится под угрозой предусмотренного в законе наказания. При этом деяние наказывается лишь тогда, когда наказание за него было введено законом до его совершения («нет наказания без закона»).

Как видно из приведенных ранее дефиниций преступления в зарубежном уголовном праве, все они определяют его через ключевой, базовый институт «деяния». Существует ряд точек зрения на уголовно-правовую сущность деяния. Ф. Хафт (Германия) называет, в частности, три: каузальную, финальную и социальную [3]. Первая учит, что деяние есть волевой акт, порождающий движение, имеющее результаты (такая доктрина более всего подходит для неосторожных преступлений). Исходя из второй точки зрения, деянием руководят в соответствии с мысленно смоделированной целью (для умышленных преступлений). В соответствии с третьей, господствующей, деяние оценивается через свою социальную значимость (такая позиция применима, в первую очередь, для бездействия).

В рассматриваемых странах, как и в России, заглавный термин включает в себя как действие, так и бездействие (например, ст. 1.13(5) Примерного УК США [6]). Однако две эти формы преступного деяния имеют, естественно, свои особенности. Так, если активная форма деяния, действие не вызывает сомнений как причина наступающего общественно опасного результата, то по поводу того, можно ли считать причиной последнего бездействие – и какое именно, – в теории уголовного права и на практике существуют споры. Кроме того, доктрине не всегда ясно, как именно понимать даже преступное действие, т. е. какими признаками оно должно обладать.

Обычно действие трактуется в определении американского юриста М. Мура: «волевое движение тела» [1] (аналогичная трактовка дается в Примерном УК США [6]). Таким образом, подчеркивается, во-первых, физическое качество действия, во-вторых, его активный характер и, в-третьих, выражение им действительной воли человека. При этом обращается внимание на то, что проблема установления добровольности действия лица не сводится к констатации его вменяемости. В то же время именно институт вменяемости чаще всего урегулирован УК зарубежных

стран, а проблемы определения как содержания деяния, так и добровольности как его признака оставлены доктрине.

При этом ученые осознают недостаточность трех названных признаков преступного деяния, т.к. далеко не всякое даже волевое движение мышц тела можно считать преступлением. Так, Д. Флетчер подчеркивает, что приведенной дефиниции не хватает признака того, «как человек понимает других людей» [3], – т.е. фактически интеллектуального момента сознания. При этом он опирается на выдвинутую еще в 1930-х годах немецким профессором Г. Вельцелем т.н. «финальную теорию действия» [4]. Автор данного учения отстаивал идею «зрячего действия», утверждая, что преступное поведение лица может быть оценено как таковое лишь в силу того, что оно было направлено на достижение преступного результата. Вместе с тем доктрина Вельцеля – теория взаимосвязи и неразрывности действия и умысла, таким образом, она не срабатывает в неосторожных преступлениях, поскольку в этих случаях противоправные действия не направлены на достижение преступной цели.

Что касается преступного бездействия, то Мур и Моррис пытались определить его как просто «отсутствие волевых телодвижений» [5]. Однако зарубежное уголовное законодательство твердо стоит на позиции исключения ответственности за мысли и убеждения. В соответствии с этим, возникают вопросы: каким именно должно быть бездействие, чтобы признаваться преступлением? Должно ли лицо привлекаться к уголовной ответственности лишь за то, что стало пассивным свидетелем чужого преступления либо даже несчастного случая?

Данные вопросы становятся проблемой ограничения личной свободы человека, т.к. запрещение отдельных действий (тем более видимо опасных для общества) не воспринимается как явное покушение на права и свободы личности, в противоположность сформулированному в законе требованию какие-либо действия совершать. Эту проблему зарубежное уголовное право разрешает, в основном, двумя законодательными положениями:

- во-первых, бездействие постороннего лица в виду наступающих преступных последствий не должно признаваться совершением преступления;
- во-вторых (ст. 2.01(3) УК США), «ответственность за совершение преступления не может быть основана на бездействии, ... если только обязанность совершить не совершенное действие не устанавливается законом» [6]. В связи с этим Ф. Хафт указывает, что «бездействие – это обманутые ожидания» [3].

В немецкой юридической литературе различают «настоящие» и «сходные» составы бездействия. Первые прямо описаны в составе деяния

(например, § 323 «Неоказание помощи бездействию» [6]), вторые считаются таковыми лишь по сходству последствий с составами преступлений, выполняемыми действиями.

Вслед за социологической школой уголовного права современная (материалистическая, реалистическая) доктрина зарубежных стран определяет преступление не просто как деяние, но как причинение или возможность причинения им серьезного вреда чьим-либо интересам. Так, в американском праве объективная сторона преступления включает: поведение, сопутствующие обстоятельства и результат. При этом, как было показано ранее, данные последствия по своей природе могут быть весьма разнообразными. В связи с этим исключительную важность приобретает проблема установления причинной связи между деянием лица и наступившими в его итоге вредными последствиями.

При этом, однако, даже авторы реалистического направления считают, что не во всех преступлениях уместно ставить вопрос об установлении причинной связи, т.к. одни преступления опасны в силу наступающих последствий (убийство, поджог, причинение вреда здоровью), а другие – в силу самих опасных действий (изнасилование, разбойное нападение и т.п.). В целом, это соответствует учению российского уголовного права о материальных и формальных составах преступления. Первая категория отличается от второй, во-первых, наличием, как правило, хотя бы небольшого разрыва во времени между деянием и последствиями, а во-вторых, тем, что последствия при этом, в принципе, могут наступать и случайно, в то время как в преступлениях с опасным деянием – нет.

Поиск теории причинной связи в преступлениях с опасными последствиями велся в западной уголовно-правовой литературе с середины XIX в. В итоге была выработана базисная теория, которая применяется, в основном, и до сих пор – теория «кондицио сине ква нон», т.е. «условие, без которого нет» преступления. Она проявилась, например, в Примерном УК США, ст. 2.03(3) которого гласит: «Поведение является причиной результата в случаях, когда оно является предшествующим фактором, без которого данный результат не наступил бы» [6]. Таким образом, первый фактор причинно-следственной связи – временной: деяние только тогда может быть в принципе причиной вреда, если оно предшествовало ему во времени.

Однако любому событию реальной жизни предшествует бесчисленное множество других событий и, естественно, не все они являются хотя бы отдаленной причиной такового («вслед за этим не значит вследствие этого»). Поэтому главная задача любой теории причинно-следственной связи – выделить из всех предшествующих событий именно те, которые вызвали к жизни данное явление.

Эквивалентная теория предложила решать эту проблему методом «мысленного исключения», т.е. проверяя каждое предшествующее событие вопросом: что было бы, «если бы не ...»? Если при удалении какого-либо фактора результат не меняется, он не может быть его причиной; в противном случае он признается причиной наступившего вреда.

Однако уже на рубеже XIX–XX вв. стала ясна ограниченность такого подхода, т.к. при нем все факторы, как-либо влияющие на наступление последствия, иными словами – детерминирующие его, признавались его причиной, т.е. уравнивались между собой («эквивалентный» (лат.) – равноценный). Однако теория детерминации (взаимосвязи) развивалась и сейчас насчитывает более 40 видов различных связей.

Поэтому К. Бикмайер выдвинул другую теорию – «неравноценности условий» [3]. Он предлагал разделить все условия наступления преступного результата на две части: «наиболее действенные» и «менее действенные», т.е. фактически на причины и условия. В вопросе о том, что в конкретном случае считать первыми, а что – вторыми, Бикмайер предлагал руководствоваться здравым смыслом – вульгарным понятием причины из повседневной жизни. В конце XX в. эту теорию по-своему возродил Д. Флетчер, выдвинув идею о «причинной энергетике» и предложив определять в каждом конкретном случае, что более, а что менее повлияло на исход дела [4].

Немецкий криминалист К. Биндинг одновременно с Бикмайером сформулировал теорию «изменения равновесия» [3]. Она гласила, что, поскольку все явления мира постоянно находятся в состоянии неустойчивого равновесия, т.е. испытывают одновременное влияние противоположных сил, причиной наступления какого-либо непредвиденного события необходимо считать тот фактор, который, содействуя одной из этих сил, вывел рассматриваемое явление из состояния равновесия. Однако по существу теория Биндинга является трансформацией той же эквивалентной теории.

Попыткой преодолеть ограниченность последней была и т.н. «теория адекватной причинности», которая предлагала изо всех выделенных условий наступления результата в качестве причин рассматривать те, которые вообще, а не только в данном конкретном случае способны повлечь его наступление, т.е., устраняя случайные причинные связи, находить такие, при наличии которых результат адекватен (соответствует) причине. Однако ущербность данной теории заключается как раз в том, что в реальной жизни не существует «преступления вообще», а только конкретное деяние и реальный результат, между которыми может развиваться и случайная связь, переросшая в необходимую.

Поэтому юристы стран общего права предложили теорию «ближайшей (непосредственной) причины». Так, отделяя главную причину преступного результата от второстепенных, К. Кенни в середине XX в. писал: «Существует известный предел, за которым право отказывается следить за цепью причинности, почему и само действие за этим пределом рассматривается как слишком отдаленное, чтобы быть виновным» [2]. В то же время определение степени «близости» или «отдаленности» причины – вопрос практики, т. к. доктрина пока не смогла «сформулировать общее правило, устанавливающее такой предел».

Более того, некоторые теоретики стали утверждать, что непосредственная причина – оценочное суждение и вопрос уголовной политики, а не права. На практике же анализ причинной связи проходит два этапа: сначала определяется, удовлетворяет ли изучаемый фактор правилу «если бы не ...», а затем – отвечает ли он требованию «непосредственной причины». Таким образом, данная теория становится очень близкой советской доктрине «необходимого причинения», применяемой у нас с 1930-х годов.

Гораздо больше внимания, чем понятию преступления, зарубежное уголовное право уделяет классификации преступлений как правовому институту, имеющему большое практическое значение.

Так, в Великобритании и США преступления подразделяются по нескольким признакам – основаниям классификации: объекту, источникам, опасности, отношению к нормам морали и т. д. Первая классификация формулируется уголовно-правовой доктриной, например, Хэлсбери делит уголовно наказуемые деяния на три группы: преступления против правительства и общества, против личности и против собственности [4]. Первый вид разделяется им на 18 категорий: преступления против королевской власти, против общественного спокойствия, против должностных лиц, против правосудия, против брака и семьи, против чести и морали и т. д. Второй вид включает 3 категории: убийство, самоубийство и вред здоровью. В третий входят 4 категории: хищение, мошенничество, подделка, злоумышленное повреждение имущества.

По формальным источникам все преступления здесь делятся на правонарушения общего права и статутные. По опасности в англо-американской системе существует две классификации преступлений: материально-правовая и процессуально-правовая. Британская материально-правовая классификация до 1967 г. делила все преступления на три группы: особо опасные (тризны), средней тяжести (фелонии) и, соответственно, мисдиминоры, а после указанного года – только на две: измена и прочие преступления [4].

Процессуально-правовая классификация тоже может быть различной. Во-первых, преступления делятся на: 1) те, дела о которых рассматривают-

ся с обязательным составлением обвинительного акта, при котором возможно их рассмотрение в Суде короны с участием присяжных, 2) те, которые разбираются в упрощенном порядке в магистратских судах, и 3) т.н. «смешанные», при которых выбор процедуры судебного разбирательства зависит от сторон. Вторая процессуальная классификация состоит в следующем: во-первых, это так называемые «арестные дела», т.е. преступления, по которым подозреваемый может быть подвергнут аресту (те, за которые лицу, достигшему 21 года, ранее судимому, может быть назначено не менее пяти лет лишения свободы и более строгое наказание); во-вторых, это те преступления, при которых такой арест невозможен.

В США материально-правовая классификация сохраняет деление преступлений на опасные – фелонии (те, за которые может быть назначено наказание свыше 1 года лишения свободы) и менее опасные – мисдиминоры (предусмотрены более мягкие виды наказания), при этом законодательство штатов выделяет из последних еще и нарушения (например, в штате Нью-Йорк это – те деяния, максимальное наказание за которые – это тюремное заключение на срок до 15 суток). В большинстве штатов обе категории преступлений делятся на классы: А, В, С, D, Е (причем фелонии могут быть с 3-го по 5-й класс, мисдиминоры – 2-го и 3-го) [4].

Значение такого деления – в последствиях преступления: так, совершение фелонии является отягчающим обстоятельством, виновные в них отбывают наказание при более строгом режиме, они теряют (как правило, пожизненно) ряд прав. В процессуальном отношении все преступления в США, как и в Великобритании, подразделяются на те, дела о которых рассматриваются с обвинительным актом и те, которые разбираются в упрощенном порядке.

С этической точки зрения, как в Великобритании, так и в США преступления делят на две группы: 1) те, которые противоречат явным представлениям о добре и зле, которые аморальны и являются «злом сами по себе» (убийства, поби, хищения и т. д.); 2) те, которые становятся преступлениями только в силу вводимых государством запретов, вне зависимости от их этичности (нарушения: эксплуатации транспорта, производства товаров, уплаты налогов и т. п.), – или на так называемые реальные (действительные) и квази-преступления. Такое деление имеет то практическое значение, что для второго вида преступлений суду не обязательно устанавливать вину подсудимого (т. н. абсолютная ответственность). Некоторые юристы считают, что «аморальные преступления» должны рассматриваться судом присяжных, а иные – только судьями-профессионалами.

Французское уголовное право знает несколько классификаций уголовно наказуемых деяний, причем наибольшее значение имеет деление их на преступления, проступки и нарушения. И хотя УК Франции 1992 г. (статьи 111-1 и 111-2 [6]) установил материальный критерий дифференциации – тяжесть деяния – суть ее осталась прежней.

С точки зрения критерия вины преступления могут быть только умышленными (наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет либо пожизненным), проступки – это либо умышленные правонарушения меньшей степени тяжести, либо неосторожные (наказание – лишение свободы до 10 лет, штраф, общественные работы). Для привлечения к уголовной ответственности за нарушения необходимо выяснение формы вины, т. к. она презюмируется, как в квази-преступлениях в Великобритании и США (штраф до 10 тыс., общественные работы, лишение прав) [5].

Значение такого деления многопланово. Например, в отношении стадий совершения преступления существует такой подход, что покушение на преступление обычно наказуемо, на проступок – в случаях, оговоренных в законе, на нарушение – никогда. Соучастие наказуемо всегда при совершении преступлений и проступков, а при нарушениях – только если это специально предусмотрено постановлением органа исполнительной власти.

От категорий правонарушений зависят также сроки давности; реабилитация возможна лишь за преступления и проступки. В зависимости от категорий ставится и возможность отсрочки, иные виды освобождения от наказания, режим отбывания наказания в виде лишения свободы. Наконец, классификация деяний предопределяет систему не только судов, но и всех правоохранительных органов Франции.

УК ФРГ делит уголовные правонарушения на две группы: преступления и проступки [6]. Первые – те, за которые может быть назначено наказание не ниже одного года лишения свободы. Проступки – те правонарушения, за которые возможно максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до одного года либо денежный штраф. Если же максимально возможное наказание за деяние – штраф административный, то оно является нарушением общественного порядка, что предусмотрено нормами немецкого «дополнительного» уголовного права.

Результаты. Итогом осуществленного анализа понятия преступления и классификаций преступлений в уголовном праве зарубежных стран могут быть, на наш взгляд, следующие выводы:

1. В области объекта предпринятого нами исследования уголовно-правовые доктрины романо-германской и англо-американской правовых семей, при всем различии, в своих основных положениях не содержат коренных противоречий.
2. В плане законодательного решения ряда проблем отечественная уголовно-правовая наука представляется нам более передовой, т. е. доктринально глубже и адекватнее современности разрабатывающей многие вопросы понятия, признаков, систематизации преступлений.
3. Вместе с тем, отдельные положения доктрины зарубежного уголовного права (к примеру, влияния уголовно-правовой политики на криминализацию деяний) заслуживают дальнейшего внимательного изучения.

Литература

1. Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 37–44.
2. Короблёва С. Ю. Концепции вины и проблемы определения виновности в уголовном праве России и зарубежных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). С. 295–301.
3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов и др.; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2023. 285 с.
4. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова; МГУ. М.: Статут, 2019. 351 с.
5. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Учебник для бакалавриата и магистратуры / Крылова Н. Е., Еремин В. Н., Игнатова М. А., Серебренникова А. В. 5-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2021. 240 с.
6. Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru> (дата обращения: 03.06.2023).

References

1. Galiakbarov R. R., Shul'ga A. V., Sokol A. V. The history of the origin and formation of the doctrine of the composition of a crime in foreign criminal law. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2019;3(69):37-44. (In Russ.).
2. Korablyova S. Yu. Concepts of guilt and problems of determining guilt in the criminal law of Russia and foreign countries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*. 2020;3(836):295-301. (In Russ.).
3. Criminal law of foreign states. General part: textbook for universities / A. V. Naumov etc.; ed by A. V. Naumov, A. G. Kibal'nik. Moscow: Yurajt, 2023. 285 p. (In Russ.).
4. Criminal law of foreign countries (Special part): educational and methodical manual / N. E. Krylova, A. V. Maleshina, A. V. Se-rebrennikova. Moscow: Statut, 2019. 351 p. (In Russ.).
5. Criminal law of foreign countries in 3 vols. Volume 1. General part. Textbook for undergraduate and graduate studies / Krylova N. E., Eremin V. N., Ignatova M. A., Serebrennikova A. V. 5th ed., trans. and add. Moscow: Yurajt, 2021. 240 p. (In Russ.).
6. Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: <https://constitutions.ru> (accessed: 03.06.2023). (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.15>

ИНСТИТУТ ДАВНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Елена Анатольевна Пащенко¹Артем Владимирович Горбань²

¹ Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (д. 70, ул. Пушкинская, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7482-9390> E-mail: pashenkoea@mail.ru

² Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (д. 70, ул. Пушкинская, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)
Старший преподаватель

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9612-9025> E-mail: gorb-artem@yandex.ru

Автор, ответственный за переписку: Пащенко Елена Анатольевна, pashenkoea@mail.ru

Аннотация. Введение. Изменение законодательной позиции в отношении применения сроков давности к преступлениям, сопряженным с осуществлением террористической деятельности, и обязательное применение уголовного законодательства России и РСФСР обусловило импульс поиска формулы применения давностных сроков. Присоединение к составам международных посягательств, в отношении которых действует безусловный запрет применения сроков давности, группы преступлений террористической направленности, образовало различные позиции правоприменителей о сопоставлении оснований применения давностных сроков. В отношении деяний, совершенных до появления в действующем уголовном законе ограничения давностных сроков к преступлениям террористической направленности, научные взгляды сводятся к неприменению пресекающего срока давности в 15 лет, поскольку системно применяются Общая и Особенная части уголовного закона Российской Федерации. **Материалы и методы.** Выбор методов объясним выбором задач. В работе применены сравнительно-исторический метод, для выявления закономерностей применения сроков давности в историческом ракурсе; использован сравнительный метод для сведения данных применения оснований освобождения от уголовной ответственности в период действия законов РСФСР и РФ, также закона Российской Федерации в период применения разных

редакций ст. 78 УК РФ. **Анализ.** Порядок применения норм об освобождении от ответственности в связи с истечением сроков давности должен решаться не через призму институтов действия закона во времени и обратной силы уголовного закона. **Результаты.** Порядок воплощения законодательной идеи о неприменении давностных сроков к террористическим преступлениям осуществляется путем реализации запрета применения пресекающего срока к преступлениям, содержащим наказание в виде смертной казни.

Ключевые слова: сроки давности уголовной ответственности, преступления террористической направленности, освобождение от уголовной ответственности, действие закона во времени, террористический акт, обратная сила закона, принцип законности

Для цитирования: Пащенко Е. А., Горбань А. В. Институт давности освобождения от уголовной ответственности в отношении преступлений террористической направленности // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 473–478. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.15>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 12.08.2023.

Статья принята к публикации: 21.09.2023.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Research article

THE INSTITUTE OF LIMITATION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN RESPECT OF CRIMES OF A TERRORIST NATURE

Elena A. Pashenko¹Artem V. Gorban²

¹ South-Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, (70, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7482-9390> E-mail: pashenkoea@mail.ru

² South-Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, (70, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)
Senior lecturer

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9612-9025> E-mail: gorb-artem@yandex.ru

Corresponding author: Elena A. Pashenko, e-mail: pashenkoea@mail.ru

Abstract. Introduction. The change in the legislative position regarding the application of statute of limitations to crimes involving terrorist activities and the obligatory

application of the criminal legislation of Russia and the RSFSR led to the search for a formula for the application of statute of limitations. Joining the composition of

© Пащенко Е. А., Горбань А. В., 2023

international encroachments, in respect of which there is an unconditional ban on the application of statute of limitations, a group of terrorist crimes, formed different positions of law enforcers on comparing the grounds for applying statute of limitations. With regard to acts committed before the introduction in the current criminal law of limitation of statute of limitations for crimes of a terrorist nature, scientific views are reduced to the non-application of a preemptive statute of limitations of 15 years, since the General and Special parts of the criminal law of the Russian Federation are systematically applied. **Materials and Methods.** The choice of methods is explained by the choice of tasks. The comparative-historical method is used in the work to identify the patterns of application of statute of limitations in a historical perspective; a comparative method was used to summarize the data on the application of the grounds for exemption from criminal liability during the period of the laws of the RSFSR and the Russian Federation, as well as the law of the Russian Federation during the period of application of various editions of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Analysis.** The procedure for applying the rules on exemption from liability in

Введение. Синхронно несколько вопросов обратили внимание авторов – это созвучность доктринальных положений российского уголовного права с международными правовыми установками в части применения сроков давности к преступлениям террористической направленности и, как следствие, правоприменительный взгляд на давность в отношении указанной группы преступлений. Спрос на предмет обсуждения возник в связи с естественным истечением длительных сроков после совершения преступлений в период действия как УК РСФСР, так и УК РФ, но до изменения законодательного подхода к давности.

Теоретико-правовой научный подход причисляет преступления террористической направленности к категории конвенционных. Формирование категориальности международных и конвенционных преступлений отнесено к периоду 50-60 гг. прошлого столетия, когда значимость угроз террористической направленности была многократно ниже. В определении этого периода следует придерживаться хронологической составляющей формирования системы анти-террористических конвенций, которая образует совокупность международно-правовой основы борьбы с преступностью.

Пересмотр отношения к данному классификационному признаку на уровне международного переосмысления со временем, конечно, произошел, но не был нормативно оформлен. Как результат, правовые последствия отнесения преступлений к международным, в виде запрета применения сроков давности в национальном законодательстве длительный период были неприменимы к преступлениям террористической направленности. Ситуация изменена Федеральным законом № 130-ФЗ от 05.05.2014 г. [14] и. принятием решения о дополнении перечня исключений

connection with the expiration of the statute of limitations should not be decided through the prism of the institutions of the operation of the law in time and the retroactive effect of the criminal law. **Results.** The procedure for implementing the legislative idea of non-application of statute of limitations for terrorist crimes is carried out by implementing the prohibition of applying a pre-trial period to crimes punishable by death.

Keywords: statute of limitations for criminal liability, crimes of a terrorist nature, exemption from criminal liability, the operation of the law in time, a terrorist act, the retroactive effect of the law, the principle of legality

For citation: Pashenko E. A., Gorban A. V. The institute of limitation of exemption from criminal liability in respect of crimes of a terrorist nature. Humanities and law research. 2023;10(3): 473–478. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.15>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 03.06.2023.

The article was approved after reviewing: 12.08.2023.

The article was accepted for publication: 21.09.2023.

преступлениями террористической направленности и преступлениями, сопряженными с осуществлением террористической деятельности.

Материалы и методы. Эффективность системы права в целом и частного уголовно-правового предупредительного воздействия обеспечивается не только согласованностью правовых норм внутри системы, а воплощается через взаимодействие норм внутреннего и внешнего законодательства. Организация государственной и общественной правовой сущности подчинена принципу законности. С. С. Алексеев отмечал, «понятие «законность» характеризует правовую действительность, взятую под углом зрения практического осуществления права...» [1, с. 217]. Есть ли вопросы к «законности», исходя из траектории изменения государственного взгляда на перечень исключений в применении сроков давности?

Практическое осуществление принципа законности в воплощении института давности в уголовном праве, а особенно в международно-правовых основах этого института и вызвало интерес авторов. И здесь следует обратиться к состоявшейся судебной практике. Рассмотрим репрессивные направления в деятельности законодателя и их отклик в правоприменении при формировании нового перечня составов с неприменяемым сроком давности. Порядок применения нормы, изменившей перечень исключений сроков давности, подвергся критике в жалобе гражданина Бациева И. С. на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РФ и Уголовного кодекса РФ [9]. Бациев И. С. просил отменить состоявшиеся по его уголовному делу судебные решения, поскольку на момент его рассмотрения в апелляционном порядке сроки давности привлечения к уголовной ответствен-

ности по статье 279 УК Российской Федерации истекли. И. С. Бациеву было отказано в передаче его надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Сущность и правовой смысл обращения сводились к применению по аналогии с применением общих сроков давности нового перечня.

Анализ. Неоднократно, и очень авторитетно доктринальная проработка и практические рекомендации предлагались в литературе. Так, П. С. Яни [15, с. 30 – 35], формирует следующий алгоритм решения вопроса о применении сроков давности, относящийся к преступлениям, совершенным в период действия УК РСФСР. Законодательная определенность с понятием времени совершения преступления состоялась в ст. 9 УК РФ. Исключение, предусматривающее применение любого правового последствия, улучшающего положение лица, оговорены в ст. 10 УК РФ, в этой же норме установлен категоричный запрет и на применение обратной силы положений ухудшающего свойства. П. С. Яни усиливает аргументацию отсылочными доводами к «правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П, «по буквальному смыслу части первой статьи 10 УК Российской Федерации закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение...». Таким образом, к преступлениям, совершенным в период действия УК РСФСР 1960 г., применяются положения УК 1996 г., которые улучшают положение лица, совершившего указанное преступное деяние». Теоретически и практически подтвержденным положением является и положение о применении ст. 78 УК РФ в части только улучшающей положение лица. В случае совершения деяния в период действия УК РСФСР 1960 года таким компонентом выступает положение ст. 48 УК РСФСР, не предусматривающее привлечение к уголовной ответственности по истечению определенных сроков, а также наказание в виде смертной казни.

Каков же довод о невозможности применения запрета ухудшающего признака к преступлениям террористической направленности? Давностные сроки по УК РСФСР не имели исключений, но необходимо сделать вывод о возможности рассмотрения в индивидуальном порядке применения данных сроков с позиции предусмотренных наказаний. Согласно ст. 21 УК РСФСР вида наказания – пожизненного лишения свободы в списке не представлено, при этом, согласно ст. 48 УК РСФСР применение сроков давности за предусматривающие наказуемость смертной казнью деяний, решался судом. В продолжение рассмо-

трения алгоритма применения сроков давности следует сказать, что именно судебское усмотрение дает возможность применения нормы ст. 78 УК РФ в отношении преступлений террористической направленности, рассматриваемых в настоящее время, которые были совершены в период действия УК РСФСР.

В 2022 г. Южным окружным военным судом рассмотрено уголовное дело [10] в отношении лиц, совершивших террористический акт в Буденновске в 1995 г. В хронологическом периоде до 01 января 1997 г., стартом действия УК РФ, обратная сила уголовного закона ограничена улучшенным положением о совокупности как наказания в виде смертной казни, так и пожизненного лишения свободы, которого не знал УК РСФСР и дублированием право на судебское усмотрение в обоих кодификаторах.

По правовой и криминологической сущности применение сроков давности к преступлениям террористической направленности и примыкающим к ним, следует рассматривать с точки зрения не только «технического» процедурного регламента выбора правовой нормы, но и с позиции анализа содержания базового восприятия принципов права. Практическое исполнение права при реализации института давности заставляет соотносить нормы российского закона и международные правовые положения. Помимо данного сопоставления необходимо внутреннее обоснование конституционно-отраслевого принципа законности. Существует потребность в присоединении к орбите обоснований и принципа своевременности привлечения к ответственности. Как отмечает Т. Р. Сабитов [11, с. 34-44], в юридической литературе указывается на «необходимость быстрого и оперативного применения мер ответственности за совершение правонарушения». Для принципа своевременности привлечения к ответственности имеет значение «период времени, не слишком отдаленный от факта правонарушения», в течение которого возможно привлечение правонарушителя к ответственности.

Еще один принцип требуется включить в круг обсуждения института давности – принцип неотвратимости ответственности. При совершении таких категорично опасных посягательств речь о снисхождении или возможности улучшения положения лица вести недопустимо, но действие принципа законности нельзя игнорировать. Норма закона 1960 г. о захвате заложников не предусматривала применения смертной казни, следовательно, к ней неприменимо исключение, установленное ст. 48 УК РСФСР. Однако все объясняет квалификация по совокупности составов ст. ст. 126.1 – Захват заложников и 213.3 – Терроризм [14]. Именно в терроризме наказание в виде смертной казни и выступает правовым основанием для судебного усмотрения на применение давностных сроков.

Таким образом, в применении положений о давности по преступлениям террористической направленности следует говорить со ссылкой на существующий в кодексах как 1960, так и 1996 гг. норматив о применении давностных сроков к преступлениям, содержащим наказание в виде смертной казни, по усмотрению суда.

Как общеправовые, так и отраслевые принципы нашли свое отражение в применении института давности, одновременно у каждого из этих принципов есть фрагментарное исключение или разногласие, которые мы рассмотрим. Любое развитие наносит на общество и право «культурный слой», ведет к переходу от эмоционального восприятия к осознанному. Институт давности – это институт прогрессивного ухода от бездумного отмщения к неотвратимости, но с оттенком осмысленного наказания. Восприятие давности прогрессирует от мстительности к зрелой оценке целесообразности назначения наказания и ожиданий превентивного результата. О правовой и социальной природе давности с глубоким осмыслением целесообразности и социальных ожиданиях высказывался Н. С. Таганцев [12, с. 470–471].

Юридическая природа института сроков давности в уголовном праве базируется на возможности достижения целей наказания. Рождаются вопросы об общей и специальной превенции в срезе применения сроков давности к преступлениям террористического характера. Если лицо, совершившее преступление в течение долгого времени своим правопослушным поведением доказывало утрату общественной опасности, то общая превентивная цель применением сроков давности достигается только в случае осознанного отношения к данному институту в обществе.

Исправление лица, совершившего преступление, ожидается обществом во главе с потерпевшим при назначении наказания. Предположение исправления в случае, когда государство длительно не могло реализовать институт наказания, воспринимается с затруднением. Предупредительная цель наказания должна иметь признак осуществимого результата, а не рассматриваться как иллюзия, навязанная обществу.

Действительно, целесообразность лежит в основе любых мер уголовно-правового воздействия и, по существу, в основе регламентации всех положений уголовного закона. В то же время сама целесообразность – последствие каких-то материальных обстоятельств, которые и представляют собой искомое основание. [3, с. 4–8]

М. А. Гаврилов [4, с. 62–66] в ретроспективе исследования давностных сроков, констатирует их давнюю известность российскому законодательству. Еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных были предусмотрены сроки давности преступлений.

Первоначальным уголовно-правовым мнением было неприменение сроков давности в отношении преступлений против мира и безопасности человечества в УК РФ. Исторически правовые корни этого запрета находятся в реакции международного сообщества на преступления нацистов в период Второй мировой войны и оформлении этой реакции в критериях Нюрнбергского процесса, Женевских конвенций 1949 г. и Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г. [5].

По мнению Н. Кристи [6, с. 126], «общество требует незамедлительных и ясных ответов, если под угрозой оказываются его фундаментальные ценности, как это было в эпоху нацизма».

Х. Д. Аликперов и К. Ш. Курбанова [2, с. 59] обозначили, «главный» из недостатков ст. 78 УК заключающийся «в том, что в ней не установлены сроки давности привлечения к уголовной ответственности лица, которое после совершения преступления укрылось от следствия и суда», что «законодатель не оставляет никакого шанса такому лицу, а совершенное им преступление становится безысходным финалом его судьбы... В силу изложенного было бы целесообразно из содержания ст. 78 УК РФ исключить третью часть». Конечно, любая правовая реакция следует за качественным осмыслением самого преступления и его пенализационных критериев.

Собственно временной интервал, который определяет законодатель для разных категорий преступлений, не может быть безусловным применением гуманистической идеи о всепрощении, также это обоснование не соответствует законодательному видению на исключение из правила о применении сроков давности к некоторым видам преступлений. И исключение из давностных сроков продиктовано не мнением об «исключительной тяжести», такую категорию предлагает О. А. Михаль [8, с. 113–117]. Исключение в отношении преступлений террористической направленности обосновано соотношением первичных исключений для международных преступлений и присоединением к ним преступлений террористической направленности как меры по восстановлению исторического «неравенства» распределения категорий международных и конвенционных преступлений. В период формирования классификации на международные и конвенционные преступления терроризм не представлял такой опасности, которая в дальнейшем представилась не только российскому, но и мировому сообществу.

Социальный фундамент института давности образует идея возмездия за посягательства, в отношении которых действует дифференцированный подход, зависящий от общественной оценки последствий.

Правовой фундамент исключений в перечне сроков давности сложен из положений международного законодательства, основанного на мнении о недопустимости безответственности за деяния, потенциально опасные для гуманистических идей. Недопустимо определять применительно к посягательствам современного перечня ч. 5 ст. 78 УК РФ самоцелью безусловную ответственность и наказуемость. Ядром идеи об исключениях в сроках давности выступает характер деяния и выбор общественных отношений, на которые посягает субъект.

Присоединяемся к позиции В. В. Мальцева [7, с. 45–49] о том, что реализация принципа гуманизма на основе равенства, опирающегося на различие в категориях преступлений и, соответственно, на неодинаковые сроки давности, по объему сферы своего выражения становится адекватной принципу справедливости. Равно гуманное (справедливое) отношение к лицам, совершившим преступления, включает в себя законодательно установленную зависимость продолжительности сроков давности от категории (тяжести) преступления. Эта зависимость и выступает единым масштабом равенства и гуманизма как к лицам, освобождаемым от уголовной ответственности, так и к тем, кто пострадал от преступлений, совершенных данными лицами. Ведь чем опаснее преступление, тем тяжелее вред, причиняемый гуманистическим ценностям, а значит, длительнее должны быть сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

В реализации такого подхода как соотношение сроков давности и категории преступлений желающий найти «недостатки», всегда их найдет. Процессуальные возможности для применения сроков давности, по мнению авторов, отвечают принципам законности и гуманизма и не входят в конфликт с условием неприменения рассматриваемых сроков.

Проведенный анализ дает право на некоторые выводы, среди них: давность привлечения к уголовной ответственности урегулирована ис-

ключительно в системе национального законодательства, при этом корневая система института находится в международном уголовном праве и установлена для освобождения как от наказания, так и от ответственности. Законодатель следует линии недопущения предложений, не согласованных с основой института, что объясняет прекращение существования давностного 15-ти летнего срока, предусмотренного в УК РСФСР. На этой основе базируется и законодательный шаг, хотя авторы видят, что он сделан с «задержкой развития» о неприменении сроков давности, касающихся группы преступлений, охваченных в ч. 5 ст. 78 УК РФ. Законодателем оценена общественная опасность, социальные последствия и общественные ожидания, формируемые как результат террористической деятельности.

Результаты. Итог: правильная расстановка акцентов в порядке применения сроков давности и исключения из него позволяют говорить о наличии гармоничного единства социальных условий, правового и процессуального поля. Логично то, что криминалистически утрачиваются определенные процессуальные доказательства, но актуальность восстановления справедливости сохраняется. В исключении давности по преступлениям террористической направленности целевой аудиторией выступает не группа прямых и косвенных потерпевших, а общество в целом. Отголосок преступления всегда остается в обществе, поскольку отсутствие индивидуально направленного умысла в террористической деятельности и стихийно-спонтанное определение круга потерпевших формирует социальное ожидание ответственности независимо от времени, истекшего после совершения преступления. Дискуссия, которую периодически продолжают лица, причастные к преступлениям террористической направленности и сопряженным с террористической деятельностью окончена.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
2. Аликперов Х. Д., Курбанова К. Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. 2000. № 1. С. 59.
3. Балафендиев А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности по УК РФ // Уголовное право. 2011. № 1. С. 4–8.
4. Гаврилов М. А. Возможность возбуждения уголовного дела в случае истечения сроков давности // Законность. 2022. № 7. С. 62–66.
5. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [рус., англ.] (Заклучена в г. Нью-Йорке 26.11.1968) // Ведомости ВС СССР. 13 января 1971 г. № 2. Ст. 18.
6. Кристи Н. Удобное количество преступлений / пер. с англ. Е. Матерновской; под общ. ред. и с предисл. Я. И. Гилинского. СПб: Алетея, 2006. 126 с.
7. Мальцев В. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовное право. 2006. № 1. С. 45–49.
8. Михаль О. А. Категория преступления исключительной тяжести // Современное право. 2022. № 10. С. 113–117.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 №2694-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бациева Ислама Сайдахматовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Официальный сайт Южного окружного военного суда. Электронный доступ: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14433663&case_uid=c42963a6-362f-481d-ad87-8255a2612361&delo_id=1540006 (дата обращения 08.07.2023 г.)
11. Сабитов Т. Р. Преломление общих принципов российского права в уголовном праве // «СПС «КонсультантПлюс».
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
13. Федеральный закон от 05.05.2014 N 130-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 2335.
14. Федеральный закон от 01.07.1994 Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула: Автограф, 2001. №10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 04.07.1994. № 10. Ст. 1109.
15. Яни П. С. Наказуемость деяния смертной казнью и давность // Законность. 2021. № 1. С. 30–35.

References

1. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Legal Literature, 1981. 360 p.
2. Alikperov Kh. D., Kurbanova K. Sh. Criminal Code of the Russian Federation and some problems of exemption from criminal liability. Gosudarstvo i pravo = State and Law. 2000;1:59.
3. Balafendiev A. Exemption from criminal liability in connection with the expiration of the statute of limitations under the Criminal Code of the Russian Federation. Uголовное право = Criminal Law. 2011;1:4-8.
4. Gavrilov M. A. The possibility of initiating a criminal case in the event of the expiration of the statute of limitations. Zakonnost' = Legitimacy. 2022;7:62–66.
5. Convention on the inapplicability of the statute of limitations to war crimes and crimes against humanity [Russian, English] (Concluded in New York on November 26, 1968). Vedomosti VS SSSR = Vedomosti of the AF USSR. 1971;2. Art. 18.
6. Christie N. A convenient number of crimes / trans. from English. E. Maternovskaya; under total ed. and with preface. ME AND. Gilinsky. St. Petersburg: Aleteyya, 2006. 126 p.
7. Maltsev V. V. Exemption from criminal liability in connection with the expiration of the statute of limitations. Uголовное право = Criminal Law. 2006;1:45-49.
8. Mikhail O. A. Category of a crime of exceptional gravity. Sovremennoe pravo = Modern law. 2022;10:113-117.
9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 28, 2021 No 2694-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Islam Saidakhmatovich Batsiev about the violation of his constitutional rights by a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation" SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus».
10. Official website of the Southern District Military Court. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14433663&case_uid=c42963a6-362f-481d-ad87-8255a2612361&delo_id=1540006 (accessed: 08.07.2023 .)
11. Sabitov T. R. Refraction of the General Principles of Russian Law in Criminal Law SPS «Konsul'tant Plyus» = Reference Search Engine «Consultant Plus».
12. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Part General. Vol. 1. Tula: Autograph, 2001. 800 p.
13. Federal Law of 05.05.2014 No. 130-FZ (as amended on 03.07.2016) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in Collection of Legislation of the Russian Federation. 12.05.2014. No 19. Art. 2335.
14. Federal Law No. 10-FZ of 01.07.1994 "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the RSFSR" in Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.07.1994. No. 10. Art. 1109.
15. Yani P. S. Punishability of an act by the death penalty and prescription. Zakonnost' = Legality. 2021;1:30-35.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.16>

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «РЕКОНСТРУКЦИЯ» ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Денис Леонидович Пивненко ¹

¹ Волгоградский государственный университет (д. 100, пр-т Университетский, Волгоград, 400062, Российская Федерация)

Соискатель

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8889-8117> E-mail: denispiv.2022@mail.ru

Аннотация. Введение. Актуальность темы объясняется отсутствием в правоприменительной практике и доктрине единого подхода к соотношению специальных норм об охране объектов культурного наследия с общими нормами градостроительного законодательства в части понятия «реконструкция». Правовая неопределенность в данном вопросе оказывает воздействие на широкий спектр правоотношений в сфере договорного, жилищного, градостроительного и других отраслей права. **Материалы и методы.** Основу исследования составили нормативные правовые акты, правоприменительная практика судов, научные статьи по исследуемому вопросу. Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы, так и специально-юридические методы познания. **Анализ.** Проведенное исследование выявило отсутствие в законодательстве Российской Федерации такой меры по сохранению объектов культурного наследия как реконструкция, невозможность применения понятия «реконструкция», опре-

деленного иными нормами права, по отношению к указанным объектам. **Результаты.** В ходе исследования получены новые научные результаты в изучаемой сфере. Предложены авторская редакция понятия «реконструкция» и соответствующие уточнения, и изменения законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, меры по сохранению объектов культурного наследия, многоквартирный дом, реконструкция, консервация, ремонт, реставрация, приспособление

Для цитирования: Пивненко Д. Л. Частноправовые аспекты понятия «реконструкция» объектов культурного наследия // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 479–485. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 25.07.2023.

Статья принята к публикации: 24.08.2023.

Research article

PRIVATE LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF «RECONSTRUCTION» OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Denis L. Pivnenko¹

¹ Volgograd State University (100, Universitetskij Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation)

Applicant

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8889-8117> E-mail: denispiv.2022@mail.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the topic is explained by the lack of a unified approach in law enforcement practice and doctrine to the correlation of special norms on the protection of cultural heritage objects with the general norms of urban planning legislation in terms of the concept of «reconstruction». Legal uncertainty in this matter has an impact on a wide range of legal relations in the field of contractual, housing, urban planning and other branches of law. **Materials and methods.** The research was based on normative legal acts, law enforcement practice of courts, scientific articles on the issue under study. The methodological basis of the research consists of both general scientific methods and special legal methods of cognition. **Analysis.** The conducted research revealed the absence in the legislation of the Russian Federation of such a measure for the preservation of cultural heritage objects as reconstruction, the impossibility of applying the concept of «reconstruction» defined by other legal

norms in relation to these objects. **Results.** In the course of the study, new scientific results were obtained. The author's version of the concept of «reconstruction» and the corresponding clarifications and amendments to the legislation of the Russian Federation are proposed.

Keywords: cultural heritage objects, measures for the preservation of cultural heritage objects, apartment building, reconstruction, conservation, repair, restoration, adaptation

For citation: Pivnenko D. L. Private legal aspects of the concept of «reconstruction» of cultural heritage objects. Humanities and law research. 2023;10(3): 479–485. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 25.07.2023.

The article was accepted for publication: 24.08.2023.

© Пивненко Д. Л., 2023

Введение. Статьей 40 Конституции Российской Федерации [8] закреплено право каждого на жилище, чему корреспондирует обязанность органов власти по созданию условий для реализации указанного права. Очевидно, что гарантированные государством права не могут рассматриваться в отрыве от положений других нормативных правовых актов (далее – НПА).

Среди таких НПА необходимо отметить статьи 17, 44 Основного закона, а также преамбулу Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН) [21], установившие два важнейших принципа по исследуемому вопросу: принцип предела реализации прав и принцип всеобщей обязанности по сохранению ОКН.

Также, не вызывает каких-либо вопросов понимание того, что любой многоквартирный дом (далее – МКД), обладая собственно данным правовым режимом, одновременно с этим, может обладать режимом объекта культурного наследия (далее – ОКН). При этом содержание данного режима подразумевает под собой как обязанность по поддержанию МКД – ОКН в эксплуатационном состоянии, так и диспозитивное правообладателя осуществлять мероприятия по сохранению таких объектов, способами и в порядке, определенном специальными нормами законодательства Российской Федерации.

Зачастую мероприятия по сохранению ОКН представляют собой работы по реконструкции, понятие которой, однако, по отношению к указанным объектам в НПА не закреплено. Данное обстоятельство порождает отсутствие единого подхода в правоприменительной практике и доктрине к вопросу о том к какому виду мер обеспечения сохранности ОКН следует отнести такие работы.

Рассматриваемая проблема проявляется в различных сферах общественных и правовых отношений, что обуславливает ее многоаспектный характер, первым из которых следует назвать конституционно-правовой аспект.

Цивилисты отмечают особую роль Основного закона как своеобразного свода принципов реализации прав и свобод граждан, осуществления тех или иных видов деятельности [22, л. 37]. В изучаемой сфере названный аспект раскрывается в эффективной реализации принципа социального государства, обеспечивающего условия достойной жизни человека, с одной стороны, сочетании предоставленных гражданских прав с обязанностями каждого по сохранению ОКН, с другой.

Публично-правовой аспект проявляется в регламентации деятельности соответствующих органов власти и местного самоуправления по исследуемой проблеме. Повседневная практика постоянно ставит вопрос о квалификации работ,

предлагаемых к реализации или реализуемых на ОКН, а также о дальнейшей юридической судьбе МКД – ОКН.

Гражданско-правовой аспект рассматриваемой проблемы будет подробно исследован далее в настоящей статье. Вместе с тем, кратко, он сводится к высокой степени оказываемого влияния принимаемых решений о возможности либо невозможности реконструкции ОКН, в том числе МКД, на прекращение, возникновение и изменение прав граждан в отношении принадлежащих им жилых помещений.

Правоприменительный аспект заключается в том, что отсутствие четко сформулированного понятия «реконструкция» по отношению к ОКН может воздействовать на правоотношения различных отраслей права – гражданского, жилищного, градостроительного, поскольку любая недвижимая вещь может быть отнесена к составу ОКН.

Однако должного внимания к проблеме применимости существующего понятия «реконструкция» по отношению к ОКН либо выработке специального понятия «реконструкция ОКН» законодатель не уделяет. Проведенное исследование выявляет как отсутствие в законодательстве меры по сохранению ОКН в виде реконструкции, так и невозможность применения понятия «реконструкция», определенного иными нормами права, по отношению к данным объектам.

В результате разработаны предложения по уточнению и изменению законодательства в рамках исследуемого вопроса, гармонизации специальных, градостроительных и жилищных норм, целью которых является легализация понятия «реконструкция» по отношению к ОКН.

Материалы и методы. В работе автор исследовал существующую нормативно-правовую базу, правоприменительную практику судов, научные статьи по исследуемому вопросу. Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы, в частности, диалектический метод, логический метод, анализ и синтез, так и специально-юридические методы познания, в том числе сравнительно-правовой метод, технико-юридический метод, метод толкования норм права, метод правового моделирования и т.д.

Анализ. Статьей 40 Закона об ОКН закреплено понятие мер по сохранению названных объектов, в общем плане сводящихся к обеспечению их физической сохранности и историко-культурной ценности. Конкретный и исчерпывающий перечень мер законодатель приводит в статьях 41-44 названного НПА: консервация, ремонт, реставрация, приспособление ОКН для современного использования.

Понятие «реконструкция», как вид работ по сохранению, в Законе об ОКН отсутствует, что не соотносится с нормами других отраслей права, в том числе жилищным и градостроительным.

Складывающаяся ситуация, по мнению автора, напрямую воздействует на широкий спектр частноправовых отношений и, в первую очередь, на отношения, возникающие по поводу принадлежащих различным субъектам помещений в МКД – ОКН.

Здесь уместно привести позицию Т. А. Борзенковой обоснованно показавшей, что «жилищное право и жилищное законодательство относятся к сфере частного права» [2, л. 73]. Приведенная позиция аргументирована тем, что жилищные права, реализуются, в первую очередь, в частных интересах, основаны в большей части на равенстве участников правоотношений и принципе пределов реализации таких прав, а их нормативное регулирование характеризуется преобладанием норм гражданского права.

Одновременно с этим, Н. Л. Улаева, исследуя аспекты градостроительной деятельности, обращает внимание на то, что «создание, реконструкция и капитальный ремонт жилых и нежилых зданий... подчинены правовым режимам, определяемым гражданским законодательством» [20, л. 27].

Необходимо также отметить, что работы по сохранению ОКН осуществляются на основании гражданско-правовых договоров. Результаты разработки проектной документации, ремонтных и других работ, верно квалифицированные и соотносящиеся с нормами Закона об ОКН, оказывают прямое влияние на положение сторон названных договоров, в том числе с точки зрения надлежащего исполнения обязательств.

Кроме того, помещения в МКД могут выступать объектами различных сделок, дефекты которых в виде проведенных работ, не соответствующих требованиям Закона об ОКН, могут повлечь за собой наступление негативных последствий для сторон складывающихся правоотношений.

Не следует забывать и деятельность по оценке состояния жилых помещений. Она, очевидно, обладает выраженным публично-правовым характером, поскольку осуществляется уполномоченными органами власти и местного самоуправления. Однако, результатом такой деятельности является изменение, а в некоторых случаях прекращение прав граждан на принадлежащие им объекты, трансформация положения равных участников (публично-правовых образований и физических лиц) жилищных отношений, в том числе возникающих в рамках договоров социального найма.

Наиболее ярко исследуемый вопрос, по мнению автора, раскрывается в практике межведомственных комиссий по оценке состояния жилых помещений (далее – МВК). НПА, регулирующие их деятельность, позволяют рассмотреть весь спектр мер по сохранению ОКН в соотношении с понятием «реконструкция».

Статьей 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [7] определено, что МКД возможно признать аварийными и подлежа-

щими сносу или реконструкции в установленном порядке. Порядок утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 (далее – Постановление № 47) [17], согласно которому МВК могут принять решения о наличии оснований для признания МКД аварийным и подлежащим реконструкции либо сносу. Вместе с тем, НПА не оговаривает случаи, при которых МВК должны учитывать обстоятельства отнесения МКД к ОКН, что, однако, не означает отсутствие необходимости соблюдения требований законодательства в указанной части.

В связи с этим, решение о признании МКД – ОКН аварийным и подлежащим сносу МВК принять не могут в силу прямого указания статей 16.1 и 18 Закона об ОКН. Иной вариант, предлагаемый Постановлением № 47 – признать МКД аварийным и подлежащим реконструкции не соотносится с нормами Закона об ОКН.

Так, Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [4] в статье 1 раскрывает понятие реконструкции объектов капитального строительства (далее – ОКС) (за исключением линейных объектов), из которого следует, что она представляет собой трансформацию параметров ОКС, а также полную замену несущих строительных конструкций. Иными словами, под реконструкцией подразумевается такое воздействие на объект, при котором в любом случае изменяется его первоначальный облик и эксплуатационные характеристики.

Вместе с тем, Закон об ОКН установил, что такие меры по сохранению ОКН как консервация и ремонт не могут изменять облик объекта и предмет его охраны. Более того, ремонт памятника подразумевает под собой работы, направленные на его поддержание в эксплуатационном состоянии, чем презюмируется неаварийное состояние объекта.

Одновременно с этим, Министерство культуры Российской Федерации (далее – Минкультуры РФ) разъяснило, что консервация представляет собой не оказывающие влияние на исторически сложившийся облик ОКН мероприятия, направленные на предотвращение дальнейшего разрушения памятника, обеспечивающие защиту и укрепление конструктивных частей [13]. В этом же документе уполномоченный орган власти раскрыл понятие аварийного состояния памятника, которое по своему содержанию сопоставимо с понятием аварийного состояния МКД, закрепленного в Постановлении № 47, а также определил содержание ремонтных работ на ОКН, практически тождественное статье 1 ГрК РФ.

Вышеизложенное ставит вопрос о возможности соотношения понятия «реконструкция» с иными способами сохранения ОКН – реставрацией и приспособлением для современного использования.

Понятие «реставрация» Законом об ОКН не раскрывается. Однако из буквального толкования данного термина следует, что реставрация подразумевает сохранение ОКН в его историческом виде и объемах.

Согласно С. И. Ожегову [10, л. 677] под реставрацией понимается восстановление памятников искусства и старины в первозданном виде, а в соответствии со словарем иностранных слов современного русского языка [5, л. 577-578] – приведение объекта в первоначальный вид. И. В. Окунева [11, л. 122] указывает, что реставрация представляет собой механическое укрепление предмета с сохранением его историко-культурных данных.

Минкультуры РФ среди прочего отмечало, что к реставрационным работам фасада относится восполнение (вычинка, докомпоновка), воссоздание и реставрация отдельных элементов ОКН [16], что вновь свидетельствует о реставрации как способе восстановления и сохранения исторических данных объекта. Ранее, Министерство культуры СССР [19] определяло реставрацию более детализировано как комплекс мероприятий, обеспечивающих не только сохранение ценных в историческом отношении элементов памятника, но и освобождение его от малоценных и искажающих облик наслоений.

Таким образом, понятие «реконструкция» не тождественно понятию «реставрация», что нашло свое подтверждение и в правоприменительной практике [18]. Следовательно, в качестве варианта разрешения вопроса возможно рассмотреть использование такого способа сохранения объекта как приспособление для современного использования.

Понятие приспособления, приведенное в Законе об ОКН, в сочетании с пунктом 3 статьи 40 данного НПА, позволяет прийти к предварительному выводу о том, что именно данный способ наиболее близок по своему содержанию к понятию «реконструкция», указанному в статье 1 ГрК РФ. Более того, как видно из Закона об ОКН, именно приспособление представляет собой комбинацию возможного изменения параметров ОКН с реставрацией, то есть восстановлением и сохранением исторически ценных элементов объекта.

Минкультуры РФ отмечает, что определение термина «приспособление ОКН для современного использования» дано в Законе об ОКН, не раскрывая виды работ, которые составляют его содержание [15]. При этом констатируется возможность проведения таких работ, а также изменения параметров объекта и замена и (или) восстановление его несущих строительных конструкций [14].

Казалось бы, вопрос разрешен: МВК могут принять решение о признании МКД – ОКН аварийным и подлежащим реконструкции, поскольку это не противоречит понятию приспособления ОКН. Более того, получается, что и правообла-

датели иных ОКН, проектировщики и подрядчики вправе осуществлять вышеуказанные манипуляции с объектами, не встречая каких-либо возражений со стороны органов охраны ОКН.

К аналогичному выводу приходит и С. А. Арсеньев [1, л. 8], определяя реконструкции как непротиворечащую закону и иным правовым актам меру по сохранению ОКН. О. А. Жаркова [6] отмечает, что приспособление ОКН к современному использованию не подпадает под действие градостроительного законодательства, однако, в ряде случаев, оно может представлять собой реконструкцию ОКС с созданием нового объекта недвижимости.

Однако, как указывалось ранее, такого способа сохранения ОКН как реконструкция прямо Законом об ОКН не предусмотрено. Общие положения ГрК РФ не могут быть применены к ОКН, так как в их отношении действует особый порядок, на чем акцентировали внимание Е. А. Галиновская и Т. Е. Мельник [3]. В связи с этим, в отсутствие четкой определенности в рассматриваемом вопросе интересна правоприменительная практика судебных органов в ее динамике.

Позиции судов по исследуемому вопросу варьировались от констатации различной правовой природы мер по сохранению ОКН и понятия «реконструкция» вплоть до их полного отождествления. Итогом, по мнению автора, стало определение Верховного Суда РФ от 04 апреля 2022 г. № 306-ЭС22-2571 по делу № А06-9767/2020 [12], в котором суды, проанализировав положения статей 40-45 Закона об ОКН и пункта 14 статьи 1 ГрК РФ, пришли к заключению о том, что признание МКД – ОКН аварийным и подлежащим реконструкции означает легализацию изменения параметров ОКС, что не соответствует нормам действующего законодательства.

Данный вывод является не просто основополагающим в системе деятельности МВК по оценке состояния МКД. В условиях невозможности сноса ОКН в принципе, по мнению автора, фактически парализуется деятельность таких комиссий, поскольку признание МКД – ОКН, подлежащим реконструкции теперь также исключено. Более того, он носит такой же характер по отношению ко всей отрасли охраны ОКН и возникающим, в связи с этим правоотношениям, так как однозначно определяет невозможность реконструкции ОКН.

В связи с этим, становится очевидной необходимость соответствующей корректировки законодательства Российской Федерации. Разрешение вопроса видится в определении возможности осуществления реконструкции ОКН и ее пределов, что подразумевает разработку понятия «реконструкция ОКН».

Е. Н. Мельникова [9] предлагает несколько подходов к преодолению сложившейся ситуации. Первый из них – формирование в доктрине и

судебной практике понимая возможности реконструкции ОКН, как совокупности норм градостроительного и специального (в сфере охраны ОКН) законодательства. При этом оговаривается, что такой подход ведет к сохранению правовой неопределенности.

Второй подход предполагает разработку нового термина «реконструкция» в отношении ОКН. Третий – определение на уровне разъяснений законодательства видов работ, выполняемых в рамках работ по сохранению ОКН, с указанием на то, что «приспособление ОКН для современного использования» включают в себя и реконструкцию памятника.

Однако, по мнению автора, первый и третий подходы все же не снимают, высокого уровня правовой неопределенности. Наиболее целесообразным представляется введение в Закон об ОКН отдельного термина «реконструкция ОКН», как самостоятельного вида работ. Реконструкцию ОКН возможно определить как научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях обеспечения физической сохранности и сохранения историко-культурной ценности ОКН, без изменения его предмета охраны и параметров (высотность, количества этажей, объема) с возможным восстановлением несущих строительных конструкций.

Введение в Закон об ОКН понятия нового вида работ не потребует внесения изменений в ГрК РФ, поскольку часть 3 статьи 4 названного НПА закрепила принцип преимущественного значения специальных норм в сфере охраны ОКН над градостроительными. Предлагаемое решение вопроса также не потребует внесения изменений в ЖК РФ, поскольку он уже содержит нормы о возможности признания МКД аварийным и подлежащим реконструкции.

В целом, аналогичные нормы содержатся и в Постановлении № 47, однако, по мнению автора, данный НПА все же подлежит корректировке, которая видится во введении нового вида решения «о выявлении оснований для признания МКД – ОКН аварийным и подлежащим реконструкции».

Результаты. Таким образом, в настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие «реконструкция ОКН», разработка и закрепление которого в НПА явно назрела. Правовая неопределенность в данном вопросе оказывает воздействие на широкий спектр правоотношений. В результате предложены авторская редакция понятия и соответствующие корректировки законодательства. Цель предлагаемых изменений – формирование единого подхода в оценке мер по сохранению в отношении ОКН, а также при определении юридической судьбы МКД – ОКН в деятельности МВК, как частного проявления исследуемого вопроса.

Литература

1. Арсеньев А. С. Правомерность реконструкции объекта культурного наследия // Право и экономика. 2012. № 3. С. 4–8.
2. Борзенкова Т. А. Частноправовые и публичные составляющие жилищного права и законодательства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 6 (223). С. 71–75.
3. Галиновская Е. А., Мельник Т. Е. Правовые условия изменения объемно-пространственных характеристик объектов культурного наследия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8. С. 16–21.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть I). С. 16.
5. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 800 с.
6. Жаркова О. А. Создание нового объекта недвижимости: публичное и гражданское законодательство // Закон. 2022. № 4. С. 171–187.
7. Жилищный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть I). С. 14.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001> (дата обращения: 15.06.2023).
9. Мельникова Е. Н. Существуют ли легальные основы реконструкции зданий, являющихся объектами культурного наследия? // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 161–178.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
11. Окунева И. В. О понятии «реставрация» // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. № 1 (20). С. 120–122.
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04 апреля 2022 г. № 306-ЭС22-2571 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d332c56c-b67a-4221-950c-a9c7915cbe6a/1_cfd1326-2a4a-41c3-8948-b1567d58666f/A06-9767-2020_20220404_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.06.2023).
13. Письмо Минкультуры РФ от 27 мая 2014 г. № 106-01-39/12-ГП «Разъяснение о ремонтных и противоаварийных работах» // Официальный сайт Минкультуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/razyasnenie-o-remontnykh-i-protivoavariynykh-rabotakh-106-01-3912/> (дата обращения: 23.06.2023).
14. Письмо Минкультуры РФ от 24 марта 2015 г. № 90-01-39-ГП «О порядке проведения и приемки работ по сохранению объекта культурного наследия» // Официальный сайт Минкультуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-24-03-2015-90-01-39-gp-o-poryadke-provedeniya-i-priemki-rabot-po-sokhraneniю-objekta-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения: 23.06.2023).

15. Письмо Минкультуры РФ от 20 февраля 2017 г. № 1254-12-04 «О проведении работ физическими лицами, аттестованными федеральным органом охраны объектов культурного наследия» // Официальный сайт Минкультуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-20-02-2017-1254-12-04-o-provedenii-rabot-fizicheskimi-litsami-attestovann/> (дата обращения: 23.06.2023).
16. Письмо Минкультуры РФ от 19 июля 2017 г. № 212-01.1-39-ВА «Разъяснение о проведении работ по фасадам объектов культурного наследия» от 19.07.2017 года // Официальный сайт Минкультуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-19-07-2017-212-01-1-39-va-razyasnenie-o-provedenii-rabot-po-fasadam-obekt/> (дата обращения: 23.06.2023).
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СЗ РФ. 2006. № 6. С. 702.
18. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 июня 2012 г. № Ф03-2130/2012 по делу № А51-13761/2011 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ead68118-be5e-42e3-9c0f-969fd3e7ab9a/d1947c33-d429-44a6-8062-3931fac8203f/A51-13761-2011_20120620_Posta novlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ead68118-be5e-42e3-9c0f-969fd3e7ab9a/d1947c33-d429-44a6-8062-3931fac8203f/A51-13761-2011_20120620_Posta%20novlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 23.06.2023).
19. Приказ Министерства культуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203 «Об утверждении «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Улаева Н. Л. Гражданско-правовое регулирование градостроительства: сущность, значение и перспективы совершенствования // Вестник КПУ МВД России. 2015. № 1 (27). С. 26–30.
21. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. С. 2519.
22. Шаронов С. А. Современное значение и проблемы охранной деятельности в Российской Федерации: цивилистический аспект // Юрист. 2013. № 11. С. 37–40.

References

1. Arsen'ev A. S. Legality of reconstruction of a cultural heritage site. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2012;3:4-8. (In Russ.).
2. Borzenkova T. A. Private and public components of housing law and legislation. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo = Bulletin of SYuSU. Series: Law*. 2011;6(223):71-75. (In Russ.).
3. Galinovskaya E. A., Mel'nik T. E. Legal conditions for changing the volumetric-spatial characteristics of cultural heritage objects. *Property relations in the Russian Federation = Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii*. 2017;8:16-21. (In Russ.).
4. Town Planning Code of the Russian Federation in Collection of legislation of the Russian Federation. 2005;1 Part I. Art. 16. (In Russ.).
5. Egorova T. V. Dictionary of foreign words of modern Russian language. Moscow: «Adelant», 2014. 800 p. (In Russ.).
6. Zharkova O. A. Creation of a new real estate project: public and civil legislation. *Zakon = Law*. 2022;4:171-187. (In Russ.).
7. Housing code of the Russian Federation in Collection of legislation of the Russian Federation. 2005;1 Part I. Art. 14. (In Russ.).
8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001> (accessed:15.06.2023). (In Russ.).
9. Mel'nikova E. N. Are there legal grounds for the reconstruction of buildings that are objects of cultural heritage? *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal= Russian legal journal*. 2021;4:161-178. (In Russ.).
10. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow: ООО «А TEMP», 2006. 944 p. (In Russ.).
11. Okuneva I. V. On the concept of "restoration". *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education*. 2009;1(20):120–122.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 4, 2022 No 306-ES22-2571 URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d332c56c-b67a-4221-950c-a9c7915cbe6a/1cfd1326-2a4a-41c3-8948-b1567d58666f/A06-9767-2020_20220404_Opredel enie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d332c56c-b67a-4221-950c-a9c7915cbe6a/1cfd1326-2a4a-41c3-8948-b1567d58666f/A06-9767-2020_20220404_Opredel%20enie.pdf?isAddStamp=True) (accessed:23.06.2023). (In Russ.).
13. Letter from the Ministry of Culture of the Russian Federation dated May 27, 2014 No. 106-01-39/12-GP "Clarification on repair and emergency work" URL: <https://culture.gov.ru/documents/razyasnenie-o-remontnykh-i-protivoavariynykh-rabotakh-106-01-3912/> (accessed:23.06.2023). (In Russ.).
14. Letter from the Ministry of Culture of the Russian Federation dated March 24, 2015 No. 90-01-39-GP "On the procedure for carrying out and accepting work to preserve a cultural heritage site" URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-24-03-2015-90-01-39-gp-o-poryadke-provedeniya-i-priemki-rabot-po-sokhrane/> (accessed:23.06.2023). (In Russ.).
15. Letter of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated February 20, 2017 No. 1254-12-04 «On carrying out works by individuals certified by the Federal Body for the Protection of Cultural Heritage objects» URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-20-02-2017-1254-12-04-o-provedenii-rabot-fizicheskimi-litsami-attestovann/> (accessed:23.06.2023). (In Russ.).
16. Letter of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated July 19, 2017 No. 212-01.1-39-VA «Explanation of the work on the facades of cultural heritage objects» dated July 19, 2017 URL: <https://culture.gov.ru/documents/pismo-minkultury-rossii-ot-19-07-2017-212-01-1-39-va-razyasnenie-o-provedenii-rabot-po-fasadam-obekt/> (accessed:23.06.2023). (In Russ.).

17. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 47 of January 28, 2006 «On Approval of the Regulations on the Recognition of Premises as Residential Premises, Residential Premises Unsuitable for Habitation, an apartment building in Emergency and Subject to Demolition or Reconstruction, a garden house as a residential house and a residential house as a garden house» in Collection of legislation of the Russian Federation. 2006;6. Art. 702. (In Russ.).
18. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Far Eastern District of June 20, 2012 No. F03-2130/2012 in case No. A51-13761/2011 URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ead68118-be5e-42e3-9c0f-969fd3e7ab9a/d1947c33-d429-44a6-8062-3931fac8203f/A51-13761-2011_20120620_Posta_novlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (accessed:23.06.2023). (In Russ.).
19. Order of the Ministry of Culture of the USSR dated May 13, 1986 No. 203 «On approval of the «Instructions on the Procedure for accounting, preservation, Maintenance, Use and restoration of immovable historical and cultural monuments SPS «Konsul'tant Plyus»=Reference Search Engine «Consultant Plus». (In Russ.).
20. Ulaeva N. L. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie gradostroitel'stva: sushchnost', znachenie i perspektivy sovershenstvovaniya // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Vestnik KRU MVD Rossii = Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015;1(27):26–30. (In Russ.).
21. Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 «On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation» in Collection of legislation of the Russian Federation. 2002;26. Art. 2519. (In Russ.).
22. Sharonov S. A. Modern significance and problems of security activity in the Russian Federation: civil aspect. Lawyer = Yurist. 2013;11:37-40. (In Russ.).

Научная статья

УДК 342.95

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.17>

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КАРАНТИННОГО ФИТОСАНИТАРНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

Максим Иосифович Увайдов¹¹ Саратовская государственная юридическая академия (д. 1, ул. Вольская, Саратов, 410056, Российская Федерация)

Соискатель

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2032-2590> E-mail: uvaidov2004@mail.ru

Аннотация. Введение. Надлежащая организация государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) является фактором, влияющим на состояние экономической и продовольственной безопасности, поскольку он предполагает применение мер, направленных на предупреждение проникновения и распространения вредных для отрасли растениеводства биологических организмов. Правовые нормы, регулирующие организацию государственного фитосанитарного контроля (надзора), образуют один из наиболее важных правовых институтов в структуре административно-правового регулирования агропромышленного комплекса. **Материалы и методы.** Исследование было проведено с использованием общенаучной методологии (анализа, синтеза, диалектического и системно-структурного методов), а также формально-юридического метода. Для этого была использована необходимая нормативно-правовая база, а научная аргументация сформулированных идей построена на основе изучения теоретических источников, в которых рассматривались актуальные вопросы правовой организации государственного управления, контрольно-надзорной деятельности и карантина растений. **Анализ.** Основными направлениями анализа являются проблемы организации и осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) с изложением обстоятельств, препятствующих нормальному осуществлению контрольно-надзорных мероприятий. **Результаты.** Установлена

целесообразность законодательного оформления мониторинга карантинного фитосанитарного состояния территории Российской Федерации и применяемых в ходе его проведения мер административного принуждения в виде составной части государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора). Дальнейшее развитие его нормативно-правовой регламентации может быть связано с унификацией терминологии, затрагивающей такие меры, как осмотр и досмотр. Сформулирован вывод о необходимости принятия организационно-правовых мер по повышению уровня материально-технической обеспеченности соответствующих органов и должностных лиц.

Ключевые слова: фитосанитарный контроль (надзор), карантин растений, административное принуждение, контрольно-надзорная деятельность, фитосанитарная безопасность, государственное управление, кадровое обеспечение

Для цитирования: Увайдов М. И. Отдельные проблемы правовой организации федерального государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 486–492. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.06.2023.

Статья принята к публикации: 26.07.2023.

Research article

SOME PROBLEMS OF THE LEGAL ORGANIZATION OF THE FEDERAL STATE QUARANTINE PHYTOSANITARY CONTROL (SUPERVISION)

Maksim I. Uvaidov¹¹ Saratov State Law Academy (1, Volskaya St., Saratov, 410056, Russian Federation)

Applicant

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2032-2590> E-mail: uvaidov2004@mail.ru

Abstract. Introduction. Proper organization of state quarantine phytosanitary control (supervision) is a factor affecting the state of economic and food security, since it involves the application of measures aimed at preventing the penetration and spread of biological organisms harmful to the crop industry. The legal norms regulating the organization of state phytosanitary control (supervision) form one of the most important legal

institutions in the structure of administrative and legal regulation of the agro-industrial complex. **Materials and Methods.** The study was conducted using general scientific methodology (analysis, synthesis, dialectical and system-structural methods), as well as the formal legal method. For this purpose, the necessary regulatory and legal framework was used, and the scientific argumentation of the formulated ideas was based on

© Увайдов М. И., 2023

the study of theoretical sources, in which topical issues of the legal organization of public administration, control and supervisory activities and plant quarantine were considered. **Analysis.** The main directions of the analysis are the problems of organizing and implementing state quarantine phytosanitary control (supervision) with a statement of the circumstances that prevent the normal implementation of control and supervisory measures. **Results.** The expediency of legislative registration of the monitoring of the quarantine phytosanitary condition of the territory of the Russian Federation and the measures of administrative coercion applied during its implementation in the form of an integral part of the state quarantine phytosanitary control (supervision) has been established. Further development of its regulatory and legal regulation may be associated with the unification of terminology affecting such measures as inspection and inspection. The conclusion is formulated about the need

Введение. Надлежащая организация государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) является фактором, в значительной степени определяющим состояние экономической и продовольственной безопасности, поскольку он включает в себя применение комплекса мер, направленных на предупреждение проникновения и распространения на территории России вредоносных биологических организмов, которые наносят огромный вред отрасли растениеводства.

Правовые нормы, регулирующие организацию и осуществление государственного фитосанитарного контроля (надзора), образуют один из наиболее важных правовых институтов в структуре административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в агропромышленном комплексе. К настоящему времени данный институт характеризуется интенсивным развитием за счет как единой нормативно-правовой базы осуществления контрольно-надзорной деятельности, так и собственного законодательного и подзаконного регулирования правоотношений в области карантина растений, осуществляемого на уровне Российской Федерации и международном уровне, включая, прежде всего, законодательство Евразийского экономического союза. Тем не менее наличие довольно развитого массива правовых норм не означает отсутствия проблем правоприменения. Практика деятельности территориальных органов Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) показывает регулярное выявление типичных нарушений в деятельности участников рынка агропромышленной продукции, включая вывоз и перевозку подкарантинной продукции за пределы карантинных фитосанитарных зон в отсутствие карантинного сертификата, его непогашение и неизвещение о доставке такой продукции, ввоз на территорию России древесно-упаковочного материала в отсутствие маркировочного знака установленного образца.

to take organizational and legal measures to increase the level of material and technical security of the relevant bodies and officials.

Keywords: phytosanitary control (supervision), plant quarantine, administrative enforcement, control and supervision activities, phytosanitary safety, public administration, staffing

For citation: Uvaidov M. I. Some problems of the legal organization of the federal state quarantine phytosanitary control (supervision). *Humanities and law research.* 2023; 10(3): 486–492. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.05.2023.

The article was approved after reviewing: 19.06.2023.

The article was accepted for publication: 26.07.2023.

Нарушения обязательных требований в сфере карантина растений свидетельствуют не только о состоянии правосознания субъектов, на которые возложено их соблюдение, но и об уровне организации контрольно-надзорной деятельности государства, которая должна быть ориентирована, в первую очередь, на предупреждение правонарушений. Высокий уровень ее эффективности обеспечивается рядом факторов, среди которых необходимо выделить состояние законодательного и подзаконного регулирования соответствующих правоотношений. Несмотря на значительное количество норм, определяющих содержание государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора), его качественное состояние зависит от их согласованности, непротиворечивости, отсутствия правовых пробелов. В то же время данные нормы не лишены недостатков, которые выражаются в недостаточно четком определении места мониторинга в системе контрольно-надзорной деятельности в сфере карантина растений, наличии различных законодательных подходов к определению содержания одинаковых по наименованию мер административного принуждения.

Материалы и методы. Исследование было проведено с использованием общенаучной методологии (анализа, синтеза, диалектического и системно-структурного методов), а также формально-юридического метода. Их применение способствовало выявлению недостаточно согласованного подхода законодателя к регулированию государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) по контрольно-надзорному законодательству и законодательству о карантине растений, сформулировать научно-обоснованные рекомендации, которые могут способствовать улучшению качественного состояния соответствующих правил. Исследование осуществлялось с использованием необходимой для этого нормативно-правовой базы, анализ которой обеспечил выявление коллизий между законодательством о карантине растений и новым за-

конодательством о государственном контроле (надзоре). Помимо этого, научная аргументация сформулированных идей строилась на основе изучения теоретических источников, в которых рассматривались актуальные вопросы правовой организации государственного управления, контрольно-надзорной деятельности и карантина растений. На повышение уровня обоснованности полученных выводов было направлено использование междисциплинарного подхода, выразившееся в привлечении трудов представителей науки административного права, иных юридических и неюридических наук, публикаций практических работников Россельхознадзора, в которых отражены основные проблемы организации государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора).

Анализ. Обращаясь к проблемам организации и осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора), необходимо обозначить ряд обстоятельств, препятствующих нормальному осуществлению контрольно-надзорных мероприятий. В частности, И. Ф. Каширгов указывает на: избыточность нормативно-правового регулирования соответствующей сферы; фрагментарность, несогласованность и неполноту правил, регламентирующих государственный фитосанитарный контроль (надзор), в связи с чем вносимые в один нормативный акт коррективы не всегда корреспондируют содержащимся в иных нормативных правовых актах правилам, не учитывают содержания других нормативных предписаний; использование инструментария контрольно-надзорной деятельности для решения политических и экономических задач, создания препятствий для ввоза в Россию продукции растениеводства в качестве ответа на недружественные действия отдельных стран Запада; наделение Россельхознадзора несвойственными ему полномочиями, что не способствует надлежащей реализации его основных функций и обуславливает возникновение компетенционных споров с другими федеральными органами исполнительной власти [3, с. 201–202].

Данные проблемы обусловлены комплексом факторов, которые проявляются независимо от регулируемой сферы или отрасли государственного управления и определяются общими тенденциями нормотворческой политики, не сильно меняющимися в ходе развития современной российской государственности. Например, актуальны суждения Л. А. Тихомировой о причинах возникновения проблем при надлежащей организации государственного управления: отсутствие единого подхода к систематизации соответствующего законодательства, проявляющееся в несвоевременном принятии или непринятии мер по приведению всей системы нормативных правовых актов в соответствие с внесенными изменениями; наличие

коллизий между принятыми в разное время общими и специальными нормами; отсутствие единого подхода в установлении исчерпывающего перечня полномочий, вследствие чего они рассредоточены по всему тексту закона, что вызывает неудобства у правоприменителя; неопределенность в содержании и сущности некоторых полномочий, обуславливающая подмену одних полномочий другими; перманентная оптимизация системы государственного управления, следствием чего стало непоследовательное перераспределение полномочий между органами исполнительной власти; отсутствие общих принципов определения и распределения полномочий между ними; размытость критериев разграничения объектов, на которые направлено управленческое воздействие различных органов исполнительной власти со смежными функциями [11, с. 225].

Многие из этих проблем проявились и при реформировании контрольно-надзорного законодательства, поскольку, например, совершенствование отраслевых законов, включая Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г.) «О карантине растений» [12], не было полностью синхронизировано с принятием нового контрольно-надзорного законодательства. Это касается ряда принципиальных вопросов организации контрольно-надзорной деятельности, включая определение места мониторинга в ее системе, содержательную характеристику применяемых мер административного принуждения.

Так, большое значение для организации государственного контроля (надзора) имеет мониторинг, который по Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [13] находит различные формы проявления. Он может использоваться для:

- 1) целей организации системы оценки и управления рисками причинения вреда посредством деятельности контрольно-надзорного органа по сбору, учету, анализу и обработке необходимой для этого информации (ст. 22);
- 2) наблюдения за соблюдением обязательных требований, которое, собственно, и именуется «мониторингом безопасности», на основе сбора и анализа информации о подконтрольных объектах, включая поступающие в процессе межведомственного взаимодействия и предоставляемые подконтрольными объектами сведения, общедоступные данные, размещенные в информационных системах органов публичной власти и иные общедоступные данные (ст. 74);
- 3) целей организации специальных режимов контрольно-надзорной деятельности, одним из которых является «мониторинг», состоящий в дистанционном государственном контроле (надзоре) в форме систематического,

опосредованного и целенаправленного получения и анализа информации о функционировании подконтрольных объектов, в том числе с использованием специальных технических средств с функциями наблюдения и измерения (с. 96).

Все эти его проявления являются неотъемлемой частью контрольно-надзорной деятельности. Однако по Федеральному закону «О карантине растений» мониторинг, несмотря на его осуществление Россельхознадзором, не интегрирован в систему государственного фитосанитарного контроля (надзора). Он направлен на установление карантинного фитосанитарного состояния территории государства посредством наблюдений, анализа и возможности распространения вредных для сельскохозяйственных культур биологических объектов. Вместе с тем мониторинг является одним из важнейших средств предупреждения нарушения обязательных требований, а, как отмечается руководящим составом Россельхознадзора, предупредительная работа приобретает ключевую роль. Она является способом администрирования, при котором обеспечивается оздоровление сельскохозяйственного производства [4, с. 12]. Примечательно, что, если исходить из содержания подзаконного регулирования, мониторинг карантинного фитосанитарного состояния территории предполагает возможность взаимодействия должностных лиц Россельхознадзора с подконтрольным объектом, поскольку может быть применена мера административного принуждения в виде отбора проб или образцов подкарантинной продукции [8], суть которой состоит во вторжении в его имущественную сферу вопреки его воле. Ввиду того, что применение мер административного принуждения должно быть основано на законодательном регулировании, представляется целесообразным законодательное оформление мониторинга карантинного фитосанитарного состояния территории Российской Федерации и применяемых в ходе его проведения мер административного принуждения в виде составной части государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора).

Имеют место существенные различия в понятийном аппарате, который касается мер административного принуждения. Особенно это характерно для понимания осмотра и досмотра. В законодательстве о государственном контроле (надзоре) отграничение этих мер друг от друга построено по принципу физического воздействия на обследуемые объекты. Если таковое имеет место (в виде вскрытия упаковки продукции, транспортных средств, помещений, демонтажа, разборки и нарушения их целостности), то данная мера обозначается как досмотр. Если же контрольно-надзорное действие состоит лишь во внешнем визуальном обследовании указанных объектов, то оно именуется осмотром.

В законодательстве о карантине растений реализован совершенно иной подход: критерием разграничения указанных мер является совершение (несовершение) действия в виде отбора проб или образцов, в то время как само визуальное обследование подконтрольных объектов, проводимое в обоих случаях для выявления вредных биологических организмов, каких-либо различий не имеет. Несмотря на то, что в законодательстве о карантине растений осмотр и досмотр урегулированы для целей их проведения в рамках карантинного фитосанитарного контроля (надзора), осуществляемого в пунктах пропуска через Государственную границу РФ, такая позиция законодателя вряд ли заслуживает поддержки. Во-первых, единство понимания однородной терминологии в рамках контрольно-надзорного производства способствует и единообразию правоприменения. Во-вторых, специфическое понимание осмотра и досмотра в законодательстве о карантине растений нелогично, поскольку служащий для их разграничения отбор проб и образцов является самостоятельным контрольно-надзорным действием и не должен входить в содержание досмотра. Поэтому дальнейшее развитие законодательного регулирования государственного фитосанитарного контроля (надзора) может быть связано с унификацией терминологии, затрагивающей меры административного принуждения.

В научной литературе, помимо указания на недостаточную эффективность нормативно-правовой регламентации функционирования Россельхознадзора и наличие законодательных пробелов и противоречий, обозначается необходимость проведения работы по формированию правосознания субъектов, в отношении которых осуществляется контрольно-надзорная деятельность, в целях укрепления ответственного отношения к исполнению предъявляемых к ним требований [2, с. 36]. Однако нельзя не отметить взаимосвязь правосознания с состоянием нормативно-правового регулирования тех или иных правоотношений, в том числе в сфере карантина растений. Законодательство представляет собой основу для становления правосознания, и от качественного наполнения правовых норм зависит формирование у субъектов правоотношений понимания ценности права и необходимости строить свое поведение или деятельность в строгом соответствии с правовыми нормами. Если же законодательство разбалансировано, не характеризуется системностью, последовательностью в регламентации тех или иных правоотношений, согласованностью норм различных нормативных правовых актов и их логичностью, то это существенным образом влияет на правосознание, приводя к нарушениям обязательных требований. Это справедливо и в отношении деятельности участников правоотношений в сфере карантина растений: наличие

недостатков в построении правового механизма осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) неизбежно приводит к дефектам правосознания и, соответственно, поискам путей уклонения субъектов от выполнения возложенных на них обязанностей.

Одновременно следует обратить внимание на еще один из ключевых вопросов организации государственного управления, в том числе контрольно-надзорной деятельности в сфере карантина растений, а именно его кадровое обеспечение. Как отмечал В. М. Манохин, кадры составляют решающий элемент, основу надлежущего функционирования органов государственного управления. Их квалификация, полномочия и перспективы деятельности должны рассматриваться в качестве отправной позиции, с которой формируется государственный аппарат [5, с. 222–223]. Особую актуальность кадровое обеспечение имеет для контрольно-надзорных органов, поскольку их должностные лица уполномочены применять меры административного принуждения, обеспечивая законность в закрепленной за ними отрасли или сфере государственного управления.

С этой точки зрения текущее состояние кадрового обеспечения территориальных органов Россельхознадзора является фактором, угрожающим фитосанитарной безопасности. Недостаточный уровень их укомплектованности способствует формализации контрольно-надзорной деятельности в сфере ввоза на территорию России подконтрольной продукции и созданию угрозы проникновения вредоносных биологических объектов. В то же время надлежущая укомплектованность органов Россельхознадзора кадрами высокой квалификации осложняется общей для системы государственной гражданской службы проблемой уровня оплаты их труда. Например, согласно Схеме размещения территориальных органов Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору годовой фонд оплаты труда 242 государственных служащих Управления Россельхознадзора по Орловской и Курской областям составляет 64725,1 тыс. рублей [7], что составляет в среднем около 267 тыс. рублей на одного служащего в год. Следует согласиться с мнением А. В. Павлова о необходимости ее качественного повышения, прежде всего по должностям категории «специалисты», что обусловит должное кадровое наполнение органов Россельхознадзора и повысит степень мотивированности его действующих государственных гражданских служащих [6, с. 219–221], в то время как существующий уровень оплаты труда способствует поиску специалистами с образованием в области сельского хозяйства иных вариантов применения своих знаний и квалификации.

Однопорядковым недостатком в организации карантинного фитосанитарного контроля (надзора) является и невысокий уровень материально-технической оснащенности органов Россельхознадзора, что является проблемой не только собственно отечественной организации данного вида контрольно-надзорной деятельности, но и основанной на принципе регионализации [10, с. 256–265] системы фитосанитарного контроля (надзора) ЕАЭС. Несмотря на наличие необходимого нормативно-правового регулирования обустройства фитосанитарных контрольных постов [9], специалистами отмечается недостаток надлежущего технического оснащения, что не позволяет в полной мере осуществлять контрольно-надзорную деятельность в сфере карантина растений применительно к ввозимой потенциально опасной продукции и является угрозой коллективной фитосанитарной безопасности ЕАЭС. Вследствие невысокого уровня возможностей стран-участниц ЕАЭС по организации эффективного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) обозначается проблема задержки и необоснованного возврата подкарантинных товаров. В случае решения указанной проблемы будет усилена результативность карантинного фитосанитарного контроля (надзора), ускорена процедура проверки в пунктах пропуска и обеспечена коллективная безопасность ЕАЭС вследствие минимизации угрозы проникновения и распространения вредоносных биологических организмов, а также ликвидированы неоправданные административные барьеры в международной и внутренней торговле продукцией растениеводства [1, с. 3–4].

Результаты. Правовая организация федерального государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) не лишена недостатков. В первую очередь, они обусловлены традиционными для отечественной практики правотворчества коллизиями, возникающими в связи с принятием более совершенных законодательных актов, по-новому регулирующих общественные отношения, в то время как ранее принятые законы фиксируют предыдущий этап развития законодательства. Это характерно и для исследуемого вида контрольно-надзорной деятельности, поскольку имеются существенные различия в ее организации по новому контрольно-надзорному законодательству и законодательству о карантине растений. Особенно это заметно по регламентации мониторинговой деятельности, которая в Федеральном законе «О карантине растений» урегулирована отдельно от фитосанитарного контроля (надзора), и применения ряда мер административного принуждения, имеющих содержательные отличия от тех, которые урегулированы контрольно-надзорным законодательством.

Указанные недостатки обуславливают целесообразность коррекции законодательства о карантине растений в соответствующей части и реализации идеи о законодательном оформлении мониторинга карантинного фитосанитарного состояния территории Российской Федерации и применяемых в ходе его проведения мер административного принуждения в виде составной части государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора). Установление специфики осмотра и досмотра в законодательстве о карантине растений по сравнению с законодательством о государственном контроле (надзоре) представляется необоснованным, в связи с чем

дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования государственного фитосанитарного контроля (надзора) может быть связано с унификацией терминологии, затрагивающей указанные меры административного принуждения.

Кроме того, представляют сложность вопросы кадрового и материально-технического обеспечения рассматриваемого вида контроля (надзора), что требует принятия необходимых организационных мер как по постепенному повышению уровня материальной обеспеченности самих государственных служащих Россельхознадзора, так и по надлежащему оборудованию используемых ими помещений.

Литература

1. Гаевский И. В., Джумагалиев О. К. Обустроенность зданий, сооружений, материально-техническая оснащенность пунктов по карантину растений (фитосанитарных контрольных постов), создаваемых на таможенной границе Евразийского экономического союза и в иных местах как залог повышения эффективности карантинного фитосанитарного контроля (надзора) // Карантин растений. Наука и практика. 2017. № 3 (21). С. 2–4.
2. Дураев Т. А., Саранцева М. С. Правовое регулирование деятельности Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Саратовской области // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (г. Саратов, 6 октября 2017 г.). Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 34–37.
3. Каширгов И. Ф. Анализ правовых проблем в организации и осуществлении ветеринарного и фитосанитарного надзора // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–3. С. 199–202.
4. Коняев А. М. Фитосанитарный надзор в Омской области // Защита и карантин растений. 2009. № 5. С. 11–12.
5. Манохин В. М. Административное право России: учебник. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. 272 с.
6. Павлов А. В. Фитосанитарный надзор в Российской Федерации: практика, проблемы и пути их решения // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности: сборник научных трудов магистрантов и преподавателей (г. Челябинск, 1 февраля 2020 г.). Челябинск: Издательство Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. С. 215–226.
7. Приказ Минсельхоза России от 21 ноября 2022 г. № 820 «О Схеме размещения территориальных органов Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
8. Приказ Минсельхоза России от 23 января 2018 г. № 23 «Об утверждении Порядка организации мониторинга карантинного фитосанитарного состояния территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.04.2018.
9. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2015 г. № 92 «Об утверждении Требований к материально-техническому оснащению и обустройству пунктов по карантину растений (фитосанитарных контрольных постов) и внесении изменений в Единые типовые требования к оборудованию и материально-техническому оснащению зданий, помещений и сооружений, необходимых для организации пограничного, таможенного, санитарно-карантинного, ветеринарного, карантинного фитосанитарного и транспортного контроля, осуществляемых в пунктах пропуска через внешнюю границу Таможенного союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 18.03.2016.
10. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Влияние регионализации на правовую политику в сфере государственного контроля и надзора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 256–265.
11. Тихомирова Л. А. Проблемы разграничения полномочий в области охраны окружающей среды между органами государственной власти // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 2. С. 223–227.
12. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4207.
13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4207.

References

1. Gaevskii I. V., Dzhumagaliev O. K. The equipment of buildings, structures, material and technical equipment of plant quarantine points (phytosanitary control posts) established at the customs border of the Eurasian Economic Union and in other places as a guarantee of increasing the effectiveness of quarantine phytosanitary control (supervision). *Karantin rastenii. Nauka i praktika = Quarantine of plants. Science and practice*. 2017;3(21):2-4. (In Russ.).
2. Duraev T. A., Sarantseva M. S. Legal regulation of the activities of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance in the Saratov region. *Legal institutions and methods of environmental protection in Russia, CIS countries and the European Union: state and effectiveness: collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference of teachers, practitioners, Students, undergraduates, postgraduates (Saratov, 6 October 2017)*. Saratov: Saratovskii istochnik; 2017. p. 34-37. (In Russ.).

3. Kashirgov I. F. Analysis of legal problems in the organization and implementation of veterinary and phytosanitary surveillance. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*. 2016;(1–3):199–202. (In Russ.).
4. Konyaev A. M. Phytosanitary surveillance in the Omsk region. *Zashchita i karantin rastenii = Protection and quarantine of plants*. 2009;(5):11–12. (In Russ.).
5. Manokhin V. M. *Administrative Law of Russia*. Saratov: Ai Pi Er Media; 2010. 272 p. (In Russ.).
6. Pavlov A. V. Phytosanitary surveillance in the Russian Federation: practice, problems and ways to solve them. *State regulation of socio-economic processes of the region and municipality: challenges and answers of modernity: a collection of scientific papers of undergraduates and teachers (Chelyabinsk, 1 February 2020)*. Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; 2020. p. 215–226. (In Russ.).
7. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 820 dated November 21, 2022 «On the Layout of the territorial bodies of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance». The document was not published. Access from the ConsultantPlus legal reference system. (In Russ.).
8. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 23 dated January 23, 2018 «On approval of the Procedure for monitoring the quarantine phytosanitary condition of the Territory of the Russian Federation». Official Internet Portal of Legal Information. <http://www.pravo.gov.ru>, 20.04.2018. (In Russ.).
9. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of October 14, 2015 No. 92 «On Approval of Requirements for Material and Technical Equipment and Arrangement of Plant Quarantine Points (Phytosanitary Control Posts) and Amendments to the Unified Standard Requirements for Equipment and Material and Technical Equipment of Buildings, Premises and Structures Necessary for the Organization of Border, Customs, Sanitary Quarantine, Veterinary, Quarantine Phytosanitary and Transport Control carried out at checkpoints across the external border of the Customs Union». Official website of the Eurasian Economic Union <http://www.eaeunion.org/>, 18.03.2016. (In Russ.).
10. Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. The impact of regionalization on legal policy in the field of state control and supervision. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020;3(134);256-265. (In Russ.).
11. Tikhomirova L. A. Problems of differentiation of powers in the field of environmental protection between public authorities. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*. 2011;(2):223-227. (In Russ.).
12. Federal Law No. 206-FZ of July 21, 2014 «On plant quarantine». *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 30 (part 1). Art. 4207. (In Russ.).
13. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation». *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 30 (part 1). Art. 4207. (In Russ.).

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.18>

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ «ГРУПП СМЕРТИ»

Вioletta Владиславовна Чернухина¹
¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

 ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4740-8515> E-mail: violetta2204@yandex.ru

Аннотация. Введение. Актуальность работы выражается в существовании проблемы, связанной с низкой эффективностью профилактической работы в школе в сфере противодействия суицидальному поведению и правонарушениям, побуждающим подростков к самоубийству, что подтверждается статистическими данными. Целью исследования является определить основные проблемные направления, препятствующие формированию эффективной системы по профилактике суицидов среди подростков и обозначить пути их решения. Новизна работы определена скудностью криминологических исследований в данной области, а также с выработкой актуальных для настоящего времени предложений по улучшению качества проводимой профилактической работы. **Материалы и методы.** При подготовке работы автор прибегал к использованию сравнительного, логического, статистического и формально-юридического методов, метода анализа, обобщения и социологического опроса, а также других. При написании статьи использовались труды отечественных исследователей, нормативная база, информационно-аналитические материалы, публикации СМИ, а также личный опыт профессиональной деятельности. **Анализ.** Основной проблемой профилактики подростковых суицидов и правонарушений суицидальной направленности по-прежнему являются низкий уровень профессиональной компетентности школьных психологов и отсутствие у них навыков работы с детьми в критических ситуациях, дефицит кадров в образовательных организациях, неосведомленность педагогов о существующих угрозах в информационном пространстве.

Достижение положительного профилактического эффекта, способного влиять на суицидальную ситуацию в России и регионе, возможно путем реализация комплекса правовых, технических и содержательных (контентных) мероприятий. **Результаты.** В целях улучшения суицидальной ситуации и совершенствования профилактической работы в данном направлении автором предлагаются мероприятия, связанные с упрочением взаимодействия между институтами семьи и школы; повышением уровня координации между субъектами профилактики подростковых суицидов и обмен результатами аналитической работы; внедрением адресных профилактических практик, ориентированных на современную молодежь; а также совершенствованием системы психологической помощи и реабилитации в постсуициде.

Ключевые слова: самоубийство, суицид, суицидальное поведение, девиация, профилактика, несовершеннолетние, подросток, противодействие, вовлечение, информационная безопасность

Для цитирования: Чернухина В. В. Проблемы профилактики суицидального поведения подростков в образовательной среде и противодействие преступлениям, связанным с деятельностью «групп смерти» // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 493–503. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 17.06.2023.

Статья принята к публикации: 26.07.2023.

Research article

PROBLEMS OF PREVENTING SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND COUNTERING RIGHT VIOLATION (CRIMES) RELATED TO THE ACTIVITIES OF «DEATH GROUPS»

Violetta V. Chernukhina¹
¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate

 ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4740-8515> E-mail: violetta2204@yandex.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the work is expressed in the existence of a problem associated with the low effectiveness of preventive work at school in the field of countering suicidal behavior and offenses that encourage adolescents to commit suicide, which is

confirmed by statistical data. The aim of the study is to identify the main problem areas that hinder the formation of an effective system for the prevention of suicide among adolescents and to identify ways to solve them. The novelty of the work is determined by the scarcity of criminological

research in this area, as well as with the development of relevant proposals for improving the quality of preventive work carried out. **Materials and methods.** In preparing the work, the author resorted to the use of comparative, logical, statistical and formal legal methods, the method of analysis, generalization and sociological survey, as well as others. The works of domestic researchers, the regulatory framework, information and analytical materials, media publications, as well as personal professional experience were used. **Analysis.** The main problem of preventing teenage suicides and suicidal offenses is still the low level of professional competence of school psychologists and their lack of skills to work with children in critical situations, a shortage of personnel in educational organizations, lack of awareness of teachers about existing threats in the information space. Achieving a positive preventive effect that can influence the suicide situation in Russia and the region is possible through the implementation of a set of legal, technical and substantive (content) measures. **Results.** In order to improve the suicidal situation and preventive work in this direction the author suggests

Введение. Нормальное развитие подростка возможно только в условиях благоприятных для его психики и физического состояния. Большое значение имеет характер и качество межличностного общения, а также участие и вовлеченность родителей, педагогов, в том числе педагогов-психологов, в создание комфортных условий для развития личности ребенка в образовательной среде. Проявление психологического насилия по отношению к несовершеннолетнему может наложить на его личность существенный отпечаток, оставив глубокие психологические раны, в том числе сформировать в нем суицидальные наклонности, повлиять на выбор профессии и определение своего места в жизни.

В целях предупреждения формирования у подростков суицидального мировоззрения родителям, педагогам и психологам в школе важно своевременно выявлять факты девиантного и (или) иного отклоняющегося поведения, пресекать ситуации, связанные с травлей и публичным унижением достоинства ребенка, проводить с детьми беседы с целью предупреждения буллинга в образовательном комплексе.

Для достижения полноценного профилактического воздействия немаловажным является участие родителей в общественной жизни ребенка и создание единого воспитательного и профилактического пространства «семья-школа».

Актуальность работы выражается в существовании проблемы, связанной с низкой эффективностью профилактической работы в школе в сфере противодействия суицидальному поведению и правонарушениям, побуждающим подростков к различным формам девиации, в том числе самоубийству.

Кроме того, профилактика самоубийств среди детей является одной из главных задач в сфере сбережения подростков и укрепления семейного

measures related to strengthening interaction between family and school institutions; increasing the level of coordination between the subjects of adolescent suicide prevention and the exchange of analytical results; the introduction of targeted preventive practices aimed at modern youth; as well as the improvement of the system of psychological assistance and rehabilitation in post-suicide.

Keywords: suicide, suicidal behavior, deviation, prevention, adolescents, minors, teenagers, counteraction, involvement, information security

For citation: Chernukhina V. V. Problems of preventing suicidal behavior of adolescents in the educational environment and countering right violation (crimes) related to the activities of «death groups». Humanities and law research. 2023;10(3):493–503. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.18>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.05.2023.

The article was approved after reviewing: 17.06.2023.

The article was accepted for publication: 26.07.2023.

благополучия, декларированных Стратегией комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 17.05.2023 № 358, что говорит об особом отношении к исследуемой теме со стороны государства.

Целью исследования является определить основные проблемные направления, препятствующие формированию действенной системы по профилактике суицидов среди подростков в образовательном комплексе, и обозначить пути решения.

Новизна работы, в первую очередь, связана со скудностью существующего объема криминологических исследований в данной области, в том числе посвященных проблемам профилактики данного вида правонарушений, а также с выработкой предложений по улучшению качества проводимой профилактической работы с подростками и молодежью, в том числе с возможностью экстраполяции предлагаемых мер на другие категории граждан, испытывающих пагубное психологическое воздействие.

Материалы и методы. Учитывая, что проблема подростковых суицидов носит междисциплинарный характер и затрагивает вопросы, входящие в предмет не только права и криминологии, но также психологии, социологии и педагогики, при подготовке работы автор прибегал к использованию сравнительного, логического, статистического и формально-юридического методов, метода анализа, обобщения и социологического опроса, а также других.

При написании статьи использовались труды отечественных ученых и исследователей, подвергалась анализу российский законодательный массив, регулирующий вопросы организации профилактической работы в указанном направлении.

Кроме того, использовался личный профессиональный опыт работы в сфере профилактики правонарушений, в том числе среди подростков и молодежи, в управлении по общественной безопасности аппарата Правительства Ставропольского края, информационно-аналитические материалы по данной тематике, публикации средств массовой информации.

Анализ. Прежде чем перейти к непосредственному анализу суицидальной ситуации среди несовершеннолетних в Российской Федерации и на Ставрополье, в частности, а также выработке предложений по ее улучшению, следует остановиться на двух важных аспектах.

Во-первых, в соответствии с законодательством Российской Федерации самоубийство не является преступлением, несмотря на свою разрушительную, противоестественную и антисоциальную природу. Вопрос формирования внутреннего конфликта, его генезис, причины, условия и факторы совершения суицида беспокоил на протяжении веков умы не только философов и религиозных деятелей, но и представителей медицинской и юридической науки, а с развитием общественных наук – психологов и социологов, оставаясь актуальным и по настоящий день.

Во-вторых, суицид может быть простым или носить криминальный характер. Да, несмотря на всю многоаспектность, сложность и непостижимость явления простого суицида, он находится вне рамок уголовно-правовой регламентации, при этом выступая предметом лишь социального и религиозного осмысления. Но существует он там лишь до тех пор, пока наличествует самостоятельно сформулированное намерение суицидента на уход из жизни.

В случаях же насильственного ограничения свободы воли либо злонамеренного преступного влияния на психику и поведение человека извне, речь будет идти о собственно криминальном суициде, а порой и об опосредованном убийстве.

Так, М. Ю. Пучина под криминальным суицидом понимает намеренное лишение себя жизни, вызванное физическим и (или) психологическим воздействием со стороны третьего лица, при котором у потерпевшего сохраняется свобода воли, т. е. объективная возможность руководить своими действиями (жить или погибнуть) [10].

От себя хотим добавить, что свобода распоряжаться своими действиями у жертвы преступлений суицидальной направленности сохраняется все же формально, поскольку как правило человек на протяжении продолжительного времени находится в ситуации, пагубно воздействующей на его психику и целостность личности.

Как бы ни были равнозначно печальны и разрушительны последствия простых самоубийств, их отличает тривиальность причин и отсутствие воздействия со стороны третьих лиц при принятии фатального решения.

Несмотря на юридически значимое отличие обстоятельств совершения простых и криминальных самоубийств, их объединяет наличие психического отклонения или душевной болезни суицидента. В частности, Е. А. Суворова отмечает, что в определенной степени основной причиной совершения суицида почти всегда служит психическое состояние (отклонение) самого погибшего. Из этого следует, что для установления причин совершения конкретного самоубийства прежде всего стоит исследовать поведение пострадавшего, а также его состояние здоровья. Во многих случаях связь между самоубийствами и психическими расстройствами была достоверно установлена [15, с. 23]. Простыми словами, психически здоровый человек не выберет путь самоубийства, как избавление от бытовых проблем.

В целом к психологическим факторам преступлений, предусмотренных статьями о доведении, склонении или содействии самоубийству (статьи 110, 110.1 УК РФ), можно отнести повышенное чувство тревожности, расстройства психики, вызванные ухудшением физического состояния организма (болезнью), депрессией на фоне утраты близкого человека; отставание в образовательном процессе, буллинг в кругу сверстников, неразделенную любовь, а также биологически обусловленную и свойственную подросткам психологическую незрелость, излишнюю эмоциональность, повышенную раздражительность, резкие смены настроения, потребность выразить протест, юношеский максимализм и другое.

Как известно, подростковый возраст наиболее восприимчив и подвержен социальным девиациям. Это обусловлено, в первую очередь, биологическими факторами, ведь в подростковый период происходит развитие мозга, его когнитивных функций, а равно способности к рациональному мышлению. Как пишет в своей книге «Биология добра и зла» Роберт Сапольски, американский нейроэндокринолог, профессор биологии, неврологии и нейрохирургии Стэнфордского университета, исследователь, писатель и популяризатор науки: «В мозге самой последней созревает лобная кора – лишь к двадцати-тридцати годам она превращается в полноценный рабочий ресурс. <...> Отсюда вытекают два важных следствия: 1) ни одна часть мозга не формируется в подростковом возрасте так интенсивно, как лобная кора; 2) мы не сможем понять подростковый возраст вне контекста запоздавшего развития лобной коры. У подростка уже имеются в полной боевой готовности и лимбическая, и автономная, и гормональная системы, а лобная кора еще «на подходе», и может посылать только скудный набор инструкций. Именно потому подростки такие ранимые, незрелые, импульсивные, возбудимые, всёразрушающие и саморазрушающие, самоотверженные и самолюбивые. <...> Другими

словами, это время наивысшего риска, поиска новизны и дружбы с равными. И все из-за незрелости лобной коры» [13, с. 214].

Родителю и педагогу стоит понимать, что закливание на собственных неудачах и конфликтах с окружающими, в том числе сверстниками, нерешительность, низкая самооценка, пассивно-агрессивное состояние, напряженность, – является признаками нахождения подростка в кризисных и психотравмирующих ситуациях, которые могут привести к суициду.

Нормативную базу по профилактике правонарушений, в том числе суицидальной направленности, в Российской Федерации составляют Федеральные законы от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Согласно статье 6 Закона № 182-ФЗ к основным направлениям профилактики правонарушений относятся защита личности от противоправных посягательств, предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних. Из совокупного смысла статей 5 Закона № 182-ФЗ и пункта 15 части 1 статьи 14.1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» работа по профилактике социально-негативных явления в подростковой среде возложена на органы местного самоуправления в лице образовательных организаций общего и профессионального образования.

Главная проблема профилактики детских и подростковых суицидов заключается в их достаточно высокой латентности. Нередко определить и отличить несчастный случай от попытки суицида не представляется возможным.

Широко известно, что самоубийство, как явление, само по себе гораздо более распространено, чем убийство. К примеру, несмотря на то, что в США исторически всегда был высокий уровень убийств, самоубийств в стране остается в три раза больше и составляет более 40 тыс. в год [16].

Так, по информации Росстата количество детских смертей по причине суицида в России в 2019 и 2020 г. составило 372 и 311 соответственно. По итогам 2021 г. указано на 375 самоубийств несовершеннолетних, из которых 254 случая среди подростков в возрасте от 15 до 17 лет [1].

Генеральной прокуратурой РФ на основе анализа данных в 30 регионах также отмечается рост количества подростков с суицидальным поведением, имеющих психические заболевания. В 2021 г. их количество составило 882 несовершеннолетних, в 2020 г. – 635 [8].

Рост суицидов среди несовершеннолетних в период последних лет связан также с ограничительными мерами, обусловленными распространением

коронавирусной инфекции, а затем с их отменой, что дало повод для всплеска уровня негативной физической активности подростков и молодежи.

Особая роль в работе по профилактике суицидального поведения среди несовершеннолетних принадлежит социально-психологическим службам. Анализ эффективности работы школьных психологов с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, показал, что уровень обеспечения школ психологами, их профессиональные навыки требуют серьезной коррекции.

Так, в образовательных организациях Ставропольского края насчитывается 450 психологов. При этом, на одного психолога приходится около 710 детей, в то время как согласно рекомендациям Министерства просвещения Российской Федерации [12], на одного психолога в школе должно приходиться не более 500 детей.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» руководство школы наделено правом включать в штаты образовательных организаций необходимое количество психологов. Однако этим правом сегодня могут воспользоваться далеко не все руководители, в связи с отсутствием необходимого финансирования. В этой связи более 20 % школ либо не имеют психолога, либо функцию психолога, как дополнительную нагрузку, выполняют учителя-предметники.

При изучении причин и условий совершения суицидов несовершеннолетними, у детей, как правило, выявляются тревожно-депрессивные состояния, с которыми они сталкиваются в образовательных организациях. Также нередко отмечают отсутствие эффективной индивидуальной работы с подростками, недостаточный уровень социально-психологического сопровождения детей, имеющих проблемы поведенческого характера, формальная работа с родителями.

Большой проблемой является зажатость подростков и недоверие к школьному психологу. Зачастую школьники убеждены, что обращаться к нему не стоит. Эта идея обычно сильно поощряется в подростковой среде, особенно мальчишеской, где говорить о своих личных проблемах преподавателю или уж тем более психологу – крайне непопулярное решение, которое с большой долей вероятности вызовет волну негатива и насмешек со стороны сверстников.

Комплекс профилактических мероприятий, проводимых субъектами профилактики в образовательной среде, зачастую носит формальный характер и не отвечает современным тенденциям в обществе. Так, с обучающимися проводят беседы и лекции, показывают фильмы и ролики, пропагандирующие здоровый образ жизни, организуют психологические тестирования и так далее. О заскорузлости мероприятий, предлагаемых современным детям, говорит низкая заинтересованность подростков в их участии.

Отдельной проблемой непопулярности профилактических мероприятий в школе является отсутствие специальных знаний у возрастных педагогов о новых течениях деструктивного поведения в подростковой среде («синие киты», «колумбайнеры» и другие), а также об угрозах, существующих в Интернете. Как преподавателю в доступной и интересной форме объяснить ребенку то, в чем он сам не разбирается и что не до конца понимает?

Среди мер по повышению интереса обучающихся к проводимой профилактической работе, а также эффективности профилактического воздействия на детей и подростков в образовательной среде необходимо выделить:

1) административно-распорядительные:

- создание в штатах образовательных организаций должностей педагогов-психологов в соответствии с требованиями Минпросвещения России, в том числе в целях перераспределения части обязанностей с учителей-предметников и классных руководителей по организации профилактической, психолого-педагогической работы с подростками,
- широкая информационная пропаганда и обеспечение доступности оказания экстренной психологической помощи детям через телефон доверия, а также другие каналы связи (мессенджеры, социальные сети), перевод на круглосуточный режим работы;

2) материально-технические:

- увеличение объема финансирования профилактических мероприятий, формирование интереса у школьного сообщества к участию в культурно-массовых и спортивных мероприятиях,
- привлечение в школы квалифицированных специалистов педагогов-психологов, организация прохождения курсов повышения квалификации или дополнительного образования педагогов-психологов, классных руководителей, педагогов-организаторов;

3) организационно-методические:

- внедрение в практику новых форм и методов профилактического воздействия (например, создание тематических групп и сообществ в социальных сетях, проведение конкурса коротких вертикальных видеороликов, организация интерактивных мероприятий, тренинги по стрессоустойчивости и умению выходить из конфликтной ситуации, и др.),
- информирование подростков о правовых, медицинских, психологических и религиозных аспектах суицида, последствиях его совершения для себя и близких,

а также участие в деятельности, связанной с созданием «культы смерти» в социальных сетях,

- анализ каждого случая проявления социально-негативного поведения со стороны подростка с выработкой комплекса решений, направленных на организацию индивидуальной профилактической работы и коррекцию поведения,
- систематическое просвещение родителей по вопросам профилактики суицидального и аддиктивного поведения подростков, привлечение их к мероприятиям с участием детей, формирование единого воспитательного пространства «семья-школа».

О цифровой гигиене и информационной безопасности детей. Цифровое просвещение и формирование навыков кибергигиены у молодежи в эру развития информационных технологий является наиболее важным и значимым направлением профилактики девиантного поведения. Несмотря на все очевидные плюсы, сеть «Интернет» несет в себе определенные опасности и угрозы, вследствие чего свободное пользование ресурсами может негативно сказаться на их развитии подростка как полноценной личности и его психологическом здоровье.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации обеспечение безопасности использования несовершеннолетними и молодежью пространства сети «Интернет» является составной частью информационной безопасности и приоритетным направлением развития государства.

В этой связи Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации поручено субъектам Российской Федерации до конца 2023 г. разработать перечни региональных мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, производство информационной продукции для детей и оборот информационной продукции.

Одним из ключевых факторов увеличения пользовательской аудитории сети «Интернет» во всем мире, следовательно, риска стать жертвой киберпреступления, стала пандемия коронавируса (2020 – 2021 гг.), а также принятие государством ограничительных мер в отношении граждан, в частности подростков и молодежи – обучающихся образовательных организаций системы образования. Согласно статистическим данным доля пользователей Интернета в возрасте от 12 до 24 лет в России приблизилась к 100 % и составила 97,1 % за февраль-ноябрь 2020 г. [3].

Детская аудитория российского Интернета насчитывает 8 – 10 млн. пользователей до 14 лет – это около половины всех детей, проживающих в Российской Федерации [5]. И этот показатель

едва ли можно считать достоверным, поскольку значительная часть детской аудитории указанного возраста в основном пользуется Интернетом через родительские аккаунты на семейных устройствах.

Возможность беспрепятственно осуществлять поиск, находить и использовать данные, содержащиеся в сети «Интернет», может крайне негативно влиять на неокрепшие умы несовершеннолетних. Поскольку подростки в силу биологических и психологических особенностей развития, как правило, неспособны в полной мере осознавать все опасности, подстерегающие их в цифровом пространстве, видится необходимым разрабатывать и принимать всесторонние меры, в том числе профилактического характера, в сфере защиты прав и свобод несовершеннолетних в информационном поле.

С учетом развития цифровых технологий можно выделить: 1) технические киберугрозы (распространение вирусов, вредоносных программ или программных обеспечений); 2) экономические киберугрозы (взломы электронных кошельков, платежных аккаунтов, хищение кодов доступа к банковским счетам, данных кредитных карт); 3) контентные киберугрозы (распространение в сети информации, носящей пронаркотический, асоциальный, незаконный характер, в том числе содержащей призывы к экстремизму, терроризму, употреблению запрещенных веществ или суициду) [5].

В контексте рассматриваемой проблемы контентные угрозы представляют наибольшую опасность, поскольку имеют большое воздействие на сознание именно молодых людей, отличающихся отсутствием жизненного опыта, способностью критически анализировать поступающие извне данные и ставить их под сомнение. Иными словами, именно несовершеннолетние граждане обладают повышенной степенью виктимности, в связи с чем эффективность и качество профилактической работы, направленной на противодействие возникающим киберугрозам и вовлечению подростков в противоправную или асоциальную деятельность, становятся наиболее актуальными.

Важным направлением профилактической деятельности является информирование молодежи о последствиях распространения незнакомцам личных сведений о себе и близких в сети «Интернет», а равно рисках совершения в отношении них преступлений, связанных с угрозами распространения таких сведений в целях вымогательства, вовлечения в противоправную деятельность, доведения до самоубийства и т.д.

Коммуникативная активность несовершеннолетних связана с переносом определяющего влияния с родителей на ровесников. В связи с чем, еще не до конца сформированная сфера ценностей и жизненных ориентиров у подростков может претерпевать отрицательное и даже

губительное влияние под воздействием негативной информации, содержащейся в социальных сетях [14]. В частности, речь идет о публичных призывах к суициду, нивелировании отношения к жизни как к главной ценности.

Не менее важной угрозой является кибербуллинг (травля несовершеннолетних в цифровом пространстве), который не только пагубно влияет на эмоциональную сферу жизнедеятельности подростка и его нормальное развитие, но и создает для последнего психотравмирующую ситуацию, что в некоторых случаях может перерасти в кибербуллецид. Издевательства и насмешки в Интернете могут также подтолкнуть самих ребят на совершение опасных для себя и других поступков, в том числе носящих незаконный характер.

Меры, направленные на цифровую безопасность несовершеннолетних в сети «Интернет», можно разделить на три группы:

- 1) правовые (разработка и принятие нормативно-правовых актов, создание специализированных профильных структур и учреждений);
- 2) технические (настройка фильтров, оптимизация деятельности по выявлению и блокировке противоправных сайтов, внедрение систем искусственного интеллекта);
- 3) социальные (совершенствование профилактической работы, внедрение новых форм и методов профилактики суицидального поведения).

Важно учитывать, что положительный результат может иметь только их комплексная разработка и реализация.

Что касается правовой стороны вопроса, Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» декларируется перечень информации, причиняющей вред здоровью и развитию ребенка. В частности, выделяют информацию, запрещенную и ограниченную для распространения среди детей.

За нарушение законодательства в области защиты детей от пагубной информации предусмотрена административная ответственность (статья 6.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Техническую сторону вопроса, а именно фильтрацию контента в сети «Интернет», ограничение доступа к ресурсам, содержащим противоправные сведения, в частности о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства (пп. в п. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), обеспечивает Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор).

В деятельность по выявлению информационных ресурсов суицидального содержания, наряду с Роскомнадзором, вовлечены сотрудники органов внутренних дел, организаций и учреждений систем образования, здравоохранения, культуры, спорта, молодежной политики, общественные объединения и организации, а также граждане.

Согласно официальным данным Роскомнадзора в 2019 году было заблокировано 30 336 таких Интернет-сайтов (страниц, аккаунтов и чатов в социальных сетях и мессенджерах), в 2020 г. – 24 509, 2021 г. – 33 417, 2022 г. – 17 969, из числа которых в среднем 21 % – по обращениям неравнодушных граждан. Только в январе 2023 года удалось ограничить информацию по 2 949 выявленным фактам распространения противоправного контента [7].

Одной из главных проблем обеспечения информационной безопасности подростков является ограниченность применения юридических и технических механизмов борьбы с киберугрозами территорией государства и национальной юрисдикцией. Как известно, Интернет – глобальная сеть, участниками которой являются граждане разных стран, где, к примеру, могут отсутствовать правовые запреты на распространения определенной рода сведений в сети, либо информационная политика в целом может носить более свободный характер.

Не стоит забывать о существовании «теневых» платформ, находящихся в зашифрованном сетевом пространстве, задача которых – обход национальных и транснациональных правовых запретов, а цель – совершение незаконных сделок по продаже похищенных предметов искусства, драгоценностей, оружия, боеприпасов, наркотиков, других запрещенных либо ограниченных в легальном обороте вещей, распространение противоправного контента (порнографии, материалов, содержащих сцены смерти, жестокости и насилия, транслирующих поведенческие девиации и пропагандирующих аморальный образ жизни).

К социальным механизмам, направленным на противодействие киберугрозам, относятся внедрение в образовательный процесс программ по цифровой гигиене, игровым зависимостям и т.д., в том числе для самих учителей. В этой связи стоит сказать, что одной из главных проблем в этом направлении профилактики является информационная безграмотность школьных педагогов, которые в силу возраста или иных причин не в состоянии овладеть навыками пользования современными технологиями (смартфонами, приложениями, Интернетом), следовательно, разъяснить об опасностях в цифровом пространстве, с которыми могут столкнуться подростки.

Указанное требует выработки дополнительных административно-распорядительных мер по повышению осведомленности школьных учителей и преподавателей средних специальных

образовательных организаций о существующих киберугрозах, а также повышению их уровня компетентности в данной области за счет проведения обучающих семинаров для педагогического состава организаций государственной системы образования.

О состоянии суицидальной ситуации на Ставрополье и об организации межведомственного взаимодействия по профилактике суицидальных проявлений. По данным уполномоченного по правам детей Ставропольского края в 2022 г. в регионе в результате суицидов погибло 11 детей, что на 38,9 % ниже, чем в 2021 г. (18) и на 15,4 %, чем в 2020 г. (13). Среди погибших в 2022 г. – 8 мальчиков и 3 девочки (в 2020 – 2021 гг. в 80 % случаев жертвами стали девочки), возрастом от 11 до 17 лет. Большая часть несовершеннолетних проживала в полных семьях, обучались в школах. Чаще всего подростки совершали попытки самоубийства, находясь дома, путем приема медицинских лекарств, падения с балкона или окна, нанесения себе порезов, а также через повешение [2; 6].

Основными причинами гибели детей от суицидов, как правило, являлись конфликты в семье, неразделенная любовь, психологические проблемы, проблемы, возникающие по месту учебы, а также болезни детей. Важно отметить, что в 70 % случаев подростки имели в анамнезе психические нарушения и состояли на учете у психиатров.

По данным «Ставропольской краевой клинической специализированной психиатрической больницы № 1», в 2022 г. на территории края зарегистрировано 66 попыток суицида, что на 11,9 % больше, чем в 2021 г. (58), и на 61 %, чем в 2020 г. (41 попытка). Как правило, чаще совершают попытки суицида девочки (в 2022 г. – 53 девочки, 80,3 %).

Всего за 3 года в крае было зарегистрировано 166 попыток суицида среди несовершеннолетних [6].

Одним из наиболее эффективных направлений в обеспечении системной работы по профилактике суицидального поведения несовершеннолетних является межведомственное взаимодействие органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам защиты их прав и законных интересов.

По данным правоохранительных органов, а также заинтересованных служб и ведомств, наибольшая часть несовершеннолетних, совершивших попытку суицида, проживала в благополучных семьях, не находящихся в поле зрения субъектов профилактики семейного неблагополучия. Вместе с тем, анализ показал, что у детей в семьях наблюдалось отсутствие доверительных отношений, подростки не могли объяснить причину своего поведения. Практически, никто из пострадавших не обращался до трагедии за помощью в психологические службы.

Комплекс мер, направленных на стабилизацию и поддержание суицидальной ситуации в крае, в организациях образования включает: групповую психолого-педагогическую работу; информационно-просветительскую работу службами, оказывающими помощь семье и детям в кризисной ситуации; методическую и психологическую помощь педагогам; информационно-просветительскую работу с родительской общественностью; индивидуальную психологическую консультацию с родителями; пролонгированную психолого-педагогическую помощь в отношении детей.

В целях профилактики суицидального поведения несовершеннолетних на базе подведомственных министерству образования Ставропольского края организаций действуют 9 государственных центров психолого-педагогической, медицинской и социально-психологической помощи (далее – психологические центры), за которыми закреплены все муниципальные и городские округа Ставропольского края.

В рамках деятельности психологических центров осуществляется соответствующая профилактическая работа с обучающимися образовательных организаций, педагогами и родительской общественностью.

Постановлением Правительства Ставропольского края от 29.12.2020 № 740-п утверждена государственная программа Ставропольского края «Профилактика правонарушений и обеспечение общественного порядка» [9] на 2021 – 2026 гг., в рамках которой в 2021 г. комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Ставропольского края организовано проведение обучающих мероприятий (семинаров), направленных на повышение квалификации классных руководителей, педагогов-психологов, социальных работников (500 человек), непосредственно работающих с детьми, в том числе по вопросам профилактики суицидального поведения несовершеннолетних.

Востребованным механизмом профилактики суицидов является телефон доверия с единым общероссийским телефонным номером (8 (800) 200-01-22), на который в Ставропольском крае за последние 2 года поступило более 15 тысяч звонков, из них порядка 150 по проблеме суицида. Вместе с тем, результаты опроса школьников и родителей (законных представителей), констатируют их низкую осведомленность о работе телефона доверия и перечне вопросам, с которыми можно обратиться к специалистам.

В целях предупреждения суицидального поведения среди несовершеннолетних министерством образования Ставропольского края с учетом предложений субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних разработан План межведомственных мероприятий по профилактике суицидального

поведения несовершеннолетних в Ставропольском крае на период до 2025 г., утвержденный распоряжением Правительства Ставропольского края от 28 января 2022 г. № 34-рп (далее – План, Распоряжение) [11].

Заявлено, что реализуемые в рамках Плана мероприятия (всего 41 мероприятие) направлены на построение эффективной системы предупреждения совершения подростками самоубийств и раннего выявления склонных к этому несовершеннолетних.

Вместе с тем, в Распоряжении отсутствуют сведения о количественных и качественных показателях, в соответствии с которыми должна происходить оценка эффективности реализации мероприятий Плана, что свидетельствует о декларованном характере принятого перечня и формальном подходе к организации профилактической работы в субъекте Российской Федерации. Оценить реальную эффективность мер, принимаемых органами государственной власти края, а также степень их профилактического воздействия на суицидальную ситуацию среди подростков в регионе не представляется возможным, что требует корректировки.

Результаты. В первую очередь, анализ действующего законодательства и количество принимаемых нормативных правовых актов в этой области демонстрирует высокую озабоченность государства в вопросах организации профилактической работы с детьми по линии противодействия просуицидальным течениям, в том числе в сети «Интернет», что составляет правовой механизм противодействия существующей угрозе.

Кроме того, на сегодняшний день выработан достаточно эффективный технический механизм фильтрации Интернет-трафика, направленный на противодействие распространению информации, содержащей призывы к суициду. Роскомнадзором на постоянной основе совершенствуется работа автоматизированных информационных систем по поиску противоправного контента, в том числе с использованием возможностей искусственного интеллекта.

Правоохранительными органами совместно с заинтересованными субъектами профилактики подростковых суицидов также организована работа по выявлению «групп смерти», транслирующих идеологию саморазрушения.

Вместе с тем, мониторинг суицидальной ситуации в России и на Ставрополье, а также оценка эффективности деятельности по профилактике суицидального поведения детей и подростков в образовательных организациях общего среднего и профессионального образования, как меры социального противодействия, показал, что на протяжении длительного времени остается нерешенным вопрос кадрового обеспечения и повышения профессиональной подготовки психологов указанных учреждений.

Недостаточность профессиональной компетентности школьных психологов, отсутствие у них навыков работы с детьми в критических ситуациях, дефицит кадров в образовательных организациях зачастую являются первопричинами совершения несовершеннолетними суицидальных попыток.

Актуальность проблемы суицидального поведения требует от специалистов образовательных организаций наличие навыков по своевременному выявлению существующих рисков социально-негативных проявления среди подростков и организации с ними индивидуальной профилактической работы комплексного характера с определением профилактической стратегии по каждому выявленному случаю.

В этой связи, стоит обратить внимание на разработанные Министерством здравоохранения России методические рекомендации «Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)», (подготовлены в НМИЦ имени В. П. Сербского), в которых приведена схема профилактической стратегии самоубийства, включающая:

- 1) универсальную (всеобщую) профилактику – программы для подростков, направленные на информирование о суицидальных рисках и выявлении ранних признаков суицидального поведения, а также ресурсах помощи;
- 2) селективную (избирательную) профилактику в выявленных группах риска;
- 3) антикризисную поддержку в пресуицидальном и раннем постсуицидальном периодах (приведены подробные разъяснения, в том числе о психотерапевтических методах, психофармакотерапии и электросудорожной терапии, о работе с окружением суицидента);
- 4) индикативную профилактику (указующую) в отдаленном постсуициде во избежание рецидива, а также реабилитации лиц из окружения суицидента, хотя «выживших» (окружение жертвы суицида) относят к мишеням селективной профилактики [4].

Пересмотр и внедрение в профилактические программы и индивидуальные планы работы с несовершеннолетними с отклоняющимся поведением практик, предложенных Минздравом России, с учетом региональных особенностей, на наш взгляд, способствуют более углубленному и комплексному подходу в работе с подростками в образовательной сфере.

В заключении по результатам проведенного исследования считаем, что основными мероприятиями по предупреждению правонарушений указанной категории являются:

1. Развитие и взаимодействие образовательно-просветительских институтов и института семьи, что предполагает:

- 1.1. Своевременное выявление классными руководителями, учителями и педагогами-психологами фактов физического и (или) психологического насилия по отношению к ребенку в семье и зависимого поведения у родителей (опекунов) (алкоголизм, наркомания, игромания). Организация психологами индивидуально-профилактической работы с детьми из неблагополучных семей и их психологическое сопровождение;
- 1.2. Организация работы с родительской общественностью по вопросам профилактики подросткового суицида с их привлечением к участию в школьных профилактических мероприятиях (например, к заседаниям школьного совета, проведению спортивных соревнований и спартакиад, интерактивных мероприятий и других);
- 1.3. Просвещение родителей о возможности использования функций родительского контроля на мобильных устройствах и персональных компьютерах подростков с возможностью фильтрации нежелательного контента.
2. Повышение эффективности взаимодействия и координации между субъектами профилактики суицидальных проявлений и правонарушений в подростковой среде:
 - 2.1. Системный мониторинг самоубийств (в том числе криминальных суицидов) надзорными и контролирующими органами, выявление криминогенных факторов, причин и условий, способствующих совершению девиаций. Распространение результатов проведенных анализов и исследований среди образовательных организаций на подведомственной территории;
 - 2.2. Мониторинг сети «Интернет» на предмет выявления информационных ресурсов, содержащих противоправный контент, в том числе о средствах и способах совершения самоубийства («групп смерти»).
3. Внедрение новых форм и методов профилактической работы по линии противодействия суицидам среди несовершеннолетних:
 - 3.1. Использование информационных ресурсов и лучших профилактических практик субъектов Российской Федерации Единого портала профилактики социально-негативных проявлений при организации профилактических мероприятий (ФГАИС «Молодежь России»);
 - 3.2. Внедрение образовательно-просветительского блока (площадки) в программы крупных детских и молодежных форумов

- и мероприятий (Всероссийская школьная весна, Всероссийские молодежные форумы «Машук», «Территория смыслов» и другие), посвященного проблематике профилактики девиантного поведения среди подростков и молодежи. Стимулирование проектной деятельности и выделение грантов под реализацию проектов в данном направлении;
- 3.3. Создание Интернет-сообществ, групп и каналов в социальных сетях и мессенджерах по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, в том числе связанных с распространением идеологии «групп смерти»;
 - 3.4. Изучение особенностей целевой аудитории профилактического мероприятия и адресное использование методик и практик, направленных на формирование у подростков живого интереса к участию в событиях (например, проведение конкурса профилактических видеороликов в формате тик-ток, использование музыки современных исполнителей и другие). Привлечение к мероприятиям лидеров общественного мнения и кумиров нового поколения.
4. Совершенствование психолого-профилактического сопровождения социально-негативных проявлений в образовательной среде:
 - 4.1. Развитие системы психологической помощи, формирование у граждан жизненных навыков, направленных на преодоление стрессовых ситуаций;
 - 4.2. Информирование подростков и родителей о работе телефонов доверия для оказания экстренной психологической помощи, в том числе с возможностью обращения через мессенджеры, популярные у тинэйджеров;
 - 4.3. Повышение эффективности психологической помощи и социальной реабилитации лиц, переживших попытки покончить с жизнью.

Литература

1. В России выросло число детских суицидов и их попыток // Журнал «РБК». Публикация от 07 июля 2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eесе23ead6> (дата обращения: 23.03.2023).
2. В 2022 году на Ставрополье совершили самоубийство 11 детей // Информационное агентство «Победа 26». Публикация от 20 марта 2023 года. URL: <https://pobeda26.ru/news/obshhestvo/2023-03-20/v-2022-godu-na-stavropolie-sovershili-samoubiystvo-11-detey-251262> (дата обращения: 24.06.2023).
3. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100% // Журнал «РБК». Публикация от 12 января 2021 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 24.06.2023).
4. Методические рекомендации Министерства здравоохранения Российской Федерации «Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)», подготовленные в НИИЦ им. В.П. Сербского (письмо Министерства здравоохранения РФ от 6 марта 2020 г. № 15-2/И/2-2645) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Миронова С. М., Симонова С. С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-i-svobod-nesovershennoletnih-v-tsifrovom-prostranstve> (дата обращения: 23.03.2023).
6. На 38,5 % увеличилось число самоубийств среди детей на Ставрополье // АТВмедиа. Публикация от 06 июня 2022 г. URL: <https://atvmedia.ru/amp/news/social/38473> (дата обращения: 24.06.2023).
7. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 24.06.2023).
8. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 24.06.2023).
9. Постановление Правительства Ставропольского края от 29.12.2020 № 740-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Профилактика правонарушений и обеспечение общественного порядка» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Пучнина М.Ю. Криминальный суицид: проблемы квалификации и отграничение от смежных составов преступлений // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnyy-suitsid-problemy-kvalifikatsii-i-otgranichenie-ot-smeznyh-sostavov-prestupleniy> (дата обращения: 24.02.2023).
11. Распоряжение Губернатора Ставропольского края от 28 января 2022 года № 34-рп «О мерах по профилактике суицидального поведения несовершеннолетних в Ставропольском крае на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Распоряжение Министерства просвещения России от 28.12.2020 № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Сапольски, Р. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / Роберт Сапольски; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 766 с.
14. Сашенков С.А. Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних // Общество и право. 2017. №1 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-formirovanii-suitsidalnogo-povedeniya-u-nesovershennoletnih> (дата обращения: 18.08.2023).
15. Суворова Е. А. Суицидальное поведение при органических психических расстройствах: дис... канд. мед. наук. Ижевск, 2020. 151 с.

16. Binder G., Chiesa L. The Puzzle of Inciting Suicide. *American Criminal Law Review*, 2018. Vol. № 56 (1). P 65-133. URL: <https://www.law.georgetown.edu/american-criminal-law-review/wp-content/uploads/sites/15/2019/01/56-1-The-Puzzle-of-Inciting-Suicide.pdf> (accessed: 16.08.2023)

References

1. The number of child suicides and their attempts has increased in Russia // RBC Magazine. Publication dated July 07, 2022 URL: <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6> (accessed: 23.03.2023). (In Russ.).
2. In 2022, 11 children committed suicide in Stavropol // Pobeda 26 News Agency. Published on March 20, 2023. URL: <https://pobeda26.ru/news/obshhestvo/2023-03-20/v-2022-godu-na-stavropolie-sovershili-samoubiystvo-11-detey-251262> (accessed: 23.06.2023). (In Russ.).
3. The share of Internet users in Russia among young people has approached 100% // RBC Magazine. Publication dated January 12, 2021 URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (accessed: 23.06.2023). (In Russ.).
4. Methodological recommendations of the Ministry of Health of the Russian Federation «Suicidal behavior of minors (preventive aspects)», prepared at the V. P. Serbsky NMIC (letter of the Ministry of Health of the Russian Federation dated March 6, 2020 No. 15-2/1/2-2645) Access from the ConsultantPlus legal reference system (In Russ.).
5. Mironova S. M., Simonova S. S. Protection of the rights and freedoms of minors in the digital space URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-i-svobod-nesovershennoletnih-v-tsifrovom-prostranstve> (accessed: 23.03.2023). (In Russ.).
6. The number of suicides among children in Stavropol increased by 38.5% // ATVmedia. Publication dated June 06, 2022 URL: <https://atvmedia.ru/amp/news/social/38473> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).
7. Official website of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) URL: <https://rkn.gov.ru/> (accessed: 23.06.2023). (In Russ.) (accessed: 06/24/2023).
8. Portal of legal Statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation URL: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed: 23.06.2023). (In Russ.).
9. Resolution of the Government of the Stavropol Territory No. 740 dated 12/29/2020-p «On the approval of the state program of the Stavropol Territory «Prevention of offenses and ensuring public order» Access from the ConsultantPlus legal reference system (In Russ.).
10. Puchnina M. Yu. Criminal suicide: problems of qualification and differentiation from related crimes URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalny-suitsid-problemy-kvalifikatsii-i-otgranichenie-ot-smezhnyh-sostavov-prestupleniy> (accessed: 23.03.2023). (In Russ.).
11. Order of the Governor of the Stavropol Territory dated January 28, 2022 No. 34-rp «On measures to prevent suicidal behavior of minors in the Stavropol Territory for the period up to 2025». Access from the ConsultantPlus legal reference system (In Russ.).
12. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 12/28/2020 No. R-193 «On approval of methodological recommendations on the system of functioning of psychological services in educational organizations». Access from the ConsultantPlus legal reference system (In Russ.).
13. Sapolsky R. *Biology of good and evil: how science explains our actions* / Robert Sapolsky; translated from English. Moscow: Alpina non-fiction, 2019. 766 p. (In Russ.).
14. Sashenkov S. A. The role of social networks in the formation of suicidal behavior in minors URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-formirovanii-suitsidalnogo-povedeniya-u-nesovershennoletnih> (accessed: 23.08.2023). (In Russ.).
15. Suvorova E. A. Suicidal behavior in organic mental disorders: thesis. Izhevsk, 2020. 151 p. (In Russ.).
16. Binder G, Chiesa L. The Puzzle of Inciting Suicide. URL: <https://www.law.georgetown.edu/american-criminal-law-review/wp-content/uploads/sites/15/2019/01/56-1-The-Puzzle-of-Inciting-Suicide.pdf> (accessed: 16.08.2023).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 81`371

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.19>

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО КИНОДИСКУРСА (на материале документальных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и художественного фильма на основе реальных событий «Мариям»)

Айшат Магомедовна Айбазова¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-8984> E-mail: aybazova.2013@mail.ru

Аннотация. Введение. Настоящая статья посвящена лингвоаксиологическому и лингвокультурному анализу единиц, используемых носителями карачаево-балкарского языка при вербализации воспоминаний, связанных с основополагающим для формирования лингвокультуры и языковой картины мира данного народа событием, насильственной депортацией 1943-1957 гг. Актуальность статьи обусловлена предпринятой в ней попыткой заполнить пробел в области лингвоаксиологических и лингвокультурных исследований карачаево-балкарского языка, затрагивающей кинодискурс, в центре которого депортационная тематика. На основе глубокого и детального разбора языковых единиц, используемых героями фильмов, выявляются единицы, содержащие в себе элемент оценочности. Цель статьи заключается в установлении особенностей употребления подобных единиц и природы их формирования. **Материалы и методы.** Единицы для анализа отбирались методом сплошной выборки и подвергались общей и авторской категоризации в соответствии с их интенциональной составляющей. Комплексная методология исследования, включает в себя лингвокультурологический, контекстологический, конситуационный и концептуальный анализ рассматриваемых аксиологических концептов. **Анализ.** Наиболее репрезентативными объектами анализа представляются кинотексты документальных фильмов и художественных фильмов, за основу сюжетов которых взяты реальные события, поскольку в силу произвольного характера отбора языковых средств героями интервью в подобного рода фильмах нам представляется форма языка максимально

приближенная к естественной речи его носителей в повседневной жизни. Репрезентация ключевых аксиологем в данном случае верифицируется бытийственной формой экспликации. **Результаты.** Автор статьи приходит к выводу, что в образовании оценочности единиц могут быть задействованы различные средства языка, а в кинотекстах упомянутой тематики преобладают единицы с негативным оценочным компонентом. Процесс аксиологизации наиболее значимых компонентов лингвокультурной картины мира происходит в неразрывной взаимосвязи с процессом вербализации в поликодовом тексте кинофильма с опорой на разделенные всеми представителями социума компоненты ценностно-ориентационного пространства.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоаксиология, оценочность, история, кинодискурс, кинотекст, тюркские языки

Для цитирования: Айбазова А. М. Аксиологическое пространство карачаево-балкарского кинодискурса (на материале документальных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и художественного фильма на основе реальных событий «Мариям») // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 504–513. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 24.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

THE AXIOLOGICAL SPACE OF THE KARACHAY-BALKAR FILM DISCOURSE (on the material of documentary films about the deportation: “Khorlatmaz adam esi”, “Sad Pages of Fate”, and the feature film “Mariam” based on real events)

Aishat M. Aibazova¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
 Postgraduate student
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-8984> E-mail: aybazova.2013@mail.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to linguo-axiological and linguo-cultural analysis of the units used by the speakers of the Karachay-Balkarian language in the verbalization of memories associated with the fundamental event for the formation of the linguistic culture and linguistic picture of the world of this people, the forcible deportation of 1943–1957. The relevance of the article is due to an attempt made in it to bridge the gap in the field of linguo-axiological and linguo-cultural studies of the Karachay-Balkarian language with the reference to film discourse related to the deportation theme. On the basis of a deep and detailed analysis of languages units used by the characters of the films, the units containing an element of evaluation are identified. The purpose of the article is to establish the features of the use of such units and the nature of their formation. **Materials and Methods.** The units for analysis were selected by the method of continuous sampling and subjected to general and author's categorization in accordance with their intentional component. The comprehensive methodology of the research includes linguoculturological, contextual, consituational and conceptual analysis of the axiological concepts under consideration. **Analysis.** The most representative objects of analysis in this regard are the film texts of documentaries and feature films, the plots of which are based on real events, since, due to the arbitrary nature of the selection of linguistic means by the interview subjects in such films, we see the form of the language

Введение. В мировой науке XXI в. ознаменован потоком исследований междисциплинарного характера, рассматривающих ключевые проблемы с ракурсов различных наук, между которыми прослеживаются отношения тесной или дистанцированной корреляции. В результате развития исследований в междисциплинарных направлениях появились соответствующие комплексные науки, в арсенале которых собраны терминология, методология и инструменты анализа двух или более уже существовавших по отдельности самостоятельных наук. Одной из таких междисциплинарных наук является лингвоаксиология, представляющая собой сочетание на основе общего объекта исследования таких базовых дисциплин, как аксиология, языкознание и лингвокультурология. Кинодискурс, будучи одним из ключевых объектов лингвокультурологических исследований, закономерно подвергается анализу с аксиологической точки зрения. Кинодискурс большинством исследователей понимается как достаточно широкий комплексный феномен, включающий не только, собственно, кинотекст,

as close as possible to the natural speech of its speakers in everyday life. The representation of key axiologems in this case is verified by the existential form of explication. **Results.** The author of the article concludes that various means of language can be involved in the formation of evaluative units, and units with a negative evaluative component predominate in the film texts of the mentioned subject. The axiologization process of the most significant linguistic worldview components occurs in an inextricable relationship with the process of verbalization in the polycode text of a movie based on the components of the value-orientation space shared by all representatives of society.

Keywords: linguoculturology, linguoaxiology, category of evaluation, history, film discourse, film text, Turkic languages

For citation: Aibazova A. M. The axiological space of the Karachay-Balkar film discourse (on the material of documentary films about the deportation: “Khorlatmaz adam esi”, “Sad Pages of Fate”, and the feature film “Mariam” based on real events). *Humanities and law research*. 2023;10(3):504–513. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.06.2023.

The article was approved after reviewing: 24.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

и вербально-визуальное пространство интерпретации, но и прото- и мета-тексты (мнения, рецензии, трейлеры, материалы полевых исследований для создания документальных проектов и т. п.), формирующие контекстуальную и конситуативную область его порождения.

Цель данной статьи заключается в комплексном анализе механизмов экспликации особенностей, имманентных аксиологическому пространству карачаево-балкарского кинодискурса, принимая во внимание его принципиальную значимость при характеристике культурного портрета рассматриваемого этноса.

Научная новизна предпринятого исследования определяется не только возрастающим интересом к исследованию механизмов модификации генерализованного содержания культурных концептов, но и выявлению роли аксиологических компонентов в структурировании концептуально-валерного пространства лингвокультурного сообщества. Кроме того, привлечение в качестве эмпирического материала текстов современного кинодискурса, содержащего билингвальный код,

позволяет выявить специфические точки бифуркации национальных и общероссийских аксиологических пространств.

История аксиологии как области человеческих мыслительных изысканий начинается ещё в античном мире. Ценностные понятия прослеживаются в философии древнего мира не в виде эксплицитно выраженных аксиологических суждений, а в форме различного рода воззрений на тему нравственности, блага, поведения и т. д. [5].

Лингвистическая составляющая аксиологии основана на соотношении Язык – Сознание – Общество – Культура – Человек. Язык в лингвоаксиологии предстает как аппарат образования и вербализации ценностей. Лингвоаксиологический анализ предназначен для лоцирования ценностного компонента языковой единицы или высказывания [6]. Таким образом, именно определение места того или иного вербализатора культурного аксиологического концепта в концептуально-валерной системе народа, а также в различных подсистемах языка представляется наиболее важной составляющей лингвоаксиологического анализа ценностно-ориентационного пространства текстовой реальности [8].

Ценность рационально очерчивать в формате противопоставления в рамках оппозиции «хорошо – плохо». В соответствии с положительным или отрицательным отношением субъекта различают «ценности» и «анти-ценности». Помимо общей оценки, классифицируют несколько специальных сфер распространённости ценностей, выраженных следующими диадами: 1) «истинно» и «ложно»; 2) «добро» и «зло»; 3) «прекрасное» и «безобразное»; 4) «приятное» и «отвратительное». Классификация не обязательная, поэтому может пополняться другими разновидностями, следуя установленной логике [6]. Ценностные компоненты картины мира зачастую обретают в процессе вербализации статус дихотомических единств, т.е. интерпретируются только как целостные знаки в сложном визуально-вербальном семиотическом пространстве [10].

Существенное значение анализ ценностных компонентов единиц языка имеет для лингвокультурологии в связи с неразрывной связью и взаимобусловленностью ценностных ориентаций индивида и лингвокультурного сообщества в процессе интенсификации и актуализации языковой картины мира целого этноса, что является ключевым объектом исследований лингвистической культурологии.

Первостепенное внимание аксиологически ориентированная лингвистика отдаёт эксплуатационному подходу в языковом анализе, что особо отмечает Ю. С. Степанов: «Дискурс – это первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности, <...> особой идеологии; особое использование влечет за со-

бой активизацию некоторых черт и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [7, с. 38].

Невозможным представляется анализ экспликативного пространства вне его взаимосвязи с социумом, в котором оно существует. Так, кинодискурс отражает наиболее значимые феномены и события, играющие доминантные социально-исторически детерминированные кинообразующие роли, а значит должен быть подвергнут социолингвистическому анализу. В контексте социолингвистических исследований «кинодискурс» трактуется как отражение общества, что мотивируется тем, что кинофильмы «насыщены социальными смыслами» [11, с. 10–11].

Фильмы выступают существенным источником информации о социальных и культурных реалиях общества, а кроме того, указывают на то, какие аспекты этого общества подвержены критике. В документальных фильмах отсутствует элемент художественного вымысла, а, следовательно, их можно рассматривать как наиболее адекватную репрезентацию материальной и духовной сфер жизнедеятельности народа. Из этого можно сделать вывод, что в документальных фильмах содержится достаточный пласт культурной информации, необходимый для характеристики ценностной картины мира народа, который и представляет не только целевую аудиторию, но и сам входит в качестве структурного элемента в формирование фильма, именно на основе этого факта обратной интимизации мнения представителей той или иной лингвокультуры о событиях, эксплицируемых в документалистике или фикциональном кино, органично включаются в общее пространство кинодискурса.

Карачаево-балкарский язык входит в число тюркских языков и является родным для карачаевцев и балкарцев, братских народов, живущих преимущественно в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках Российской Федерации. Одной из ключевых вех в истории карачаево-балкарского народа является период их принудительного переселения в Казахстан и Киргизию в 1943 и 1944 гг. В связи с этим карачаево-балкарское телевидение регулярно выпускает документальные и художественные фильмы, раскрывающие новые исторические факты, касающиеся данного исторического периода, а также посвящающими новое поколение народа в историю судеб их предков, являвшихся непосредственными участниками этих социально-исторических коллизий. Именно посредством подобной интенсификации в поликодовом пространстве кинотекста происходит не только трансляция, но и формирование ключевых аксиологических доминант, сохраняется историческая и культурная память народа, происходит опредмечивание в знаках языка и повторное распредмечивание эмотивных смыслов.

Материалы и методы. Эмпирический материал анализа отбирался методом сплошной выборки и подвергался авторской категоризации в соответствии с их интенциональной (иллюкативной) составляющей. Комплексная методология исследования, включает в себя лингвокультурологический, контекстологический, конситуационный и концептуальный анализ рассматриваемых аксиологических концептов. Эмпирическим материалом анализа послужили отрывки из кинотекстов карачаево-балкарских документальных и художественных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и «Мариям».

Анализ. В документальном фильме «Хорлатмаз адам эси» авторы затрагивают один из самых трагичных периодов в истории карачаево-балкарского народа – период их насильственного переселения с исторической родины на территорию Казахстана и Киргизии по приказу советских властей. Операция по выселению карачаевцев началась 2 ноября 1943 г., а депортация балкарцев была произведена 8 марта 1944 г. В обоих случаях подготовка к переселению осуществлялась сотрудниками НКВД и сопровождалась насильственными действиями, что способствовало распространению панических настроений в народе. Зачастую депортации подвергались только женщины, дети, старики и инвалиды, все мужчины были на фронте. Депортируемых перевозили в товарных вагонах, предназначенных для скота, погибших не хоронили, а просто выкидывали из поезда. Карачаевцы и балкарцы были оставлены в новом месте без элементарных условий к существованию.

Исходя из эмоциональной значимости данных событий для исторической памяти народа и их существенной роли в формировании ценностной и языковой картин мира карачаевцев и балкарцев, закономерным будет прогнозировать высокую степень оценочности языковых единиц кинотекста анализируемых фильмов, отражающих отношение жертв в репрессиях. Проанализировав данные кинотексты, мы разделили его аксиологически наполненные единицы на 4 категории: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражающие жалость к собственной участи; 3) единицы, отражающие гордость своим народом; 4) единицы, наполненные элементами ностальгии. Рассмотрим примеры каждой категории. Основные аксиологемы рассматриваемой лингвокультуры внедряются в кинотекст на основе соответствия их генерализованного содержания общему пространству интерпретации, создавая, таким образом, необходимые векторы распределения пространства оценки [2, с. 638].

К первой категории относится такое выражение как *халкъны тар ырбыннга тыйдыла* (пер. загнали народ в угол), отражающее безвы-

ходность и отчаяние ситуации, в которую попали карачаевцы и балкарцы. Данная оценка выражена не одним словом, а фразеологизмом *тар ырбыннга тыяргъа*, что существенно повышает семиотическую нагрузку вербализатора. Дополнительное подкрепление дерогативных компонентов ценностного пространства производится именно устойчивостью формы вербализации, разделение всеми членами лингвокультурного сообщества базовых компонентов аксиологемы привлекает новый прецедентный феномен к сфере осознанного в социуме события.

Следующие оценочные единицы заключены в предложении «Адамланы тышына кыыстаб мешиналагъа джюклеб башлайдыла» (пер. **Выгнае** людей на улицу, их начали **грузить** в машины). Слово кыыстаргъа по семантике близко к русскому «выгонять/прогонять», то есть подчеркивается, что люди были выведены из своих жилищ против собственной воли. *Джюклерге* (пер. *грузить*) в карачаево-балкарском языке используется только для описания действий с неодушевленными предметами, таким образом, авторы акцентируют внимание на пренебрежительном отношении органов власти к депортируемым при исполнении операции. Это пренебрежение и жестокость также подчеркнуты в предложениях: «Малай атхандыла мешиналагъа» (пер. **Вот так и бросили их в машины**); «Поездге миндиредиле ма былай къалау этиб» (пер. **Погрузили их в поезд и бросили в кучу**); «Ийнекле джюрюген эшелоннга кыудула» (пер. **Навалили их в вагоны для перевозки скота**) и т. д.

Вторая категория является самой многочисленной. В неё входит, например, характерологическая аксиологема с базовой семой «гибель» из следующих предложений: «Биз хариблени къайры элтдиле билмейбиз» (пер. **Куда нас бедных везут мы не знаем**); «Анам хариб гырджын бишире эди» (пер. **Бедная мать моя пекла хлеб**). В карачаево-балкарском языке лексема хариб является полным аналогом русского «бедный», используемого как для оценки моральной, а не материальной характеристики человека, однако также данное слово карачаевцы и балкарцы используют в значении «умерший, погибший», поэтому во втором предложении можно проследить оценку не только ситуации, сложившейся в тот конкретный исторический период, но и чувства интервьюируемой к более поздней смерти матери в ретроспективе к прецедентному феномену, представленному в кинофильме.

Следующий пример интересен тем, что оценка в нём даётся не чувствам депортируемых людей, а их питомцев, провожающих своих хозяев и, хоть и неосведомлённых, но понимающих неуязвимость и негативный характер происходящих событий: «Итлерибиз бизни ызыбыздан улуйла» (пер. **Собаки наши воют нам вслед**). В данном предложении намеренно было использовано

эмоционально нагруженное слово *вить* (улургъа) вместо нейтрального лаять (юрюрге). Создание общего пространства дерогагии осуществлено с помощью экспликации диады «мир – человек», где объективная реальность (природа) анимализируется в образах домашних животных.

Приведём ещё один пример из данной категории. В словосочетании «*бары да кырылыб*» (пер. *и все вымерли*), словом *кырылыргъа* (пер. *вымирать, гибнуть,дохнуть*) даётся оценка демографической ситуации, вызванной репрессиями. Из-за жестокого обращения и тяжелых условий перевозки, а впоследствии и адаптации на чужой земле, погибла одна третья карачаево-балкарского народа.

Третья категория насчитывает наименьшее количество единиц, что вполне естественно, учитывая то, что тематика фильма направлена на негативное представление тяжелой судьбы карачаевского народа. «*Ёхтем таулу джашла, тау къушла кибик*» (пер. *Храбрые горцы словно горные орлы*) – в данном предложении посредством оценочного прилагательного ёхтем (храбрый) и сравнительного оборота тау къушла кибик (словно горные орлы) выражена высокая оценка народом мужества своих соплеменников, принимавших участие в защите страны от фашистов. В данном примере можно также проследить такой яркий элемент карачаево-балкарской и в целом кавказской культуры, как почитание и тотемизация орла, которого, как правило, ассоциируют с силой, уважением и храбростью. Процесс символизации перцептивно воспринимаемых объектов осуществляется на основе фоновой проекции внутреннего содержания смыслового конструкта при нозматической рефлексии по моделям, традиционным для народного сознания [3, с. 7]. В следующем предложении выражена оценка стараниям, которые прилагали карачаево-балкарские солдаты для победы над врагом: «*Душманны ууатыр ючюн джашларын фронтта ашырыб, ала да кеслерин аямайын*» (пер. *Послал сыновей своих на фронт, чтобы разгромить врага, и те себя не жалели*). Буквально лексема ууатыргъа переводится как «измельчать», «крошить», то есть для словосочетания душманны ууатыргъа наиболее адекватным является перевод «стереть врага в порошок».

В последней категории собраны единицы с оценочным элементом «хороший», формирующие пространство позитивизации. Несмотря на трудности, которые переживали в те годы герои интервью, представленных в документальных фильмах, в их словах можно обнаружить элементы ностальгии и положительное отношение к предметам быта или членам семьи, выраженным посредством добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например, *джуургъанчыкъ* (одеяльце), *джастыкъчыкъ* (подушечка), *кызы-*

чыкъ (девочка), *къарнашчыгъымы кёлекчигин* (рубашечка братишки), *гардошчукъла* (картошечка), *чюгюндюрчюк* (свёклушка), *ахачыгъым* (денюжка).

Таким образом, в кинотексте фильма «Хорлатмаз адам эси» насчитывается 45 языковых единиц с элементом оценочности. Оценочность единиц выражена различными средствами языка: употребление эмоционально окрашенных прилагательных, использование тропа, противоположного олицетворению, внедрение уменьшительно-ласкательных суффиксов, сравнений, олицетворений и так далее. Можно сделать вывод, что данный кинотекст, как и предполагалось, обладает высокой степенью оценочности, и оценка, в соответствии с тематикой фильма, носит преимущественно отрицательный характер.

Помимо документального фильма был рассмотрен игровой исторический фильм, основанный на реальных событиях, как наиболее близкий по жанровым характеристикам к адекватному представлению социально-исторического контекста. В исторических фильмах, посвященных реальным историческим событиям, могут быть задействованы реально существовавшие или вымышленные герои. Цель автора в этом случае заключается в максимально достоверном воспроизведении событий или, точнее, их возможной версии. Безусловно, являясь произведением искусства, фильм гарантирует определенную, в некоторых случаях весьма значительную долю художественной условности [1].

Фильм «Мариям», автором которого выступила Малика Атабиева, основанный на реальных событиях, повествует о насильственной депортации балкарцев во время Великой Отечественной войны. Перевозили семью автора и остальных депортируемых в товарных вагонах, предназначенных для скота, на территорию Средней Азии. Они были обречены на голодную смерть. Главными героями фильма выступили молодые люди, покинувшие родной край против собственной воли и стремящиеся выжить в жестоких условиях депортации. Кинотекст данного фильма предполагает высокую частотность употребления аксиологически нагруженных языковых единиц, оправданную личным характером раскрываемых в фильме событий. Тем не менее, лингвоаксиологический анализ кинотекста позволил нам выделить категории аксиологических единиц отличные от рассмотренных выше. В данном кинотексте были выделены следующие категории: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражающие жалость к собственной участи; 3) единицы, отражающие положительное отношение.

Языковая единица первой категории была обнаружена в предложении «*Да чеченлени да алай кетерген эдиле*» (пер. *Да чеченцев ведь тоже*

так убрали). В карачаево-балкарском языке глагол кетерирге полисемантический и может переводиться как «убирать / увозить / стирать / смыывать / сбивать / уничтожать / искоренять». Таким образом, оценочный характер данной единицы заключается в акцентировании внимания зрителя на том, что чеченцев не просто перевезли на другую территорию, а сделали это жесточайшим способом, практически спровоцировав искоренение народа. Очевидно, что негативизация оценочных компонентов с переносом в прямом сравнении с другими этносами способствует объединению концептуально-валерных систем различных народов Кавказа. Следует подчеркнуть, что генерализация оценки осуществляется и на основе трансляции бед и несчастий, понятных всему человечеству.

Например, в следующем примере содержится лексема, относимая ко второй категории, которая отражает оценку народом своего безвыходного и жалкого положения. В предложении «*Дуниягъа палах келиб тургъан сагъатда*» (пер. *Когда на мир обрушилась беда*). Слово палах, которое в переводе на русский язык означает «беда/несчастье», даёт отсылку не к периоду самой депортации, а предшествовавшему ей началу Второй мировой войны, которая уже нанесла сильный удар по экономическому и духовному состоянию карачаево-балкарского народа: продовольствия, как и рабочей силы не хватало, все здоровые мужчины и юноши ушли на фронт, оставив женщин, стариков и детей дома. Таким образом, данная языковая единица содержит в себе негативную оценку обстоятельств, преследовавших представителей карачаево-балкарского народа с начала сороковых годов двадцатого века.

В экспрессивном высказывании «*Не джашауду бу биз хариблеге?!*» (пер. *Что это за жизнь такая у нас несчастных?!*), бабушка главной героини выражает отчаяние, вызванное тяжелыми условиями депортации. Слово *хариб* в переводе даёт такие значения, как «*бедный/несчастный/бедолага*». Кроме того, данную лексему традиционно используют в речи об умершем, то есть данную реплику можно интерпретировать и так, что участь депортируемых была настолько жестокой, что моральное состояние людей было близким к предсмертному, из которого они не видели выхода. Напрашивается вывод о резко негативной оценке спецпереселенцами условий, наличествовавших в местах депортации.

Фраза «*Тегерекде ачдан къырыллыкъбыз*» (пер. *С голоду все подохнем*), принадлежащая той же самой героине, поддерживает похожее настроение, подчеркивая, что смерть их ждёт самая мучительная. При этом соматизация душевных переживаний индивидуализирует подобное осмысление прецедентного феномена [4, с. 137]. Оценочность негативного характера, заложенная

в языковую единицу *къырылыргъа*, обосновывается тем фактом, что в карачаево-балкарском языке она носит такие значения, как «*помирать/гибнуть/полегать/дохнуть/сдохнуть*», и используется очень часто в отношении скота. Данная лексема резко отличается по семантике от нейтрального *ёлурге* (пер. *умирать*) и имеет яркую эмоционально-оценочную окраску.

К третьей, не выделявшейся в кинотексте предыдущего фильма, категории относятся единицы, отражающие положительное отношение, которая представлена лексемами, имеющими в своем составе оценочные семы «хороший» или «красивый». К примеру, бабушка часто обращается к своей внучке, главной героине, называя её «*марджан*», «*узунчач*», что переводится как «*коралловая моя*» и «*длинноволосая моя*» соответственно. В карачаево-балкарском языке данные слова являются субстантивированными прилагательными, сформированными на основе образных тропов, сравнивающих красоту девушки с кораллами и подчеркивающих красоту её волос. Ранее в статье упоминалось, что, помимо общей оценки, выделяются несколько специальных сфер распространенности ценностей, выраженных следующими диадами: 1) «истинно» и «ложно»; 2) «добро» и «зло»; 3) «прекрасное» и «безобразное»; 4) «приятное» и «отвратительное». Очевидно, что данные прилагательные, используемые бабушкой для в качестве обращений, относятся к сфере «прекрасное» и резко противопоставляются сфере «безобразное».

Наряду с образными средствами, для выражения положительной оценки в отношении к различным предметам или лицам используются также словообразовательные средства. К примеру, в предложении «*Юсюп, Мариямчыгыбыз келгенди*» (пер. *Юсуф, наша Мариямка пришла*) бабушка называет имя внучки, добавляя к нему уменьшительно-ласкательный суффикс *чыкъ/чыгъ*, тем самым подчеркивая своё доброе отношение к ней и позитивную оценку прилагаемых ею усилий для выживания их семьи в начальный период депортации.

В одной из финальных сцен младший брат героини подходит к ней, думая, что она спит, хотя на самом деле она была уже мертва, со словами «*Тур, гырджынчыкъ бла суучукъ келтиргенме*» (пер. *Вставай, я хлебушка и водички принёс*). В данном случае положительная оценка предметов также выражена посредством использования уменьшительно-ласкательных суффиксов *-чыкъ/-чукъ*, что ожидаемо, учитывая степень почитания пищи мусульманами (Ислам проник в карачаево-балкарскую среду ещё в 17 веке), а также контекст депортации, предполагавший нищету и голод, который заставлял радоваться даже самой скудной пище.

На основе лингвоаксиологического анализа фильма «Мариям» мы можем заключить, что подавляющее большинство языковых единиц

с компонентом оценочности, зафиксированных в соответствующем кинотексте, выражают оценку резко негативного характера. Подобная оценка аргументирована вертикальным контекстом трагичных исторических событий, вокруг которых разворачивается сюжет кинопроизведения. В данном случае можно констатировать, что ценностное пространство карачаево-балкарской лингвокультуры основывается на актуализации социально-культурного контекста противостояния лишениям, что способствует созданию дерогативных областей в восприятии и оценке конкретного исторического периода [4, с. 58].

Следующим фильмом, подвергнутым нами лингвоаксиологическому анализу, является документальный фильм ко дню депортации карачаевского народа «Судьбы печальные страницы», выпущенный телеканалом «Архыз24» 2 ноября 2022 г. (день депортации карачаевцев), автором сценария и режиссёром-постановщиком которого выступила Асият Мамаева. В фильм вошли материалы военной кинохроники, интервью бывших спецпереселенцев, сумевших пережить годы депортации и вернуться к нормальной жизни на родине, а также фотографии из их семейных альбомов.

Как и в случае с предыдущими проанализированными кинопроизведениями, выявленные в данном кинотексте единицы с оценочным компонентом были разделены на несколько категорий: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражающие жалость к собственной участи; 3) единицы, отражающие положительное отношение; 4) единицы, отражающие негативное отношение.

Рассмотрим вербализаторы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти. Достаточно яркий пример можно обнаружить в предложении «*Ол юч солдат сизни зшикге сюрюб чыгъарыргъа излейдиле*» (пер. *Те три солдата хотят вас на улице выгнать*). Слово сюрюге с карачаево-балкарского переводится как «гнать/выгонять». Используя данную лексему, герой интервью подчеркивает, намеренно жестокое обращение представителей власти с депортируемыми, а также актуализирует отсутствие уважения к имуществу переселяемых, что эксплицируется в рамках оппозиции «дом – улица», первый компонент которой является концептуально значимым практически в каждой лингвокультуре. Оценочный компонент рассматриваемой лексемы, как мы видим, характеризуется негативной нагрузкой.

В следующем предложении «*Къабыры къайсы болгъанын... ямалагъа атыб баргъандыла да*» (пер. *Не разбирая где чья могила, (тела) просто бросали в ямы*) делается акцент на пренебрежительном отношении властей к жертвам депортации, погибшим ещё до достижения места назначения. Если человек умирал в поезде

по пути в места переселения, его тело просто выбрасывали из вагона. Если подобное происходило в пунктах расселения, и близких не оказывалось рядом, тела умерших просто раскидывали по ямам, не достаивая их и могильных плит. В результате люди часто не могли выяснить, где захоронен член их семьи. Таким образом, подобному поведению со стороны властей героями интервью даётся отрицательная оценка, так как вместо нейтрального *тюшюрюрге* (пер. *опускаться*) было использовано слово с негативным оценочным компонентом.

Вторая категория более многочисленна. Как можно предполагать, исходя из названия, она также наполнена единицами с отрицательной оценкой, ведь бесчеловечные условия, узниками которых оказались спецпереселенцы, не могли оставить положительный след в их концептосфере.

Предложение «*Сабийле да ёксюз къалдыла*» (пер. *И дети остались сиротами*) является частью реальной истории гибели родителей одного депортированного семейства, рассказанной героиней интервью. Если рассматривать лексему *ёксюз* (пер. сирота) в диаде «добро – зло», то, очевидно, что она будет входить во вторую сферу, так как ни в одной культуре мира к потере детьми родителей не относятся с положительной оценкой.

В предложении «*Инджилтиб кёб турдула сизни*» (пер. *Много мучили вас*) дочь героини интервью, родившейся уже после периода депортации, делает заключение об отношении к депортированным со стороны органов власти, исходя из рассказов матери, как жертвы переселения. Слово *инджилриге*, переводимое как «страдать/мучиться/нуждаться/бедствовать», имеет явную негативную коннотацию и, несомненно, его можно было бы отнести к сфере «зло», расширяющей дерогативное пространство коммуникации.

В следующих примерах есть общая значимая для нашего анализа лексема, уже ранее выявленная нами в кинотекстах предыдущих фильмов: «*Мухтар хариб ёлиб къалгъан эди*» (пер. *Мухтар бедный умер*) и «*Анам хариб кетгенди*» (пер. *Мать моя бедная умерла*). Как отмечалось выше, в карачаево-балкарском языке слово *хариб* используется для оценки психоэмоционального состояния человека, с экстраполяцией до максимальной степени страдания в значении «*умерший, погибший*».

Лексема, на которую нам стоит обратить в следующем примере, также фигурировала в предыдущих кинопроизведениях: «*Биз мында къырылыб барабыз*» (пер. *Мы здесь гибнем*). Как и до этого, словом *къырылыргъа* (пер. *вымирать, гибнуть,дохнуть*) даётся резко негативная оценка демографической ситуации, вызванной репрессиями. Из-за жестокого обращения и тяжелых условий перевозки, а впоследствии и адаптации на чужой земле, погибла треть карачаево-балкар-

ского народа. В данном случае в интервью делается отсылка на важное историческое событие – встречу карачаевской делегации с Н. С. Хрущевым в Москве в 1956 г., после которой был издан приказ о реабилитации депортированных народов. В речи перед Н. С. Хрущевым говорилось об угнетении народов в местах депортации.

К категории единиц, репрезентирующих пространство позитивизации, а, следовательно, выражающих положительную оценку, в кинотексте фильма «Судьбы печальные страницы» были определены единицы образного обращения и единицы, сформированные посредством добавления уменьшительных морфем. Приведём примеры.

Во фрагменте интервью, когда дочь пытается освежить в памяти пожилой матери рассказы о временах ссылки в Средней Азии, которыми героиня интервью сама поделилась с дочерью ранее, мать ей отвечает: «*Мен аланы унутханма, **джаным***» (пер. *Я это всё уже забыла, душа моя*). Слово *джаным* (балк. *жаным*) (пер. *душа моя*) часто употребляется представителями карачаево-балкарского народа в обращении к близким людям для выражения ласки и приязни, а также в обращении к знакомым с целью экспликации доброго отношения и положительной оценки их действий.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в карачаево-балкарском языке используют для демонстрации ценности каких-либо лиц или предметов. Так, например, одна из героинь интервью, показывая на своих младших сестер, говорит: «*Ол да бу да **эгешчиклерим***» (пер. *И она, и она – мои сестрички*). Данный пример можно интерпретировать как актуализацию позитивной области одного из фундаментальных ценностных концептов карачаево-балкарской лингвокультуры – семьи.

В отрывке «*Кюбюрден **алтынчыкларымы алыб...***» (пер. *Забрав из сундука своё золотишко...*) героиня интервью показывает, какую ценность для них во времена переселения имело то небольшое количество драгоценностей, которое её семье удалось забрать с собой, и трепетное отношение к ним.

Далее мы переходим к категории, которая не была обнаружена ни в одном из предыдущих фильмов, а именно единицам, отражающим негативное отношение. С целью выразить негативную оценку описываемых событий или предметов, как и во многих других лингвокультурах, носители карачаево-балкарского языка прибегают к проклятиям. Это можно наблюдать в следующих фрагментах нашего кинотекста.

В предложении «*Чюгюндюр **худжугъа суу сала эдик***» (пер. *Мы поливали эту проклятую свёклу*) героиня интервью рассказывает о принудительных работах, которыми их заставляли заниматься казахи в местах депортации. Слово

худжу переводится как «*проклятый / недобрый / несчастливый / губительный / плохой*», что позволяет нам прочувствовать всю ненависть, которую депортированные ощущали к подобного рода навязанным действиям и всю тягостность их выполнения.

Далее героиня рассказывает о ненависти, которую к ним питали представители коренных народов в местах депортации в Казахстане, утверждавшие, что, если их сослали, то не безосновательно, а в качестве наказания за какие-то серьезные преступления, и прогонявшие их со своих земель. Героиня приводит в оригинале выражение, которое казахи использовали в отношении их, и переводит его, говоря «*Худжу **къаллыкъ къарачай деген сездю алача***» (пер. На их языке то значит «*будь проклят карачай*»). Выражение *худжу къаллыкъ* (пер. *будь проклят*) нередко используют при упоминании различных болезней. Например, в выражениях «*бу худжу къаллыкъ ауруу!*» (пер. *будь проклята эта болезнь!*) или «*бу ауруу худжу къаллыкъ къоймайды*» (пер. *эта проклятая болезнь не даёт покоя*).

Подобные смыслы можно проследить и в других выражениях. Например, об отношении казахов к переселенцам свидетельствует следующее предложение «*Бизни **кёрюп болмай эдиле***» (пер. *Они нас ненавидели*). Буквально выражение *кёрюп болмазгъа* можно также перевести как «*не быть в состоянии видеть*», из чего следует, что для демонстрации негативной оценки казахами карачаевцев и балкарцев было использовано образное средство, имеющее генерализованную семантику фразеологизма «*глаза б не видели*».

Однако приводится и пример ответной реакции карачаево-балкарцев: «*Алагъа **дунияны къуя эдиле***» (пер. *Говорили они им много всего плохого*), что в данном случае является эллиптической конструкцией от «*дунияны аманын къуяргъа*» (пер. *наговорить кому-либо много плохого*). Слово *дуния* в карачаево-балкарском языке означает *мир* как место обитания людей, то есть буквально данное выражение можно перевести как «*выговорить кому-либо всё то плохое, что есть в этом мире*». Как видим, в данном случае героиней интервью использована гипербола для преувеличения негативной оценки, которую в свою очередь казахам дали карачаевцы и балкарцы. Негативизация в совокупности с гиперболизацией зачастую выступает ключевым механизмом создания ядра дерогативной области в процессах формирования как авто-, так и гетеростереотипного восприятия реальности, строящегося на постоянных аллюзиях и реминисценциях полидискурсивного пространства [9, р. 1512].

Следовательно, из данных цитат героини интервью об отношении к ним казахов и работах, к которым их там принуждали, мы можем сделать

вывод, что впервые годы депортации казахи давали карачаево-балкарскому народу крайне негативную оценку и относились к ним с ненавистью и пренебрежением. Когда рассказ о депортации доходит уже до момента реабилитации высланных народов и их возвращения на Кавказ, героиня добавляет, что казахи уже поменяли своё мнение о них и даже просили оставить всё, как было, и не возвращаться на родину.

Результаты. Для целей нашего лингвоаксиологического анализа были проанализированы аксиологические пространства позитивизации и дерогации трех фильмов разных жанров, но одной тематики. Центральная тема всех трёх фильмов – рассказ о тяготах и лишениях, пережитых карачаевцами и балкарцами в годы депортации на территории Казахстана и Киргизии. Формирование и трансляция аксиологического пространства прецедентного мира «депортация» осуществлена в двух жанрах: документальный фильм и художественный фильм на основе реальных событий. Подводя общий итог комплексного анализа, можно утверждать, что кинотексты этих кинопроизведений изобилуют маркерами-экспликаторами

лингвоаксиологического пространства и представляют обширный материал для исследований ценностных ориентиров карачаево-балкарской лингвокультуры, а также дают возможность погрузиться в исторический контекст событий, внёсших огромный вклад в формирование как языка, так и культуры данного народа. Оценочность единиц в проанализированных кинотекстах выражена различными средствами языка: употребление эмоционально окрашенных прилагательных, использование образных средств, внедрение уменьшительно-ласкательных суффиксов и так далее. Топикальная привязка кинодискурса о депортации определяет преобладание в кинотекстах единиц с негативным оценочным компонентом. Дерогативное пространство оценки прецедентного события осуществляется посредством его вербализации в лексемах с негативными семантическими элементами различной степени интенсификации, а также в рамках наиболее действенного приема расширения и генерализации концептуально-валерной системы в форме устойчивых выражений и прямого сравнения со сходными областями негативизации событий в других этнокультурах.

Практический материал

1. YouTube «Мариям» Фильм 2022 (с русскими субтитрами). – 2022. – [Видео файл] – <https://www.youtube.com/watch?v=rHIVRF1EhCA>.
2. YouTube «Чтобы помнили». К 75-летию депортации балкарского народа. – 2018. – [Видео файл] – https://www.youtube.com/watch?v=7_3U4rChJAK&t=553s.
3. RuTube Судьбы печальные страницы. – 2022. – [Видео файл] – <https://rutube.ru/video/45747312a292caa620542c9acadd4379/>.

Литература

1. Архипов Б. В. Меншиков Владимир Владимирович Историческое кино как фактор формирования исторического сознания // Вестник Курганского государственного университета. 2011. № 3 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-kino-kak-faktor-formirovaniya-istoricheskogo-soznaniya> (дата обращения: 07.03.2023).
2. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распределения смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 634–640.
3. Бредихин С. Н. Ноэтическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. докт. филол. наук. Нальчик: КБГУ, 2014. 39 с.
4. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
5. Котлярова В. В. Аксиология как допарадигмальная Наука: период античности // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-kak-doparadigmalnaya-nauka-period-antichnosti> (дата обращения: 25.12.2022).
6. Павлов С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект // Вестник Мининского университета. 2013. № 2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoaksiologicheskaya-model-cheloveka-nauchno-metodicheskij-aspekt> (дата обращения: 26.12.2022).
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Гнозис, 1995. С. 35–73.
8. Bredikhin S., Serebryakov, A. The Explicitness Of The Deep Structure Of Meaning In Prognostic Strategies. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. 58. P. 2549–2557.
9. Bredikhin S. N. Tsybulevskaya A. V. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 92. P. 1507–1514.
10. Mai M. Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kinos. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2006. 320 s.
11. Štúr M. Three Basic Language and Semiotic Dichotomies after One Century of Development and the Complexity of Semiotic System // XLinguae. 2013. Vol. 6. Issue. 4. P. 2–17.

References

1. Arkhipov B. V. Menshchikov Vladimir Vladimirovich Historical Cinema as the Factor of Historical Consciousness Formation. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan State University. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-kino-kak-faktor-formirovaniya-istoricheskogo-soznaniya> (accessed: 07.03.2023).
2. Bredikhin S. N. General principles of text derivation as sense desobjectivation object. Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive studies of language. 2015;20:634-640.
3. Bredikhin S. N. Noematic structure of sense derivation within philosophic discourse: abstract of thesis. Nalchik, 2014. 39 p.
4. Bredikhin S. N., Pelevina N. A. Linguocognitive mechanisms of the worldview personal components actualization and conceptualization. Stavropol: Paragraph, 2021. 172 p.
5. Kotlyarova V. V. Axiology as pre-paradigm science: antiquity period. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanitarian and social sciences. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-kak-doparadigmalnaya-nauka-period-antichnosti> (accessed: 25.12.2022).
6. Pavlov S. G. Linguistic and Axiologic Model of the Human: Methodical Aspect. Vestnik Mininskogo universiteta = Bulletin of the Minin University. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoaksiologicheskaya-model-cheloveka-nauchno-metodicheskiy-aspekt> (accessed: 26.12.2022).
7. Stepanov Yu. S. Alternative world. Discourse. Fact and Principle of Causality in Language and Science of the End of the 20th Century. Moscow: Gnosis, 1995. p. 35-73.
8. Bredikhin S., Serebryakov A. The Explicitness Of The Deep Structure Of Meaning In Prognostic Strategies. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019;58:2549-2557.
9. Bredikhin S. N. Tsybulevskaya AV. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020;92:1507-1514.
10. Mai M. Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kinos. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge. Koln: Herbert von Halem Verlag, 2006. 320 S.
11. Štúr M. Three Basic Language and Semiotic Dichotomies after One Century of Development and the Complexity of Semiotic System. XLinguae. 2013;6;4:2-17.

Научная статья
УДК 811.161.1; 81'373.222.612.2
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.20>

КОНСИТУАТИВНАЯ МОДИФИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА В РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Татьяна Григорьевна Борисова¹

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)
Доктор филологических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2827-5351> E-mail: ddis@bk.ru

Аннотация. Введение. Ключевым для современного дискурса СМИ является его топикальная детерминированность и нарративность, основанная на инициальном целеполагании. Ввиду этого соотносены приядерных и периферийных ассоциативных компонентов базовых концептов, транслируемых в медиатекстах, с утилитарной и оперативной зонами коллективного пространства в процессе делиберации придает им статус доминант. **Материалы и методы.** Базовыми методами анализа структуры и содержания модифицированных концептов послужили герменевтико-ноэматический и дискурсивно-модусный, что дало возможность описать механизмы экспликации прагматического и интерпретативного плана в конкретной ситуации семиозиса. **Анализ.** Концепт представляет собой многоуровневую иерархическую структуру с конвенционализированными репрезентантами каждого из своих пластов, при этом изменение данной структуры может происходить посредством переосмысления отдельных компонентов на основе поиска новых вербализаторов. Каждый из модифицированных элементов должен приобрести и сохранить «заявленную» ценность в рамках структуры концепта, т. е. быть легитимизирован в дискурсе как несущий «объективный смысл». Эта «объективность» смысла позволяет новой грани концепта вписаться в имеющуюся ценностно-ориентационную систему современного российского сообщества. **Результаты.** На основании проведенного герменевтико-ноэма-
Research article

тического и дискурсивно-модусного анализа микроконтекстов, содержащих неузуальные вербализаторы базового концепта ПОБЕДА в современном медиадискурсе, можно сделать вывод о размежевании векторов актуализации дерогативного и позитивного пространств интерпретации в рамках бинарных оппозиций «свой – чужой» и «хорошо – плохо». Ключевыми механизмами конситуативной модификации содержания концепта признаются: 1) модусная привязка ядерной и периферийной семантики к стереотипной семиотической репрезентации коллективного опыта, 2) использование интимизационных средств, 3) дисфемизация пространства «чужого» и вердиктивная эвфемизация сферы «своего».

Ключевые слова: медиадискурс, концепт, конситуативность и контекстуальность, модификация структуры, ценностно-ориентационное пространство, делиберация

Для цитирования: Борисова Т. Г. Конситуативная модификация структуры и содержания концепта в русском медиадискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 514–520. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.20>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

CONSITUATIVE STRUCTURE AND CONTENT MODIFICATION OF THE CONCEPT IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Tatyana G. Borisova¹

¹ Stavropol State Teacher Training Institute (417 A, Lenin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2827-5351> E-mail: ddis@bk.ru

Abstract. Introduction. The key to modern media discourse is its topical determinacy and narrativity based on initial goal setting. With this regard, the correlation of the core and peripheral associative components of basic concepts conveyed in media texts with the utilitarian and operational zones of the collective space in the process of deliberation gives them the status of dominants. **Materials and Methods.** The basic methods for analyzing the structure and content of the modified concepts were hermeneutic-noematic and discursive-modus methods, which made it possible to describe the

mechanisms of pragmatic and interpretive explication in a specific semiosis situation. **Analysis.** A concept is a multi-level hierarchical structure with conventionalized representatives of each of its layers; the structure can be changed by rethinking individual components based on the search for new verbalizers. Each of the modified elements must acquire and maintain the “declared” value within the framework of the concept, i.e. be legitimized in discourse as carrying “objective meaning”. This “objectivity” of meaning allows a new facet of the concept to fit into the existing value-oriented system of the modern

© Борисова Т. Г., 2023

Russian community. **Results.** Based on the hermeneutic-noematic and discursive-modus analysis of microcontexts containing non-usual verbalizers of the basic concept of VICTORY in modern media discourse, we can conclude that the vectors of actualization of the negative and positive spaces of interpretation are demarcated within the framework of the binary oppositions “friend – foe” and “good – bad”. The following are recognized as the key mechanisms of consituative modification of the content of the concept: 1) modus binding of nuclear and peripheral semantics to the stereotyped semiotic representation of collective experience, 2) the use of intimidation means, 3) dysphemization of the “foe” space and verdictive euphemization of the “friend” space.

Введение. Современные концептологические исследования носят трансдисциплинарный характер ввиду многоплановости и сложности самого объекта исследования. Рассмотрение структуры и содержания любого вида концепта, в том числе и культурного, невозможны без учета не только лингвокультурологических аспектов, но и социально-исторического контекста. Именно анализ экстралингвистической реальности в неразрывной связи с изменениями ситуации порождения новых элементов-интерпретантов базовых концептов русской лингвокультуры позволяет не только выявить, но и прояснить механизмы формирования, актуализации и интенцификации исходно не входящих в иерархию содержания оперативных, эмотивных и информативных компонентов [5]. Дискурсивный и нарративный характер медиатекстов предполагает комплексный подход к исследованию пространства создания коллективной ценностно-ориентационной системы современного общества. Как особая форма актуализации эпистемически, исторически и культурно детерминированного коммуникативно-поведенческого стереотипа нарративность жестко фиксирует векторы интерпретации базовых концептов и легитимизирует их семиотические характеристики в тот или иной период, закрепленными и узуальными становятся в дискурсивном пространстве и когнитивно-коммуникативные стратегии их репрезентации [2, с. 46]. Этот «универсальный канон» формирует узуальность и утилитарность восприятия всеми членами общества тех смыслов, которые транслируются в манипулятивном дискурсе СМИ, собственно, он и является тем «шаблоном», в котором ценностная компонента и выступает в качестве нового члена оппозиционных отношений с другими элементами ядерной структуры концепта. Приядерные и периферийные, а иногда и окказиональные вербализаторы обретают статус доминантных репрезентантов на основе характеристики частотности и уже не мыслятся в качестве приобретенных, а конвенционализируются как наиболее широкие, дающие доступ к актуальной, действительной и само собой разумеющейся интерпретации.

Keywords: media discourse, concept, consituativity and contextuality, structure modification, value orientation space, deliberation

For citation: Borisova T. G. Consituative structure and content modification of the concept in Russian media discourse. *Humanities and law research.* 2023;10(3): 514–520. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.20>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.06.2023.

The article was approved after reviewing: 20.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

В качестве главной цели исследования видится определение новых формантов структуры одного из доминантных ценностных культурных концептов российского общества ПОБЕДА, а также выявление ключевых механизмов модификации его содержания и экспликации новых формантов в частотных репрезентантах периферийной области. Нарративные параметры медиадискурсивной актуализации вновь вводимых конситуативно интерпретируемых компонентов в структуре концепта в условиях исходно неконвенциональной интерпретации обязаны разворачиваться по модели избыточно частотного употребления и аморфного распредмечивания, т.е. кристаллизация смысла происходит в делиберативном пространстве обсуждения и консолидации.

Материалы и методы. Анализ компонентной структуры концепта и путей имплементации конситуативных элементов производится на основе комплексной методологии. Базовыми методами послужили: герменевтико-ноэматический, разработанный в трудах С. Н. Бредихина [3], с включением отдельных приемов дискурсивно-модусного анализа [1], позволяющего распредметить глубинное содержание прагматического плана базовых концептов в конкретной ситуации семиозиса. Обращение к трудам современных представителей когнитивно-коммуникативного направления [14] дало возможность соотнести выявленные модифицированные компоненты с собственно конситуативной делиберацией и аспектами легитимизации рассматриваемых случаев в условиях соблюдения ключевых принципов лингвобезопасности в современной русской лингвокультуре.

Эмпирическим материалом анализа послужили отрывки из информационных и аналитических статей, опубликованные на различных медиаплатформах (Комсомольская Правда, NewsFront, Smotrim.ru, Рамблер/новости, Газета.ru), которые были отобраны методом стратифицированной выборки с учетом критериев частотности употребления окказиональных вербализаторов рассматриваемого концепта ПОБЕДА и топикального соответствия конситуативным условиям – описание событий СВО. Подчеркнем, что вектор

модификации (позитивизация или негативизация) интерпретативного пространства не играл решающей роли при отборе микроконтекстов.

Анализ. Современное медиапространство призвано не просто освещать события объективной реальности, но и формировать у реципиентов определенное отношение к ним. При этом подобное манипулирование коллективным сознанием не сводится к простой констатации в формулах архетипической оппозиции «хорошо – плохо», но подразумевает трансформацию ценностно-ориентационного пространства читателей и слушателей для обеспечения адекватной системы, позволяющей прогнозировать векторы интерпретации сходных и ассоциированных событий. Таким образом, именно модификация «узловых точек» в данной системе представляется наиболее эффективным способом трансляции необходимых в конкретных условиях смыслов. Следует при этом подчеркнуть, что субъективность данных смыслов, их окказиональные формы экспликации, ни в коем случае не должны помешать их конвенционализации. Каждый из компонентов многоуровневой конструкции, должен приобрести и сохранить «заявленную» ценность в рамках целостного текста и его процессуального воплощения – дискурса. Дискурсивные смыслы в их конситуативной интерпретации просто обязаны носить не субъективный, а объективный характер. Рассматриваемый феномен «объективного смысла» того или иного возникающего компонента, постоянная ротация расхожего утверждения о принципиальной нераспредмечиваемости «объективного внутреннего смысла» и индивидуально значимых, но коллективно не разделяемых способах его вербализации, позволяет утверждать, что рассмотрение «объективности» как некоего намерения продуцента по представлению реципиенту необходимых «схем действия» по интерпретации незнакомых компонентов «объективизирует» конситуативные элементы, создает общее прогностическое аксиологическое пространство [4, с. 640]. Уже в соответствии с принятыми векторами понимания и интерпретации новый конситуативный смысл становится коллективным объективным смыслом для всех, т.е. элементы периферийных и ассоциативных пластов структуры базовых культурных концептов осознаются как всеобщие и единственно правильные. Так они структурируют и регулируют дальнейшее восприятие реальности членами лингвокультурного сообщества. Модификация точек бифуркации приводит к модификации системы оценивания и паттернов действия. Такая модификация осуществима только в рамках намеренного (модусного) введения обертонов в уже имеющееся пространство концепта. По меткому замечанию С. Н. Бредихина «любой метакоцепт, интенсификация компонентов содержания которого

зависит либо от типа реципирующей распределительной культуры, либо от конситуативного окружения в пределах одной лингвокультуры, однако, с учетом иллюкитивно-перлокутивного фокуса, может трактоваться как модусный» [6, с. 18]. Таким образом, наличие неузуального вербализатора устоявшегося и принятого коллективом на уровне «духовного переживания» концепта подтверждает интенциональность модификации ценностно-ориентационной системы российского общества в современном медиадискурсе.

Рассмотрим некоторые наиболее яркие примеры использования неузуальных вербализаторов концепта ПОБЕДА в современном русскоязычном медиапространстве. Критерием оценки степени модификации содержания концепта в данном случае будет служить частотность использования и номинативная нагрузка внедряемого компонента. Так, большинство российских СМИ в современных условиях проведения Специальной Военной Операции переосмысливают дерогативное пространство данного концепта, вербализуемого одним из базовых репрезентантов «уничтожение» в новой парадигме утилитарной зоны.

Например, Россия перехватила инициативу в СВО и начала «перемальвать» ВСУ [13].

В приведенном заголовочном комплексе интенсификация утилитарной зоны концепта ПОБЕДА осуществляется посредством стирания аморфных генерализованных компонентов вербализатора «уничтожать» и актуализации дихотомии оперативных элементов разговорной лексики «перемальвать». Дуальность оперативных и утилитарных пластов применяемого контекстуального репрезентанта заключается в прямой экспликации негативных компонентов второго словарного значения: 2. разг. размельчать, превращать в однородную массу всё или многое [12]. Оперативность дается в описании изменении состояния исходного пациенса, который не конкретизируется и предстает в аморфной целостности. При этом снижение интенциональности описываемого действия достигается путем размывания утилитарной области – сема дальнейшей применимости «однородной массы» имеющей гетерогенный характер в русском лингвокультурном пространстве не является обязательной, т.е. «перемолоть» в вышеприведенном отрывке можно интерпретировать в рамках нозматической рефлексии как «уничтожить».

С другой стороны, оппозиционный оперативному негативному элементу компонент утилитарного пласта позитивизации имплицитно подразумевает наличие сем «полезности», которые представлены в качестве валентностно релевантных первому словарному значению компонентов: 1. Молоть, превращая зерна в муку или порошок [12]. Утилитарная зона предполагает дальнейшее использование «перемоланного» продукта в кон-

ситуативной интерпретации в качестве не только наличных в объективной реальности частей (захваченной военной техники, личного состава, разведанных и т.п.), но и как идеологически значимого результата в компонентной структуре концепта ПОБЕДА. Это переосмысление подтверждается также использованием вербализатора без кавычек, как некоего конвенционализованного в интерпретативном пространстве современного дискурса СМИ признанного всеми членами лингвокультурного сообщества репрезентанта: Перемалываем, держим рубеж и двигаемся вперед [11]. Кроме того, в последнем высказывании мы наблюдаем выстраивание новой парадигмы градуальной шкалы уровней успешного действия в структуре концепта ПОБЕДА, представленной в форме антиклимакса. Базовые принципы развития и усложнения многоуровневой семантики в рамках опрощения аналитических форм в синтетические, характерные для русского коммуникативного синтаксиса, диктуют необходимость дополнения нейтрального сочетания «двигаться вперед» компонентами милитарного действия и возведения его до контекстуальной фразы «держат рубеж» и дальнейшего усиления психоземotionalного содержания в конситуативном вербализаторе «перемалывать».

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что экспликация дополнительного дуального пространства утилитарной зоны концепта ПОБЕДА в российском сегменте медиадискурса о СВО происходит в значительной степени на основе модификации как содержательного, так и компонентного состава репрезентантов. При этом необходимо подчеркнуть факт позитивизации дерогативных областей, усиления интенционального компонента и актуализации интимизационных элементов за счет легитимизации разговорной лексики в сфере официального употребления. Однако данные процессы (большая часть это касается позитивизации) наблюдаются в том случае, когда информация касается российской стороны конфликта, при обсуждении противной стороны (ВСУ, политического руководства Украины и т.д.) негативное восприятие разговорного компонента не только сохраняется, но и дополнительно подкрепляется на различных уровнях: Значит, потребуются новые стада живого мяса мужского полу. «Мясокомбинат Украина» продолжает перемалывать собственных граждан [8]. В вышеприведенном отрывке сообщения Информационного Агентства «NewsFront» актуализации подвергается сема «намеренность» действий по уничтожению собственных граждан, при этом направленность перемалывания на область «своих» в оппозиции полностью снимает позитивный компонент и переводит данный вербализатор из структуры концепта ПОБЕДА в поле концепта ПОРАЖЕНИЕ. Таким образом, негативизация

периферийного компонента служит в качестве одного из приемов стратегии обвинения. Подкрепление конвенционализации векторов противоположной инициальной утилитарной области интерпретации обеспечивается использованием лексем пейоративной семантики стадо, живое мясо, метафорического именованного «Мясокомбинат Украина», а также сниженной разговорной вариативной формой родительного падежа полу. Смена регистра и эмоционального фона при переключении с позитивного кода на негативный является одним из ключевых механизмов модификации содержания концепта в медийном дискурсе и всегда подчиняется ситуативной идеологизации ценностно-ориентационного пространства общества в тех или иных культурно-исторических условиях. Каждая из сфер объективизации в оппозиции «свой – чужой», которые конситуативно соотносятся с Российской армией и ВСУ, в медиадискурсе достаточно последовательно «демонстрируют вариативные референции к рассматриваемым прецедентным феноменам» [9, с. 74] осуществляемых военных действий.

Двухвекторность проникновения новых компонентов в структуру концепта ПОБЕДА характеризуется именно полярным соответствием одному из контрапунктов его аксиологического плана, распределенного на основе архетипической бинарной оппозиции «хорошо – плохо». На основе этого полностью нивелируется градуационная шкала, способная передать медиативные психоземotionalные толкования. Множество сообщений в СМИ, созданные как в рамках нозматической (интуитивной), так и феноменологической (осознанной) рефлексии, прямо эксплицируют эту мысль о невозможности скалярного определения значимости: Впрочем, сейчас не стоит ранжировать эти победы. Каждая далась нелегко. Каждая проложила путь к последующим успехам. Войска РФ и народных республик выгрызли противника на всех направлениях [15]. Как демонстрирует данный микроконтекст в форме речевого акта облигатива (настоятельной рекомендации или совета) с одним из наиболее распространенных глаголов скрытой дионической модальности [16] не стоит, который в некоторых случаях предполагает его интерпретацию в качестве менасива, регулирует необходимый продуценту вектор восприятия и строго регламентирует отнесение последующих репрезентативных высказываний к позитивному полюсу. Наряду с этим эксплицируется и ядерный генерализованный компонент концепта ПОБЕДА, маркирующий его ассоциативную аксиологическую область и являющийся центральным в ряду конситуативных вербализаторов – успех. Следует отметить, что в данном случае и базовый вербализатор концепта и его позитивный аксиологический коррелят практически уравниваются в модифицированном пространстве оценивания,

т. е. «победа» означает «успех». Здесь мы также наблюдаем ещё один окказиональный вербализатор, отражающий дуальность типа победы и контрастирующий в этом плане с конситуативным репрезентантом «перемалывать» – выгрызть. Кроме контекстуально детерминируемой семы «сложность» номинируемого концепта ПОБЕДА, данная лексема актуализирует ещё и аллюзивные периферийные компоненты соматика, что является типичным для репрезентации войны в фикциональном дискурсе.

Ещё одним ключевым способом делимитации позитивной области в нюансировании отношения к представителям «своих» в медиадискурсе служит вердиктивная эвфемическая реноминация: «Отважные» смяли оборону ВСУ к югу и западу от Лисичанска и взяли важнейший объект – Лисичанский НПЗ, ставший ключом от города [15]. В данном случае эвфемичная номинация стороны «своих» предстает не просто в виде вердиктива, возвышающего коллективные качества характера российских военных, данная реноминация имеет более глубокие аллюзивные корни, интерпретация которых на луче феноменологической рефлексии дает возможность включить её в иерархию периферийных вербализаторов концепта ПОБЕДА. Так, написание в кавычках проводит аналогию с античным афоризмом, который более известен по произведению Александра Дюма «Две Дианы» – Победа любит отважных! Данная аллюзия подкрепляется тем фактом, что в фикциональной литературе это выражение было использовано главной героиней по отношению к королю Генриху II Валуа. Именно обертоны «непреложности власти», «превосходства», «всемогущества» имплицитно интенсифицируются в лексеме, имеющей семантику присвоения взять, а также посредством переносного значения с пометой 'высок.' – слово высокого стиля смести. Кроме того, сема «незначительность» пациенса, который претерпевает последствия данного действия, дополнительно маркирует дерогативное пространство стороны «чужих».

Однако перечень механизмов модификации содержания концепта будет неполным, если не учитывать ещё один специфический аспект легитимизации вновь вводимых компонентов, а именно стратегию интимизации, т. е. приближения описываемых событий к реципиенту на основе персонализации, «о-своения» победы конкретными её героями или целым классом, внесшим в её осуществление значительный или решающий вклад. Например, в случае «опредмечивания» коллективного вклада, в медийных текстах констатируется роль командования по обеспечению «грамотного» руководства: Секрет победы России на Украине кроется в грамотном командном составе [7].

Здесь же можно привести пример широкой трансляции в СМИ героической борьбы экипажа танка «Алёша» с превосходящими силами про-

тивника в рамках персонификации победы и повышения значимости личности (в данном случае сплоченного коллектива малой группы). При этом действия данной малой группы представляются не как коллективные, а как единые и цельноформленные, т. е. интимизация происходит параллельно с другим противоположным по своей сути приемом генерализации.

Прием приписывания может осуществляться и в рамках соотнесения личных побед конкретного человека с успехом целой операции или генерализованно интерпретируемого прямого вербализатора концепта ПОБЕДА. В данном случае перенос осуществляется на основе формулы корреляции «личный успех = общая победа»: ...наш святой долг знать их всех поимённо. <...> Смелые и профессиональные действия Артура Прокоповича позволили российским войсками закрепиться на новых рубежах и развить дальнейшее наступление [10]. Зачастую данный механизм персонификации победы находит дополнительную интенсификацию в рамках аллюзии к событиям, имевшим место в истории побед русского оружия в годы Великой Отечественной войны: Ровно 80 лет назад, 12 июля 1943 года, на южном фланге Курской дуги в районе посёлка Прохоровка ныне Белгородской области произошло одно из крупнейших танковых сражений Великой Отечественной войны [10]. Экспликация тесной связки и взаимозависимости личного успеха с общей победой формируют дихотомическое пространственное интерпретации незуальных интимизационных компонентов концепта и позволяют конвенционализировать конситуативные интерпретанты как значимые не только в той или иной ситуации описания, но и как структурно значимые для концептосферы всего лингвокультурного сообщества.

Результаты. На основе проведенного анализа микроконтекстов информационных и аналитических статей, входящих в общее пространство наррации, можно констатировать, что конситуативная модификация содержания концептов современного медиадискурса носит преимущественно аксиологический характер. При этом расширение пространства интерпретации распадается на две полярные области – утилитарную позитивную и оперативную негативную. Такая дуальность векторов модификации базовых концептов русского медиадискурса объясняется необходимостью устранения градуальности и создания четкого членения зон распределенности в рамках бинарных оппозиций «свой – чужой» и «хорошо – плохо». Наиболее эффективными способами конвенционализации новых репрезентантов концепта наряду с частотностью их употребления в сходных контекстах являются: 1) модусная привязка их ядерной и периферийной ассоциативной семантики к стереотипной семиотической репрезентации коллективного опыта, возникающая

в результате делиберативных коммуникативных процессов в обществе, обусловленных единством целей; 2) использование интимизационных средств (разговорных конструкций, лексем неузуальных для институционального дискурса СМИ, метафорический перенос соматических и целевых компонентов); а также 3) осознанная дисфемизация компонентов, относящихся к сфере «чужого» (в форме пейоративов), и вердиктивной эвфемизация сферы «своего». Каждый из вышеуказанных механизмов в процессе легитимизации дополнительно подкрепляется внедрение в ценностно-ориентационное пространство отдельного

реципиента посредством приемов интимизации, позволяющих персонифицировать новые компоненты содержания концепта ПОБЕДА.

Безусловно перечень механизмов констатирующей модификации концептосферы медиадискурса приведенный в нашем исследовании не является исчерпывающим, но открывает новые перспективы анализа неузуальных способов пополнения русской медийной картины мира новыми, зачастую окказиональными элементами, имеющими широкие возможности в рамках актуализации нюансирования коллективного сознания.

Литература

1. Аглеева З. Р., Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: когнитивные истоки и дискурсивно-модусная сущность // Гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 93–98.
2. Алещанова И. В. Нарративность: определение понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3 (16). С. 43–47.
3. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 54–58.
4. Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–3. С. 639–643.
5. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
6. Бредихин С. Н., Печенюк А. Н. Бикультурная интерпретация аксиологического содержания метаконцепта ПОБЕДА/SIEG // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 2. С. 17–23.
7. ВДНР назвали условие победы России в СВО // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/08/16/21083750.shtml?ysclid=llgby91tt7485155189> (дата обращения: 19.08.2023).
8. За время СВО украинская армия впечатляет количеством поставленных ею антирекордов // Информационное Агентство NewsFront. URL: <https://news-front.info/2023/08/15/za-vremja-svo-ukrainskaja-armija-vpechatljaet-kolichestvom-postavlennyh-eju-antirekordov/?ysclid=lldh3i8zi2917882821> (дата обращения: 16.08.2023).
9. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 70–85.
10. Они служат исключительным примером беззаветной преданности воинскому долгу // Красная звезда. URL: <http://redstar.ru/oni-sluzhat-isklyuchitelnyim-primerom-bezzavetnoj-predannosti-voinskomu-dolgu/?ysclid=llgdpskpf133027893> (accessed: 19.08.2023).
11. Перемалываем, держим рубеж и движемся вперед // Smotrim.ru. URL: <https://smotrim.ru/article/3027508?ysclid=lldg7czhsq541140319> (дата обращения: 16.08.2023).
12. Перемалывать // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/word/peremalyvat.html> (дата обращения: 16.08.2023).
13. Россия перехватила инициативу в СВО и начала «перемалывать» ВСУ // Рамблер/новости. URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50087036-ekspert-rossiya-perehvatila-initsiativu-v-svo-i-nachala-peremalyvat-vsuvu/?ysclid=llde3sup11380712717> (дата обращения: 16.08.2023).
14. Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 64–69.
15. Четыре наши главные победы в СВО // Комсомольская Правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27460/4664431/?ysclid=llwfcjwv9101190926> (дата обращения: 18.08.2023).
16. Palmer F.R. Mood and modality. Cambridge University Press, 2001. 236 p.

References

1. Agleeva Z. R., Alefirenko N. F. Phraseological Meaning: Cognitive Sources and Discursive-modus Essence. Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Researches. 2020;2:93-98.
2. Aleshchanova I. V. Narrative: Definition of the Concept. Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2006;3(16):43-47. (In Russ.).
3. Bredikhin S. N. Constants of Intentionality, Subjectivity and Modality in Hermeneutical Conception of Sense. Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. 2015;3(44):54-58 (In Russ.).
4. Bredikhin S. N., Vartanova L. R. Textual functions of allusive contemplative phrases in sense-making. Fundamentalnye Issledovaniya = Fundamental Research. 2015;2(3):639-643. (In Russ.).
5. Bredikhin S. N., Pelevina N. A. Linguocognitive Mechanisms of World View Component's Actualization and Conceptualization. Stavropol: Paragraph; 2021. 172 p. (In Russ.).
6. Bredikhin S. N., Pechenyuk A. N. Bicultural Interpretation of Axiological Content of Metaconcept ПОБЕДА/SIEG. Rossiyskiy Zhurnal Issledovaniy Bilingvizma = Russian Journal of Bilingualism Studies. 2021;2:17-23 (In Russ.).

7. The DPR called the condition of Russia's victory in SMO. Daily.ru = Gazeta.ru. Available from: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/08/16/21083750.shtml?ysclid=llgby91tt7485155189> (accessed: 19.08.2023). (In Russ.).
8. During SMO period, the Ukrainian army impresses with the number of anti-records it has set. Information Agency NewsFront. URL: <https://news-front.info/2023/08/15/za-vremja-svo-ukrainskaja-armija-vpechatljaet-kolichestvom-postavlennyh-eju-antirekordov/?ysclid=lldh3i8zi2917882821> (accessed: 16.08.2023). (In Russ.).
9. Marchenko TV, Bredikhin SN. System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. Aktualnyye Problemy Filologii I Pedagogicheskoy Lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2023;2:70–85.
10. They serve as an exceptional example of selfless devotion to military duty. Krasnaya Zvezda = Red Star. URL: <http://redstar.ru/oni-sluzhat-isklyuchitelnyim-primerom-bezzavetnoj-predannosti-voinskomu-dolgu/?ysclid=llgdpskpf133027893> [Accessed 19 August 2023]. (In Russ.).
11. We grind, hold the line and move forward. Smotrim.ru. URL: <https://smotrim.ru/article/3027508?ysclid=lldg7czhsq54114031> (accessed: 16.08.2023). (In Russ.).
12. Efremova T. F. New Dictionary of Russian language. Defining derivational. Peremalavat' = Grind. URL: <https://www.efremova.info/word/peremalyvat.html> (accessed: 16.08.2023). (In Russ.).
13. Russia seized the initiative in SMO and began to "grind" the UAF. Rambler/news. URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50087036-ekspert-rossiya-perehvatila-initsiativu-v-svo-i-nachala-peremalyvat-vsul/?ysclid=llde3sup11380712717> (accessed: 16.08.2023). (In Russ.).
14. Slyshkin G. G, Malygina L. E, Pavlova E. S. Linguistic Security in the Context of Value, Ideological and Social Changes. Verkhnevolzhskiy filologicheskij vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin. 2022;1(28):64-69. (In Russ.).
15. Our four main victories in the SMO. Komsomolskaya Pravda = Komsomol Truth. URL: <https://www.kp.ru/daily/27460/4664431/?ysclid=llwfcjwv9101190926> (accessed: 18.08.2023). (In Russ.).
16. Palmer F. R. Mood and modality. Cambridge University Press; 2001. 236 p. (In Eng.)

Научная статья

УДК 004.9:378

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.21>

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММЫ AEGISUB В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИЮ

Кристина Александровна Губанова¹Алексей Иванович Горожанов²

1 Московский государственный лингвистический университет (д. 38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)

Специалист по учебно-методической работе

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2620-5234> E-mail: kristinagubanova@inbox.ru

2 Московский государственный лингвистический университет (д. 38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282> E-mail: a.gorozhanov@linguanet.ruАвтор, ответственный за переписку: Горожанов Алексей Иванович, a.gorozhanov@linguanet.ru

Аннотация. Введение. Глобальный поворот к инклюзии в обществе предполагает увеличение количества квалифицированных кадров, обладающих способностью решать разноплановые задачи в области безбарьерной коммуникации – субтитрование, тифлокомментирование, сурдоперевод, а также тифлосурдоперевод. Цель исследования заключается в выявлении дидактического потенциала кроссплатформенных приложений в процессе обучения тифлокомментированию на примере приложения Aegisub. Актуальность работы объясняется тем, что на современном этапе можно говорить не только о такой важной задаче лингвиста-тифлокомментатора как профессиональное владение межкультурной компетенцией, но и о свободном применении на практике различных технических средств для генерирования и передачи тифлокомментариев, поскольку тенденция к цифровизации общества требует совершенствования компетенций специалистов в сфере инклюзии. **Материалы и методы.** В качестве материала исследования привлекается фрагмент художественного фильма «Великий Гэтсби» на английском языке с профессиональным многоголосым переводом на русский язык. Для достижения поставленной цели используется метод эксперимента, а также анализ и синтез. **Анализ.** При помощи программы Aegisub даже не очень подготовленный пользователь может выполнять любые действия, связанные с синхронизацией текстового и визуального компонентов мультимедийного объекта комментирования. Для подтверждения тезиса о це-

лесообразности применения приложения Aegisub в практике преподавания тифлокомментирования был проведен эксперимент, в котором девяти участникам было предложено выполнить задание на составление тифлокомментария с использованием программы и без нее. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что внедрение специализированных компьютерных приложений в процесс обучения тифлокомментированию на постоянной основе может стать эффективным способом формирования профессиональных компетенций специалиста в области безбарьерной коммуникации.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, обучение тифлокомментированию, аудиовизуальный перевод, инклюзия, безбарьерная коммуникация, специализированное программное обеспечение, программа Aegisub

Для цитирования: Губанова К. А., Горожанов А. И. Применение программы Aegisub в процессе обучения тифлокомментированию // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 521–527. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.06.2023.

Статья принята к публикации: 26.07.2023.

Research article

APPLYING AEGISUB IN CLASSROOM OF AUDIO DESCRIBERS

Kristina A. Gubanova¹Alexey I. Gorozhanov²

1 Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka St., 119034, Moscow, Russian Federation)

Educational and methodological work specialist

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2620-5234> E-mail: kristinagubanova@inbox.ru

2 Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka St., 119034, Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282> E-mail: a.gorozhanov@linguanet.ruCorresponding author: Alexey I. Gorozhanov, a.gorozhanov@linguanet.ru

Abstract. Introduction. The global turn towards social inclusion implies an increase in the number of qualified personnel with the ability to solve diverse tasks in the

areas of barrier-free communication – subtitling, audio description, sign language translation, as well as tactile sign translation. The purpose of the study is to identify

© Губанова К. А., Горожанов А. И., 2023

the didactic potential of cross-platform applications in the process of learning audio description using the example of the Aegisub application. The relevance of the work is explained by the fact that at the present stage we can talk not only about such a linguist-audio describer's task as professional possession of intercultural competence, but also about the free application in practice of various technical means for generating and transmitting audio commentaries, since the trend towards digitalization of society requires improving the competencies of specialists in the field of inclusion. **Materials and Methods.** As the research material, a fragment of the feature film "The Great Gatsby" in English with a professional polyphonic translation into Russian is used. To achieve this goal, the experimental method is used, as well as analysis and synthesis. **Analysis.** With the help of the Aegisub programme, even a not very prepared user can perform any actions related to the synchronization of the text and visual components of the multimedia commenting object. To confirm the thesis about the expediency of using the Aegisub application in the practice of teaching audio description, a pilot experiment was conducted in which nine

Введение. Глобальный поворот к инклюзии в обществе предполагает увеличение количества квалифицированных кадров, обладающих способностью решать разноплановые задачи в областях безбарьерной коммуникации – субтитрование, тифлокомментирование (в европейской традиции «аудиодескрипция» [11; 12; 14]), сурдоперевод, а также тифлосурдоперевод. Все более востребованной становится подготовка подобных специалистов на уровне высшего (лингвистического) образования, владеющих родным и одним или несколькими иностранными языками на экспертном уровне, что является первостепенной задачей не только по нивелированию дефицита педагогических кадров, но и таковых в области научной работы.

Обеспечение рынка труда в сфере тифлокомментирования и формирование кадрового резерва социально-ориентированных специалистов-лингвистов осуществляется студентами образовательной программы уровня бакалавриата «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация», которая с 2018 г. достаточно успешно реализуется на факультете немецкого языка в Московском государственном лингвистическом университете. На данный момент Московский государственный лингвистический университет является единственным государственным образовательным учреждением, где можно получить высшее образование по данному профилю, что делает опыт специалистов, реализующих данную образовательную программу, не просто ценным, но уникальным.

Обучающиеся и выпускники способны предоставить полноценный доступ к визуальной информации на немецком, английском и русском языках для лиц с нарушением зрения при просмотре телевизионных передач, кино- и телефильмов,

participants were asked to complete the task of compiling audio description using the programme and without it. **Results.** Based on the results of the conducted research, it can be concluded that the introduction of specialized computer applications into the process of teaching audio description on an ongoing basis can become an effective way to form professional competencies of a specialist in the field of barrier-free communication.

Keywords: applied linguistics, teaching audio description, audiovisual translation, inclusion, barrier-free communication, specialized software, Aegisub programme

For citation: Gubanova K. A., Gorozhanov A. I. Applying Aegisub in Classroom of Audio Describers. Humanities and law research. 2023;10(3):521–527. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.21>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.04.2023.

The article was approved after reviewing: 16.06.2023.

The article was accepted for publication: 26.07.2023.

при посещении ими музеев, выставочных залов, театров, спортивных и культурно-массовых мероприятий [3, с. 41]. В связи с этим значимой является компетенция ПК-1: способность осуществлять различные виды тифлокомментирования динамических действий и статичных ситуаций. Ее формирование осуществляется на занятиях по дисциплине учебного плана «Б1.О.03 Тифлокомментирование». Содержание дисциплины включает три раздела: «введение в тифлологию», «технологии тифлокомментирования» и «мастерство тифлокомментирования». В результате освоения теоретического материала разделов и широкого спектра практической работы студенты получают знания и навыки прямого, автоматизированного (подготовленного) и «горячего» комментирования аудиовизуальных произведений, т. е. комментирования без предварительной подготовки.

Еще одной важной в свете настоящего исследования дисциплиной, которая призвана формировать компетенции ОПК-5: способен работать с компьютером как средством получения, обработки и управления информацией для решения профессиональных задач и ОПК-6: способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности, является «Б1.О.01.09 Цифровая трансформация в профессиональной деятельности». В рамках этой дисциплины, кроме прочего, рассматриваются такие программные продукты, как Audacity, которая является свободно распространяемым кроссплатформенным приложением для записи, редактирования и конвертирования аудиофайлов, а также семейство программ Movavi Video Editor, среди которых представлены как платные, так и бесплатные приложения, с помощью которых мож-

но приобрести первичные навыки редактирования видеофайлов, снабжение видеоряда аудиодорожкой (несколькими аудиодорожками) и субтитрами. Тем не менее, бурное развитие сегмента приложений для работы с аудио- и видеорядом, включая создание субтитров, подталкивает к тому, чтобы находиться в постоянном поиске программных решений, с помощью которых возможно обучать студентов-тифлокомментаторов технологическим аспектам их будущей профессии.

Цель нашего исследования заключается в выявлении дидактического потенциала кроссплатформенных приложений в процессе обучения тифлокомментированию на примере свободно распространяемого кроссплатформенного приложения с открытым программным кодом (англ. a free, cross-platform open source application) Aegisub или более полно – Aegisub Advanced Subtitle Editor.

Актуальность работы объясняется тем, что на современном этапе можно говорить не только о такой важной задаче лингвиста-тифлокомментатора как профессиональное владение межкультурной компетенцией [1; 4; 9; 8], но и о свободном применении на практике различных технических средств для генерирования и передачи тифлокомментариев [7; 13; 15], поскольку тенденция к

цифровизации общества требует совершенствования соответствующих компетенций инклюзивных специалистов.

Материалы и методы. В качестве материала исследования привлекается видеофайл – фрагмент художественного фильма «Великий Гэтсби» на английском языке с профессиональным многоголосым переводом на русский язык. Для достижения поставленной цели используются методы лингводидактического и психолингвистического экспериментов (с последующим анкетированием), интерпретационный метод, а также анализ и синтез. Техническим инструментом исследования служит программа Aegisub Advanced Subtitle Editor.

Анализ. Поскольку Aegisub Advanced Subtitle Editor является кроссплатформенным редактором с открытым исходным кодом, то следовательно, эта компьютерная программа работает в любой операционной системе (Linux, Windows, MacOS), что снабжает ее мощным интуитивно понятным пользовательским интерфейсом и многочисленными настройками, оперировать которыми можно и на русском языке (см. Рисунок 1), что полностью отвечает основным принципам привлечения системы родного языка в процессе изучения иностранного, а также способствует более быстрому и глубокому освоению возможностей программного продукта:

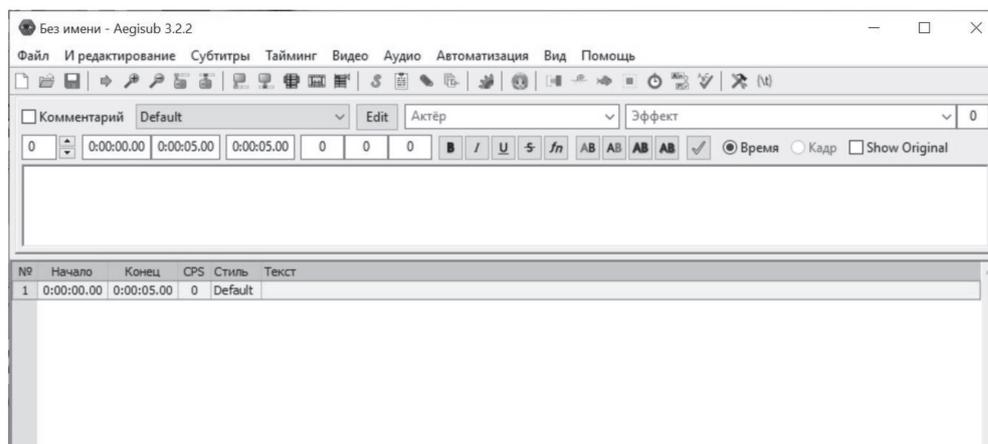

Рисунок 1. Фрагмент интерфейса программы Aegisub Advanced Subtitle Editor /
 Figure 1. Fragment of the Aegisub Advanced Subtitle Editor program interface
 Источник: составлено авторами

Приложение Aegisub Advanced Subtitle Editor располагает всеми необходимыми техническими инструментами для эффективной работы тифлокомментатора. К последним относятся:

- поддержка как аудио-, так и видеофайлов во всевозможных форматах (WAV, MP3, OGGVorbis, FLAC, MP4, AC3, AAC и MKA; AVI, AVS, D2V, MKV, OGM, MP4, MPEG, MPG и VOB);
- возможность выполнения часто используемых операций с помощью «горячих клавиш»;
- постоянное автоматическое сохранение текущих данных;
- отсутствие ограничений отмены внесенных изменений;

- интегрированная проверка правильности написания текста;
- наличие встроенного переводчика;
- возможность экспорта результата в файлы субтитров различных форматов (Advanced Substation Alpha, SSA v4+ (ASS), Substation Alpha v4 (SSA), SubRip Text (SRT), MPEG4 Timed Text (TTXT), MicroDVD (SUB), а также TXT).

При помощи данного программного обеспечения даже не очень подготовленный пользователь может выполнять любые действия, связанные с синхронизацией текстового и визуального компонентов мультимедийного объекта комментирования,

что обуславливает возможность его применения в процессе тифлокомментирования как отрасли аудиовизуального перевода [2; 6].

Стандартный процесс составления тифлокомментария включает обработку, анализ и синтез данных, поступающих по четырем каналам:

- видеоряд;
- шумомузыкальный аудиоряд;
- аудиоряд (диалоги героев);
- дополнительный ряд (надписи на экране, субтитры) [10].

Для качественного перевода визуального образа в вербальный текст, сохраняющий целостную структуру, смысл и динамическую эквивалентность произведения, тифлокомментатору необходимо последовательно выполнить пять шагов (стадий).

Первая стадия является подготовительной. Тифлокомментатор открывает видеофайл в приложении («Видео» => «Открыть видео»). Затем его можно настроить: увеличить или уменьшить масштаб отображения материала для выбора комфортного формата работы с деталями или наоборот – с крупными фрагментами.

Далее тифлокомментатор приступает к анализу видеофайла на предмет наличия подходящих отрывков для описания и выделяет их с помощью функций «Установить начало» и «Установить конец». В результате в нижней части рабочего экрана появляется список со всеми отмеченными временными рамками, что позволяет сразу же определить объем и длину будущего текста, а также предварительно оценить временные затраты на полноценное составление тифлокомментария.

На третьей стадии начинается разработка текста комментария. Описание можно отредактировать («Редактировать»): изменить стиль, размер, цвет и положение шрифта относительно изображения. В тифлокомментировании данная функция служит для графического отображения просодических характеристик прочтения – ускорение или замедление темпа, паузы, ударения. Созданные описания появятся прямо в интерфейсе.

После добавления тифлокомментария в видео его необходимо сохранить в формате ASS (специальный формат файла субтитров в Aegisub Advanced Subtitle Editor) под тем же именем, что и название видео («Сохранить»). В дальнейшем специалист-тифлокомментатор может записать аудиофайл с прочтением созданного описания и синхронизировать его с видеофайлом, чтобы получить полноценный инклюзивный аудиовизуальный продукт.

Для подтверждения тезиса о целесообразности применения приложения Aegisub Advanced Subtitle Editor в практике преподавания тифлокомментирования нами был проведен эксперимент, в котором девяти участникам – восьми женщинам и одному мужчине, – обучающимся в Московском государственном лингвистическом университете (ФГБОУ ВО МГЛУ) на первом курсе магистратуры по направлению подготовки 45.04.02 – Лингвистика и умеющим на базовом уровне пользоваться приложением Aegisub Advanced Subtitle Editor было предложено выполнить два задания на составление тифлокомментария. Небольшое количество участников эксперимента обусловлено тем, что в настоящее время квалификацию бакалавра по профилю «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация» получил только один выпуск студента, состоящий из десяти человек; в процентном отношении эксперимент охватил 100 % магистрантов – будущих тифлокомментаторов.

В первом задании было необходимо написать тифлокомментарий без использования приложения Aegisub Advanced Subtitle Editor, во втором – с использованием данного приложения. В качестве материала для тифлокомментирования было предложено описать фрагмент художественного фильма «Великий Гэтсби», язык оригинала – английский (страна-производитель: США), с переводом на русский язык (профессиональный многоголосый перевод) продолжительностью три минуты (см. Рисунок 2):

При этом замерялось время выполнения каждого задания. Результаты замера времени выполнения заданий представлены в Таблице 1:

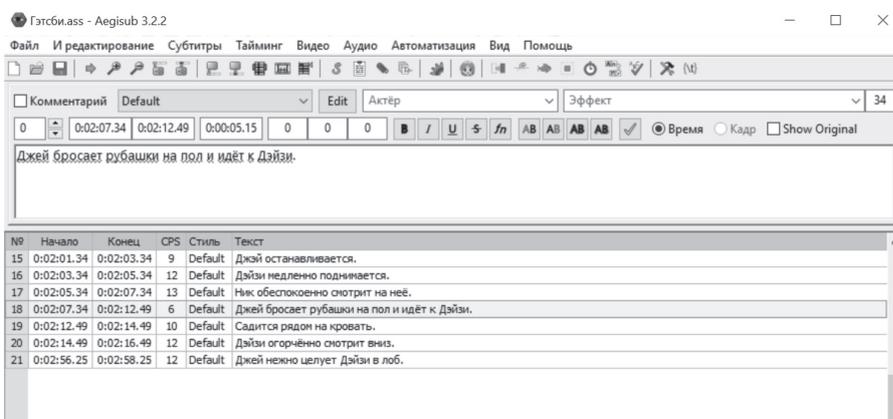

Рисунок 2. Пример составленного участником эксперимента тифлокомментария / Figure 2. An example of a typhlocommentary compiled by a participant in the experiment
Источник: составлено авторами

Таблица 1 / Table 1

**Учет времени на выполнения экспериментальных заданий /
 Accounting for time spent on experimental tasks**

Участники (биологический пол, возраст)	Время на выполнение задания		Разница во времени
	с Aegisub	без Aegisub	
№ 1 (женский, 22 года)	10 минут	21 минута	11 минут
№ 2 (женский, 22 года)	10 минут	17 минут	7 минут
№ 3 (женский, 22 года)	12 минут	25 минут	3 минуты
№ 4 (женский, 23 года)	10 минут	20 минут	10 минут
№ 5 (женский, 22 года)	10 минут	21 минута	11 минут
№ 6 (женский, 23 года)	13 минут	26 минут	13 минут
№ 7 (женский, 22 года)	9 минут	22 минуты	13 минут
№ 8 (женский, 22 года)	12 минут	22 минуты	10 минут
№ 9 (женский, 22 года)	17 минут	30 минут	13 минут
Среднее арифметическое	11,4 минуты	22,7 минуты	10,1 минуты

Источник: составлено авторами

Из таблицы следует, что при использовании специализированного программного обеспечения участники эксперимента тратили на составление тифлокомментария практически в два раза меньше времени (в среднем на десять минут меньше), чем при разработке текста вручную. После выполнения задания участ-

никам было предложено ответить на вопрос о том, какие преимущества работы в приложении Aegisub Advanced Subtitle Editor они отмечают при сопоставлении с процессом написания тифлокомментария без применения данного приложения. Результаты опроса представлены в Таблице 2:

Таблица 2 / Table 2

**Комментарии участников эксперимента /
 Comments from experiment participants**

Участник	Текст комментария
№ 1	Мне было достаточно удобно работать с программой Aegisub Advanced Subtitle Editor, так как она содержит много необходимых инструментов для добавления субтитров в видеоряд. Можно настроить всё для своего удобства, стоит только разобраться со всеми опциями. Это занимает время и требует практики, но в результате я научилась работать в программе, которая существенно облегчает работу с тифлокомментарием.
№ 2	Программа Aegisub Advanced Subtitle Editor – это достаточно удобный инструмент для написания и последующего редактирования тифлокомментариев. Основным достоинством программы я считаю автоматический подсчет времени, необходимого для произнесения тифлокомментария: Aegisub Advanced Subtitle Editor сама подсказывает, успеете ли вы произнести написанный текст в указанный промежуток времени. Это значительно облегчает работу специалиста-тифлокомментатора.
№ 3	Помимо функции добавления текста в видео, программа Aegisub Advanced Subtitle Editor подсказывает, успею ли я как тифлокомментатор за указанное время прочитать написанный текст. Можно легко переходить от сцены к сцене в видеоряде, указав временной диапазон, менять части комментария местами, увеличивать и уменьшать временные интервалы для каждой сцены. Программа позволяет отправить заказчику видео с включенным комментарием и отдельный текстовый документ.
№ 4	Программа Aegisub Advanced Subtitle Editor удобна в качестве инструмента по составлению тифлокомментариев к видеоряду. Программа позволяет делать разметку с таймкодами для описания фрагментов видеоматериала, в ней можно делить текст тифлокомментария на отдельные части, соответствующие тем или иным эпизодам/отрывкам видео, редактировать эти части. В эти временные промежутки вставляются тифлокомментарий.
№ 5	Программа Aegisub Advanced Subtitle Editor очень удобна для снабжения видеоматериалов (фильмов, видеороликов) тифлокомментарием. Программа позволяет добавлять тифлокомментарий в виде субтитров на экран и считывать его непосредственно с экрана. Благодаря этому тифлокомментатор может одновременно следить и за текстом, и за происходящим на экране. Одним из главных преимуществ программы Aegisub Advanced Subtitle Editor является то, что она способна рассчитать, уместится ли введенный текст тифлокомментария в отведенное для него время. Если слов слишком много, программа окрашивает данную часть комментария в красный цвет, предупреждая, что стоит сократить количество слов. По завершении работы с видео программа выдает скрипт тифлокомментария с временной разметкой, который можно отправить заказчику работ.
№ 6	У программы Aegisub Advanced Subtitle Editor есть много преимуществ для обработки видеофайлов, добавляя тифлокомментарии в виде субтитров. Во-первых, интуитивно понятный и легкий в использовании графический интерфейс пользователя позволяет начать работу незамедлительно. Во-вторых, тексту можно придавать различные стили и эффекты, что удобно, если необходимо разграничить речь разных персонажей.

Участник	Текст комментария
№ 7	В приложении Aegisub Advanced Subtitle Editor лично меня радует также и возможность экспорта тифлокомментария в текстовый файл с сохранением таймкодов. Эта функция важна как для личного пользования, так и во время коммуникации с заказчиком. Перечисленные возможности для меня основополагающие.
№ 8	Среди полезных функций стоит также выделить проверку орфографии и автопроверку грамотности, доступную для нескольких языков, включая русский, английский и немецкий. Думаю, что программу Aegisub Advanced Subtitle Editor можно считать идеальным вариантом для работы тифлокомментатора.
№ 9	Для специалиста немаловажным является автоматическое определение приемлемости длины тифлокомментария для выбранного таймкода. Если реализация написанного предложения в указанный период времени невозможна, программа Aegisub Advanced Subtitle Editor выделяет фрагмент цветом. Чем больше по сравнению с нормой становится объем текста в заданном промежутке, тем ярче цвет.

Источник: составлено авторами

Таким образом, можно выделить следующие преимущества программного обеспечения Aegisub Advanced Subtitle Editor для тифлокомментатора:

- кроссплатформенность;
- наличие русскоязычного интерфейса;
- отсутствие необходимости платить за пользование программой;
- возможность проверки орфографии для русского языка и ряда иностранных языков (на данный момент 26-ти, включая шведский, вьетнамский, каталонский и греческий);
- автоматический контроль адекватной для психофизиологии человека формы созданных комментариев;
- возможность представлять большие объемы информации в концентрированной форме;
- графическое представление просодического оформления;
- легкая синхронизация текстового и визуального компонентов;
- возможность выгрузки результата (субтитров) в различных файловых форматах;
- несложный и интуитивно понятный графический интерфейс пользователя.

Результаты. Использование наглядных ресурсов – это одна из составляющих успешной подготовки тифлокомментаторов [5, с. 305]. Программное обеспечение Aegisub Advanced Subtitle Editor смещает акцент с иллюстративной функции средств зрительной наглядности на познавательную, так как позволяет одновременно учитывать взаимосвязь визуального и вербального уровней композиции. На основании этого мы считаем доказанным положительное влияние кодовой конвергенции не только в процессе восприятия, но и трансляции информации. В связи с этим для преподавателя ресурс может служить инструментом как для формулировки заданий на краудсорсинговое (совместное) тифлокомментирование в аудитории (каждый студент разрабатывает собственный комментарий в Aegisub Advanced Subtitle Editor, затем обучающиеся по очереди представляют свои варианты и обсуждают удачные и неудачные моменты, в конце из лучших предложенных вариантов собирается результирующий тифлокомментарий,

который вводится в видеоряд), так и для формулировки заданий на самостоятельную работу во внеаудиторное время.

Анализ полученных в ходе пилотного эксперимента данных позволяет предположить, что внедрение специализированных компьютерных программ, которые задают стандарт в изучаемой области, в процесс обучения тифлокомментированию на постоянной основе может стать эффективным способом формирования профессиональных компетенций специалиста в области безбарьерной коммуникации. Пользование же этим программным продуктом для достижения адекватных иллюкций целей в коммуникации с ограниченным перечнем кодирования (при исключении аудиального или визуального каналов). Современное программное обеспечение увеличивает продуктивность и скорость разработки тифлокомментариев, позволяет синхронизировать их с видеорядом и проводить предварительный анализ соответствия ритма текста ритму речи комментатора и ритму восприятия зрителей. Описание этапов работы с кроссплатформенным редактором Aegisub Advanced Subtitle Editor можно использовать в качестве практических рекомендаций при разработке комплекса упражнений по тифлокомментированию в ходе преподавания учебной дисциплины «Б1.О.03 Тифлокомментирование».

Непосредственно сама программа Aegisub Advanced Subtitle Editor может быть включена в план изучения в рамках учебной дисциплины «Б1.О.01.09 Цифровая трансформация в профессиональной деятельности», за счет сокращения количества часов, отводимых на работу с программным комплексом Movavi Video Editor – тем более, что она является свободно распространяемым приложением.

Важной задачей, которая требует решения в ближайшем будущем, является разработка отечественного программного обеспечения (в том числе и путем модификации имеющихся решений с открытым программным кодом) как для достижения профессиональных задач тифлокомментирования, так и для обучения этому виду деятельности.

Литература

1. Анищенко А. В., Санжарова И. Э. Тифлокомментирование в межкультурном и социальном посредничестве (дидактический аспект) // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник научных трудов. М.: РУДН, 2022. С. 29–42.
2. Борщевский И. С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // Филология и лингвистика. 2018. Вып. 3 (09). С. 48–52.
3. Воронина Г.Б. Факультет немецкого языка Московского иняза – вчера и сегодня // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2022. С. 35–56.
4. Горожанов А. И., Губанова К. А. Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 98–105.
5. Гринкевич Е. А. Использование интернет-сервиса Google arts & culture в процессе обучения тифлокомментаторов иностранному языку (английский язык, языковой вуз) // Германистика 2021: nove et nova: Материалы IV Международной научной конференции (10–12 ноября 2021 года) М.: Москва, 2021. С. 303–306.
6. Гусейнова И. А. Лингвистическая школа перевода Московского государственного лингвистического университета на рубеже XX-XXI веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1 (838). С. 39–52.
7. Губанова К. А. Динамика инклюзивного информационного пространства под воздействием аудиовизуального перевода // Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании. Проблемы обеспечения цифрового суверенитета государства: материалы XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: МГЛУ, 2021. С. 239–245.
8. Губанова, К. А. Средства ритмизации аудиодескрипции к динамичным объектам (на материале немецкого языка) // Collegium Linguisticum - 2022: Сборник научных статей Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. М.: МГЛУ, 2022. С. 254–260.
9. Зимарин Д. А., Губанова К. А. Темпо-ритмическая организация аудиодескрипции к статичным объектам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 205. С. 39–48.
10. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: английский язык: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2019, 228 с.
11. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin: LIT-Verlag, 2014, 197 p.
12. Fix U. Hörfilm. Bildkompensation durch Sprache // Philologische Studien und Quellen. 2005. № 189. P. 7–11.
13. Orero P. Professional recognition, practice and standards in Spain // Translation Watch Quarterly. 2005. № 1. P. 7–18.
14. Snyder J. The Visual Made Verbal. A Comprehensive Training Manual and Guide to the History and Application of Audio Description. Arlington: American Council of the Blind, 2014, 198 p.
15. Talavan N., Lertola J. Active audiodescription to promote speaking skills in online environments // Sintagma: Revista de lingüística. 2016. № 28. P. 59–74.

References

1. Anishchenko A. V., Sanzharova I. E. Audiodescription in Intercultural and Social Mediation (Didactic Aspect) in Professional'no orientirovannyj perevod: real'nost' i perspektivy: the digest of articles. Moscow: RUPF, 2022. P. 29-42. (In Russ.)
2. Borshchevskij I. S. Audio Description as a Type of Translation. Filologija i lingvistika = Philology and Linguistics. 2018;3(09):48-52. (In Russ.)
3. Voronina G. B. Faculty of The German Language at Moscow State Linguistic University – Yesterday and Nowadays in Germanistics and linguodidactics at Moscow and Minsk State Linguistic Universities: origins, development, prospects. Moscow: MSLU, 2022. P. 35-56. (In Russ.)
4. Gorozhanov A. I., Gubanova K. A. Associative Synesthesia as an Imaginative Thinking Activator of Visually Impaired People (Based on Audio Description). Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2022;3(30):98-105. (In Russ.)
5. Grinkevich E. A. Using Google Arts & Culture In Teaching Audio Describers English At A Linguistic University in Germanistika 2021: nove et nova: The digest of articles of an international scientific conference. Moscow: MSLU; 2021. P. 303-306. (In Russ.)
6. Gusejnova I. A. Moscow State Linguistic University Linguistic School Of At The Turn Of The 20th And 21st Centuries At The Turn Of The 20th And 21st Centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2021;1(838):39-52. (In Russ.)
7. Gubanova K. A. Dynamics of Inclusive Information Space Through Audiovisual Translation. Informacionnye tekhnologii v nauke, biznese i obrazovanii. Problemy obespecheniya cifrovogo suvereniteta gosudarstva: The digest of articles of an international scientific conference. Moscow: MSLU; 2021. P. 239-245. (In Russ.)
8. Gubanova K. A. Rhythmic Means of Dynamic Audio Description (Based on The German Language) in Collegium Linguisticum– 2022: The digest of articles of an annual scientific conference of Student scientific society of Moscow State Linguistic University. Moscow: MSLU; 2022. P. 254-260. (In Russ.)
9. Zimarin D. A., Gubanova K. A. Tempo And Rhythm In Audio Description Of Static Objects. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2022;205:39-48. (In Russ.)
10. Kozulyaev A. V. Integrative Model Of Teaching Audiovisual Translation: The English Language: thesis. Moscow, 2019, 228 p. (In Russ.)
11. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin: LIT-Verlag, 2014. 197 pp.
12. Fix U. Hörfilm. Bildkompensation durch Sprache. Philologische Studien und Quellen. 2005;189:7-11.
13. Orero P. Professional recognition, practice and standards in Spain. Translation Watch Quarterly. 2005;1:7-18.
14. Snyder J. (2014). The Visual Made Verbal. A Comprehensive Training Manual and Guide to the History and Application of Audio Description. Arlington: American Council of the Blind. 2014, 198 pp.
15. Talavan N., Lertola J. Active audiodescription to promote speaking skills in online environments. Sintagma: Revista de lingüística. 2016;28:59-74.

Научная статья
УДК 811.161.1'373.21
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.22>

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ТОПОНИМИКА (на материале географических названий России)

Татьяна Юрьевна Передриенко¹
Екатерина Сергеевна Баландина²

- ¹ Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, Челябинск, 454080, Российская Федерация)
Кандидат филологических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8747-3692> E-mail: peredrienkoti@susu.ru
- ² Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, Челябинск, 454080, Российская Федерация)
Кандидат филологических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1360-7413> E-mail: balandinaes@susu.ru
- Автор, ответственный за переписку: Баландина Екатерина Сергеевна, balandinaes@susu.ru

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу перцептивной составляющей топонимов и выявлению ключевых стратегий номинации географических объектов через призму сенсорного восприятия пространства. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение перцепции окружающей действительности позволяет получить больше информации о самом обществе и особенностях его чувственного восприятия. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили данные, представленные в топонимических словарях и интернет ресурсах, посвященных географическим названиям России. С помощью семантико-ономасиологического анализа были выбраны и классифицированы топонимы, в семантике которых актуализируются различные каналы восприятия, что позволило выделить основные тенденции использования языковых средств для выражения модусов перцепции в наименованиях географических объектов. **Анализ.** В ходе проведенного исследования было выявлено, что названия с семей зрительного восприятия формируют самую большую группу, в которой могут быть выделены различные подгруппы, связанные с особенностью восприятия географического объекта, то есть его положения в пространстве, размера, цвета, формы, количества. В тоже время, модусы слуховой,

обонятельной, вкусовой и осязательной перцепции актуализируются в топонимии реже и представлены относительно небольшим числом. Среди этих названий чаще всего можно встретить гидронимы, от которых происходят ойконимы и оронимы. **Результаты.** В результате проведенного анализа делается вывод, что перцептивная топонимика представляет особую область интереса поскольку позволяет проследить особенности сенсорного восприятия географических объектов и выявить ключевые тенденции в построении перцептивного пространства.

Ключевые слова: перцептивная топонимика, сенсорное восприятие, перцептивное пространство, модусы восприятия, географические объекты России

Для цитирования: Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С. Перцептивная топонимика (на материале географических названий России) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 528–537. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.22>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.06.2023.

Статья принята к публикации: 26.07.2023.

Research article

SENSORY TOPONYMY (on the material of Russian geographical names)

Tatiana Yu. Peredrienko¹
Ekaterina S. Balandina²

- ¹ South Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8747-3692> E-mail: peredrienkoti@susu.ru
- ² South Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1360-7413> E-mail: balandinaes@susu.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the sensory component of toponyms and identification key strategies in nominating various geographical objects through the prism of sensory perception. The relevance of the study is explained

by the fact that such investigation allows receiving general information about society development and highlighting the peculiarities of its perceptual attitude to the surrounding. **Materials and Methods.** Material for analysis was taken from the toponymic dictionaries

© Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С., 2023

and Internet resources dedicated to the geographical names of Russia. Method of semantic-onomasiological analysis made it possible to select and classify toponyms that possess the same of perception, and distinguish the main trends in the use of different linguistic means that help to reveal modes of perception in the names of geographical objects. **Analysis.** In the course of the study, it was investigated that the names actualizing visual perception construct the largest group, where several subgroups related to the position of the geographical object, its size, color, shape and quantity could be distinguished. The modes of auditory, olfactory, gustatory and tactile perception are presented in toponymy by a relatively small number. Among these names, the most frequent are hydronyms, from which oikonyms and oronyms are derived. **Results.** In conclusion, it is stated that sensory toponymy represents an interesting sphere

Введение. Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение восприятия географического пространства и его выражения в языке. Топонимы представляют интересный материал для исследования поскольку позволяют подойти к данному вопросу с точки зрения диахронии. Эти лексические единицы называют объекты географического пространства, а их названия раскрывают историю развития местности, ее природные особенности и изменения за время существования. Анализ названий топонимов дает информацию о народах, заселявших регионы, их хозяйственной деятельности и их восприятии географических объектов.

Как отмечает В. Г. Гак, пространство представляет собой ключевую реалию бытия, которая дифференцируется людьми [10, с. 670]. Развитие человечества непрерывно связано с теми природными ландшафтами, в которых происходит формирование цивилизации, поскольку именно первичные связи ассоциированные со средой обитания во многом определяют жизнь общества в целом. В процессе длительного социально-исторического взаимодействия люди наделяют окружающее пространство определенными характеристиками и свойствами, тем самым закладывая глубокие смыслы и ценностные ориентиры в социальную природу мест [5]. Таким образом, пространство представляет собой не только абстрактную категорию, отражающую действительность, но и область взаимодействия между людьми и местами их проживания.

Подобное взаимодействие между человеком и действительностью во многом происходит на уровне различных перцептивных процессов, то есть физических, психологических ощущений, рефлексий на внешние факторы [1]. Именно ощущения представляют собой информационные каналы, по которым знания об окружающей действительности поступают в мозг человека, позволяя ему ориентироваться в пространстве [18]. Восприятие, которое возникает на фоне ощущений, дает возможность интерпретировать

of investigation as it allows tracing the main features of sensory perception of geographical objects and identifying key trends in perceptual space construction.

Keywords: sensory toponymy, perception, perception modes, perceptual space, Russian geographical objects

For citation: Peredrienko T.Yu, Balandina E. S. Sensory toponymy (on the material of Russian geographical names). Humanities and law research. 2023;10(3): 528–537. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.22>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.04.2023.

The article was approved after reviewing: 23.06.2023.

The article was accepted for publication: 26.07.2023.

получаемую сенсорную информацию в контексте накопленных знаний [9]. В дальнейшем данная информация аккумулируется в определенной репрезентативной системе, которая обрабатывается, хранится и воспроизводится в образах-представлениях [15].

Как отмечает Л.М. Дмитриева, перцепция объектов реальной действительности в пространстве характеризуется неоднородностью при восприятии их сущности и отличительных характеристик. Лингвист выделяет три уровня: сначала происходит восприятие с помощью органов чувств, доступных познающему субъекту; на следующем уровне определяются аксиологические характеристики; третий уровень – это осмысление места объекта в топонимической картине мира [13].

Проследить особенности формирования и развития взаимоотношений между человеком и средой можно на примере анализа топонимов. Какой бы мотив не отражался в топонимии номинации само наличие имени у географического объекта свидетельствует об его восприятии на перцептивном уровне. Следовательно, изучение географических названий позволяет выявить особенности построения перцептивного пространства или перцептивного профиля общества, отражающего чувственное восприятие окружающей действительности.

Анализ словесной репрезентации ощущений в названиях мест дает исследователю возможность проникнуть в глубинные структуры массового сознания, в котором закреплены результаты перцептивного опыта, накопленного представителями той или иной культуры в различные периоды исторического развития [19]. Более того, по мнению С.П. Васильевой, семантико-онимасиологический анализ топонимов выявляет ментально-топонимические стереотипы восприятия и осмысления географических объектов в пространстве [6, с. 51].

Целью статьи является определение перцептивной составляющей топонимов через анализ их номинации для выявления ментальных

стереотипов восприятия географического пространства. Подобное исследование позволяет выделить ключевые тактики и стратегии номинативного осмысления объектов через призму восприятия.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили словарь «Географические названия России, Топонимический словарь» Поспелова Е.М. [22] и сайт «Великая Страна» [8], содержащие информацию о более 4000 наименований географических объектов России, среди которых были выделены 422 перцептивных топонима (10,55%). Под перцептивным топонимом мы понимаем название географического объекта, в структуре которого может быть выделена сема, вербализующая один из каналов восприятия (зрительный, аудиальный, вкусовой, обонятельный, тактильный) или признак, определяемый одним из этих каналов.

В качестве основного метода исследования используется семантико-ономасиологический анализ, позволяющий понять закономерности «использования различных языковых средств в обозначении внеязыковых явлений», в нашем случае географических объектов [14, с. 1130]. Этот метод объединяет словообразовательный, этимологический и семантический подходы, что дает возможность выявить первичный образ, возникающий при восприятии объекта органами чувств, а также определить ассоциации, возникающие в процессе его наименования. Кроме того, применение этого метода позволяет рассмотреть явление в диахронической перспективе.

Вербализация зрительного восприятия географического объекта. При восприятии окружающей действительности органы чувств, как каналы получения информации, имеют не одинаковое значение. Основную роль в восприятии объектов выполняет зрение, что однозначно признается многими учеными. В.К. Харченко отмечает, что в системе перцепции зрительный канал лидирует с большим отрывом, а нервные зрительные волокна в 25 раз толще других нервных волокон [24, с. 19]. По мнению А.В. Нагорной, зрительный модус восприятия признается важнейшим в перцептивном опыте человека, а его «высокий статус выражен наиболее отчетливо и наиболее полно отрефлексирован как в бытовых, так и в научных дискурсах» [20, с. 26]. Лексика, вербализующая зрительное восприятие, по оценке А.В. Петровой, является самой многочисленной и разнообразной (среди перцептивной лексики), так как за счёт зрения люди получают не менее 80% информации об окружающем мире [21, с. 37].

Воспринимая такой большой поток информации, человек определяет ключевые свойства или признаки объекта. И.Г. Рузин считает, что в зрительном модусе можно выделить несколько субмодусов, таких как восприятие света, цвета,

формы и размера [23, с. 79]. При перцепции географических объектов происходит также восприятие положения в пространстве и определение количества. Кроме того, возможна номинация объекта производными от глаголов, называющих процесс зрительного восприятия или существительными, называющими орган зрения (на основе метафорического переноса).

Анализ. Нами были выделены 346 географических наименований (82 % от общего количества перцептивных топонимов), вербализующих зрительное восприятие географических объектов. Далее они были распределены на группы: топонимы, имеющие в структуре сему зрительного восприятия и топонимы, называющие признак, определяемый при зрительном восприятии. Лексические единицы второй группы были далее распределены на подгруппы: топонимы, указывающие на положение в пространстве, называющие форму, размер, цвет и количество.

При оценке пространственных характеристик в качестве точки отсчета человек использует себя, очерчивая границы мира диапазоном своих перцептивных возможностей [11, с. 116]. На положение географического объекта в пространстве указывают прилагательные верхний (вышний), нижний, дальний: Верхний Уфалей (город в Челябинской обл.), Вышний Волочёк (город в Тверской обл.), Нижний Тагил (город в Свердловской обл.), Дальнее Константиново (поселок в Нижегородской обл.). Прилагательные в названии населенных пунктов указывают на их расположение относительно течения рек.

Нередко прилагательные используются для противопоставления и различия двух географических объектов: Верхняя Салда – Нижняя Салда (города в Свердловской обл.), Верхняя Тунгуска – Нижняя Тунгуска (реки, являющиеся притоками реки Енисей).

На положение географических объектов в пространстве также указывают прилагательные, образованные от названия сторон света: северный, южный, западный, восточный: Западная Двина (река и город в Тверской обл.), Северная Земля (архипелаг в Карском море), Южная Сосьва (правый приток реки Тавды), которую теперь называют просто Сосьва несмотря на то, что противопоставленное ей название реки Северная Сосьва, сохранилось в полной форме.

В некоторых случаях для номинации географических объектов используется субстантивированное прилагательное: Северное (села в Новосибирской и Оренбургской обл.), которое указывает на расположение населенного пункта в северной части области.

Прилагательные, определяющие положение географического объекта в пространстве, могут также участвовать в словообразовании названий топонимов методом сложения: Вернеуральск (го-

род в Челябинской обл. в верхнем течении реки Урал), Верхоянск (город в Якутии в верхнем течении реки Яна), Дальнереченск (город в Приморском крае, названный по расположению на реке Иман), Северобайкальск (город в Бурятии, расположенный на северной оконечности Байкала), Среднеколымск (город в Якутии, расположенный в среднем течении реки Колыма). В названии древнего города-крепости Вышегород, который в 18 веке был «разжалован» в село, выражается его расположение на возвышенности [22].

В словообразовании топонимов методом сложения участвуют также предлоги, указывающие на положение географического объекта в пространстве: Междуреченск (город в Кемеровской обл. и поселок в Самарской обл.), а также Загора (деревня в Башкортостане и посёлок в Новосибирской обл.). Предлог между указывает на расположение объектов между рек Уса и Томь в первом случае и Уса и Волга во втором, предлог за говорит о нахождении населенных пунктов за горами.

Признак «положение географического объекта в пространстве» не всегда выражается эксплицитно. Множество топонимов сохранили название на языке народов, их населявших и называвших в былые времена, а значит они не являются очевидными современным жителям России. Например, названия рек Илеза, Илыч, Полдневая, Полдневка, города Лахденпохья, озера Чля и других. Название гидронима Илеза произошло от вепсского *ilez* – «верхний», Илыч сохранило коми-пермяцкое название, в котором *ыл* – «дальний», названия Полдневая и Полдневка произошли от диалектного *полдень*, имевшего в те времена значение «юг». Название карельского города произошло от карельских слов *лахден* - *lahti* «залив» и *похья* - *rohja* «дальний угол», что указывает на положение города в дальней части залива. Положение на возвышенности вербализуется в гидрониме Чля, что на нивхском означало «верхнее озеро» [22].

Восприятие размеров, также как и положения в пространстве, является еще одним популярным признаком воспринимаемого географического объекта, который отражается в названии топонимов. На размер географического объекта указывают прилагательные: большой, малый, великий: Большая Визинга (река в республике Коми), Большие Чаны (озеро в Новосибирской обл.), Малый Карамант (река в Саратовской обл.), Малая Ижора (населенный пункт в Ленинградской обл.), Великие Луки (город в Московской обл.), Великий Устюг (город в Вологодской обл.) и другие.

Большинство географических объектов получили свои названия на основании противопоставления: Большое Богдо – Малое Богдо (соседствующие горы в Астраханской обл.), Большая Хета – Малая Хета (параллельно текущие притоки реки Енисей), Большой Тютерс – Малый Тютерс

(острова в Финском заливе) и другие. У топонимов, в названии которых есть определение великий, обозначающее в древнерусском «очень большой», противопоставлений не выявлено.

В некоторых случаях для номинации были использованы субстантивированные прилагательные, которые вербализовали размер, воспринимаемого географического объекта: Большая (река, впадающая в Охотское море), Великая (река, впадающая в Беренговое море), Малый (остров в Балтийском море).

Топонимы, выражающие размер географического объекта, были также образованы методом сложения: Большеречье (населенный пункт в Омской области), Малоархангельск (город в Орловской области) и другие.

Как и в случае с перцептивными топонимами, которые вербализуют признак «положение в пространстве», значения названий географических объектов этой группы не всегда очевидны. Примерами могут послужить:

- реки Амгузма (река, впадающая в Чукотское море, от чукотского «широкое место»), Арбаш (река в Кировской обл., от марийского «маленький приток»), Аргунь (река в Читинской обл., от бурятского «широкая река»), Бурья (река в Хабаровском крае, от эвенского «большая река»), Куженер (река в Марий Эл, от марийского «длинная река»), Тогул (река в Алтайском крае, от кетского «узкий»);
- горы Бырранга (гора на полуострове Таймыр, от нганасанского «большая скалистая гора»), Кукисвумчорр (горный массив в Мурманской обл., от саамского «длинная гора»), Улахан-Чистай (хребет в Якутии, от якутского «большая возвышенность»);
- населенные пункты Даргавс (село в Северной Осетии, от осетинского «длинная поляна»), Питкяранта (город в Карелии, от карельского «длинный берег»), Вельск (город в Архангельской обл., от уст. русского великий «великий, большой»);
- озера Велье (Новгородская обл., от уст. русского «великий, большой»), Улукуль (Башкортостан, от тюркского «большое озеро»);
- острова Парамушир, Симушир (Сахалинская обл., от айнского «большой остров»).

В данных топонимах, к традиционным прилагательным, указывающим на размер (большой-малый), добавляются также прилагательные, которые актуализируют признаки ширины (широкий – узкий) и длины (длинный – короткий).

Перцептивные топонимы, в значении которых актуализируется форма воспринимаемого географического объекта, представлены в Российской топонимике в небольшом количестве. Этот факт может быть объяснен тем, что эти объекты имеют значительные размеры и человеку часто трудно осознать форму крупного гидронима или ойконима. Описание формы выявляет восприятие контуров объектов.

Примерами топонимов, в которых актуализируется форма объекта являются Озера Круглое (Челябинская обл.), остров Круглый архипелага Северная Земля, озеро Квадратное (Самарская обл.) и другие. Подобные названия могут быть также обусловлены метафорическим переосмыслением формы, например, озеро Калачики (Омская обл.) или озеро Калачик (Тюменская обл.), напоминающие по форме круглое хлебобулочное изделие - калач.

Также результатом метафорического переосмысления формы объекта является название острова Колючин, находящегося в Чукотском море. Название произошло от от эскимосского кулюстик «большая льдина», переосмысленного чукчами в кувлючин «круг» [22, с. 39].

Следующую группу топонимов, в которых вербализуется зрительное восприятия географических объектов образуют топонимы, в названии которых есть указание на количество. Как отмечает И.А. Дамбуев, числительные широко используются в топонимии, выполняя различные функции [12, с. 118]. Числительные могут выполнять функцию нумеративной дифференциации, когда к топониму добавляется дополнительный признак, вербализуемый порядковым числительным, например, Первый Курильский пролив. Числительные используются в мемориальных топонимах для указания на ключевые исторические события: Памяти 13 борцов. Поселок в Красноярском крае был назван в честь расстрелянных во время гражданской войны 13 рабочих завода [22, с. 341].

Числительные активно используются для актуализации индивидуализирующего признака географического объекта, отмечаемого при зрительном восприятии. Например, в названии села Тригорское в Псковской области отражается особенность рельефа. А.С. Пушкин, часто бывал в селе Михайловском, расположенном в 3 километрах от Тригорского, и строкой «Там у Раздолья горделиво, гора треххолмная стоит» охарактеризовал гору, в честь которой село получило название [22, с. 445].

Количественные характеристики, выражаемые в названии топонимов, как правило указывают на особенности горного рельефа или расположение географического объекта рядом с несколькими реками, что наиболее четко определяется при зрительном восприятии: Трехгорный (город в Челябинской обл.), Пятигорск (город в Ставропольском крае), Биш Иирду (горный узел на Алтае, от алтайского беш «пять» и монгольского ир «острие», т.е. гора с 5 острыми вершинами), Сетте-Дабан (хребет в Якутии, от якутского сетте «семь» и дабан «гора»), Двуреченск (поселок в Свердловской области «при двух реках» Сысерть и Исеть), Туапсе (город в Краснодарском крае, от адыгейского туа «две» и псы «реки»), Семилуки (город в Воронежской обл. у нескольких «излучин» реки Дон).

Способность различать цвета и выделять их как отличительный признак географического объекта составляет важную часть зрительной перцепции. Топонимы, в названии которых вербализуется цветовое восприятие объекта, представлены словами, образованными способом сложения, или словосочетаниями, один из элементов, которых выражает значение цвета или этимологически связан с цветоименованием.

Чаще всего в образовании топонимов участвуют ахроматические цвета (черный, белый) или цвета радужного спектра (красный, зеленый, синий, желтый), названий географических объектов, выражающих оттенки, в нашем материале выявлено не было.

В культуре любого народа цвет играет важное значение, так как он связан с осмыслением мира. Белый используется в названии топонимов для обозначения цвета грунта: Белая гора (поселок в Якутии, названная по цвету выходящих на поверхность известняков), Белая (река в Иркутской обл., названная по цвету белой глины и известняков в береговых отложениях), Ак-Довурак (город при месторождении белого асбеста, от тувинского «белая земля»). Белый используется для обозначения цвета снега / льда вокруг или на географическом объекте: Белуха (гора высотой 4506 метров на Алтае, вершина которой всегда покрыта ледниками или снежниками), Белый (остров к северу от полуострова Ямал, почти все лето покрытый льдом). Белый ассоциируется с чистотой и прозрачностью: Вологда (река в Вологодской обл., от др. вепсского «белая река», то есть река с прозрачной, светлой водой) [22].

В названии топонимов белому цвету часто противопоставляется черный: Белая Холуница – Черная Холуница (реки в Кировской обл.), Белый Июс – Черный Июс (реки в Хакасии), Белый Урюм – Черный Урюм (реки в Читинской обл.). Черный указывает на цвет почвы: Черный яр (село в Астраханской обл. с черной жирной почвой), Узлен (поселок, от чукотского ув «черный» и элен «обнаженная земля») или на темный оттенок / непрозрачность воды: Чернушка (река в Пермском крае, текущая по болотистой местности), Садон (река в Северной Осетии от осетинского сау «черная» и дон «вода»).

Лексика, обозначающая цвет, не всегда выступает в прямом значении, а также может иметь образное значение, как в названии города Черногорск, элемент черно- символизирует добычу каменного угля.

Красный используется в названии топонимов в трех функциях: цветоименование, указание на красоту объекта (красный – красивый) и идеологическая замена предыдущего названия. Город в Читинской области Краснокаменск был назван за цвет горы с окислами железа, город Красноярск – за красноцветные породы в береговых обрывах

реки Качи, на которой он находится. Оценочное значение красивый вербализуется в названиях Красная Яруга (поселок в Белгородской обл., от русского красный «красивый» и яруга «овраг»), Краснослободск (город в Волгоградской обл., «красивая слобода»). Исторические замены Красная поляна вместо Царская Поляна, Краснодар вместо Екатеринодар, Красногорское вместо Святогорское в исследовании не учитывались, так как не являются перцептивными наименованиями.

Цвета желтый и зеленый используются в топонимике не очень часто, они употребляются только в прямом значении и указывают на цвет географического объекта: Зеленоград (город в Московской обл., окруженный лесными массивами), Шира (озеро, от хакасского «желтое озеро»).

Топонимы с семой зрительного восприятия, представлены именами собственными, которые называют географический объект, напоминающий орган зрения, или место, где можно заниматься обзором. Так, например, местное население ассоциировало с глазом открытую поверхность воды в болотах (озеро Болотный глаз в Ленинградской обл.) или озера, заросшие по берегам камышом (озеро Глазок в Ленинградской обл.).

Названия гор образовывались от глаголов зрительного восприятия и указывали на место, с которого можно смотреть / глядеть. Название хребта в верховье реки Юрюзань Бакты рассматривается как 3 лицо единственного числа прошедшего времени от глагола багыу «смотреть». Название гор Гляден, Глядень, Гляденевская гора образовались от глагола глядеть.

Топонимы, в которых вербализуется зрительное восприятие, составляют самую большую группу перцептивных топонимов. Наиболее яркими и чаще всего выделяемыми при зрительном восприятии признаками географического объекта являются его положение в пространстве, размер и цвет, в то время как форма и количество заслуживают меньшего внимания.

Вербализация слухового восприятия географического объекта. В перцептивной системе вторым по значимости модусом выступает слуховое восприятие, которое наряду со зрительным образует верхний уровень иерархии в системе сенсорных ощущений [17]. В связи с этим сфера звучания в русском языке характеризуется значительным разнообразием и наполненностью. Однако, интересно отметить, что среди выделенных перцептивных топонимов, названия, вербализующие слуховое восприятие, составляют периферию и условно могут быть разделены на группы.

Первая группа связана с органом слуха и актуализирует семантику аудиального восприятия через включение в состав топонима корня -ух (ухо) или -уш (уши): Ухов (населенный пункт в Тверской обл.), Уховский (населенный пункт в Иркутской обл.), Ушканьи острова (архипелаг озера

Байкал). Острова получили название благодаря метафорическому переносу. Ушканами в Сибири называли зайцев за их большие уши, а поморы называли нерпу морским зайцем. Признак «большие уши» был перенесен на «безухих нерп» и актуализировался в названии островов, на которых располагается самое большое лежбище Байкальской нерпы [3]. К этой группе относится также ороним Айгулакский хребет, названный по горе Айгулак, расположенной в республике Адыгея, где имплицитно заложена семантика слухового восприятия, поскольку с алтайского языка ай означает «молодой месяц», а кулак – «ухо», то есть «ухо, как маленький месяц».

Поскольку интенсивность является ключевым параметром звука следующие две группы мы разграничили именно на основе семы громкости звучания. Громким называется звук, интенсивность которого высока, также определяется предмет, издающий звук такого рода. К географическим объектам России, связанным со слуховым восприятием, чаще всего относятся шумные реки. Как отмечает Б. Р. Поспелов, Шумиха, Гремяча, Ревяка и другие являются распространенными «акустическими» названиями рек в России [22].

На «шумных реках» часто располагаются населенные пункты, которые получили название от «звучащих» названий водоемов: Гремячево (поселок в Нижегородской обл., расположенный на ручье Гремячий), Гремячинск (город в Пермском крае на реке Большая Гремячая от диалектного гремячая – «гремящая»), Звенигово (город в Марийской Республике в устье реки Звенига – «звонкая»).

Семантика громкого звука, может проследиться и в ойконимах не связанных с гидронимами, как в случае со Звенигородом (город в Московской обл.). Этимология данного ойконима прозрачна, поскольку в его основе заложено слово «звон». Ученые полагают, что это может быть связано с тем, что в городе было отстроено большое количество церквей, колокольный звон которых был слышен по всей округе [22].

Тихий, как свойство незначительного или еле слышного звука, также находит отражение в гидронимах, однако их количество минимально по сравнению с названиями рек с семой громкого звучания. К примеру, в исследуемом нами материале было найдено только одно название, соответствующее данному аспекту восприятия, – Тихая Сосна (река в Белгородской и Воронежской обл.).

Однако интересно отметить, что тихим может быть не только звук или предмет, но и пространство, что чаще всего и прослеживается в географических названиях. В этом случае в семантике топонима актуализируется значение не интенсивности звука, а тишины, то есть подчеркивается спокойствие и умиротворение связанное с полным или частичным отсутствием звуков в данной местности: Тихорецк (город в Краснодарском крае,

название которого входит в число искусственных положительных имен, которые давались в середине XVIII века), Тихий океан (часть Мирового океана, омывает восточное побережье России) [22].

История возникновения океанонима Тихий океан заслуживает отдельного внимания в точки зрения перцептивного восприятия. В 1513 г. испанский конкистадор Нуньес де Бальбоа со своей командой первыми из европейцев увидели простирающийся к югу от них океан, которому было решено дать название Южный, то есть актуализировать зрительную перцепцию пространства через субстантивированное прилагательное. Однако этому названию не суждено было сохраниться недолго, поскольку уже в 1520 г. Ф. Магеллан переименовал океан в Тихий (слуховая перцепция), то есть спокойный, поскольку на протяжении всего его путешествия сохранялась хорошая погода. В середине XVIII в. было выдвинуто предложение переименовать океан в Великий, то есть самый большой, и закрепить в океанониме зрительную перцепцию, свидетельствующую об его огромных масштабах, но это справедливое с точки зрения размеров океана название не получило распространения. В русских картографических источниках вплоть до начала XX в. можно встретить название Восточный океан, которое актуализирует зрительную перцепцию, основанную на положении географического объекта в пространстве [22].

В заключении мы можем сделать вывод, что слуховая перцепция, являющаяся одним из ключевых модусов восприятия, находит недостаточное распространение в области наименования географических объектов. Лидирующую позицию здесь занимают гидронимы, связанные с семантикой громкого звука, то есть отражения его интенсивности, а названия, актуализирующие сему органа слуха и сему тишины, являются относительно редкими.

Вербализация обонятельного восприятия географического объекта. В жизни человека, в отличие от животного, обоняние является второстепенным каналом познания окружающего мира. Традиционно область «ольфакторной перцепции» принято рассматривать как особый вид чувственного восприятия действительности, который в значительной степени отличается своей индивидуальной природой и антропоцентризмом [16]. В языке количество лексических единиц, описывающих слуховое восприятие, значительно меньше в сравнении со словами, актуализируемыми зрительные и слуховые ощущения. В данном аспекте, не являются исключением и названия географических объектов России, вербализующих обонятельную перцепцию.

В первую очередь, среди топонимов, связанных с этим модусом восприятия, можно выделить названия, в которых фигурирует слово нос. При этом в большинстве случаев нос используется в

номинации оронимов и является вариантом метафорического переноса, поскольку в географической литературе это узкий мыс или обрыв горной гряды, напоминающий по форме орган обоняния: Болванский Нос (мыс в Карском море), Святой Нос (мыс в Мурманской области), Канин Нос (мыс в Архангельской области), Стрекавин Нос (мыс на озере Ильмень рядом с Новгородом), Бесов Нос (мыс в Онежском озере) и другие.

Встречается слово нос и в наименованиях различных поселений: Лисий Нос (поселок на северном берегу Финского залива, получил название благодаря каменистой гряде и живописному песчаному рифу, по форме когда-то напоминавшему лисьему морду), Окунев Нос (поселок в Республике Коми).

Менее активно обонятельное восприятие географических объектов апеллирует к самому запаху и, чаще всего, когда происходит вербализация ольфакторного ощущения в гидронимах и ойконимах, она имеет негативно-оценочные характеристики, заключенные в имплицитной номинации объекта: Иткуль (озеро в Челябинской обл., от тюркского ит «запах», куль «озеро»), Сасыкуль/Соскуль (название озера и села в Куйбышевском районе от тюркского сасы – «вонючий», куль – «озеро», то есть «тухлое озеро»), Сокур (населенный пункт, получивший наименование по протекающей рядом реке, от кетского сок – «запах», ур – «река»), Чулым (река и населенный пункт в Новосибирской обл., от тюркского чу – «вода», лым – «вонь», то есть вонючая вода).

Следовательно топонимы, отражающие обонятельное восприятие, формируют достаточно малочисленную группу, состоящую в основном из наименований географических объектов, образованных путем метафорического переноса, а также названий с семантикой запаха. Их незначительное количество можно объяснить тем, что у человека обоняние остается одним из периферийных модусов в системе сенсорной ориентации в окружающей действительности, а сама способность чувствовать запахи, является слабо развитой.

Вербализация вкусового восприятия географического объекта. Вкусовая перцепция представляет сложную цепочку ощущений, возникающих в результате раздражения и воздействия на рецепторы вкусовых органов. С когнитивной точки зрения вкус во многом зависит от предшествующего опыта и сложившихся в сознании стереотипов, а каждый отдельный перцептивный акт накладывается на уже сформированную внутреннюю когнитивную структуру, обусловленную опытом восприятия [2]. Следовательно, категория вкуса сочетает не только универсальную физиологическую способность человека, но и аккумулирует определенные этнокультурные особенности.

Вкусовая перцепция формирует периферию целостной системы модусов восприятия, что выражается ограниченностью его языковой ре-

презентации [4]. Основные ощущения, формирующие естественную категоризацию базовых имен вкуса, описаны прилагательными соленый, сладкий, кислый, горький [25]. Именно семантика данных прилагательных в большей степени эксплицитно или имплицитно актуализируется в перцептивных топонимах. Очевидными примерами для носителей русской культуры являются названия Кисловодск (город-курорт в Ставропольском крае, получивший свое название благодаря наличию источников «кислых вод»), Кислый Ключ (населенный пункт Забайкалья), Горькое озеро (водоем в Алтайском крае), Сладково (село в Тюменской обл., расположенное между озерами Пресное и Солодкое «сладкое»).

Скрытая семантика выделенных прилагательных получила отражение в топонимах Ачхой-Мартан (село в Чечне по названию реки Ашхой «горькая речка»), Ачису (населенный пункт в Дагестане от тюркского «горький»), Вершино-Дарасунский (поселок в Читинской обл., расположенный в верховье реки Дарасун, что от бурятского значит «кислый, кислятина»), Маныч (река в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области, название которой произошло от тюркского «горький»), Тегульдэт (река в Томской обл., от кетского «соленая вода»).

Еще одной непосредственной составляющей вкусового восприятия является оценка, которая служит основным способом отражения полученных ощущений через языковую семантику. В перцептивных топонимах активация вкусового восприятия чаще всего происходит через оппозицию вкусный – невкусный. Использование подобного оценочного компонента можно проиллюстрировать на примере оронима Оха (гора на Сахалине, от эвенского охэ «плохо, невкусно», что во многом связывают с загрязнением реки выходами нефти) и ойконима Ямаровка (поселок в Читинской обл., расположенный рядом с минеральным источником, от эвенского «полезный, вкусный»).

С точки зрения физиологии, вкус возникает в результате стимуляции вкусовых рецепторов в полости рта, следовательно к перцептивным топонимам можно отнести те названия, которые имеют в своем составе семы, связанные со вкусовыми органами чувств. В данной группе мы выделили гидроним Ангара (правый приток реки Енисей от эвенского и бурятского амрга «рот») и ойконимы Балахна (город в Нижегородской обл. от балахна «широко открытый рот»), Языково (населенные пункты в Тульской, Московской, Ульяновской, Белгородской обл. и в Башкирии).

Таким образом, можно сделать вывод, что среди анализируемых топонимов, вербализующих вкусовое восприятие, самыми многочисленными являются названия, отражающие базовые вкусовые ощущения, тогда как наименования, актуализирующие оценочные компоненты и семы

вкусовых органов чувств, являются относительно редкими. При этом большинство перцептивных топонимов вкусового восприятия относятся, в первую очередь, к группе гидронимов, от которых в дальнейшем происходит становление ойконимов, городов, стоящих на этих реках, и оронимов, как в случае с горой Оха.

Вербализация осязательного восприятия географического объекта. Тактильное восприятие является первичным из системы сенсорного мироощущения, однако лексикон, связанный с его описанием, является достаточно ограниченным по сравнению с количеством лексических единиц, относящихся к зрительному и слуховому модусам. При этом, наиболее значимыми и употребительными являются прилагательные, описывающие не столько сенсорные ощущения, сколько объективные физические характеристики предметов и объектов окружающего мира: температуру, текстуру поверхности, влажность [7].

Вербализация осязательного восприятия в названиях географических объектов строится, главным образом, на оппозиции холодный – теплый – горячий, которая является базовой в процессе выражения тактильных ощущений. Подобная категория оценки через описание температурного режима объекта занимает ключевое место в системе языкового выражения осязательного восприятия. В связи с этим не удивительно, что именно данные тактильные ощущения нашли отражение в топонимии. Сема горячий встречается в наименовании ойконимов, получивших названия благодаря источникам термальных, целебных вод, Горячие Воды (поселок в Ставропольском крае), Горячий Ключ (город в Краснодарском крае), Горячинск (бальнеологический курорт в Бурятии) и оронима Горячая Сопка (вулкан высотой 1539 метров на острове Симушир). Семантика тепла и холода чаще всего прослеживается в гидронимах, от названия которых происходят наименования различных поселений: Теплый ключ (незамерзающая река в Свердловской обл.), Теплое озеро (пролив, соединяющий Псковское и Чудское озёра, благодаря быстрому течению оно труднее замерзает), Кичига (река на северо-востоке полуострова Камчатка, в переводе с корякского хитига – «студеная, холодная»), Сок (левый приток Волги, от тюркского «холодный»), Тайшет (река в Иркутской обл., от кетского та – «холодный», шет – «река»).

Следовательно, в географических названиях сфера тактильного восприятия отражается довольно ограничено и строится, в основном, вокруг описания температурных характеристик объекта, которым чаще всего выступает водный источник.

Результаты. Перцептивная топонимика представляет особую область интересов поскольку позволяет выделить ключевые тенденции чувственного восприятия пространства. Данные,

полученные в ходе подобных исследований, дают возможность не только изучить особенности номинации объектов окружающего мира, но и детально проанализировать перцептивный профиль общества.

В данной статье мы рассмотрели особенности построения Российского перцептивного пространства, которое свидетельствует о доминировании модуса зрительного восприятия в общей системе сенсорного мироощущения. Подобная тенденция свидетельствует о том, что внешние характеристики географического объекта в российской культуре играют ключевую роль в номинации и значительно превалируют над остальными признаками, которые могут быть выявлены по средствам других каналов восприятия.

В свою очередь модусы слуховой, вкусовой, обонятельной и осязательной перцепции чаще всего встречаются в первичной номинации водных объектов, поскольку именно вода обладает теми качествами, которые можно услышать, попробовать или почувствовать.

Дальнейшие исследования в данной области можно провести на основе сравнительно-сопоставительного анализа топонимического пространства представителей разных культур, которое позволит на контрасте увидеть особенности становления общества и его перцептивного профиля.

Литература

1. Авдеевнина О. Ю. Семантика 'состояние v. действие' в содержании перцептивных глаголов // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 12 (2). С. 10–18.
2. Авдеевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук / Москва, 2014.
3. Байкал Extreme URL: <https://baikal-extreme.com/o-bajkale/ushkani-ostrova> (дата обращения 12.12.2022).
4. Битокова С. Х., Битокова Т. А. Перцепция вкуса в языковой картине мира // Казанская наука. 2020. № 12. С. 129–131.
5. Бороноев А. О., Тхакахов В. Х. Концепция пространства мест в социальных науках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. 37 (1). С. 91–105.
6. Васильева С. П. Представление о форме географических объектов в топонимической картине мира // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 5 (12). С. 51–56.
7. Варламов А. А., Иняшкин С. Г., Горбачева А. В., Семиреченко А. Н., Осадчий М. А., Русецкая М. Н. Лексика и сценарии тактильного восприятия в аспекте создания исследовательского тезауруса // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 47–61.
8. Великая Страна [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.yaxy.ru/geo-nm.html> (дата обращения 28.11.2022).
9. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры. М., Воронеж: АПЧН, 1996. 512 с.
10. Гак В. Г. Языковые преобразования: монография. Москва: Языки русской культуры, 1998. 764 с.
11. Гедина М. А. Феномен восприятия в контексте языковой картины мира (на материале английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2011.
12. Дамбуев И. А. Числительные в топонимии: варьирование и нормализация // Вопросы ономастики, 2022. Т. 19. № 1. С. 117–138.
13. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2002.
14. Иванова Т. К. Ономазиологические принципы классификации сложных существительных со значением лица // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (1). С. 1130.
15. Коновалова Н. И. Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» / Н. И. Коновалова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 130–136.
16. Котенева И. А., Кривчикова Н. Л., Трещева Н. В. Языковые и когнитивные механизмы формирования значения ольфакторных номинаций во французском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1 (2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19921> (дата обращения: 24.12.2022).
17. Лось А. Л. Когнитивные основы связи зрительной и аудиальной перцепции (на материале русского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). С. 131–134.
18. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
19. Нагорная А. В. Перцептивные феномены как объект исследования в современных гуманитарных науках // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2015. № 1 (26). С. 27–38.
20. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор. М., 2017. 86 с.
21. Петрова А. В. Семантика и функционирование перцептивных глаголов в лирике Ф.И. Тютчева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 181 с.
22. Поспелов Б. Р. Географические названия России: топонимический словарь. М. АСТ: Астрель, 2008. 528 с.
23. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
24. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
25. Шрамм А. Н. Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 1981. 188 с.

References

1. Avdevnina O. Yu. Semantika 'sostoianie v deistvie' v sodержanii pertseptivnykh glagolov (Semantics of 'State vs. Action' in the Content of Perception Verbs). *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism.* 2012;12(2):10-18. (In Russ.).
2. Avdevnina O. Yu. *Kategoriia vospriiatiia i sredstva ee vyrazheniia v sovremennom russkom iazyke* (The category of perception and means of its expression in the modern Russian language). (Doctoral dissertation). Moscow, 2014. (In Russ.).
3. Baikal Extreme. URL: <https://baikal-extreme.com/o-bajkale/ushkani-ostrova> (accessed: 12.12.2022). (In Russ.).
4. Bitokova S. Kh., Bitokova T. A. *Pertsepsiia vkusa v iazykovoii kartine mira* (Taste perception in the language worldview). *Kazanskaia nauka = Kazan Science.* 2020;12:129-131. (In Russ.).
5. Boronoev A. O., Tkhakakhov V. Kh. *Kontsepsiia prostranstva mest v sotsial'nykh naukakh* (Concept of space of places in social sciences). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija = Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.* 2021;37(1):91-105. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108> (In Russ.).
6. Dambuev I. A. *Chislitel'nye v toponimii: var'irovanie i normalizatsiia* (Numeral Adjectives in Russian Toponymy: Variation and Standardization). *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics.* 2022;19(1):117-138. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.006 (In Russ.).
7. Dmitrieva L. M. *Ontological and mental existence of the toponymic system (based on the Russian toponymy of Altai); thesis.* Barnaul, 2002. (In Russ.).
8. Gak V. G. *Iazykovye preobrazovaniia: monografiia* (Language changes). Moscow: *Iazyki russkoi kul'tury*, 1998. 768 p. (In Russ.).
9. Gedina M. A. *Phenomenon of perception in the worldview context (on the material of the English and German languages: thesis).* Vladimir, 2011. (In Russ.).
10. Ivanova T. K. *Onomasiological principles complex nouns classification with the meaning of a person. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education.* 2015;1(1):1130. (In Russ.).
11. Kharchenko V. K. *Linguosensorics: Fundamental and Applied Aspects.* Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 216 p. (In Russ.).
12. Konovalova N. I. *Perceptual images of consciousness in the light of the 'Russian Associative Dictionary' in New Russia: trends and innovations in language and science: proceedings of international conference.* Moscow; Ekaterinburg: Cabinet Scientist, 2016. p. 130-136. (In Russ.).
13. Koteneva I. A., Krivchikova N. L., Treshcheva N. V. *Linguistic and cognitive mechanisms of the meaning formation of olfactory nominations in French. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education.* URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19921>. (accessed: 28.11.2022). (In Russ.).
14. Los' A. L. *Cognitive bases of connection of visual and auditory perception (by the material of the Russian language. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory and practice.* 2018;3(81):131-134. (In Russ.).
15. Lurii A. R. *Lectures on general psychology.* St.Petersburg: Piter, 2006. 320 p. (In Russ.).
16. Nagornaia A. V. *Perceptual phenomena as an object of research in modern humanities. Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects.* 2015;1(26):27-38. (In Russ.).
17. Nagornaia A. V. *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovani: analiticheskii obzor* (Linguistics as a promising area of modern linguistic research: an analytical review). Moscow, 2017. 88 p. (In Russ.).
18. Petrova A. V. *Semantics and functioning of perceptual verbs in F.I. Tyutchev: thesis.* Moscow, 2018. (In Russ.).
19. Pospelov B. R. *Geographical names of Russia: toponymic dictionary.* Moscow: AST: Astrel', 2008. 528 p. (In Russ.).
20. Ruzin I. G. *Cognitive strategies of nomination: modes of perception (sight, hearing, smell, taste) and their expression in language. Voprosy iazykoznanii = Topics in the study of language.* 1994;6:79-100. (In Russ.).
21. Shramm A. N. *Aspects of the semasiological analysis of qualitative adjectives (on the material of the Russian language): thesis.* Kaliningrad, 1981. 181 p. (In Russ.).
22. Varlamov A. A., Iniashkin S. G., Gorbacheva A. V., Semirechenko A. N., Osadchii M. A., Rusetskaia M. N. *Lexicon and scenarios of touch perception: towards developing a research thesaurus. Science Journal of VolSU. Linguistics = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2019;18(1):47-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.4> (In Russ.).
23. Vasil'eva S. P. *The idea of geographical objects shape in the toponymic worldview. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva = The Siberian Aerospace Journal.* 2006;5(12):51-56. (In Russ.).
24. Velikaia Strana. Available from: <http://russia.yaxy.ru/geo-nm.html> (accessed: 28.11.2022). (In Russ.).
25. Vygotskii L. S. *Psychology of development as a cultural phenomenon.* Moscow, Voronezh: APSN, 1996. 512 p. (in Russ.).

Научная статья
УДК 81`33:81-114
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.23>

БИНАРНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «МЫ – ОНИ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Анастасия Геннадьевна Чабанная¹

Михаил Васильевич Каменский²

- 1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Ассистент кафедры
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1049-3534> E-mail: 1709nastyal@mail.ru
- 2 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор филологических наук, доцент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516> E-mail: mkamenskii@ncfu.ru
- Автор, ответственный за переписку: Чабанная Анастасия Геннадьевна, 1709nastyal@mail.ru

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию бинарной концептуальной оппозиции «Мы – Они» в современном англоязычном политическом дискурсе. Одним из способов речевого манипулирования является употребление бинарной концептуальной оппозиции «Мы – Они», которая занимает центральную роль в политическом дискурсе в целом. Отмечается, что анализируемая оппозиция является вариативной и может проявляться на разных уровнях – внешнем и внутреннем. **Материалы и методы.** Материалом исследования выступают речи и высказывания президента Соединенных Штатов Америки Джо Байдена за период с 2 января по 24 февраля 2023 г. Частота употребления используемых в оппозиции лексических единиц выявляется с применением специализированного корпусного менеджера LancsBox. **Анализ.** Выявлено, что в политическом дискурсе используются различные стратегии и тактики, позволяющие воздействовать на получателей информации, что обусловлено необходимостью доказать свое мнение, убедить адресата в правильности действий, подчеркнуть их важность и значимость для всей страны. Ключевой задачей предпринятого исследования является систематизация дискурсивных инструментов речевого воздействия в политическом дискурсе, основой которых выступают концептуальные оппозиции. **Результаты.** Значимость результатов заключается в возможности использования полученных данных для адекватного восприятия информации, изложенной в политическом дискурсе, с одной стороны, и для создания своих собственных текстов поли-

тической направленности, с другой. Научная новизна исследования заключается в анализе современного материала и моделировании использования бинарной концептуальной оппозиции «Мы – Они» в политическом дискурсе Джо Байдена. Новизной также характеризуются приведенные статистические данные, полученные на материале авторского электронного корпуса политического дискурса с применением метода автоматизированной обработки текста. Разработанный электронный корпус политического дискурса в дальнейшем может быть расширен и адаптирован для комплексного исследования концептуальных оппозиций с применением методов цифровой лингвистики.

Ключевые слова: политический дискурс, американский политический дискурс, речевое манипулирование, бинарная концептуальная оппозиция, оппозиция «Мы – Они», электронный корпус текстов, корпусный менеджер LancsBox

Для цитирования: Чабанная А. Г., Каменский М. В. Бинарная концептуальная оппозиция «Мы – Они» в современном англоязычном политическом дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 538–545. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.23>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.06.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

BINARY CONCEPTUAL OPPOSITION “WE – THEY” IN MODERN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Anastasia G. Chabannaya¹

Mikhail V. Kamensky²

- 1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Assistant Teacher
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1049-3534> E-mail: 1709nastyal@mail.ru
- 2 North Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
D.Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516> E-mail: mkamenskii@ncfu.ru
- Corresponding author: Anastasia G. Chabannaya, 1709nastyal@mail.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the binary conceptual opposition “We – They” in modern English political discourse. One of the frequent

ways of speech manipulation in political discourse is the use of the binary conceptual opposition “We – They”, which has the central role in political discourse in general.

© Чабанная А. Г., Каменский М. В., 2023

It is established that the analyzed opposition is variable and can be used at different levels – external and internal.

Materials and Methods. The speeches and statements of the President of the United States of America Joe Biden for the period from January 2 to February 24, 2023 are considered as the material of the study. The frequency of use of lexical units used to represent the opposition “We – They” is determined using the LancsBox corpus manager application. **Analysis.** It is identified that various strategies and tactics are used in political discourse to influence the recipients of information by politicians due to the need to prove their opinion, convince the recipients of the correctness of actions, emphasize their importance and significance for the whole country. The primary objective of the study is to systematize the discursive tools of speech influence in political discourse, which are based on conceptual oppositions. **Results.** The significance of the results lies in the possibility of using the obtained data for an adequate perception of the information presented in the political discourse, on the one hand, and for creating own political texts, on the other hand. The scientific novelty lies in the analysis of modern material and in the effort to build a linguistic model of the use of the binary conceptual opposition “We – They” in Joe Biden’s political discourse.

Введение. В современном мире политическая коммуникация представляется одной из важных сфер деятельности человека для изучения. Многие события, происходящие между странами и внутри одного государства, освещаются средствами массовой информации, политические деятели комментируют происходящее на встречах, что приводит к возрастающему количеству политических речей. Несомненно, в политическом дискурсе используются разные языковые средства и способы речевого воздействия, что связано с необходимостью формирования нужного образа у реципиентов информации посредством акцентирования внимания на наиболее значимых и выгодных для политиков действиях. Данное утверждение позволяет говорить об актуальности предпринятого исследования, направленного на установление специфики дискурсивной репрезентации бинарной концептуальной оппозиции «Мы — Они» в современном англоязычном политическом дискурсе.

Материалы и методы. В ходе исследования нами проанализированы выступления президента Соединенных Штатов Америки, Джо Байдена, за январь – февраль 2023 года. Корпусный материал исследования насчитывает 32 текста, представленных на официальном сайте Правительства США и содержащих свыше ста тысяч токенов. Необходимо отметить, что в ходе работы использовался корпусный менеджер LancsBox, который представляет собой программный пакет нового поколения для анализа языковых данных и корпусов текстов.

Анализ. Под политическим дискурсом мы, вслед за Е. И. Шейгал, понимаем любые речевые образования, которые содержат информацию, связанную с политической сферой [12, с. 121]. По

The novelty is also characterized by the statistical data provided, obtained using automated text processing and the creation of an electronic corpus, which can be further expanded by speeches of other political figures. The adaptability of the developed electronic corpus opens up the possibilities of the further computer-aided study of binary conceptual oppositions in political discourse with reference to the methods of digital linguistics.

Keywords: political discourse, American political discourse, speech manipulation, binary conceptual opposition, “We – They” opposition, electronic corpus, LancsBox corpus manager application

For citation: Chabannaya A. G, Kamensky M. V. Binary conceptual opposition “WE – THEY” in modern English political discourse. Humanities and law research. 2023;10(3):538–545. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.23>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.05.2023.

The article was approved after reviewing: 19.06.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

мнению А. П. Чудинова, в содержании политического дискурса должны быть присутствующие в сознании говорящего или пишущего и получателя информации компоненты, которые могут оказывать влияние на восприятие речи. Под данными компонентами автор подразумевает другие тексты, политические взгляды воспроизводящего информацию, его интенции при создании текста, политическую ситуацию [11, с. 41].

Отметим, что политический дискурс обладает характерными чертами. Так, например, Е. Ю. Алешина считает важными особенностями политического дискурса следующее:

- тематизацию текста, что представляет собой выбор определенной темы, связанной со сферой политики;
- утверждение интенций субъектов политики, которые направлены на борьбу за власть;
- наличие определенной речевой ситуации, в которой происходит политическая коммуникация [1, с. 294].

Е. И. Шейгал в своей работе приводит большее количество характеристик политического дискурса. Автор подчеркивает, что данному виду институционального дискурса присущи следующие особенности:

- преобладание массового адресата;
- опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа;
- динамичность языка, используемого в политической сфере;
- доминирующая роль фактора эмоциональности;
- смысловая неопределенность [12, с. 48-49].

Несомненно, политика представляет собой особую сферу деятельности человека, назначение которой состоит в борьбе за власть.

Необходимость в выражении права на власть, по мнению В. З. Демьянкова, находит отражение в таких характеристиках политического дискурса, как агрессивность, оценочность, эффективность, отстаивание собственной точки зрения [3].

На наш взгляд, необходимость доказать свое мнение, убедить людей в правильности действий приводят к тому, что политическая коммуникация отличается использованием разных способов, позволяющих воздействовать на получателей информации. Несомненно, одним из важных инструментов воздействия на сознание является язык.

Под речевым воздействием П. Б. Паршин понимает «использование особенностей устройства и функционирования перечисленных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения.» [9].

И. А. Стернин приводит схожее определение речевого воздействия, подчеркивая, что его цель – убедить реципиента информации сознательно согласиться с мнением говорящего, принять решение [10, с. 12].

Таким образом, речевое воздействие подразумевает его преднамеренность с целью убеждения слушающих или читающих. Однако, некоторые исследователи считают, что речевое воздействие отличается не только убеждением, но и внушением. Так, например, Ю. А. Шерковин утверждает, что в массовой коммуникации существует не только убеждающее, но и внушающее воздействие, которое отличается не только содержанием информации, но и его оформлением, эмоциональностью и выразительностью, при помощи которых подчеркивается смысловая значимость сообщения [13, с. 184].

Политический дискурс, на наш взгляд, также отличается речевым воздействием, направленным как на убеждение, так и на внушение информации получателю. Данное утверждение обусловлено прагматической направленностью политической коммуникации, целью которой считается необходимость не только передачи информации, но и акцентуации ее значимости и достоверности с целью убеждения реципиента в правоте действий политического деятеля. Е. И. Шейгал подчеркивает, что убеждение в политическом дискурсе следует связывать в первую очередь с воздействием на эмоции и подсознание, а не на разум и логику. Данное утверждение характерно для таких речевых ситуаций, где «успех коммуникации основан прежде всего на завоевании симпатии и доверия адресата» [12, с. 56].

Зарубежные исследователи также подчеркивают, что с помощью языковых средств возможно воздействие на получателей информации. Например, П. Чилтон утверждает, что только с помощью языка можно отдавать команды и угрозы,

задавать вопросы, делать предложения и обещания – при условии, что коммуникант убедил своих собеседников в том, что у него есть необходимые ресурсы для придания речевому акту правдоподобия. И только с помощью языка, привязанного к социальным и политическим институтам, можно объявить войну, признать виновным или невиновным, отсрочить выборы, повысить или понизить налоги [15, р. 30].

Безусловно, что для достижения успеха в политическом дискурсе используются различные языковые средства. Т. Г. Добросклонская отмечает, что среди основных средств языкового манипулирования можно выделить лексические, синтаксические, грамматические и стилистические [4].

Согласно Т. А. Ван Дейку существует ряд дискурсивных стратегий политического дискурса [14]. Эти дискурсивные стратегии Э. Кадим излагает следующим образом [16]:

1. Импликация. Данная стратегия, используемая политиками для передачи идеи или чувства, не высказывая их напрямую. Люди подразумевают что-то под тем, что они говорят. Но слушатель или получатель информации делает какие-то выводы из того, что говорит кто-то другой.
2. Пресуппозиция. Это предположение говорящего/пишущего о том, что истинно или уже известно слушателю/читателю.
3. Гипербола. Политики используют гиперболу, то есть преувеличение. Они намеренно делают это, чтобы что-то подчеркнуть, добавить юмора, привлечь внимание, заинтересовать или достичь политической цели.
4. Сострадание. Эта стратегия показывает сочувствие к слабым или невинным гражданским лицам из-за неправильной политики или действий других для достижения политических интересов.
5. Отрицательное сравнение. Этот тип стратегии используется для того, чтобы подчеркнуть плохие действия и качества других людей для достижения ключевых выгод и интересов.
6. Обвинение жертвы. Политики используют эту стратегию, перекладывая вину на оппонента.
7. Контраст и разделение. Эта стратегия используется политиками против своих оппонентов. Она часто встречается в предвыборных кампаниях. Политики всегда представляют себя «хорошими», в то время как их оппоненты «плохие».
8. Описание деятеля. Описание действующего лица показывает то, как люди описывают определенных деятелей или участников. Члены группы всегда хорошие и положительные, в то время как участники внешней группы всегда описываются как плохие и отрицательные.

9. Игра с числами. Политики прибегают к использованию цифр и статистики для убеждения и получения доверия и объективности.
10. Метафора. Это мощный идеологический инструмент, который может быть использован для негативного представления определенных групп и положительного представления других.
11. Повторение. В политическом дискурсе повторение может служить мощной идеологической стратегией для положительного представления членов внутренней группы и отрицательного представления членов внешней группы.
12. Местоимения. Власть местоимений заключается в идеологическом использовании политиками. Местоимение «Я» используется, чтобы показать свои хорошие качества и достижения, «Мы» используется, чтобы показать единство и солидарность, в то время как «Они» используется, чтобы показать отрицательные качества других.

Зачастую в политическом дискурсе объединяются некоторые стратегии, перечисленные выше. Так, например, использование личных местоимений может представлять собой бинарную концептуальную оппозицию.

В основе данного феномена находится концепт. С. Г. Воркачев, обобщая разные точки зрения на его определения, приходит к выводу о том, что концепт представляет собой единицу коллективного знания/сознания, обладающую языковым выражением и отмеченную этнокультурной спецификой [2].

В рамках концептуальных полей отдельные концепты могут образовывать различные группы, в том числе и оппозицию. Так, например, В. М. Куприянова считает, что оппозицию можно рассматривать «как структурную единицу культуры или как принцип, организующий картину мира носителя культуры» [6, с. 66].

М. Д. Невинская под концептуальной оппозицией понимает бинарную оппозицию концептов, которые находятся между собой в отношениях противоположности [7].

Таким образом, концептуальные оппозиции – это такие объединения концептов, которые построены на антонимичности наиболее общего и частных содержательных признаков, средств их выражения.

В политическом дискурсе одной из важных бинарных концептуальных оппозиций, на наш взгляд, следует считать оппозицию «Мы – Они». Данное утверждение обусловлено тем фактом, что суть политики заключается в делении мирового сообщества или же отдельных представителей политической сферы на «нас» и «их» или «своих» и «чужих». Е. И. Шейгал предполагает, что данная оппозиция занимает главенствующую роль в политическом дискурсе [12].

Как упоминалось выше, прагматическая направленность политической коммуникации заключается в отстаивании своего права на власть, убеждении и внушении получателям информации о своем преимуществе перед другими политическими деятелями или представителями мирового сообщества. Оппозиция «Мы – Они» позволяет воздействовать на реципиента информации, представляя, что «Мы» («свои») – это «наша партия», «наши единомышленники», «наши союзники», а «Они» («чужие») – «их партия», «оппоненты». Главная цель такого противопоставления заключается в убеждении и воздействии на адресата в условиях необходимости поддержания идеологии социальных ценностей политического деятеля, его партии, его страны.

Следует отметить, что исследуемая концептуальная оппозиция является вариативной. Е. В. Кишина говорит о том, что в политическом дискурсе оппозиция «Мы – Они» может проявляться на разных уровнях. Автор считает, что на внешнем уровне подразумевается «наше государство» и идеологически чуждое ему государство. На внутреннем уровне также допускаются разные варианты, например, власть – народ; политическая партия – политическая партия. Также Е. В. Кишина отмечает, что в рамках одного политического направления или движения категория «мы» может использоваться для единомышленников по отдельным вопросам, убеждениям и занимаемым в обществе позициям [5].

При помощи приложения LансsBox мы объединили речи Джо Байдена в единый корпус. На первом этапе исследования нами применен инструмент Words, который автоматически подсчитывает количество наиболее часто используемых лексических единиц. В результате анализа нами выявлено, что личные местоимения «we» («мы») и «they» («они») являются частотными элементами в политическом дискурсе. Личное местоимение «мы» встречается 1520 раз, местоимение «они» реже – 624 раза. Такая разница в частоте использования в политическом дискурсе объясняется, на наш взгляд, тем, что местоимение «we» употребляется в одном предложении несколько раз или сразу в последующем. Лексический повтор используется политическими деятелями как один из способов речевого воздействия на адресата с целью подчеркнуть какие-либо факты и выделить необходимую им информацию. Данное утверждение можно продемонстрировать следующими примерами:

- «*And I'm very proud of the folks who ran that show that we got it done. We got it done.*» (И я очень горжусь людьми, которые руководили этим шоу, за то, что мы это сделали. Мы это сделали) [8, от 16.01.2023].
- «*It has a lot to do with whether or not we are the country we say we are – that we're a country of law and order and means by which we can*

peacefully protest and let the courts make their judgments.» (Это во многом зависит от того, являемся ли мы той страной, за которую себя выдаем, – что мы страна закона и порядка и тех средств, с помощью которых мы можем мирно протестовать и позволить судам выносить свои решения) [8, от 27.01.2023].

- *«And by the way, when we do all of these things, we increase productivity. We increase economic growth.» (И, кстати, когда мы делаем все это, мы повышаем производительность. Мы увеличиваем экономический рост) [8, от 07.02.2023].*

Концептуальная оппозиция «Мы – Они» прослеживается не только в непосредственном употреблении соответствующих местоимений, но и в лексических единицах, используемых в коллокациях с ними. С помощью инструмента GraphColl нами идентифицированы частотные словосочетания, представленные для наглядности в табличном виде. В ходе анализа нами установлены часто употребляемые глаголы в сочетании с личными местоимениями «Мы» и «Они». Данное утверждение подтверждается Таблицей 1 и Таблицей 2 (Отметим, что в таблицах перечислены глаголы, встречающиеся в коллокациях в приведенных грамматических формах):

Таблица 1 / Table 1

**Коллокации с лексемой «we» («мы») /
Collocations with the lexeme “we”**

Collocation (Сочетание)	Collocation frequency (Частота)
have / had (иметь)	177 / 42
can / could (мочь, уметь)	114 / 13
do / did (делать)	83 / 38
get / got (получать)	27 / 69
are / were (быть)	67 / 50
passed (пройти, справиться)	48
know (знать)	38
need (нуждаться)	27
make / made (делать)	13 / 23
want (хотеть)	22
invented (изобрести)	9
move (двигаться)	8
worked (работать)	7
continue (продолжать)	6

Источник: составлено авторами

Таблица 2 / Table 2

**Коллокации с лексемой «they» («они») /
Collocations with the lexeme “they”**

Collocation (Сочетание)	Collocation frequency (Частота)
want (хотеть)	53
have (иметь)	40
are / were (быть)	17 / 39
need (нуждаться)	30
can (мочь, уметь)	29
say / said (говорить, сказать)	19 / 11
get / got (получать)	13 / 11
go (идти)	9
come (приходить)	8
try (пытаться)	6
make (делать)	6
take (брать)	5
keep (хранить)	5
think (думать)	5
remember (помнить)	4

Источник: составлено авторами

Необходимо отметить, что с местоимением «мы» чаще употребляются глаголы в Past Simple (простое прошедшее время), что показывает завершенность действий политического деятеля, в данном случае Джо Байдена и его единомышленников, подчеркивает результат выполнения обещаний. В случае с местоимением «они» часто употребляются глаголы, описывающие мыслительную деятельность, а не законченность действий.

В концептуальной оппозиции «Мы – Они» личные местоимения могут обозначать разные действующие лица на разных уровнях. Оппозиция используется Джо Байденом таким образом, чтобы показать свое преимущество. Как упоминалось ранее, исследуемая бинарная концептуальная оппозиция может проявляться на достаточно многопланово. Данное утверждение можно подтвердить следующим образом:

1. «Мы» рассматривается как Соединенные Штаты Америки, а под местоимением «Они» подразумевается другая нация или другая страна, чаще всего ими являются Китай и Россия:
 - «But I think we just got to make the protocol we set out: that if you're flying from China, you got to be tested, and so on. China has not been – I know they're very sensitive about suggest – when we suggest they haven't been that forthcoming.» (Но я думаю, мы просто должны придерживаться протокола, который мы изложили: если вы летите из Китая, вы должны пройти тестирование и так далее. Китай не был – я знаю, что они очень восприимчивы к предположению, когда мы предполагаем, что они не были настолько открытвенны) [8, от 04.01.2023].
 - «If Russian troops returned to Russia, they'll be there for – where they belong, and this war would be over today. That's what we all want: an end to this war in just and lasting terms.» (Если бы российские войска вернулись в Россию, они были бы там, где им и место, и эта война закончилась бы сегодня. Это то, чего мы все хотим: справедливого прекращения этой войны) [8, от 25.01.2023].
 - «Let's remember who we are. We're the United States of America – the United States of America. We're born out of an idea. No other nation in the world is born of an idea. They're based on ethnicity, geography, and so many other things.» (Давайте вспомним, кто мы такие. Мы – Соединенные Штаты Америки – Соединенные Штаты Америки. Мы рождены из идеи. Ни одна другая нация в мире не рождена из идеи. Они основаны на этнической принадлежности, географии и многих других вещах) [8, от 02.02.2023].
2. «Мы» используется для обозначения Джо Байдена, его соратников, однопартийцев, концепт «Они» обозначает предыдущих правителей (Барак Обама или Дональд Трамп), их администрации или партию республиканцев:
 - «Look, I've had a relationship with Mitch McConnell for years. And when, in the – when, in the Obama administration, they were going to – weren't going to pay the debt, you know, McConnell and I stayed up, as you remember, on New Year's Eve night until – you know, late at night to finish it.» (Послушайте, мы общались с Митчем Макконнеллом в течение многих лет. И когда в – когда в администрации Обамы они собирались – не собирались выплачивать долг, вы знаете, мы с Макконнеллом не спали, как вы помните, в канун Нового года до – вы знаете, поздней ночи, чтобы закончить это) [8, от 04.01.2023].
 - «But congressional Republicans have refused to consider my comprehensive plan. And they rejected my recent request for an additional \$3.5 billion to secure the border and funds for 2,000 new asylum personnel...» (Но республиканцы в Конгрессе отказались рассматривать мой комплексный план. И они отклонили мою недавнюю просьбу о выделении дополнительных 3,5 миллиардов долларов на охрану границы и средств для 2000 новых сотрудников, ищущих убежища) [8, от 05.01.2023].
 - «But, look, we're moving in the right direction. Now we've got to protect those gains. We've got to protect those gains that our policies have generated – protect them from the MAGA Republicans in the House of Representatives who are threatening to destroy this progress.» (Но, послушайте, мы движемся в правильном направлении. Теперь мы должны защитить эти достижения. Мы должны защитить те достижения, которые принесла наша политика, – защитить их от республиканцев MAGA (Make America Great Again) в Палате представителей, которые угрожают уничтожить этот прогресс) [8, от 26.01.2023].
 - «And, folks, we did that in a bipartisan way. Democrats and Republicans did it. I don't know why they don't want to acknowledge they had any part of what's making the country great again.» (И, люди, мы сделали это двухпартийным способом. Демократы и республиканцы сделали это. Я не знаю, почему они не хотят признать, что они были причастны к тому, что снова делает страну великой) [8, от 09.02.2023].

3. Концепт «Мы» употребляется для обозначения правительства, а «Они» рассматривается как народ:

- «*And so we're trying to bring things under control. We're seeing the same progress on energy – on energy costs. Folks can get tax credits when they install energy-efficient appliances in their home, like an energy-efficient dishwasher or heat pumps, or electric vehicles, if you're able to buy one of those.*» (И поэтому мы пытаемся взять ситуацию под контроль. Мы наблюдаем такой же прогресс в области энергетики – в области затрат на энергию. Люди могут получить налоговые льготы, если они установят в своем доме энергосберегающие приборы, такие как энергосберегающая посудомоечная машина или тепловые насосы, или электромобили, если вы в состоянии купить один из них) [8, от 16.01.2023].
- «*So many things are happening. We passed the bill relating to the cost of a – of insulin. Well, guess what? Only now, as of January*

1st, a lot of people are waking up and finding out, if they're on Medicare, they only have to pay 35 bucks a month instead of 400 bucks a month to save their lives.» (Так много всего происходит. Мы приняли законопроект, касающийся стоимости инсулина. И знаете что? Только сейчас, с 1 января, многие люди просыпаются и узнают, что если они пользуются программой Medicare, им нужно платить всего 35 долларов в месяц вместо 400, чтобы спасти жизнь) [8, от 21.01.2023].

- «*And Americans are starting to feel the effects of some of the laws we passed. And we have – and they're only now going to be going into effect.*» (И американцы начинают ощущать последствия некоторых принятых нами законов. Мы приняли – и они только сейчас вступят в силу) [8, от 24.01.2023].

Таким образом, использование бинарной концептуальной оппозиции «Мы – Они» в современном американском политическом дискурсе можно представить в виде схемы (рис. 1):

Рисунок 1 – Использование оппозиции «Мы – Они» в американском политическом дискурсе /
Figure 1. Use of the “Us – Them” opposition in American political discourse
Источник: составлено авторами

Результаты. Результаты предпринятого исследования позволили продемонстрировать, что политический дискурс отличается использованием определенных стратегий и тактик речевого воздействия, что обусловлено необходимостью

доказать свое мнение, убедить людей в правильности. В результате проведенного анализа корпусного материала доказано, что одним из способов речевого манипулирования представляется употребление бинарных концептуаль-

ных оппозиций, наиболее часто встречаемой из которых является оппозиция «Мы – Они», что связано с необходимостью деления мирового сообщества или же отдельных представителей политической сферы на «нас» и «их» противопоставляя их по различным основаниям. Следует отметить, что исследуемая концептуальная оппозиция проявляется на разных уровнях – внешнем

и внутреннем. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что данная бинарная оппозиция занимает ядерную позицию в политическом дискурсе. Изучение и анализ данного явления позволяет нам адекватно декодировать прагматические установки текстов политического содержания и использовать данный способ при создании новых текстов политической тематики.

Литература

1. Алешина Е. Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3. С. 293-301.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32-43.
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
5. Кишина Е. В. Категория «свойственность-чуждость» в политическом дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Кемерово, 2006. 26 с.
6. Куприянова В. М. Культурная оппозиция: методы и задачи исследования // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 65-68.
7. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ-власть» в политическом дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2006. 20 с.
8. Официальный сайт правительства США. Раздел речи и высказывания. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/> (дата обращения: 24.02.2023)
9. Паршин П. Б. Речевое воздействие // Энциклопедия «Кругосвет» 2002. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html. (дата обращения: 09.02.2023)
10. Стернин И. А. Практическая риторика: учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 272 с.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 254 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
13. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль, 1973. 213 с.
14. Dijk T.A. Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. № 11. P. 115-140.
15. Chilton P. A. Analysing political discourse: theory and practice. London, 2004. 226 p.
16. Kadim E. N. A critical discourse analysis of Trump's election campaign speeches // Heliyon. 2022 Apr 6;8(4):e09256 DOI:10.1016/j.heliyon.2022.e09256.

References

1. Aleshina E. Yu. Genre gradation of political discourse. Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal = Russian humanitarian journal. 2016;5(3):293-301. (In Russ.).
2. Vorkachev S. G. Linguoculturology, language personality, concept: the origins of anthropocentric paradigm in linguistics. Filologicheskie nauki= Philological sciences. 2001;1:64-72. (In Russ.).
3. Dem'yankov V. Z. Political discourse as the subject of political philology. Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya. 2002;3:32-43. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaya T. G. The issues of mediatext study (findings of the modern English media speech study). Moscow: Editorial URSS; 2005. 288 p. (In Russ.).
5. Kishina E. V. The category "inherence – foreignness" in political discourse: abstract of thesis. Kemerovo, 2006. 26 p. (In Russ.).
6. Kupriyanova V. M. Cultural opposition: methods and aims of the study. Formirovanie distsiplinarnogo prostranstva kul'turologii in Formation of the disciplinary space of cultural studies. Materials of the scientific and methodological conference. January 16, 2001, St. Petersburg. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2001. P. 65-68.
7. Nevinskaya M. D. Conceptual opposition "people-authority" in political discourse: abstract of thesis. Volgograd; 2006. 20 p. (In Russ.).
8. Official USA Government Website. Speeches and remarks archives. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/> (accessed: 24.02.2023)
9. Parshin P. B. Speech influence. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html. (accessed: 9.02.2023) (In Russ.).
10. Sternin I. A. Political rhetorics: textbook. Moscow: Akademiya; 2003. 272 p. (In Russ.).
11. Chudinov A. P. Political linguistics. Moscow: Flinta : Nauka; 2008. 254 p. (In Russ.).
12. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse. Moscow: Gnozis; 2004. 326 p. (In Russ.).
13. Sherkovin Yu. A. Psychological problems of mass information processes. Moscow: Mysl'; 1973. 213 p. (In Russ.).
14. Dijk T. A. Ideology and discourse analysis. Journal of Political Ideologies. 2006;11:115-140.
15. Chilton P. A. Analysing political discourse: theory and practice. London, 2004. 226 p.
16. Kadim E. N. A critical discourse analysis of Trump's election campaign speeches. Heliyon. 2022 Apr 6;8(4):e09256 DOI:10.1016/j.heliyon.2022.e09256

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 94 (37)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.24>

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Телепень С.В. «Полководец и его солдаты (период Принципата). Военное лидерство в древнем Риме». Мозырь.: МГПУ им. М.П. Шамякина, 2020. 196 с.

Александр Павлович Беликов¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0012-3031> E-mail: abelikov@rambler.ru

Для цитирования: Беликов А. П. Рецензия на монографию: Телепень С.В. «Полководец и его солдаты (период Принципата). Военное лидерство в древнем Риме». Мозырь.: МГПУ им. М.П. Шамякина, 2020. 196 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 546–549. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 05.05.2023.

Одобрена после рецензирования: 11.06.2023.

Принята к публикации: 26.07.2023.

Review

REVIEW OF THE MONOGRAPH:

Telepen S.V. “The commander and his soldiers (Principate period). Military Leadership in Ancient Rome». Mozyr: MSPU named after M.P. Shamyakin, 2020. 196

Alexandr P. Belikov¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0012-3031> E-mail: abelikov@rambler.ru

For citation: Belikov A. P. Review of the monograph: Telepen S. V. “The commander and his soldiers (Principate period). Military Leadership in Ancient Rome». Mozyr: MSPU named after M. P. Shamyakin, 2020. 196 p. Humanities and law research. 2023;10(3):546–549. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The review was submitted: 05.05.2023.

Approved after reviewing: 11.06.2023.

The review was accepted for publication: 26.07.2023.

Принципат является одним из важнейших переломных периодов римской истории. К тому же, в отличие от некоторых других эпох, он достаточно хорошо обеспечен историческими источниками, не только нарративными, но также и эпиграфическими, археологическими, нумизматическими, иконографическими. Именно поэтому количество исследований о нём весьма значительно, как в зарубежной, так и в отечественной историографии, и продолжает непрерывно пополняться.

Однако по отдельным узкоспецифическим аспектам этой многогранной темы русскоязычных

работ не так много. Особенно касающихся вопросов статуса военных лидеров и их взаимоотношений с рядовыми воинами.

Именно этому сюжету и посвящена книга Сергея Валерьевича Телепня. Рецензируемая работа состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка сокращений и списка использованной литературы.

Во Введении (с. 5–13) кратко, но чётко сформулированы актуальность темы и цели данной работы. Дается историографический обзор, в котором анализируются основные, наиболее

важные исследования. Однако характеристика исторических источников занимает всего полторы страницы, поэтому выглядит она слишком краткой.

В первой главе «Армейский социум и полководческий статус в условиях становления «республиканской монархии»» (с. 14–42) автор исходит из оправданного тезиса о том, что единоличная власть полководца во многом опиралась именно на верные лично ему войска, традиции чего были заложены ещё в поздне-республиканское время. Поэтому он кратко анализирует само становление воинского корпоративизма после реформы Мария. Сотрудничество воинов и нобилей было взаимовыгодным, но за лояльность своей власти командующий вынужден был идти на демонстративные уступки армии, а прежде всего – реально заботиться об её повседневных нуждах и потребностях. Без усвоения этого обстоятельства будет сложно понять всю последующую историю взаимоотношений командира и подчинённых.

Касается это и дискуссионного вопроса о разрешении легионерам обзаводиться семьями. И хотя формально это было категорически запрещено, на самом деле жены воинов часто сопровождали своих мужей даже на марше, не говоря уже о том, что любое стационарное укрепление быстро обрастало целым пригородом, состоящим из ремесленников, торговцев, маркитанток и «семей военнослужащих». Командование обычно «закрывало на это глаза», их подчинённые это ценили и отвечали благодарностью и демонстративным служебным рвением, что и являлось дополнительным фактором укрепления дисциплины и воздействия на далеко не всегда лёгкую в управлении сконцентрированную в одном месте массу воинов.

Важным элементом пропаганды «морального единения» полководца с войском считалась не только дисциплина, наказания за её нарушения, всяческие поощрения лучших, но и установление доверительных, даже «дружеских» отношений между командирами и подчинёнными. Именно поэтому «показательны свидетельства о наличии у солдат заинтересованности в хорошей репутации в глазах командиров, особенно что касается мнения императора» (с. 30).

С другой стороны, как справедливо отмечает автор, и военачальники всячески старались укрепить свой авторитет среди подчинённых, в том числе – и личной смелостью на полях сражений. Это и создавало ту особую атмосферу, которая и является спецификой римского военного духа, мало свойственной многим армиям последующих веков.

Отсюда же идёт установившаяся ещё до начала Принципата норма восприятия: атрибутом политической власти непременно должно являться военное лидерство политического деятеля. Взаимное уважение между властью и армией считалось необходимым и обязательным.

Поэтому совсем не случайно, что периоды смут и гражданских войн происходили именно при правлении тех императоров, «чья полководческая репутация была сомнительна» (с. 37).

Вторая глава рассматривает проблемы римского понимания знатности вообще, и, конкретно, корпоративные взаимоотношения нобилей именно в связи с военной деятельностью (с. 43–82). Начинается она с очень тщательного анализа того, что понимали под терминами *nobilitas* и *nobiles* в исследуемую эпоху. Решение данной задачи, несомненно, будет способствовать лучшему пониманию социокультурной сути римского нобилитета и в целом закономерностей римской истории (с. 49). На наш взгляд, несмотря на всю дискуссионность и сложность данной проблемы, автор мог бы шире и чётче выразить своё собственное мнение, которое, скорее, только обозначено.

Далее довольно кратко исследуется аристократическая система ценностей. Этот раздел сделан очень добротным, но, очевидно, тоже нуждается в расширении и более широких выводах самого автора. Также самое можно сказать и о только затронутой интереснейшей теме, насколько военная и, особенно, административная деятельность – воспринимались как обязательный фактор аристократической идентичности.

Отдельно, и достаточно подробно, разбирается вопрос об условиях и результатах реализации полководческих амбиций римской знати. В том числе – на примере такой выдающейся личности, как Агриппа (с. 68–75).

Касаясь мало изученного в отечественной историографии вопроса о таком специфическом явлении, как семейное окружение представителей римского армейского социума, автор делает ряд аргументированных выводов. Особенно важным представляется констатация им тенденции, безусловно набирающей силу при правлении Августа и Тиберия, и характерной для всего периода Принципата: императорская власть всё более стремилась ограничить влияние семейного окружения командиров на дела военного командования (с. 82). Добавим – и самих военачальников тоже, которые отныне должны были стать только послушными проводниками воли принципсов, всецело зависимыми от них, и фактически лишёнными права принимать самостоятельные решения даже в критической ситуации.

Третья глава посвящена аспектам карьеры римского полководца (с. 83–105 – В Оглавлении ошибочно указана с. 102 – А. Б.). Здесь последовательно и глубоко разбираются такие этапы служебного продвижения полководца, как виокурат, преторианская префектура, влияние меритократических тенденций на степень успешности карьеры. Аргументированно обосновано, что прежняя знать начинает тесниться набирающими политический вес выходцам из провинций, мало

связанным своим происхождением со старым республиканским нобилитетом (с. 102). Дискуссионным, на наш взгляд, является утверждение автора, что происходила настоящая «смена элит», но представители древних родов действительно были заметно потеснены новыми амбициозными людьми, что заметно и в военном деле тоже.

Бюрократизация римской государственной машины, безусловно, тоже влияла на это обстоятельство. Вероятно, здесь же следовало рассмотреть вопрос, насколько это повлияло на качество управления державой, и реально – сколь успешно проявляли себя «новые люди» как в военной, так и в административной сфере. В историографии высказываются различные, и даже взаимоисключающие мнения на этот счёт, поэтому было бы желательно уделить этому больше внимания.

Глава четвёртая «Профессионализм и полномочия полководца» (с. 106–124) посвящена количественному и качественному составу того, что автор условно определяет как «офицерский корпус» и «генералитет» римской армии. Проводятся неожиданные, но уместные и совершенно оправданные аналогии с вооружёнными силами современных стран. Вообще, это одна из самых интересных глав монографии.

Не вызывает возражений и конечный вывод автора: система специальной учебной подготовки будущих командиров в Риме отсутствовала, но не только для средних и высших командных постов основным требованием было наличие непосредственного личного боевого опыта и навыков командования более или менее крупными воинскими подразделениями. Это было обязательным требованием и для младших командиров, вырастающих из рядовых легионеров. Видимо, в этом во многом и кроются успехи римской армии на полях сражений. Ведь никакие «военные академии» не способны заменить тот практический опыт, которым обладают только «полевые командиры», лично прошедшие через «мясорубку рукопашного боя», выжившие при этом, сумевшие сохранить своих подчинённых, и, самое главное – обеспечить победу. Которая, кстати, считалась «настоящей» только в том случае, если достигалась ценой малых потерь армии.

Такие требования к командирам оформились ещё в период Республики, и, по крайней мере, почти до конца Принципата оставались действующими. В период Империи ситуация во многом изменилась, и тогда армию могли доверить очередному фавориту из царедворцев, не обладавшему необходимыми качествами для полководца. Но и на военных успехах Империи это сказалось самым негативным образом. Автор справедливо отмечает, что эта уже более поздняя тенденция объясняется опасениями императоров создать сильного и умелого военачальника, который мог бы представлять опасность для его личной власти.

Но победы римского оружия в эпоху Принципата опирались именно на сохранение принципов республиканских аристократических традиций (с. 124).

Пятая глава, «Римский полководец: суть и аспекты командования» (с. 125 – 157) посвящена столь же недостаточно разработанным в нашей историографии вопросам, как *Vultus* военачальника, проблемам военной логистики, снабжения войск продовольствием, оружием, и организацией армейской медицинской службы, т.е. – прямым заботам о здоровье и благополучии воинов. По римским понятиям, это было одним из важнейших показателей добросовестности и профессиональной пригодности командира любого ранга. Исторические источники дают об этом довольно мало информации, тем ценнее, что столь насущным аспектам «военной повседневности» уделена целая добротная написанная глава.

Отдельно разбирается и непосредственная боевая подготовка легионеров, её механизмы и смысл обучения, личная роль полководца во всём этом (с. 157–167). Который не только руководил обучением воинов, но и постоянно лично контролировал ситуацию, не передоверяя её на усмотрение и ответственность младшим и средним командирам.

Заключение (с. 168–172) подводит итог всему исследованию, и содержит краткие (даже слишком краткие) выводы по всем поставленным проблемам. Оно далеко не в полной мере раскрывает реальные достижения автора и его личный конкретный вклад в решении многих действительно принципиально важных аспектов заявленной темы. Исходя именно из этого, оно должно было быть намного пространнее.

Список сокращений (с. 173–177) впечатляет своей основательностью, показывает владение автором как материалом исторических источников, так и научной литературой, в том числе новой и новейшей.

О том же свидетельствует многостраничный Список использованной литературы (с. 178–195), отечественной, и зарубежной, с вполне понятным для данной темы явным преобладанием литературы на иностранных языках.

В целом, делаем вывод, что представлена очень фундаментальная работа на актуальную тему.

Замечаний, как таковых, пожалуй, нет. Но можно высказать несколько рекомендаций и пожеланий, хотя и отражающих чисто личное восприятие рецензента:

1. Некоторые разделы монографии следовало бы существенно расширить.
2. При анализе некоторых наиболее дискуссионных проблем хотелось бы видеть более чёткую и даже более жёсткую личную позицию автора.

3. Что касается консульства и командования армиями в период Республики, справедливости ради можно было отметить, что и тогда были случаи, когда Комиции избирали консулами популистов и демагогов, не обладающих талантами полководца, но «угодных римскому народу». Общеизвестно, к каким трагическим поражениям римской армии это иногда приводило.
4. Представляется не совсем уместным употребление слов «солдаты» и «офицеры» применительно к античной армии.

Несмотря на эти пожелания, следует признать, что мы имеем дело с очень основательным и добротным исследованием. Книга написана хорошим литературным языком, и даже несмотря на всю сложность анализируемых терминов и проблем – читается легко и с интересом. Она будет полезна не только специалистам, но и всем, интересующимся военным делом и историей античности.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2023. Том 10. № 3

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. 2023. Т. 10. № 3. 198 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.09.2023

Дата выхода в свет 29.09.2023

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 23,02	Уч.-изд. л. 22,48
Бумага офсетная	Заказ 52	Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2